

Тулепберген Каипбергенов [1]

ДАСТАН О КАРАКАЛПАКАХ

Трилогия

Том 2

НЕПРИКАЯННЫЕ

Книга вторая

Перевод с каракалпакского

1

Опять пришел год ожиданий, и обозначен был он годом 1806-м...

Не все дни нанизались еще на цепочку времени, лишь половина, и та неполная. И были они одинаковыми, эти дни, и начинались с того, что пастух Доспан до солнца приходил на тырло, сбитое копытами так, что дымилось на ветру пылью, втыкал посох в бугорок, вешал на него свою войлочную шляпу, черную, как воронье крыло, и кричал на всю степь:

- Гоните скот!

Может, и не на всю степь - велика больно, - а только на краешек ее, где стояли юрты аула Айдоса, но и на это силы надо было много Доспану: шалаши да мазанки степняков разбрелись бог знает для чего по всей равнине.

То утро началось, как начинались все до него, с крика Доспана. И, наверное, тем бы кончилось, да слишком рано, должно быть, прокричал пастух, потому что, прежде чем крик донесся до края селения и разбудил степнячек, его услышал кто-то другой, кому вовсе не предназначался. Услышал и процедил зло за спиной Доспана:

[1] Тулепберген Каипбергенов – Народный писатель Каракалпакстана и Узбекистана. Герой Узбекистана. Лауреат Государственных премий СССР, Узбекистана, Каракалпакстана. Лауреат Международных премий имени Махмуда Кашкарый, Михаила Шолохова, а также премий ВЦСПС и Союза писателей СССР. Победитель конкурсов газеты «Правда» и журнала «Крестьянка». Хаджи.

- Поттише, несчастный!

Злое слово могло напугать Доспана, а не напугало. Удивило только: кто в такую рань оказался у тырла? Повернул голову, не торопясь, - куда торопиться, хозяин он тут - и увидел, что прямо к тырлу едет на лошади человек и гонит впереди себя двух степняков, связанных по рукам. Не услышь плохого слова, не обратил бы Доспан внимания ни на всадников, ни на связанных людей - теперь часто прогоняли по степи воров, время такое: голод и разбой, но услышал, и отозвалось злое слово в Доспане обидой. За что это ему прозвище «несчастный»? Вроде бы камень острый упал и ушиб больно. И боль стала томить душу Доспана. Вот ведь как: жил на свете, не гадал не ведал, что он несчастный. Пустое вроде слово, и кем брошено: не всадником, что на добром коне, конь поднимает человека над человеком, а пешим, избитым и связанным, понукаемым как скот. Горше доли, чем доля пленного, нет, а вот считает себя счастливее Доспана. Выходит как в поговорке: «Падающий смеется над спотыкающимся».

- Не огорчайся, братец, - сказал всадник, когда конь его вступил на тырло и поднял пыль копытами. - Поганый язык чего не бросит! Каждого встречного эти воры пачкают грязью своих слов.

Сказал и тем вроде бы осудил зло человеческое, творимое без надобности, в усладу лишь своему ожесточенному сердцу. Осудил, а слово не снял с Доспана. Прилипчивое слово. Пыль улеглась на тырле, и конь и люди ушли за холм, будто и не было их рядом с Доспаном, а он все мучился обидой и мысль возвращалась к пережитому только что. Не кричал: «Гоните скот!», хотя и был на тырле, чтобы собрать его, разбудить степнячек, если они проспят восход солнца.

Из-за глупого слова забыл все Доспан. И даже когда согнали скот и он повел его в степь обычной тропой, слово не оставило Доспана. «Почему я несчастный? - спрашивал он себя. - Почему?» Нет-нет да и оглядывался Доспан и искал глазами тех, кто обидел его, и вослед им шептал то, что не сумел сказать, когда они были рядом, достойное и тоже злое, уничтожающее обидчиков,- запоздалое оно всегда умнее и достойнее, но высказать его некому, ушей-то тех нет, кому предназначено.

Вот ушли обидчики, затерялись где-то среди юрт и мазанок, и сколько ни шепчи проклятий, не долетят они до цели, не долетят, как камни, брошенные в пустоту. От досады, от бессилия своего куснул палец Доспан, куснул до боли, до крови. «Эх, вернуть бы время рассвета,

встретить бы снова идущих к тырлу, связанных и понукаемых, плюнуть им в лицо за обидное слово!» Так шептал, так думал Доспан, да не вернешь время, минуло оно, ушло, как вода в песок.

Стадо уже топтало траву, брало зелень из-под копыта, набивало утробы свои ненасытные. Все было как вчера, как третьего дня, как всегда. И Доспану надо было принять это постоянство, взойти на бугор, насыпанный им же ранней весной, сесть там или лечь, подстелив под себя чекпен, и поглядывать то одним, то другим глазом на стадо. А он не лег и не сел. Как взошел, так и стал там, словно воткнутый посох пастуший. И стал думать о своей судьбе.

Двадцатое лето лишь встретил Доспан. Мало это и много для степняка. Мало потому, что не успел стать хозяином, жену не привел в дом, юрту не поднял, хотя руки крепкие, бычка молодого свалят. Мало, значит, двадцати лет. А много потому, что всякое повидал Доспан, лиха одного хватило бы на сорокалетнего. И с одного, и с другого бока подбирались несчастья, успевай отмахиваться. От чего-то отмахнуться не сумел. Беды - они разные, иная так подомнет, что кости трещат и солнце в ясный день кажется черным. Ну да неприхотлив человек! Живет который год с черным солнцем отец Доспана, слепой Жаксылык.

Доспан у него единственный сын, как был единственным сыном Аманлыка и сам Жаксылык. Может, и прежде в роду шли единственные сыновья, да не знает жизнь своих предков Доспан. Счет ведет от Аманлыка, друга и сподвижника славного Маман-бия. Что было прежде, развеяли ветры. Ведь ничто не остается в степи после ветра - лишь песок да янтак, корнями ушедший в глубь земли. Ветер набегов смел аулы каракалпакские, погнал народ с родных мест к далекому Аралу. И если бы весенним, напоенным теплом был тот ветер, сбереглись бы многие, и Аманлык сберегся бы: кто несет на руках сына, тому сам бог велит жить. Но то был ветер зимы, лютый как зверь, не щадил, не миловал, убивал и холодом, и голодом, и ножами разбойных соседей. Упал под тем ветром Маман-бий, не дошел до моря и Аманлык. Не видать бы синих волн и Жаксылыку, да, чуя свою смерть, Аманлык продал мальчишку баю. Не за горсть муки просяной: что мука, когда нутро холодеет и силы гаснут, как огонь на ветру! Бог с ней, с просяной мукой, с куском мороженого мяса, что бросил бай Аманлыку. Сын будет жить - вот какова плата.

К морю вышел Жаксылык невольником. Доля невольничья несладка, но не попытался мальчишка избавиться от нее, как не

попытался и облегчить ярмо, надетое хозяином. Трудился много. Первым встречал зарю, последним провожал ее.

Каким каракалпаков Айдос-бий по велению времени или по побуждению сердца - кто теперь знает! - решил сделать Жаксылыка своим помощником - трудолюбив и честен Жаксылык. И, наверное, сделал бы. Близкие бия, однако, не посчитали трудолюбие и честность богатством, достаточным, чтобы быть рядом с бием, не хватало знатности Жаксылыку. А где добудешь знатности, если в жилах твоих течет кровь простолюдина! Копать землю, сеять просо - вот твое дело. К земле и приставил сироту Айдос. Однако человек на земле сам по себе и держится. Подует ветер, сорвет с места и погонит по степи как перекасти-поле. Ему надо корни пустить. Помог бий Жаксылыку вырыть землянку, женил его на горбатой девушке и тем привязал сироту к земле. Еще крепче стала привязанность, когда родила ему жена сына, наследника.

С того года, а может, с того дня признал Жаксылык себя счастливым, и уже другие дни и другие годы, какими бы черными и печальными ни были, не гасили доброго света в душе Жаксылыка. Даже когда умерла жена, оставив на руках его пятилетнего Доспана, он утешал сына: «Не плачь, ягненок мой. Плачут несчастные, а ты, имеющий отца, счастливый...»

Так уверовал в свою счастливую долю Доспан. От отца принял и тот свет надежды, с которым и лихо кажется не лихом, и беда не бедой. Сам-то отец этот свет обронил - ослеп Жаксылык. Вечная ночь настигла его, когда сыну едва минуло двенадцать.

Тьма не ожесточила, однако, сердце Жаксылыка.

- Не все отнял у меня всевышний, - рассудил он мудро. - Оставил сына, ягненокка моего. Это ли не великое богатство в мире утрат!

Те же слова сказал и Айдосу, когда Доспан привел его к бийской юрте:

- Не поводирем родился сын мой, дай ему дело, бий!

Другому бы отказал Айдос, а безглазому не мог. Как приставил когда-то Жаксылыка к земле, так приставил сына его к скоту.

- Пусть стережет стадо!

Не его, бия, стадо получил Доспан, - бийский скот пасли именитые пастухи, не юнцы, как Доспан, и не дети безглазых. На краю аула стояли тридцать мазанок и юрт. Там нашлось и стадо для мальчишки. Большое ли, малое ли, не в том суть. Могли кормиться из хозяйских рук и отец и

сын - вот главное. Голод-то уже стучался в дверь Жаксылыковой землянки. Прогнал голод Айдос-бий.

И снова заговорил о счастье Жаксылык:

- Когда в руках степняка пастуший посох - он человек. Обронишь его - упадешь сам.

Не ронял посох Доспан, твердо стоял на ногах и считал себя человеком.

А они, лежащие на земле, связанные, ровно скот, арканом, называют его несчастным. Проклятые!

Он поднялся еще выше на свой холм, на самый гребень, и пожалел, что не много, не больно много земли насыпал, не дотянул до холки коня, тогда бы с самого далекого края аула увидели бы степняки вставшего с посохом счастливого Доспана.

Думы куда не заведут человека! Вознесясь над землей, Доспан перестал видеть и степь, и аул, и стадо, лишь небо раскрылось перед ним. А оно в те часы было ясно и бездонно. Сколько ни гляди, ничего не заметишь, лишь синеву и редкую птицу на нем.

Человек верит, что в степи он один. Верил и Доспан. Ошибся. Второй уж раз за день. Была еще душа, и была рядом. Когда глядел на небо Доспан, чьи-то ладони закрыли ему глаза. Не испугался он, как в первый раз, да и способны ли напугать юношу девичьи руки - они бывают такими тонкими и нежными.

Снять бы их с глаз, обернуться и увидеть лицо той, что подкралась тихо. А не снял Доспан чужих рук, - напротив, прижал их еще крепче к глазам. И дерзкой степнячке не позволил оторвать ладошки.

- погоди! Дай угадать, кто ты!

Что ж, подождала. Для того и подкралась, для того и закрыла глаза джигиту, чтобы угадал и чтоб потом посмеяться над недогадливым.

И посмеялась. Молчал Доспан. Не смог назвать ни одного девичьего имени. То ли не знал, то ли имена не подходили к той, что ослепила его нежными ладонями. Посмеявшись же, убрала руки, звякнули при этом серебряные браслеты на запястьях. Теперь смог оглянуться Доспан и увидеть красавицу. Кого еще рисует в мыслях ослепленный пастух - только пери! И перед ним оказалась верно пери. В образе Кумар, дочери старого Есенгельды, знатного и богатого степняка, бывшего советника хивинского хана, а ныне перешедшего на ступень бия. Человека белой кости и голубой крови. И дочь унаследовала эту голубую кровь. Лунолика, брови - крылья ласточки, ресницы - стрелы. Глаза

огромные, и в них пламя, пепеляющее душу джигита. Не смотри в них - погибнешь!

И не глянул Доспан, опустил голову, зарделся весь, как девушка перед парнем, онемел от смущения и радости. Руки-то Кумар были на его лице, касались век Доспана. И он держал ее ладони в своих руках.

- Скажи, Доспан, - между тем спросила Кумар, лукаво поглядывая на пастуха, - скажи, напугался ведь? Ну!

Мог бы сказать, что напугался, - перед дочерью бия должен оробеть пастух, и ей хотелось такого признания. Но это была бы неправда. Не испытал страха Доспан. Напротив, радовался. И в те минуты, когда девичьи руки закрыли его глаза, душа затрепетала от какого-то сладостного предчувствия счастья.

Но слово «нет» не произнеслось, обидело бы оно дочь бия, и Доспан произнес другое:

- Откуда знаешь мое имя?

Лукава была Кумар, дня не прожила бы, не смутив душу кого-нибудь джигита, а такого наивного, как Доспан, за грех посчитала бы не одурманить.

- Кто же в ауле не знает Доспана! С холма, на котором ты стоишь, девушки глаз не сводят.

Приворотное зелье, на котором обильно настояны были слова Кумар, сотворило свое дело. Запылал в огне смущения Доспан.

- А имя-то мое кто назвал?

Улыбнулась широко Кумар, и коралловые губы ее зацвели на смуглом лице.

- Мыржык.

Мыржык - младший брат Айдоса. Не больно приятно слышать о нем из уст Кумар. Да ничего не поделаешь, - кому, как не бию, разговаривать с дочерью бия. Видел их вместе как-то Доспан, скачущих на конях по степи, по высоким весенним травам. Может быть, тогда и спросила Кумар Айдосова брата о пастухе, стоявшем на холме ровно посох, воткнутый в землю.

- Я у него спросила про тебя, а он может у тебя про меня спросить, - все еще улыбалась весело и непринужденно Кумар. Лукаво пояснила: - Так ты не дай ему знать, что я была здесь. Промолчи!

Еще большим дурманом обволокла слова свои Кумар. Пошла кругом голова Доспана. О чем просит пастуха биева дочь - сохранить в

тайне их встречу... Скажет ли он кому-нибудь о ней? Умрет - рта не раскроет.

- А чтоб не дрогнули твои губы, прижми их серебром, - протянула Кумар пастуху монету.

- Зачем деньги?- хотел запротестовать Доспан, но не посмел, слишком ласково смотрели на него глаза Кумар.

И, повинувшись взгляду, он раскрыл ладонь, и Кумар положила в нее серебряную монету.

Все было удивительным в то утро, и эта монета тоже. Никогда не прикасался к серебру Доспан, а теперь держал его в руке и, зачарованный, не спускал глаз с белого кружочка.

Не в серебре ведь дело... Могла быть медь, просто камень мог быть, песчинка ничтожная, упавшая случайно на ладонь, но брошена она Кумар, потому дорога, потому волшебна, способна зачаровать джигита.

Таким уж родился пастух. Что привлечет его глаз, от того не оторвется: солнце зайди, туча пролейся дождем, ветер пронесись ураганом, не заметит Доспан ничего, будто оглох и ослеп. Так подошли к нему на заре связанные по рукам воры, так подкралась только что Кумар, так подъехал бий Айдос. Подъехал на своем коне, который не умел ходить тихо.

Подъехал и стал ждать, когда обернется пастух и увидит бия. Но разве дождешься такого! И Айдос окликнул пастуха:

- Эй, турангиль!

Он назвал Доспана тополем не потому, что тот был высок и строен, а потому, что стоял недвижимо, как дерево в безветрие, и, кажется, не чувствовал и не слышал ничего. Голос бия, однако, разбудил Доспана. Сладостный сон разом покинул парня, и он слетел со своего холмика прямо к морде бийского коня. И когда слетел, то обронил тот самый серебряный кружочек, что подарила Кумар. Сразу-то и не заметил, что обронил. Не до монеты было. Строго и как-то с укором смотрел на парня бий. И спросил совсем не то, что обычно спрашивают у пастуха:

- Кто эта чаровница?

Опешил Доспан. Не сразу пришли на ум слова, которыми надо было ответить бию. Да и к месту ли они пришли бы, смогли бы стоять рядом с «чаровницей»...

- Что молчишь, деревянный? Или язык отняла у тебя эта плутовка?

- Нет... - с трудом выдавил из себя Доспан.

- Коли нет, так назови имя!

- Кумар, - весь обливаясь краской смущения, произнес Доспан.

- Кумар, дочь Есенгельды...

- Ха, потерявшего разум старика...

«Не потерял разум Есенгельды, - воспротивился мысленно Доспан. - Был Есенгельды, как сейчас Айдос, хакимом, сошел, верно, до степени бия, ну да с кем не случается беда! Разум тут ни при чем». Только мысленно возразил Доспан, ничем не выразил своего несогласия - ни жестом, ни взглядом, но бий догадался, что думает пастух, и сказал:

Только потерявший разум посадит дочь на коня. Это место - сына.

«Верно, сын есть у Есенгельды, - опять воспротивился Доспан. - Однако сидит в седле Кумар по праву: ловка и смела. Не всякий джигит поспорит с ней в скачке. А уж хороша, равной нет в степи...»

И снова прочел тайное Айдос, теперь по той краске смущения, что облила лицо Доспана:

- Красота ее - несчастье и коню, и джигиту. Вон как нахлестывает буланого, так будет хлестать и мужа... Красивая жена все равно что бородавка на лбу: не сотрешь, не срежешь, терпи, прикрывай на людях шап кой...

Мудрые слова произнес бий, да не перед кем надо. Произнеся же, понял: оплошал. И не вернешь сказанного, ушло, как вода в песок. Еще понял, что заметил пастух непростой интерес Айдоса к красавице Кумар, и волнение его сердца услышал, а это было унижительно для бия.

В досаде хлестнул с ожесточением коня Айдос и поскакал. Не вслед Кумар, не в камыши, где скрылась красавица, а к аулу, к юрте своей.

Удивленный, смотрел Доспан на всадников, поочередно переводя взгляд с камышей на аул и с аула на камыши, которые, словно морская гладь за лодкой, обозначали путь коня.

Вот ведь какой день, рассудил Доспан, три ветра гуляют нынче в степи, и все разные: один несет обиду, другой - радость, третий - удивление...

Но не удивление, не обида жили сейчас в душе пастуха, только - радость. И Доспан боялся, что покинет она его вместе с Кумар, исчезнет где-то в камышах. Он вспомнил про монету: где она? В руке ее не было. Он испугался и стал бегать вокруг холмика, отыскивая белый кружок. Искал старательно, падал на колени, раздвигал стебли трав, шарил руками у корней. Выбился из сил вконец и вдруг увидел белый кружок между пальцев своих ног: он торчал как стебелек меж зубьев бороны

(босые ноги Доспана точь-в-точь деревянные - бороны). Обрадовался Доспан. «Счастливый... счастливый я. Лгут называющие меня несчастным. Сами несчастные».

Можно было поблагодарить бога за удачу, но он не связывал происходящее со всевышним. Все было земным, и по- земному следовало отнестись к подарку Кумар. Доспан спрятал монету туда, где был хлеб, - в торбу, а хлеб вынул, чтобы утолить голод. Время-то подходило к полудню. Стадо легло на отдых, мог передохнуть и пастух - присесть на бугор, согнуть затомленные ноги, пожевать хлеб. Только не положено пастуху нежить себя ни в завтрак, ни в обед. Нет пастуха - нет стада, в одной руке посох, в другой загара -лепешка из джугары. Обопрется о посох, чтобы легче ногам было, примется за лепешку. Так сделал и на этот раз Доспан: оперся на посох, отправил загару в рот.

Нет, не отправил. Не успел. Такой день выдался. За - что ни возьмется Доспан, все обрывается. У самого рта кто-то схватил руку пастуха. Схватил - как аркан накинул. Накинул и затянул петлю - не пошевелить.

Тут гадать, кто за спиной, не приходилось. Руки не Кумар, нежные и тонкие, - лапы верблюжьи, грубые, сильные. Аркан - и только!

- Эй, Жандулла-гурре! - сердито сказал Доспан. - Оставь свои шутки!

- А я не шучу. Бог велит делиться с сиротами всем, что предназначено для живота, - ответил тот, кого назвал пастух Жандулла-гурре, то есть Жандуллой Осленком.

- Что-то со мной никто не делится, - отбросил руку Доспан, хотя и нелегко было это сделать - верблюжья лапа тяжела.

- Ха-ха! Нам нечем с тобой делиться, мы сироты. Возле нас не останавливает своего коня старший бий Айдос.

Жандулла в самом деле был сиротой, и не простым сиротой, а вожакom целой стаи таких же, как и он, бездомных и обездоленных. Из разных аулов стянулись они к нему, вырыли землянку, похожую на волчью нору, и жили в ней, совершая набеги на поля и бахчи аульчан. Собирали вроде бы дань со степняков. От Доспана они получали молоко, называя это платой за траву, что поедают коровы и овцы, - степь-то им, сиротам, принадлежала! За молоком и явился сейчас? Осленок. Рядом с ним стоял мальчонка лет десяти, держа в руках пока пустые тыквенные кувшины - аузкабаки. Их надо было наполнить парным молоком. Не Доспан это делал. Сироты освобождали пастуха от этой обязанности, он только указывал коров, которых можно подоить,

а уж остальное делали сами помощники Осленка - доить пеструх они умели.

Упоминание об Айдосе задело Доспана.

Будто остановив коня рядом, бий превратил меня из пастуха в хозяина стада.

- Не превратил, но помог глазам твоим заплыть жиром. Ты не видишь голодных. Мы с утра ничего неели, ждем, когда проклятый бий уедет отсюда.

«И этот хочет унижить меня, - обиделся Доспан. - Что за день, в котором все меняется: то обдает теплом, то холодом. Однако, подставив один раз холодному ветру лицо, надо ли подставлять и второй...»

- Отныне, - строго произнес Доспан, - забудьте, братишки, тропу к моему стаду. И аузкабаки наполняй те молоком в другом месте.

Давно бы надо было сказать такое Жандулле, да почему-то не сказывалось: то ли жалел сирот, то ли боялся. Наверное, и то и другое. Больше боялся. Они ведь - как волки, голодные сироты, задушат. Теперь, сказав, Доспан не решался поднять глаза на Жандулла. Злой, должно быть, Осленок, и злость вся на лице - сморщенный лоб, брови сведены к переносице, рот перекошен.

- Почему забыть тропу? - не сказал - прошипел Жандулла.

- Не хочу обманывать хозяев. Кто дает хлеб, тому и служить надо.

Взъярился Жандулла:

- Не утолим голод молоком пеструх, насытимся твоей кровью. Прикажу сиротам разделить тебя на двенадцать частей и разбросать в двенадцати местах, да так, что и отец твой никогда не найдет.

Страшной была угроза, но не она напугала Доспана, об отце подумал он.

- И одну не найдет, слепой ведь...

- Вот. Будет вечно лить слезы по потерянному сыну...

Покачал головой Доспан:

- Чему быть, того не миновать. Делайте как хотите. Жандулла дал пинка мальчонке и погнал его к норе, где жили сироты. Сам пошел следом. Не оборачиваясь, бросил пастуху:

- Берегись, Доспан!

* * *

Три долгих месяца был вдали от аула своего Айдос Покидал белую юрту полный тревоги и надежды, возвращался же вконец потерянный. К тревоге прибавилась и обида. Думы, одна мрачней другой, одолевали бия. Ехал он будто в погребальном паланкине, мучился мукой безутешной. Лицом был сер, в глазах будто смерть стояла.

Еще когда молодой, став бием, сел Айдос на коня, отец его собрал стариков и попросил напутствия сыну. Много мудрого высказали старики. На каждый день, на каждый случай получил совет молодой бий, и на такой тоже: не делись с ближним сокровенным. Когда глава племен говорит мало, он подобен сундуку, полному тайн. Каждый хочет открыть его. Позволишь сделать такое, не останется ничего от твоего величия, опростишься, глава твоя сравняется с головами стоящих рядом, как у овец в отаре.

Помнил этот совет Айдос. Следовал ему непрекословно. Едва ступили кони на родную землю, стремянного своего, который тридцать лет седлал его коня и состоял при Айдосе и помощником, и советником, и доверенным, отправил в племя кенегес. Мог бы и не отправлять, надобности великой не было, но не хотел оставаться наедине со стремянным. Заботливый и настороженный глаз Али вот-вот приметит душевную боль бия, будет терзаться и тем вконец расстроит Айдоса.

Али хоть и близкий, преданный человек, а не бий, и не след знать ему, что думает, чем мучается Айдос. Страдающий властелин - не властелин уже. Боль и смятение - удел слабых. Никогда не должен слуга видеть своего хозяина слабым. Потому - прочь с глаз, верный Али. Один перенесу боль, а если уж должен быть свидетель, то пусть им будет родная степь.

Степи, вольному степному ветру и отдал свои думы горькие Айдос. Клял в душе неблагодарного хана, двор которого покинул только что: «Войдешь во дворец гор дым конем, а выйдешь побитой собакой».

Неблагодарность хана более всего гневил Айдоса. - Сколько доброго было сделано для властителя Хивы, сколько преподнесено даров! И забыто, попрано, будто - прах. Не хана ли выручал не раз бий, гибель его предвещал. Где бы теперь царствовал - на могильном холме, и не золото бы пересчитывал в сундуках, а свои белые кости.

Во всех набегах хана на соседние земли участвовал Айдос. Бился, как все, и, как все, не щадил живота своего. Многие легли, мог лечь и бий каракалпакский, да выручала сила и находчивость. Последний поход едва - не окончился печально и для Айдоса, и для самого хана.

Остановили их хивинское войско у своих стен храбрые защитники вражеского города. Взять город приступом не удавалось, хивинцев отбрасывали, и мертвые тела нукеров усеяли песчаные холмы. Отступая, хивинцы едва не смяли шатер самого хана. Разгневанный, он приказал посадить на кол сотника, что вел первую цепь, и остальным пригрозил тем же. Угроза хоть и не рас пространилась на еликбаши - Айдос был пятидесятником, - но могли и его нукеры отступить. А кол принимал одинаково и сотников, и пятидесятников.

О наказании, однако, не думал Айдос, когда вошел в шатер и, сложив почтительно руки на груди, сказал хану:

- Кот берет волка, если рядом хозяин. Подними знамя впереди нас, и отвага воинов умножится.

Поднял знамя хан, хоть и не впереди, за третьим рядом, но поднял, а когда поднял, сказал зло Айдосу:

- Знай, каракалпак: не возьмем город - лишишься своего красноречивого языка.

Не лишился Айдос языка: взяли город. Правитель, видя ярость и бесстрашие хивинцев, открыл ворота перед ханом, попросил мира.

Мог бы поблагодарить каракалпакского бия за мудрый совет - мало ли вывезли из того же несчастного города и золота, и серебра, и камней дорогих, но не - в серебре и камнях суть, без драгоценностей есть мера благодарности - похвала, слово простое... Так не нашел такого слова хан. В его поганом хурджуне одни грязные слова, ими и наградил каракалпакского бия, бросил их - ему вслед, когда съезжал с ханского двора Айдос. А перед тем показал бию новый, вырытый по ханскому указу зиндан - подземную темницу. Показал, чтобы напомнить об участи каждого, кто подвластен Хиве.

- Хороша ли?

Айдоса озноб пронял, такой страшной показалась ему яма.

- Бездонна и темна, как ваши мысли.

- Ошибаешься, каракалпак, ясна моя мысль. Яма и казна ханства пусты. Три месяца - немалое время, чтобы наполнить или казну, или яму. Поторопись, каракалпак!

Ничего не сказал в ответ Айдос, хотя слов гневных было много и едва держались они на кончике языка. Теперь в пути они сорвались и оказались такими страшными, что самого Айдоса приводили в трепет. Услышит кто - подставит голову под ханский меч: и говорящего и внимающего вина одна и наказание одно.

Однако самыми страшными были не те слова, которые родились в обиженном сердце у края ямы, а те, что появились здесь, в степи, на вольном ветре. Крамольные слова: «На твоём бы месте, хан...» Не слова даже поначалу, а мысль только, желание справедливости. «На твоём месте, хан, я поступил бы иначе...»

Осудил вроде хана всего лишь. Но было что-то и не от осуждения властителя Хивы. Отречение от него. А оставшись один, бий привел в пример себя: «Я бы...» Это «я бы» прицепилось почему-то к Айдосу и уже не хотело покидать. Честно вел себя Айдос, прогонял «я», отбивался на какое-то время, на мгновения, вначале долгие, а потом короткие; ему удавалось отбиться. Однако оно, это «я бы», возвращалось и уже не желало уходить. Прилипло как слепень, не оторвешь.

С ним и ступил на свою землю, с ним и скакал по ней. И оно уже не мешало Айдосу. К месту или не к месту, но вспомнилось появление в хивинском дворце нового хана Елтузер-инаха. Из знатных людей был Елтузер, но не ханской крови, не Чингисид. Последняя, кровь Чингисидов пролилась, когда обезглавили хивинского хана Абдулгазы, пролилась кровь - и оборвалась цепь. А ханский трон не остался пустым. Влез на него Елтузер-инах, пока беки раздумывали, кого избрать главой государства, он сам себя избрал. Игрой показалась иным замена Чингисидов узбеками и - как игра - должна была привести к проигрышу. Ждали проигрыша, будто брошенные на ковер судьбы кости предрекали конец Елтузер-инаха. Может, и предрекали, но Елтузер-инах о том не ведал и смелел день ото дня. Предсказывал конец нового хана и Айдос. Сказал как-то: «Елтузер-инах поздно ли рано ли сорвется...» Не сорвался Елтузер-инах. Других сбрасывал, и ловко у него это получалось. Перестали ждать конца самозванца малoverы, прикусили языки. Красноречивых-то новый правитель Хивы не жаловал. А уж если языки прикусили, то о руках и говорить нечего. Кто осмелится поднять руку на правителя - законный ли, незаконный он государь?!

Выходило, ханством может править не Чингисид. Не богом дана ему власть, сам берет ее дерзнувший. Последнее уразумел Айдос, летя на своем коне по родной степи и чувствуя, как смелеет. Земля-то под копытом здесь тверже, чем у ханского дворца. Там хоть и камень, да шаток. Здесь хоть и песок, да неколебим. Удержит и коня, удержит и Айдоса. Хана удержит своего...

«Ха! Каракалпакское ханство!» Сказал это или пронеслось лишь в мыслях, но, возникнув, не потерялось. С ним, кажется, и выехал к аулу. К зеленой низине, к юртам, курящимся кизячным дымком, сладким, ласкающим сердце.

Выехал и увидел всадницу на добром скакуне, шарф ее поясной увидел, шелком летящий за седлом. И как спешила у бугра пастушьего, увидел, и как обвила руками голову Доспана и, проговорив что-то, снова умчалась на своем скакуне...

Ничто другое не задержало бы взгляд Айдоса, да и стоило ли это внимания бия! Не будь скакуна добрых кровей и шарфа шелкового рядом с бедным чекменем пастуха, какая цена всему - песок! А тут - невидаль. И тем дорога.

Надо было проехать мимо: минуешь - и из головы долой. А не проехал, придержал повод, спросил у пастуха: «Кто эта чаровница?»

Дерево, а не человек Доспан. Колоти - не услышит. А тут вот ожил и сказал: «Дочь Есенгельды». Ха! Будущая сноха Айдоса. Полгода назад Айдос ходил к старику сватать ее за Мыржыка. Попроси он тогда Кумар разжечь огонь перед собой, чтобы увидеть лицо ее, те перь узнал бы ее и не стал бы пытаться Доспана, кто такая, не унизил бы себя перед пастухом.

Стегнул коня, поскакал к аулу. Развезься хотел: вблизи дома ему всегда дышалось легко. Покой приходил. Только надо было сначала объехать юрты и мазанки. Принять поклоны степняков - в поклоне и почтение, и ожидание: что нового принес бий, весел или хмур, улыбчив или строг? Строг он всегда, но и строгость - она разная. А степняки умеют читать и угадывать.

И Айдосу надо угадывать. Что было во дворце хана и что пришло в долгой дороге на ум, не останется с бием. Если отдаст им хоть частицу, примут ли? Будут ли крепки и надежны? Это хотел угадать Айдос.

А не угадал. Дремал, что ли, аул в полдень... Ни у мазанок, ни у юрт не заметил Айдос степняков. Копыта его коня стучали на тропе громко, и перестук был - особенный, ни с каким другим не спутаешь. По, должно быть, нынче их спутали степняки, не поспешили откинуть пологи, не выглянули наружу, не посмотрели на своего бия.

Равнодушный принял бы тишину как должное, да не был равнодушным Айдос. Тишина-то ни к чему главному бию. Не тишины он ждет в ответ. Две-три старухи, что сидели у мазанок и крутили веретена, правда, подняли глаза, глянули на Айдосова коня, но просто

глянули, как могли глянуть и на коня какого-нибудь Аймурзы или Бекмурзы. Ребяшня, возившаяся в песке за скотным двором, та заметила Айдосова коня - конь- то был чудный и на виду у аула шел горячо, гнул шею, просил повода. Да что любопытство детей, пустое это! Для их отцов избрал тропу по околице бий. Они бы любопытствовались...

Почему, однако, не встречаются своего бия степняки? Равнодушие-то откуда взялось у тех, кто под его властью и опекой живет, кому разрешил быть рядом с собой, возле его белой юрты?

И тут тревога коснулась сердца Айдоса. «Чужой я им! С чем возвращаюсь от хана? С новыми поборами. Казну-то надо наполнить. Степняки чувят - не с доброй вестью приехал главный бий. Не минует и дня, как мои люди пойдут рыскать по аулам, и заплачут, застонут степняки. Эта пряжа, что крутят сейчас старухи, тоже ляжет в мешок сборщика. Все ляжет... Что ж выбегать на стук копыт коня моего. Пусть пронесется мимо, как проносится ветер. И лучше, если при ветре закрыта дверь мазанки, опущен полог юрты...»

Айдос стеганул вдруг коня. И без плети тот шел ходко, а тут, обожженный витым жгутом, птицей полетел вперед над тропой.

Простучали звонко и тревожно копыта и стихли...

2

Удивительным был тот день для аула Айдоса, многих своими событиями он коснулся и тем отметил себя в памяти степняков. Правда, и до него выпадали дни необычные, но были они таковыми лишь для близких бию людей.

Когда Айдос был еще в Хиве, у хана, и судьбу его испытывал ненасытный в жадности и тщеславии Елтузер-инах, и неведомо, чем бы это испытание кончилось - слухи-то всякие бродили по степи, - в аул прискакал гонец правителя Кунграда Туремурата-суфи, известный всем Айтмурат Краснолицый.

То, что прискакал в аул Айдоса гонец из Кунграда, не было удивительным. Мог правитель соседнего города послать своего человека к главному бию каракалпаков. Удивительным было то, что осадил он своего коня не перед юртой бия, а перед юртой его младших братьев Бегиса и Мыржыка. Но и это было не самым удивительным. Самым поразительным было то, что он откинул именно их полог, вошел в юрту и протянул братьям послание Туремурата-суфи.

Пока Краснолицый вынимал неторопливо из-за пояса послание, разворачивая его и расправляя своими заскорузлыми пальцами, чтобы важная бумага не выглядела ничтожной, оба брата пребывали в волнении и тревоге. При живом главном бие к ним обращается правитель Кунграда! Такого не бывало на этой земле. - Или что-то случилось с Айдосом в Хиве, или ничего не случилось еще, но должно случиться. И Айтмурат Краснолицый это знает, а Бегис и Мыржык не знают, и потому им не по себе.

Однако не оказалось ничего страшного в послании Туремурата-суфи. Напротив, все слова были добрыми и ласковыми и могли только порадовать братьев. А не - порадовали. Удивили и встревожили, и именно потому, что были добрыми и ласковыми.

Говорилось в нем вот что:

«Это мое послание двум опорам страны каракалпакской Бегису и Мыржыку, двум честным, умным и смелым джигитам, коим всевышний уготовил судьбу ангелов-хранителей родной земли. С ангелами я и хочу поделиться своими нерадостными мыслями. Они камнем острым вонзились в мою душу и мучают постоянно.

О чем моя боль и забота?

Первое: растут в степи три дерева из одного корня. Смотрят на них люди с любовью и надеждой. Да неодинаково растут эти три дерева. Одно тянется к небу, другие два гнутся к земле. Одно питается светом, другие тенью. Первое широко раскинуло зеленые ветви, второе и третье чахнут в его тени.

Второе: город Кунград назван именем вашего рода. И он тоже в тени, он слабеет, он умирает. А Хива, не названная именем ни одного каракалпакского рода, процветает, крепнет день ото дня, поднимается над всеми городами и селениями земли.

Вот какие нерадостные мысли мучают мою душу. Делюсь с вами всем этим, чтобы вы подумали, ангелы мои, и, подумав, приняли решение, достойное честных, умных и смелых джигитов.

Писал вам правитель великого города Кунграда Туремурат-суфи».

Послание прочел вслух Бегис. Прочел от первого до последнего слова, неторопливо, внятно, чтобы Мыржык понял и чтобы стоявший рядом Айтмурат Краснолицый убедился в добросовестности Бегиса. А Мыржык не по нял, а может, и понял, да не поверил ласковым словам. Решил сам проверить их. Взял из рук брата послание и по слогам -

умения-то у него не было! - прочел те самые слова, что удивили и напугали его.

Пока трудился, сопел и потел Мыржык, посланник кунградского хакима смотрел, слегка прищутив свои полные лукавства глаза, на обоих братьев и изумлялся тому, как аллах точно повторил лица Бегиса и Мыржыка, и даже родинки посадил на одно и то же место - над левой бровью. Изумление было настолько велико, что Краснолицый широко открыл рот, и, лишь когда последнее слово было произнесено и Мыржык облегченно вздохнул, он закрыл наконец рот и улыбнулся, утверждая этим, что все произнесенное соответствует написанному лично Туремуратом-суфи.

Напрасно, однако, поторопился Краснолицый утвердить и тем закончить церемонию ознакомления братьев с высоким пожеланием правителя Кунграда. Бегису показалось, что не все слова стоят в том порядке, в котором их воспроизвел Мыржык. Он вырвал послание из рук брата, разгладил бумагу на своих коленях и стал сверять услышанное с написанным.

Краснолицый не счел это глупостью или неуважением к правителю Кунграда. Он усмотрел в этом желание Бегиса найти тайный смысл письма. Ведь оно было хитрым, это письмо, и сочинено с намерением выведать, чем дышат братья...

Сходство лиц установил гонец, нашел даже одинаковые родинки, а вот родство душ... Было ли оно?

Сообразительностью своей братья не блеснули перед - гонцом. Прочитав вторично послание Туремурата-суфи, Бегис изрек, к удивлению Краснолицего:

- Ха, твой хозяин просит помощи на восстановление Кунграда?

Надо было бы возразить Бегису - в благоустройстве ли города дело! Но не возразил Краснолицый. Неосторожным словом оборвешь аркан, который уже накинут на братьев, и тогда не за что будет тянуть их в сторону Туремурата-суфи. Поэтому Краснолицый кивнул, соглашаясь с Бегисом, и даже похвалил его - с усмешкой, правда:

- Великий суфи сказал: «Ручаюсь совестью, ангелов моих не затруднит загадка, вложенная в послание, хоть оно и коротко». Суфи не любит лишних слов. Лишние слова - груз для верблюда...

Не почуяв, что его, как и Бегиса, тянут за аркан, Мыржык бросился на выручку брату и объявил догадку:

Три дерева от одного корня - это Айдос, Бегис и я!

- Баракалла! - восхитился Краснолицый. - Ты близок к истине, джигит!

Похвала, однако, не пришлась по вкусу Мыржку - самолюбив и горд был. Ответил поэтому с вызовом:

- Ошибается правитель Кунграда: не под тенью старшего брата живем мы.

Ответ был обидным для суфи, но для гонца приятным. В петлю влез Мыржык и сам того не заметил. Хочет быть независимым от Айдоса и тем самым становится зависимым от Туремурата-суфи. Но что доволен, виду не показал Краснолицый. Огорчение изобразил на лице и веки приопустил: мол, опечален недомыслием - чужим.

- Мудрое слово, оказывается, не сразу познается. Луна и та лишь на пятнадцатый день открывает свой лик, а тут и дня не прошло.

Смеялся ли Краснолицый над братьями или сожалел о напрасно брошенном зерне в песок сухой, неведомо. Все же решил объяснить добрые, по его мнению, побуждения Туремурата:

- Суфи хоть и голубой крови и родством связан с самим хивинским ханом, но бедных любит и о голодных печется. Каракалпаки для него братья. Говорит: «Если спать лягу - положу голову на одну подушку с ними, если умру, пусть похоронят на одном кладбище». Поэтому сожалеет, что братьев его обирает хивинский хан, что последнее несут они в его казну... - Айтмурат Краснолицый скорбно поднял глаза к небу, будто призывал бога в свидетели творимой несправедливости, голос его возвысился до торжественной ноты. - А такие невежды, как Айдос, забывают свой народ, город своего рода, продались хану. Лишь о его казне заботятся, о славе и могуществе его пекутся... - Словно проклятие прозвучали эти слова. На самой высокой ноте они оборвались. Краснолицый посмотрел на притихших братьев и уже не так торжественно и не так громко доба:- Вот я и снял крышку с одного котла. Достаточно ли? Видна ли истина? Или надо снять крышки с остальных котлов?

Братья молчали. Сказанного было достаточно. Растоптал Айдоса правитель Кунграда. Можно ли еще как-то унижить главного бия? Оказалось, можно.

- Подниму крышку и с остальных котлов, - сожалея будто, сказал Краснолицый. - Когда всевышний устанавливал порядок летосчисления, впереди стоял царь степи верблюд. Но маленькая мышь взобралась ему на ухо и первой увидела наступающий год. Так мышь

оказалась во главе летосчисления. Не похожа ли эта притча на притчу о трех братьях из вашего аула? Подумайте!

Айтмурат поклонился и вышел из юрты. За порогом, перекидывая повод через голову коня и собираясь вдеть ногу в стремя, сказал братьям еще несколько слов, случайно будто пришедших на ум:

- Берегите красивых девушек. Как бы Айдос не подарил их хану. Охоч хан до молодых и красивых. - Влез в седло, тронул пятками коня и, когда конь пошел, кинул Бегису и Мыржыку последнее, заветное: - Что ни решите, все примет суфи. Он в своей верности каракалпакам неизменен. Не свое говорю, поймите! Господское... - И ускакал.

Добро бы, унес с собой и послание Туремурата-суфи. Так не унес. Оставил. Злым семенем бросил. И едва смолк стук копыт и улеглась пыль в степи, стало прорастать это злое семя.

Онемели братья. Будто чужие, будто враги. Словом не обмолвятся, взглядом не обменяются. Разделило их послание суфи высокой стеной.

Один верит правителю Кунграда - это Бегис. Другой не верит - это Мыржык. Мыржык первым перебрался через стену молчания. Правда, не сразу, не в первый и не во второй день. Сказал:

- С плохим намерением приезжал к нам Айтмурат. Лживые слова у этой лисы.

- Верно, лживые, - согласился Бегис. - Однако не все...

- Какие же не лживые?- спросил Мыржык.

- А те, что про усердие Айдоса. Отбирает последнее у народа. Несет хивинскому хану.

На сторону Туремурата-суфи вроде бы перебирался Бегис. Или уже перебрался... Так показалось Мыржыку. И он обидчиво, с укором сказал:

- Айдос для нас старший, у него права отца, а отца надо почитать, быть ему опорой... Если он платит налог Хиве, значит, так надо.

Задабривая хана, бережет наши головы.

- вою бережет, - скривил губы Бегис. - Только долго ли она продержится на его плечах. Не покатиться бы ей с ханской плахи прямо к нам, в степь.

- Словами послания говоришь, - напугался Мыржык.

- м оно предназначено, мы его и пользуем, - сердито ответил Бегис.

- Нет, нет! - замахал руками Мыржык, будто хотел отогнать от себя и от брата злые слова, - Нельзя пользоваться тем, что направлено против нашей семьи. Не в Айдоса целит Туремурат-суфи, а в корень, из которого растут три дерева. Айдос должен прочесть послание.

-Ха, если должен, пусть прочтет, - согласился Бегис.

Без охоты, правда, согласился и не сразу. Подумал прежде, прикинул, выгодно ли это ему. Выходило, что выгодно. Свои мысли передаст словами Туремурата-суфи, а сам и рта не раскроет и тем не разоблачит себя.

И в тот день, и в следующий возвращались братья к посланию правителя Кунграда, спорили, но ни к чему так и не приходили. Как были вначале в разных концах юрты, так там и остались. И в это утро, удивительное своими неожиданностями, они, наверное, продолжали бы свой спор, да не суждено было. Едва проснулись братья и принялись разводить огонь в очаге, как откинулся полог и вошел человек, похожий на пастуха и на землепашца. В руках у него была плеть, которую он и приложил к груди в знак приветствия.

- Братья Айдоса! - сказал он. - Я пригнал двух воров, совершите над ними суд и расправу.

«Братья Айдоса»- так сказал вошедший и тем соединил их с главным бием и передал им власть над собой и теми людьми, которых пригнал.

Не приходилось ни Бегису, ни Мыржыку вершить суд над степняками. Право такое принадлежало Айдосу, и он один им пользовался.

Братья переглянулись. В глазах Бегиса появилось недоумение, в глазах Мыржыка - растерянность. Человек, похожий на пастуха и на землепашца, заметил и то и другое и сказал:

- И большой, и средний, и маленький тигр разве не тигр? Поспешите! Мне засветло надо вернуться в аул, да и конь не свой...

Мыржык в растерянности замешкался. Стал старательно ворошить в очаге сухие стебли янтака, чтобы занялись быстрее, а Бегис встал, отбросил носком сапога янтак, пошел в двери.

- Посмотрим-ка воров!

Примерил к себе Бегис шкуру тигра, и она, должно быть, пришлась ему впору. И послание Туремурата-суфи вспомнил. Потому шел судить людей смело, как Айдос. Взглядом позвал Мыржыка: «Не отставай, брат! Докажи, что ты тоже бий!»

Пришлось и Мыржыку отбросить носком сапога янтак и поспешить за братом.

Воры, связанные арканом, стояли у юрты, прислонясь друг к другу, как спутанные волны. Злость горела у них в глазах. Страшно подойти. Но Бегис подошел.

- В чем вина?- спросил он. Так всегда начинал суд Айдос с вопроса пострадавшему.

Человек, похожий и на пастуха и на землепашца, объяснил:

- Один похитил мешок хлопка, который я добыл в хивинской стороне, другой унес с поля моего дыню. Накажите воров по их вине.

Тот, что украл дыню, был худым, безбородым, с маленькими глазами, такими маленькими, что и не разглядишь, глаза это или два зернышка джугары. Посмотрели они безгливо на Бегиса.

Где старший бий? Только он может решить по справедливости.

Не признавал вор право Бегиса судить и наказывать. Не признавал его бием.

Смутился бы другой на месте Бегиса и, сделав первый шаг, поостерегся бы второго, а Бегис не поостерегся. Шагнул к вору и пятерней своей сжал ему подбородок.

- Кричишь, будто я, а не ты унес дыню с чужого поля!

- Всего лишь одну, - взмолился безбородый, моргая испуганно своими крошечными глазами.

- За одну и получишь наказание.

Второй вор, видя, как круто оборачивается дело, как свирепеет молодой бий, съезжился весь, зашептал:

- Взял, взял этот несчастный хлопок, где мне еще добыть для себя и для семьи одежду. Мусульманину грешно предстать перед людьми голым.

Лохмотья, верно, не прикрывали его черного от солнца тела. Плечи и грудь совсем обнажились, и человек рукой заслонила нагость свою.

Мыржык хоть и не торопился, как Бегис, стать главным бием, но устранить себя от решения чужой судьбы не мог. Право судить показалось ему заманчивым. И он предложил брату:

- Вернемся в юрту, посоветуемся...

Спорить и тем более выказывать людям свое неумение решать дело по-бийски не следовало. Подхватив под руки пострадавшего, братья вошли в юрту.

Бегис помнил: вора, похитившего корову, Айдос привязывал на семь дней к колесу арбы. Мешок хлопка стоит одной коровы. Корову, однако, можно купить в своем или соседнем ауле, а за хлопком надо

ехать в Хиву. Тут дополнительный труд, увеличивающий стоимость потери и, следовательно, меру наказания. Простое решение, но пришло оно не сразу и не сразу было понято Мыржыком и пострадавшим.

Когда братья и хозяин хлопка вышли из юрты, воров уже окружила толпа аульчан. Каждый аульчанин высказывал свое мнение о случившемся и предлагал свой способ наказания. Над толпой возвышалась голова Кадырбергена, одного из неправоправных биев аула. Он не мог ничего решать, но старался присутствовать при решении, чтобы люди не забыли его и не перестали почитать как бия.

Бегис, отойдя от брата и того землепашца, что привел воров, единолично объявил приговор. Судьба подарила Бегису сладостные минуты власти, и он их выпил - жадно, как хмельней напиток.

- Укравшему дыню - одну пощечину! Укравшему хлопок - семь дней неволи без еды, на одной воде.

Объявил и посмотрел на людей: довольны ли его решением?

Загудели аульчане:

- Справедливо!

Землепашец, приведший воров, отвесил похитителю дыни пощечину - и сил не пожалел, с ног повалил тщедушного. Падая, тот не то застонал, не то крикнул, а потом долго лежал, потирая лицо и хмыкая носом.

Похитителя хлопка, рослого здоровяка, подхватили под руки, поволокли к стоявшей поодаль арбе и стали привязывать. Аульчане висли на его плечах и руках, тяжестью своей придавливая здоровяка к спицам. Больше всех старался шуметь долговязый Кадырберген. Неправоправный бий считал, что самое время показать себя важным лицом. Он покрикивал на аульчан, давал советы, как привязывать руки вора, как стягивать узлы.

Когда наконец все было готово и ни биям, ни аульчанам не оставалось ничего другого, как разойтись, - о воре теперь позаботятся комары; почуяв поживу, они уже летели тучей к арбе, - Бегис поднял руку, отпуская людей: мол, идите по домам, разрешаю и велю: сегодня я главный бий, я и мой брат Мыржык.

И они пошли бы. Какой прок печься на солнце. Но - не пошли. Не успели. Остановило их ржание Айдосова коня. Онемели ноги аульчан. И сердце обдало холодком страха. Творили-то здесь без ведома Айдоса важное дело. Как разгневется, как накажет и своих братьев, и аульчан?.. Быстр на расправу Айдос и крут.

С глаз бы долой, да некуда скрыться - степь голая. - Загон для скота, правда, рядом; за стояками и перекладами голову спрячешь, а спина и ноги останутся на виду.

Бегису тоже хотелось уйти, но нельзя было: только - что люди видели в нем бия, теперь как унизиться перед ними, как показать свою слабость... И он остался.

Мыржык о своем коротком величии не подумал, не - успел, видимо. Вышел на тропу улыбочивый, веселый, ожидающий брата.

Стремительной иноходью, словно степной ветер, пронесся Айдосов конь к юрте. И здесь Мыржык остановил его, ухватив за повод, - так полагалось встречать старшего бия. Улыбнулся Айдос и брату и аульчанам, что толпились на пустыре, - счел это проявлением внимания к себе. Степенно перекинул ногу через круп коня, опустился на землю. Теперь мог увидеть вора, привязанного к колесу, и второго, все еще лежащего на земле. Мог спросить, кто это... Но не увидел ни того, ни другого, и человека, приведшего их, тоже не увидел. Не спросил ничего.

Пошел к загону, где за толстыми перекладами в тени лежал бык с огромными, как сосновые ветви, рогами, черный весь, лишь спину пересекали белые полосы, белая метелка украшала кончик хвоста. Бык доживал, видно, век свой. Знал это и не искал воли, и не тревожился, когда стадо уходило в степь или возвращалось. Сколько ему лет, никто не знал. Но немало, должно быть, если привели его сюда братья из Туркестана, и приобретен он был еще их отцом Султангельды, и почитался как хранитель благополучия семьи. Отец называл его «началом счастья и богатства». Не спас бык род от разорения, не заслонил от ветров злобы и ненависти, но оттого не стал менее почитаемым, и вера в него как носителя благополучия не иссякла. Каждый раз, возвращаясь в аул, Айдос, прежде чем войти в юрту, подходил к быку и гладил его голову. Прикасался к «началу счастья» и тем как бы принимал частицу колдовской силы быка. Вот и нынче погладил, положил перед ним охапку свежего сена и только после этого повернулся - к людям и увидел их. И братьев своих увидел, и того степняка, привязанного к колесу.

- Что случилось?- Это Айдос спросил у Бегиса. Бегис ответил, пугливо глядя в лицо брата:

- Вор!

- Ха, молодцы! Поймать вора - смелое дело, наказать - святое дело.

- Мы и наказали, - похвалился Бегис.

Лицо Айдоса стало хмурым, будто набежала на него темная туча.

- Не поторопились ли?

Он приказал отвязать вора от колеса и снова соединить его веревкой с похитителем дыни. И так обоих, будто только что пойманных, подвели к старшему бияу.

- За что? - спросил Айдос.

Все началось снова, и снова все было повторено слово в слово, как до этого перед Бегисом и Мыржыком. Осталось повторить и приговор младших братьев. Но Айдос не повторил. Из- за прихоти бийской, что ли? Или еще из- за чего, неведомого людям...

- Есть у тебя дети? - стал допытываться у похитителя дыни Айдос.

- Семеро.

- Сколько старшему?

- Семнадцать.

- Посадил ли ты хоть одну дыню?

- Нет.

- Проклятие на твою голову!

Гнев, как сухой янтак огонь, охватил Айдоса. И не сразу погас, а бушевал долго, и люди ждали, что плеть в руках бия станет плясать на спине вора, пока не напляшется, не уgomонится. Но угас огонь гнева, когда сказал второй вор, что у него тоже семеро детей, что старшему шестнадцать лет и что посеял он несколько грядок дынь.

- А хлопок мы не сеем, не умеем, да и семян нет...

Пошла в ход плеть, но не в руках Айдоса. Он подозвал Кадырбергена, неравноправного бия, и велел исполнить приговор наоборот: похитителя хлопка высечь и отпустить домой, а похитителя дыни на семь дней привязать к колесу арбы.

Изумились люди, зароптали. Никогда не выносилось в степи подобного приговора. А обычаи отцов аульчане соблюдали строго и боялись их нарушить. Айдос нарушил.

Младшие братья, будто не вора, а их отстегал Ка-дырберген, в гневе и обиде ринулись прочь от старшего бия, скрылись в своей юрте.

Надо было уйти и Айдосу: обидел он и братьев, и аульчан, но, как известно, не умел Айдос сотворенное сгоряча изменить и тем более виниться перед теми, кого обидел. Стоял и ждал, когда люди примут сделанное им, охотно или неохотно, с болью, может быть, но примут,

скажут себе: «Бог с ним, он старший, его воля - закон». И дождался. Ушли аульчане.

Проводив последнего, а последним был Кадырберген, Айдос подумал: «Теперь-то один что предприму?» Пламя угасло в сердце, и не было причины снова раздувать его. Но и удовлетворения не было от содеянного. Малого добился - многое потерял. Малое, правда, могло стать и большим. Не сразу, не вдруг, потом, когда появится Айдос в ауле не просто старшим бием и даже не главным бием, как сегодня. Сказанное им только что - вспомнят и назовут мудрыми слова его. Поднимут над собой Айдоса и уже не опустят, как нынче. Но доживи до того малого - великого! Доживешь ли?

И бий, подумав так, пошел в юрту. Не в свою, где ждал его отдых после долгого пути, где можно было скинуть шекпен, стянуть сапоги и упасть на мягкие - курпачи[2] и уснуть. Пошел в другую юрту, большую, не для отдыха предназначенную, хотя там и были разостланы ковры и паласы, лежали подушки.

Ему надо было поразмыслить над тем, что произошло в Хиве, у подножия ханского трона и у края зиндана. А где размышлять, если не в юрте раздумий и споров. Правда, не в одиночестве полагалось раздумывать и не с самим собой спорить. Но бий и не надеялся на одиночество в юрте совета. Без объяснений с братьями не обойтись. Знал это.

Он сел на ковер, что лежал в глубине юрты, как раз против входа - ковер главного бия. Готовился вроде бы для совета с равными себе по крови, но не равными по - положению, не склонил голову на подушку, держал ее ровно и высоко, и плечи не расслабил, руки не опустил на курпачу, водрузил ладони на колени, рядом с черенком плети - символом власти бия.

Таким, неприступным и суровым, увидели братья Айдоса, ворвавшись в юрту совета, чтобы высказать все, накопившееся в их негодующих сердцах. Высказать, не стесняясь и не робея. Но заробели сразу. Сникли и остановились у порога.

- Ну! - вернул им смелость словом и взглядом Айдос.

Бегису и Мыржыку хотелось сказать свое, как млад шим братьям старшему. Но не было старшего брата, был старший бий. И они сказали

[2] Курпачи - подстилочные одеяла.

не свое, а чужое, принадлежащее Туремурату-суфи, правителю Кунграда. Начал Мыржык:

- Из одного корня растут три дерева, одно тянется к солнцу, два гнутся к земле, потому что оказались в тени старшего...

- ьше! - подтолкнул брата Айдос.

Не в трех деревьях, растущих от одного дерева, было главное. И не тень мешала младшим подниматься к солнцу. Что же? Пусть скажет Мыржык или Бегис. Вон как приспущены веки его. И слово, и взгляд бережет. Какое слово? Но Бегис молчал. Сказал Мыржык:

- Заслонив нас, ты унизил младших сыновей вели кого Султангельды. Мы ли не дети бия? Не та ли кровь, не те ли мысли у нас?

«Обида! Вот главное, - подумал Айдос. - Поступок мой ранил братьев. Если стрела попала в сердце, надо выдернуть ее». И произнес миролюбиво:

- Не поняли меня. Кто судит, тот должен наказать не одного укравшего, а десять, готовых украсть, наказать порок сам. Не сеющий весной - вор осенью. Укравший по бедности может быть прощен, укравший по злему умыслу - не будет прощен никогда. Так требует - справедливость...

- Не справедливость требует, а гордость. Поднимая собственную голову, ты опускаешь наши, - в сердцах выпалил Мыржык.

Было еще что-то, о чем не решался или не мог сказать Мыржык. И Айдос повернулся к Бегису:

- Ты думаешь так же?

Веки Бегиса совсем смежились, едва приметна щель, а за ней пламя, черное пламя.

- Да.

- И слова те же?

- Да.

«Прочь, ослепленные завистью! - хотел крикнуть Айдос, но вовремя сжал зубы. - Прогнав братьев, оста- нусь один. Люди-то могут пойти за Бегисом и Мыржыком. Люди идут за теми, кто осуждает бия сегодня, ненависть приманчива, ясна, понятна. Добрая задумка же, да еще невысказанная, туманна. И будет такой и завтра, и послезавтра».

- Не ради себя творю все это, - устало и грустно сказал Айдос.

Мыржык почуял тоску брата, но не принял ее. Рассмеялся, скаля зубы и фыркая.

- Ха! Ради народа! Потому отбираешь у него по следнее и везешь хану! Потому девушек наших решил подарить хивинскому ублюдку!

Надо было все-таки прогнать братьев. Они говорили ему недостойное старшего, недостойное бия. И, пройдясь плетью по их спинам, он не совершил бы дурного или запретного. Отпустил бы он их, да Мыржык помешал. Прокричал визгливо:

- Не ты заботишься о народе, а правитель Кунграда. Туремуратсуфи не платит налога Хиве и не собирается платить. Его люди живут вольготно и благодарят за это великого суфи...

Айдос прорычал:

- Довольно! Бог отпускает человеку разума столько, сколько вмещается под его шапкой. Наденьте кураш пошире... А теперь прочь с моих глаз!

Он поднялся с ковра, как поднимается барс, напрягая тело и собирая мускулы; только глупый не поймет, что заставило барса встать на ноги. Взгляд Айдоса был неистов и решителен.

Бегис вышел из юрты первым. Вышел молча. Мыржык огрызнулся:

- Хорошо. Мы уйдем.

3

У степняков поверье: гаснет огонь в очаге - уходит жизнь. Так вот оно и есть. Покидала жизнь слепого Жаксылыка. Словно забытый сноп камыша, лежал он у потухшего очага, ожидая конца своего.

- Не звал, не торопил смерть, но и не боялся ее, и, если б пришла, сказал бы: «Возьми меня, старого и немощного, но не тронь молодого и сильного Доспана. Не отнимай счастья моего!»

Не входила в землянку смерть, однако была близка. - И в темноте, а незрячий всегда в темноте, Жаксылыку слышались ее шаги, похожие то на шелест сухой травы, то на шорох птицы, - сова, должно быть, садилась на крышу землянки, как на могильный холм.

Порой долетали до Жаксылыка и звуки жизни: людские голоса, топот копыт. Но далекие. И с каждым днем все удалялись и удалялись. Близо он слышал только - однажды ржание Айдосова иноходца. Звонкое, веселое ржание, но короткое - промчался конь, и все смолкло.

День Жаксылыка был бесконечным, как сама степь, а вмещались в нее всего лишь два события: расставание с сыном поутру и встреча вечером. Утреннее не пропускал Жаксылык: как выйдет за порог

Доспан без напутственного слова отца, ему и пути не будет! А вот вечерние пропускал. И часто. Истомится, ожидая, забудется, исчезнет вроде из этого мира, и лишь беспокойный голос сына: «Отец!» - вернет Жаксылыка к жизни. Поднимет он тогда голову, улыбнется и скажет, радуясь: «Ягненочек мой!»

В тот день не задремал, не впал в забытье Жаксылык. То ли дума о смерти не дала сомкнуть глаза, то ли звонкий голос Айдосова коня встревожил душу и теперь она томилась незнакомым ожиданием, но бодрствовал старый Жаксылык. Чуткое ухо его уловило неумолчные звуки степи. И среди них, бесчисленных, громких и тихих, искал он один лишь - шаги сына! И услышал. Перед куптаном - вечерней молитвой. Едва отворилась дверь и на пороге оказался Доспан, как Жаксылык произнес весело:

- Пришел, ягненочек мой!

Удивился Доспан и обрадовался: не слышал давно уже бодрого голоса отца. И откликнулся, счастливый:

- Откуда узнал, что это я?

Только ты да ветер отворяют и затворяют нашу дверь..

Верно, кому взбредет в голову переступить порог одинокой мазанки, что стоит на самом краю аула! Одному ветру. Он-то неразборчив, беден или богат хозяин.

Что ж, однако, печалиться... Не все равнодушны к Жаксылыку и его сыну. Не все. Доспан это знает теперь. Кумар и Айдос-бий разговаривали с ним нынче.

С тем и шел домой Доспан, радостью своей спешил поделиться. Да что слова голодному! Отец и маковки не держал с утра во рту. А в руках у Доспана тыквенная чаша с кислым молоком и лепешка из джугары. Черствая, правда. Свежую пожалела хозяйка, слепому да умирающему все, мол, едино, тверда ли, мягка ли, хлебом бы звалась, а пасти за хлеб и уговаривались.

Протянул Доспан молоко отцу, подождал, пока дрожащие губы слепого коснутся края чаши и отхлебнут толику кислой жижи, и, когда коснулись и отхлебнули, не стерпел все же, сказал:

- Говорил со мной нынче Айдос-бий!

Что говорил и тем осчастливил пастуха, не оценил - Жаксылык, а вот как назвал бия - отметил. Поправил мягко сына:

- Зови не Айдос-бий, а дедушка-бий. Он нам как отец...

Кивнул согласно Доспан и повторил:

- Дедушка-бий.

Полились потом слова потоком обильным, речист оказался Доспан: обо всем, что видел и что слышал, поведал отцу. Не забыл и про Кумар, и про ту серебряную монету, что подарила ему красавица.

Снова процедил Жаксылык слова сына через решето, и ни одно не задержалось, как не задерживается чистая вода. Только самые последние: «По-моему, дедушка-бий не позволит младшему брату взять в жены Кумар...» - задержались и встревожили слепого.

- Не говори так! Истинный смысл сказанного бием тебе неведом, как неведомы и его намерения. Кумар предназначена Мыржкуку и войдет в его юрту женой...

- Астапыралла! [3] - воскликнул Доспан и тем выдал свое огорчение.

Не будь этого возгласа, не узнал бы Жаксылык, что тронула Кумар наивное и восторженное сердце Доспана. На лице-то сына все было написано: и мука, и испуг, и надежда, да незрячий разве прочтет написанное! Улыбнулся Жаксылык грустно, подумал: «Дитя неразумное. Неведомо ему, что он пастух лишь». Решил объяснить сыну, на чем держится этот мир, но, объясняя, не повел прямой и короткой дорогой, чтобы вдруг не напугать Доспана. Издали и страшное не так страшно, и черное не так черно, и можно привыкнуть к черноте, если она, как ночь, начинается с сумерек.

- Когда умирал Султангельды-бий, отец нашего Айдоса, я был рядом, - начал неторопливо Жаксылык, отхлебывая молоко из чаши и откусывая малые толики от сухой лепешки. - Был рядом потому, что Айдос заставил меня следить за огнем в очаге, не дать ему погаснуть. Жизнь-то семьи в очаге! И вот, следя за огнем, я слышал все сказанное Султангельды перед лицом смерти. Сам знаешь, человек, уходя из жизни, не говорит пустое. Он думает о душе своей, которую примет или не примет аллах. Все вспомнил старик и перед всем, что было, преклонился. И хоть умирал знатным степняком, пастушью палку свою велел поставить у изголовья, рядом с лопатой и мотыгой, которыми копал арыки и взрыхлял землю. И над всем этим повесил халат, что носил еще в Туркестане, старый, латаный. Великое уважение людей заслужил памятью о прошлом Султангельды, и люди горевали, прощаясь с ним, и просили совета, как им жить без него. Пришел и Есенгельды, только что передавший должность старшего бия Айдосу,

[3]Восклицание испуга, удивления.

не по собственной воле, конечно, а по велению хана. Пришел, надеясь услышать слова примирения, - не больно ладили старики последнее время. А не услышал. Султангельды на пороге смерти не побоялся сказать правду Есенгельды, хотя покидающие этот мир должны все прощать. Он сказал: «Ты был тополем с кривой тенью. Мешал степнякам выйти на верную дорогу, собраться большим аулом. Не будь камнем, который нельзя обойти, будь колодцем, утоляющим жажду людей. После меня остаются три моих сына - Айдос, Бегис и Мыржык. У старшего - мудрость, у среднего - отвага, у младшего - сила. Если не разъединишь их, то, как три ножки очага, они поднимут котел Судьбы каракалпаков. Если разъединишь, порушится единство, закачается этот котел и пойдет вражда между племенами и аулами. Побойся людского гнева, Есенгельды, не выбивай из-под котла опору. Помогни укрепить ее. Соедини наши юрты. Отдай младшую дочь свою за моего младшего сына Мыржыка. Говорят, она умна и смела. Прибавится силы сыновьям моим, прибавится силы народу».

- Значит, это воля Султангельды?- упавшим голосом, будто увидел перед собой пустоту, спросил Доспан.

- Его воля.

- Ослушаться никто не может?

- Никто. С того света покарает отступника.

Не было места надежде Доспана в цепи, что тянулась от мертвых к живым, и была эта цепь крепка - не разорвешь. И все же Доспан попытался разорвать ее.

- Возможно, сам Мыржык откажется...

Старик опустил на колени чашку с молоком и вытер старательно губы. Нет, он не насытился, просто боль сына напугала его, и он, забыв обо всем, решил утешить ягнечка своего:

- Отказался бы... Строптива, говорят, дочь Есенгельды, ох строптива!

Так что ж?

- Не свободен Мыржык решать судьбу свою. Айдос-бий уже сосватал его.

- А Кумар?- застонал Доспан. - Она согласна? Тут бы застонать Жаксылыку, не утешил он Доспана, только больше разбередил сердечную рану его, однако тоже ли отцу оказывать сыну свою слабость...

- С каких пор мусульмане стали спрашивать согласие женщины?- покачал головой старик. - Не наступило, слава богу, такое время...

- А если бы спросили? Удивился и напугался Жаксылык:

- Кто?!

Не знал Доспан, кто мог спросить у Кумар согласия. Сам лишь, больше некому. Да глупая это мысль - и открывать ее не надо! Смолчал поэтому и губу прикусил, чтобы не сорвалось ненароком это глупое.

- Некому спросить, - успокоился малость Жаксылык, - да и печалиться незачем. Они, бии, сами разберутся, кого брать в жены, кого вводить в свою юрту. Была бы невеста здорова и детей умела рожать.

- Она прекрасна как пери! - смущаясь, с трудом произнес Доспан.

- Прекрасна?! - снова удивился старик. Ему-то такие слова никогда не приходили в голову. Не было перед ним существа, о котором можно было такое сказать. А вот сын увидел. Увидел, ягненок, надежда и счастье его. А может, ошибся? Понимает ли, что такое красота?- Высока?- спросил осторожно.

- Нет...

- Сильна?

- Не знаю...

- Ха! - усмехнулся старик. - Красивая девушка должна быть сильна, как джигит. Кто положит на плечи мужа мешок с зерном? Кто остановит вспугнутого коня?

Кто внесет больного степняка в юрту? Жена. Вот в чем красота женщины, сынок.

Широко открыв глаза, пораженный и растерянный, - слушал Доспан. Образ, нарисованный отцом, ничем не походил на Кумар. Она тонка, нежна, взгляд чистоты и доброты необыкновенной, лунолика. Что еще скажешь о девичьем лице, с чем сравнишь, кроме ясного месяца...

- Кумар... - только и смог прошептать в ответ До спан. В этом было все, о чем он думал и что чувствовал. Дочь Есенгельды жила уже в сердце юноши и, живя там, радовала и мучила Доспана.

Дальней, витиеватой тропой нельзя было, оказывается, идти к той истине, которую хотел раскрыть перед сыном старик. Не туда она привела, совсем не туда. И Жаксылык свернул на прямую и короткую. Сказал строго:

- Не то имя произносишь, сынок. Мир этот устроен не на ровном месте, а на холмах, и каждый холм имеет свою высоту. Никто их

сравнивать не может. Сколько ни тянись, как ни поднимай голову, останешься на своем холме.

- И на высокий перебраться не сможешь?- догадался Доспан, куда клонит отец, догадался, но не по считал это справедливым. Выходит, никогда они не сравняются!

Ясный ответ намеревался дать старик, к тому и шел прямой и короткой тропой, а вот подошел и оробел. Можно ли убить надежду сына, можно ли погасить огонек, который, видно по всему, загорелся в его сердце!

- Мечтай о хорошем, хотя и нечего положить в котел, так советовали мудрецы. Надежда - это то самое стремя, без которого не влезешь на коня. И люди сравниваются, приходит такое время. Печальное, конечно. Два аршина земли - всем поровну - на том свете. Знатный каракалпак Султангельды-бий, стадо которого неисчислимо, тоже получил два аршина. Вот и сравнился он с дедами и отцами нашими, не имевшими ни коня, ни коровы и никогда не державшими денег в руках...

- А у меня есть, - прервал отца Доспан и достал из- за пазухи серебряную монету. Белый кружочек светился на черной ладони пастуха, как светится в темноте глазок филина. Доспан протянул монету Жаксылыку: - Возьми, отец.

Шершавыми, огрубевшими пальцами Жаксылык тронул монету. Второй лишь раз в жизни деньги оказались в его руке, и он узнал то ли по холодку, то ли по выпуклостям на кружочке, что это серебро.

- Откуда, сынок?

Доспан засмеялся, счастливый:

- Подарила она.

- Ойбой!

- Не пугайся, отец. Я не сделал ничего дурного: не просил, не смотрел ей в руки. Кумар сама протянула монету и сказала, что это на счастье!

-Чье счастье?

- Не знаю... Мое, наверное... Ведь мне дали монету...

-Ох, сынок! Не будет ли этот кружочек леденить твое сердце?

- Нет, отец, мне тепло и радостно.

Задумался Жаксылык, протянул руку и стал искать лицо сына. «Ягненок мой, - мысленно шептал он, - дай коснуться тебя, дай понять душу твою». И он коснулся лица и погладил лоб сына, провел

нежно, будто опущенным птичьим крылом, по глазам. Они были открыты и смотрели прямо. И Жаксылык понял: Доспан пойдет к тем холмам, к которым никто не ходил. Понял и сказал:

- Пусть эта монета будет для тебя «началом счастья», как рогатый бык Султангельды.

4

Решена была уже судьба дочери Есенгельды. Айдос не передумал женить младшего брата, Мыржык не отказался от красавицы Кумар.

В большой юрте три брата держали совет: чем ознаменовать событие в роду Султангельды?

Если бы держали совет как равные, как близкие по крови, зачем бы мучить сердца... А не как равные и не как близкие решали семейное дело братья. Айдос уж отделил себя от Бегиса и Мыржыка, поднялся ровно хан над ними. Когда братья вошли в юрту, велел своему помощнику Али бросить подушки шелковые на почетное место, для первого бия предназначенные, и облокотился на них. Братья остались у порога. Не пригласил сесть рядом, не приблизил к себе.

Они говорили - он слушал. Слушал - не слыша. Смотрел, не видя: глаза были над головами Бегиса и Мыржыка. И это гневало сердца братьев. Хотелось

сказать старшему что-нибудь обидное, злое. Он же молчал, не бросал им слово, за которое можно было бы ухватиться, наполнить его ядом и вернуть обратно. Пусть проглотит, пусть помучается...

Айдос и без того мучился тайной своей. Надо было поделиться ею с Бегисом и Мыржыком. А не мог. Думал с тоской: «Одному ноша не под силу. Переложить бы на несколько спин, как в караване. Да нет тех спин, нет и самого каравана».

Со свадьбой поторопил Мыржыка, не лелея надежду потешить себя праздничными радостями. Хотел собрать караван, присоединить к тайне упрямого Есенгельды. Пошел бы тот за дочь, небось застучало бы неверное и суетливое сердце его в такт Айдосову, поняли бы друг друга два бия - старый и молодой. Ну, а братьев и звать не надо. Единая кровь. Их место первое в караване. Ошибся. И что ошибся, понял еще вчера, когда, обронив с умыслом слова: «В Большой юрте подумаем о большом ауле каракалпаков», услышал ответ Мыржыка: «На что нам

думать о твоём ауле, большом ли, малом ли? Мы подумаем о своём ауле. Двух голов на то хватит...»

Вот и мучился Айдос. Слушал и не слышал братьев, смотрел и не видел. Однако свадьбу надо было играть, коли назначена, и невесту вводить в юрту Мыржыка, коли сосватана. Не в ту юрту, в другую, и не в этом ауле. Другой аул решили создать братья. Белый или чёрный для Айдоса - ещё неизвестно. Как бы не чёрный...

Открыл рот все же Айдос, прервал тяжелое молчание, спросил младшего:

- Каким видишь свой той?

- Великим! - ответил Мыржык.

То, как он говорил, удивило Айдоса. Прежде, если и осмеливался заговорить, делал это неохотно, и слова были тихие: «Что скажу, старший брат мой все знает». Говоря, глядел он на Айдоса, просил вроде бы одобрения. Не стало того Мыржыка. Не искал он ни одобрения, ни сочувствия. Гнал коня спесивости прямо на Айдоса: отступись или принимай бой. Хотел помериться силой с главным бием.

Гнев поднялся в душе Айдоса. Налилась кровью родинка над левой бровью, налилась, как спелая алыча. Глаза запыхали гневом. Не остепенил себя Айдос. Не затушил пламя, но и не дал ему разгореться.

- Сколь великим? - цедя сквозь зубы слова, полюбопытствовал Айдос.

Не заметил гнева брата Мыржык. А может, и заметил, да не побоялся...

- Зови гостей от всех каракалпакских племен и от всех аулов, - стал перечислять Мыржык, - угощай весь день и всю ночь, сорок голов скота - большого и малого - положи в сто котлов...

- Сорок голов? - переспросил Айдос.

- Сорок, - повторил Мыржык. - И не скупись. Баи вернут тебе то, что отдашь. Есть же поговорка: баи - карманы биев. Бери сколько надо. И даже больше, чем надо. Свадьба-то последняя в нашей семье, женить тебе больше некого.

На Бегиса намекал Мыржык. Обет безбрачия дал средний брат, когда утонула его невеста в голубом озере.

Ни намек на обет Бегиса, ни перечисление того, что обязан пожертвовать для тоя старший брат, не тронули Айдоса, а вот укор в скупости кольнул. Он ли скуп, он ли не дарит братьям и меха, и золото, и коней?

Обида породила мысль: нужно ли быть щедрым? Родившись, она тут же оперилась и, как молодой ястреб, попыталась взлететь. «Набить брюхо врагов своих этими овцами да бычками, чтобы, насытившись, они стали поносить меня!» - подумал Айдос. Подумал зло. И зло сказал:

- Для чего сзываем народ на той?

У Мыржыка глаза полезли на лоб от удивления: не спятил ли старший брат? О чем спрашивает?

- Приветствовать жениха и невесту... Только-то?!

Бегису почудилось, что Айдос хочет превратить той в поминки. В сердцах выпалил:

- Радость джигита - мало ли этого?

- Радость джигита в объятиях молодой жены. Усмехнулся Бегис: «Хитрит брат, боится выпустить из рук хурджунов с деньгами. Не выпустит - сами вырвем». И тоже, как Мыржык, накинулся на Айдоса:

- Мою долю от свадьбы несыгранной отдай Мыржыку. Пусть гуляет степь на двух тоях сразу. Третьего не попросим.

Что вдруг заскромничали?

- Уйдем!

Этого боялся Айдос. Сердцем чуял, что задумали недоброе братья, что сманивает их кто-то. Почуял, когда вернулся из Хивы и когда стал чинить суд над ворами. Кто только сманил? Кому прибыль от раздела семьи Султангельды? Без братьев не будет уже тех трех опор очага, на котором способен подняться котел Судьбы каракалпаков. И предотвратить беду нельзя. Какие слова ни скажи, сколько денег ни брось в их хурджун, сколько бычков и овец ни положи в котел, сколько гостей ни созови на праздник, не поможет. Сам ляг на порог юрты, целуй их пыльные сапоги - перешагнут.

И все-таки он догадывался, кто сманивает братьев. Спросил, уверенный, что не ошибется:

- В Кунград?

- Степь велика... - ответил Бегис и опустил голову: не захотел встретиться взглядом с Айдосом. Не захотел или не смог: все же предавал старшего брата...

- Велика, велика... - засмеялся, по-шакальи скаля зубы и выпячивая нижнюю губу.

«Не ошибся, - подумал с горечью Айдос, - сманил их Туремуратсуфи. Кто еще посмел бы разрушить семью Султангельды! Сам хан и тот не решился бы на такое! Разве что один подлый суфи?» Холодом обдало

Айдоса. Увидел себя одиноким и сирым. Тайные желания его показались вдруг далекими и несбыточными, такими далекими, что и не увидишь, и не разглядишь, а уж скачи- скачи - не доскачешь, так в седле и помрешь, обессиленный! И сзади скачущего нет, кто бы подхватил выпавший из рук Айдоса повод и полетел дальше. Теперь ясно, что нет. А должен -быть.

Он глянул на Мыржыка. Раньше угадывал младший брат и мысли и желания Айдоса и торопился выполнять их, в глазах преданность горела. Казалось, не погасить никогда ее. А вот погасили. Не было в них даже отблеска прошлого.

- Значит, праздник обернется не одной радостью встречи невесты, а и расставанием братьев... - вздохнул Айдос.

- Раскинь сеть мысли, из нас троих тебя одного аллах одарил умом, думай!

Мыржык, верный джигит, преданный брат, смеялся над Айдосом. И как смеялся! Будто опрокинул главного бия, и тот лежал у его ног, и осталось только пнуть его сапогом.

Однако зря смеялся. Не пришло еще время пинать Айдоса.

- По важности события и той, - сказал Айдос. - На проводы не собирают всех степняков, а только близких. Сорок бычков и овец дарю, но не вам, а обездоленным, что придут посочувствовать отцу нашему, потерявшему сыновей...

Обомлели братья. Не бывало еще такого у степняков. Завизжал Мыржык:

- Слепая душа твоя. Позоришь братьев своих.

- Молчи, глупый щенок! Вы сами опозорили себя изменой... Эй, Али!

Али, стоявший за пологом и ожидавший приказа хозяина, сунул голову в юрту:

- Что велишь, мой бий?

- Объяви всем в ауле: завтра той. Выбери из сирот и убогих сорок человек и приведи ко мне. Пусть у каждого будет аркан, чтобы мог после тоя увести с собой блеющую или мычащую животину.

Откочевали братья...

С ревом верблюдов, с ржанием коней, мычанием коров поднялся аул и, дымя пылью, двинулся в степь. Не весь поднялся, половина всего

лишь, а то и меньше, но казалось, будто откочевывает все становище. Сняли свои юрты, бросили мазанки ровесники Бегиса и Мыржыка. За младшими братьями главного бия пошел кое-кто из сорока облагодетельствованных Айдосом сирот и убогих. Вся стайка Жандуллы Осленка потянулась на новое место. Не удержали их в старом ауле бычки и телки, подаренные главным бием. На тех же самых арканах, что дал им в день свадьбы Али, повели они свою скотину в степь. Ветер неблагодарности гнал их. И никто не остановился, не задержался у юрты Айдоса, не сказал ему слов прощания. Забыли главного бия. Не побоялись предать его.

Весь день, пока снимались с отцовского места младшие братья, Айдос лежал в Большой юрте, терзаясь болью отчаяния. Словно обнаженный, он ощущал, как удары камня, и крики людей, разбирающих юрты, и тоскливый рев телят, оставляющих родной хлев, и топот коней, погоняемых торопливыми аульчанами. Несколько раз он порывался выскочить из юрты, стать на тропе, по которой шло кочевье, крикнуть что есть силы, громко, властно, зло, как он умел это делать, внушая страх и повиновение: «Стойте!»

Они, покидающие его, наверное, остановились бы. Может быть, даже вернулись бы в свои юрты. Но Айдос не выскочил, не крикнул, не унизил своим приказом, своим отчаянием главного бия. Подавил слабость человеческую, которая вдруг поднялась в сердце.

Ему привели сыновей - семилетнего Рзу и пятилетнего Туре: пусть отвлекут бия от мрачных мыслей. Души не чаял Айдос в своих любимцах; веселый, беззаботный лепет малышей умилял его. Часами мог он слушать их разговоры, отмечая, как осложняется их пытливая мысль. Особенно радовал его старший - Рза, чем-то похожий своей рассудительностью на деда, Сул-тангельды.

Став поздно отцом, Айдос, подобно беркуту, торопился научить сыновей летать и делал это, думая о близком завтра, когда понадобятся ему соратники и продолжатели того, что он начал. Сейчас Айдосу нужен был не семилетний, а семнадцатилетний Рза, сидящий твердо в седле, как истый степняк.

Какие-то минуты Айдос радовался встрече с малышами. Минуты только. Не могла боль отчаяния уйти надолго, слишком сильна и глубока была. Вернулась и принялась снова мучить Айдоса. И он, держа на коленях сыновей, уже не слышал их веселую болтовню, а ловил голоса уходящих из аула людей.

Далеко за полдень, когда стихли наконец звуки кочевья, скрип последней арбы и стук копыт растаял в степи, Айдос вышел из юрты и посмотрел на свой аул.

Лучше бы ему выкололи глаза или померкли бы сами, как у старого Жаксылыка, чем видеть смерть собственного аула. Было селение - полная чаша, теперь выплеснулась и казалась пустой.

Перед закатом солнца обычно загорался огонь в очагах и над аулом плыли веселые, радующие сердце степняка дымки. Много было их, и уходили они далеко в степь; теперь стало мало, и жались они к юрте старшего бия, словно боялись, как бы ветер не оторвал их, не унес вслед за Бегисом и Мыржыком.

- Ойбой! - застонал Айдос.

Али, который весь день не отходил от старшего бия и видел, как мучается его хозяин, сказал:

- Они вернуться.

Хотел утешить, а не утешил, бросил вроде бы песок на свежую рану. Поморщился от боли Айдос.

- Вернутся ли. нет - этого никто не знает Вот почему ушли, ведомо ли тебе?

Почему ушли. Али догадывался; сказать, однако, не решался. Как бы снова не насыпать песку на открытую рану. А Айдос ждал и поторапливал помощника взглядом, требовательным, жестким. Наверное, он тоже догадывался, почему ушли люди из его аула...

- Налог платить не хотят, - выдал из себя Али.

Песком это не было, напрасно боялся робкий Али, но и не избавило это Айдоса от душевной тягости. Налог никому не хотелось платить, первому бию тоже. Хива разоряла каракалпакские аулы поборами. Два-три раза в год надо было объезжать аулы и отнимать у степняков то, чем они жили. Отнимать, пуская в ход и кулак и плетку, не замечая слез и не слыша проклятий.

- От меня можно уйти, - без обиды прежней сказал Айдос, - от налога не уйдешь, не спрячешься Что назначено, отдай хану.

- Кунградцы, однако, не отдадут...

Верно, кунградский правитель не гонит скот в Хиву, не возит шерсть и ткани. Это известно всем. И не трогает его хан, потому что Туремурат-суфи его родственник. И это тоже известно всем. А не погони Айдос скот, так его самого погонят нукеры хана, погонят и опустят в зиндан на веки вечные. С каракалпакским бием поступят как

с безродным шакалом: аркан на шею - и вослед коню. Беги, иначе затянется петля и высунешь мертвый язык!

- Не отдадим хану, - оправдывая себя перед Али, пояснил Айдос, - отдадим Туремурату-суфи. Он давно тянет руки к нашим стадам. Ты не видишь этих рук, и другие не видят. Они под гдекпеном пока. Зазевайся овца, он тут же ее и схватит. Как бы не уподобились такой овце мои глупые братья! Вот о чем я думаю...

- А хан рук не прячет? - спросил бия Али.

- Не прячет, - уныло, с обреченностью какой-то подтвердил Айдос. - Рук не прячет, кинжала не прячет, аркана не прячет. Все на виду.

Али понял бия и сочувственно вздохнул. Верно ведь - хан кинжала и аркана не прячет.

- Значит, погоним скот?

- Погоним скот, повезем шерсть и джугару. Начи най собирать налог, Али! Как родится новый месяц, скачи по аулам, требуй доли хана!

Бегис и Мыржык остановились на берегу озера. Сам бог приготовил место для аула Айдосовых братьев. По одну сторону - зеленые луга, по другую - джангиле-вые тугаи и заросли камыша в рост всадника, вокруг - земля, досыта напоенная вешней водой, добрая, урожайная, холмы с дикими травами и кореньями. В озере -рыба, не переловишь, а каракалпаки жареную рыбу почитают не меньше, чем жареную баранину.

Юрты свои Бегис и Мыржык поставили на ближнем к озеру холме, чтобы видны были издали и чтобы самим видеть далеко. Далеко видеть надо было тот край степи, где стоял аул старшего брата. Побаивались его Бегис и Мыржык: как бы не возгорелась мезьей душа Айдоса и не проникся главный бий желанием вернуть младших братьев на землю отца. И в сторону Кунграда следовало поглядывать, без страха, правда, - не напал бы на своих друзей Туремурат-суфи, - но и не равнодушно: ждали братья одобрения и помощи от кунградского хакима. Не замешкался Туремурат-суфи. Послал подарок братьям - пятнадцать голов скота. И слов приятных передал с погонщиком столько же. Не желая отстать от кунградского хакима, тесть Мыржыка, Есенгельды, тоже подарил стадо, хоть и не большое, но не меньше стада Ту-ремурата-суфи. Ну а слов, конечно, было больше: на слова Есенгельды был щедр. Остальные знатные степняки выделили братьям кто по бычку, кто по телке, кто по овце. Паласов войлочных набросали

новоселам без счету - покрывай юрты, устилай пол, выкладывай дорожки по склону холма!

Подарки размягчили вконец сердца Бегиса и Мыржыка. Почудилось им, что вся степь радуется появлению нового аула. На лицах братьев цвели улыбки, как весенние травы, в глазах горел огонь гордости. Оказывается, выйти из-под опеки старшего брата - великое дело, удобное и людям и богу.

- Раньше мы были травой чахлой у ног Айдоса, - говорил довольный Бегис. - Теперь становимся стройными тополями.

Ты не ошибаешься, брат мой! - соглашался Мыржык. - Саженцы должны расти на воле, собственными корнями вбирать соки земли. Только тогда молодой турангиль поднимается ввысь, когда ему не мешает своей тенью старое дерево.

Все аульчане разделили радость братьев. Одна душа лишь не разделила - молодая жена Мыржыка красавица Кумар. Печалила ее вражда между братьями. Не она ли виной разлада? Хотя вины в этом своей не чувствовала и не понимала причины, которая привела к разрыву, но не все ведь лежит на песке, что-то и под песком: норки-то свои степные зверюшки строят в глубине. Боялась Кумар людской молвы: «Вот, мол, нерадивая кобылица переполошила косяк, натравила коней друг на друга. Бьются в кровь теперь».

Кайнагу своего, старшего брата мужа, Кумар считала великим бием. Ума у него больше, чем у братьев, он и сильнее их, и дальновиднее. Учиться бы им у него жизни, а не у Туремурата-суфи и отца ее, Есенгельды.

Слушая похвальбу Мыржыка, она как-то сказала:

- Господин мой, отважному степняку следует гордиться своим племенем, а не племенем жены. Рука близкого надежнее руки дальнего. Дружба-то ваша с хакимом Кунграда не прочнее яичной скорлупы.

То, что жена, всегда молчавшая, вдруг открыла рот перед мужем, удивило Мыржыка, но не очень - степнячки, они языкастые, - очень удивило то, что она произнесла, открыв свой безмолвный обычно рот.

- Смысл мужской дружбы недоступен женщине, - сказал он строго и тем хотел сомкнуть уста Кумар.

Но не так-то легко оказалось это сделать. Не умолкла Кумар.

- Переступив порог этого дома, научилась я понимать смысл произносимого. Семья зовется именем одного человека. Имя наше - имя отца твоего, как и имя твоих братьев...

- Ну договаривай, если уж начала, - стал сердиться Мыржык.
- Господин мой, все сказано.
- Не все! Ты не назвала Айдоса. Тянешь нас обратно под его тень.

Хитра, шельма!

Слезы обиды выкатились из глаз Кумар. Искренность ее приняли за хитрость. Глуп человек, отмахивающийся от того, кто указывает правильную дорогу. Кончиком платка прикрыла бегущую слезу Кумар и тем избавила себя от насмешливых слов мужа. Она была горда.

Слова-то насмешливые все же пали бы на нее, приготовил их Мыржык, но не успел бросить. За юртой поднялся шум. Радостный. Бегис крикнул:

- Встречай тестя, брат! Едем сам Есенгельды-бий.
- Отец! - прошептала Кумар.
- Да, отец, - усмехнулся Мыржык. - Твой отец, которого ты хочешь поменять на кайнагу.

Вспыхнула Кумар, ожег ее словом Мыржык, но не спалил.

За юртой уже приветствовали гостя. Бросился туда и Мыржык. Хозяин должен первым встретить родственника - таков закон степи и веры.

Отца Кумар ввели под руки, ввели, как вводят главу рода, как правящего бия, подыгрывая тем тщеславному чувству бывшего хакима. Он шел, стараясь высоко держать голову, а голова не держалась, тряслась, и плечи расправить не удавалось: сутулость затвердела в кости, и разогнуть кость уже нельзя было. Белая борода, жидкая и легкая как шелк, моталась на груди в такт движению. Дряхл был Есенгельды, все, казалось, погасло, все обесцветилось в нем, лишь черные глаза горели ярко и молодо и казались чужими на лице старца.

- Мир вам, - молитвенно произнес Есенгельды и степенно погладил бороду.

- И вам мир, - ответили молодые хозяева юрты, усаживая тестя на почетное место и подталкивая под локти и спину мягкие подушки.

Кумар замерла на почтительном расстоянии, как того требовал этикет. Ей хотелось приблизиться к отцу, погладить его руки... Жалость переполняла ее сердце -немошь отца была такой приметной в чужой юрте, но ни приблизиться, ни тронуть его ласково не смела в присутствии мужчин. Только глядела, и грусть была в ее взгляде.

Заговорил Есенгельды. Заговорил, потому что все ждали его слов, как ждут откровения от святого. И что бы ни сказал, принимали с

благоговением, качали головами, цокали языками. Мыржык замер, боясь проронить хоть слово.

А что говорил старый Есенгельды? Ничего. Нечего было ему сказать, пустое плел, долго плел, пока не вышел на свою тропу осуждения мыслей и дел Айдоса. Тут слова стали ясными и взволнованными. И в каждом -яд.

Грусть истаяла в глазах Кумар. И жалость ушла. Немоцный Есенгельды. оказывается, был еще силен и силу свою вкладывал в зло. Дома-то Кумар не слышала рассуждений отца о смысле жизни - не делился он сокровенным с детьми. А в юрте Мыржыка услышала. Ненависть слепила старика, ни о чем другом, кроме как о мести Айдосу, ставшему вместо него хакимом. говорить не мог, думать не мог И ненавистью своей заражал других.

Сувив красноватые веки, обхватив бороду руками и оглаживая ее время от времени, он неторопливо ронял слова на сердца людей, как роняет гюрза капли яда.

- Размышляя о делах Айдоса, уподобляешься смотрящему в колодец: глубок, а дно все же видно. Дно-то нашего главного бия черное. Раздал сорока сиротам телят и посеял семена разлуки. Мир устроен, как пожелал того всевышний: богатый есть богатый, бедный есть бедный. Отдав богатство другому, себя разоришь, а другого богатым не сделаешь, только заслужишь проклятие. Великий правитель Кунграда сказал мне как-то: «Жизнь каждого записана в книге судеб, и будет так, как суждено судьбой». Айдос прежде славился скупостью. В скупости поднялся над близкими, разбогател. Так было назначено судьбой. Ныне вдруг стал расточителен: свое отдает, народное отдает, и все - хану! А утроба ханская ненасытна. Каракалпаки скоро с пустым котлом останутся...

Знал Есенгельды, куда лить горячее масло. На горящие угли. Вспыхнут, зачадят на всю степь.

Зацокали осуждающе языками и братья и гости Пустой котел кого не приведет в уныние!

Мыржык, тот воскликнул с горечью:

- Ойбой!

Не осуждала Айдоса одна лишь Кумар, молодая жена Мыржыка Разводя огонь в очаге, вороша сухой джингиль и раздувая пламя, она ловила каждое слово отца. Не сочувствием, однако, отзывалось ее

сердце, а гневом. Рубил отец тот аркан, которым связаны были братья, и злое дело это подходило к концу. Остановить бы зло! Остановить!

- Отец! - сказала она, лишь только смолк Есенгельды, чтобы передохнуть и дать гостям и хозяевам осмыслить сотворенное им. - Отец, могу ли спросить вас?

Другой бы чей голос, пусть даже громкий, не встревожил Есенгельды, а тихий голос Кумар испугал. Умна дочь, смела. Скажет - кольнет больно. Лучше бы она молчала! Ну, раз заговорила, слушай, терпи, притворяйся довольным.

- Спрашивай, озорница!^- произнес он как можно мягче.

Затаились все в юрте: чем удивит красавица Кумар? И удивит ли?

А Кумар осветила лицо свое улыбкой, сощурила лукаво глаза, будто собиралась позабавить себя и отца шуткой.

- Говорят, человек подобен птице. Правильно ли, отец?

«Первое слово не страшное, - подумал Есенгельды. - Каким будет второе?»

- Верно, коли говорят.

Говорят еще: крылья человека - его язык, - произнесла второе слово Кумар. - Так ли, отец?

«Ну вот и открылся острый шип, - поморщился Есенгельды. - Как бы не уколоться!» Так, дочка. Однако к чему это?

Кумар рассмеялась игриво: попался в силоч отец.

Была одна сорока, целый день стрекотала на соседском загоне. Возненавидела я ее, велела соседскому сыну изловить чертовку и обрезать ей крылья. Сосед так и поступил: изловил сороку и обрезал крылья. Замолчала стрекотунья. Теперь мне жаль ее. Жива-то она была крыльями...

Хотел засмеяться и Есенгельды, но язык прилип к гортани. Больно уколола его дочь. Так больно, что и сердце замерло. Ладно, если другие не поняли намека Кумар, а если поняли, засмеют старика.

Однако не дошел, видно, смысл сказанного Кумар до хозяев и гостей. Недоуменно смотрели они на дочь Есенгельды. Мыржык принял слова жены как глупость и озлился:

- Открываешь рот - думай! А лучше не открывай. Она смолчала. Все так же улыбалась, лукаво щурила глаза. Дурочка, и только.

Люди не поняли, не увидели колючих шипов, и Есенгельды успокоился. «Пусть сказанное будет шуткой, - подумалось ему. - Так лучше и ей, и мне». И он примирительно сказал:

- Забавный случай поведала ты нам, дочка. Возвращусь домой, расскажу матери. Порадуется старая.

Пора было расстилать дастархан - угощать гостей. Засуетились хозяева. Одним чаем, пусть даже крепким, настоящим на густом молоке, не отделаешься. За юртой прокричал барашек под ловким ножом, запахло в котле салом. Потек по аулу пряный аромат подрумяненного в масле лука. Потек через аул в степь.

Говорят, на запах дыма и сала слетаются гости. Новых гостей не ждали Мыржык и Бегис, а вот налетели они словно вихрь.

«Не к добру это», - напугался Мыржык. Вбежал в юрту, объявил всем, Есенгельды первому:

- Али здесь!

Кто такой Али? Что бию Есенгельды до какого-то стремянного: ящерица степная пробежит по песку - и нет ее, даже следа не оставит. Пнуть ногой не хочется. А вот встревожил. Изменился в лице старик, забегали костлявые пальцы по бороде. Прошипел:

- Пять слов лишь сказали про Айдоса, на шестом откликнулся, прислал весточку. Ну, опустошит теперь этот Али казаны ваши...

6

Раздал сорока сиротам сорок телят Айдос и посеял семена разлуки - верно ведь сказал Есенгельды. Многих разлучили с главным бием эти телята: кто ушел из аула, кто ушел из самой жизни. Потерял он и старика Жаксылыка. Слепой, немощный, а все душа, все каракалпак.

Может, и без подачи биевой ушел бы из жизни Жаксылык, угас бы сам по себе, - ждал ведь смерти и слышал ее шаги вблизи... А вот совпал уход его из этого мира с раздачей сорока телят сорока обездоленным.

Теленка привел со свадьбы Доспан. Не сразу признали пастуха обездоленным, без него нашлось немало голодных и разутых, но Кумар назвала его имя, и Али подтолкнул теленка к ногам сына Жаксылыка. Застыдился Доспан, вроде признали его несчастным, и даже отстранился от телка. Айдос исправил ошибку Кумар, сказав Жаксылыку: «Слепому!» Тогда Доспан взял аркан и повел животину в землянку.

За всю свою жизнь не имел Жаксылык ничего, ходящего на четырех ногах, даже кошки. Потому, услышав рядом мычание, упал на колени,

обнял за шею теленка, ровно родственника после долгой разлуки, и нежно, через слезы прошептал:

- Наш... свой...

И у Доспана полились слезы: счастье-то степняка в животине, что ходит на четырех ногах. И повторил за отцом:

- Свой...

Надо было сотворить молитву: все ведь от бога - и полученное, и отнятое. Настоящей молитвы Жаксылык не знал, ему редко приходилось благодарить всевышнего за милость, да молитва - она сама творится, сердце подсказывает слова.

- О аллах, делая доброе, ты принимаешь облик бия и его руками вознаграждаешь обездоленных за верность и терпение. Ты положил в руки моего Доспана серебряный кружочек как начало нашего счастья и богатства. Вот оно - наше богатство! - Старик прижал голову теленка к своей груди, рукой трясущейся принялся гладить его уши, морду, приговаривая:- Наше богатство.

Наше...

Ночью Жаксылык лег рядом с теленком, боясь, как бы не похитили их богатство, и не столько спал, сколько бодрствовал. Утром обвязал его шею веревкой, потянул на волю.

- Буду пасти, - сказал сыну. Доспан пожалел отца.

- Не взять ли мне наше богатство в стадо?

- Не надо, сынок! Лучшего пастуха, чем Жаксылык, не найти в степи.

Отступился Доспан - пусть тешится отец. А сил, как известно, у Жаксылыка было мало. Иногда забредет далеко, а вернуться не может и ждет, когда его отыщет

Доспан.

- Трудно, оказывается, иметь скотину, - жаловался старик. - Одна животина - и столько хлопот! А что будет, когда появится десять... Теленок - это ведь лишь начало нашего богатства...

- Бог увеличит стадо, бог и прибавит силы, - успокаивал отца Доспан.

- Прибавил бы, - простонал Жаксылык.

А вот не прибавил бог силы Жаксылыку, а убавил. Не слепой теперь водил теленка, а теленок слепого. Переходит с места на место, щиплет траву, тянет за собой старика. Тот дышит тяжело, кряхтит, но веревку не выпускает из рук, - можно ли степняку потерять богатство свое! Теленок и домой приводил Жаксылыка, знал уже свою землянку.

Однажды, однако, не привел. Сам пришел, волоча аркан, а старика потерял.

Напугался Доспан. Подумал о плохом. Бросился в степь. А были уже сумерки, издали ничего не увидишь, ищи по низинам да холмам. Бежал Доспан, искал. Кричал:

- Отец!

Не отзывалась степь. Живое даже в ночи откликается, дает о себе знать. Да было ли живое!

Он нашел отца у подножия холма. Старик лежал навзничь, широко раскинув руки. Тело было уже холодным. Глаза смотрели в небо.

Зарыдал Доспан. Ударился головой о песок, заскреб его пальцами, как обезумевший волк.

- Отец... Отец...

Зови не зови, разве вернешь с того света...

На другой день, до захода солнца, как и положено по обычаю, аульчане похоронили Жаксылыка. Рыжего теленка - богатство слепого - зарезали, сварили в большом котле и съели на поминках.

Ничего не осталось у Доспана. Всех и все потерял. Была только серебряная монета, подаренная Кумар, - начало богатства и счастья. Лежала она, завернутая отцом в тряпочку, под камышовой циновкой как святыня. Прежде трогал ее иногда Доспан, веря в чудодейственную силу белого кружочка. Теперь усомнился в существовании такой силы: начало ли это богатства и счастья? Не несет ли монета, наоборот, несчастья?..

Надо бы выбросить монетку. Выйти в степь и закинуть за холм. Или лучше выпустить из рук в воду, как рыбу. На дне-то ее никто не сыщет, и никому она не принесет несчастья. А не закинул, не выпустил. Побоялся, что ли, или пожалел: подарила-то монету красавица Кумар!

Зря, однако, не выбросил. Несчастье за несчастьем повалились на Доспана. Угнал кто-то пеструху из стада. Человек ли, волк ли... Ночь всю искал Доспан, стер до крови ноги о колючие стебли, охрип, окликаючи. На рассвете наткнулся на пеструху в зарослях джангиля, привязанную к сухому стволу. Человек, значит, увел. С умыслом.

Не прошло и семи дней, напали на Доспана сироты Жандулы Осленка. Пришли, не поленились, из аула Бегиса и Мыржыка, чтобы расквитаться с пастухом за прежние обиды: не дал он им когда-то подоить аульских коров. Расквитались, как одичавшие жеребцы со сторожевым псом. Били его, поваленного, ногами, и он хоть и был

сильнее каждого из них в отдельности, но с табуном справиться не смог. Сироты, наверное, и убили бы Доспана, не появившись у джангилевой рощи сам Айдос-бий и его стремянный Али. Они возвращались из Хивы в родной аул. Увидев старшего бия, сироты оставили пастуха и скрылись в чащобе.

Айдос послал помощника узнать, что за люди в роще и что они там делают.

- Это пастух Доспан! - крикнул бию Али. - Он весь в крови.

- Жив?

- Да.

Бий подъехал, осадил коня прямо перед поднявшимся с земли Доспаном. Вид у пастуха был такой, что Айдос не удержался от жалостливого восклицания:

- Ойбой! Кто тебя так искалечил, сынок? Голова Доспана гудела, глаза опухли от ударов, видели плохо, однако он разобрал, что перед ним главный бий и что настроен он невесело. Надо было повалиться к ногам Айдосова коня и просить у бия защиты. Но Доспан не пал на колени, не попросил защиты. Слабость свою он еще ни перед кем не выказывал.

- Никто, мой бий.

- Значит, ты сам себя искалечил?

- Это игра! - понурился Айдос, солгал Доспан.

- Игра?- удивился бий. - Есть ли такая потеха, при которой кровь льется рекой.

- Есть. «Наваливается верблюд» называется. Я оказался внизу, - снова солгал Доспан.

- Забавляешь себя игрой, когда надо скорбеть по утрате. Могильный холм над твоим отцом еще не осел

Винил бий пастуха в нарушении закона шариата, корил за легкомыслие и черствость души. Винил, хотя догадывался, что не играли парни в «верблюда», не забавлялись. Избит Доспан, и избит жестоко. Скрытность пастуха сердила Айдоса и в то же время радовала. Мужественный джигит! Как, однако, он объяснит свое непочтение к родителю?

- Мой отец говорил, - ответил бию Доспан, - в мире мало радости, много горя. Я хотел от меньшего взять большее.

- Заметно, - усмехнулся бий. - За это тебя и поколотили!

- Нет, об этом никто не ведает.

- Значит, из- за земли или травы дрались?

- Дедушка-бий, какой каракалпак зарится на землю, - ее у нас глазом не окинешь! Драться из- за земли - уподобляться воронам, делящим небо.

- Однако ловок ты на слово, умеешь скрывать свои неудачи.

- Скрывать неудачи - беречь свое богатство, - тоже с усмешкой, как до этого бий, сказал Доспан. - Что еще есть у слабого, кроме хурджуна неудач!

- Э-э, да ты мудрец!

Придирчиво и не без изумления стал разглядывать бий Доспана. За лохмотьями - чекпен пастуха в драке был разорван в клочья, да и до драки небось плохо прикрывал тело - угадывался сильный и смелый джигит Редко теперь видел Айдос рядом с собой смелых людей, а преданных - тем паче. Перевелись преданные. Зато трусов и изменников - тьма. Кровные братья - и те предали.

- Не я мудрец, дедушка-бий, а мой отец, - возразил Доспан. - Он открыл мне глаза на этот мир, хотя сам был слеп.

Любопытство разыграло в Айдосе. Что еще открыл тебе отец?

- А вот что: «Не жалуйся на тяжесть своей беды. Твоя беда легка, один снесешь ее. Тяжела беда народа, ее всем не снести».

Черный дым огорчения окутал Айдоса. Пастух напомнил ему о доле народа, который нищает от ханских поборов. И, напомнив, вроде бы обвинил бия в причастности к этому злу. Ведь собственными руками и собственной плетью принуждает Айдос степняков отдавать хану последнее. Плеть все чаще и чаще пускается в ход. Не щадит степняков бий, пытаясь наполнить казну правителя Хивы. А казна все не наполняется, как тот колодец - зиндан, dna которого не видно. Бездонностью этого зиндана и пугает Айдоса хан. Последний раз собранные с таким трудом деньги казначей правителя принял с гримасой пренебрежения. «Мало, - сказал он. - Ты, видно, заодно с кунградским хакимом» А когда высыпал монеты в железный сундук, добавил: «Голова каждого хакима только тогда крепко держится на плечах, когда крышка сундука упирается в серебро и золото. А до этого еще далеко». И вернул бию пустой хурджун. Никогда не возвращал, а теперь вернул. Значит, требовал, чтобы его снова наполнили.

Возвращался домой Айдос полный мрачных мыслей и печальных предчувствий. Пустой хурджун, перекинутый через седло, напоминал ему об угрозе казначей - не щадить головы бия, несущего хану мало

серебра и золота! А где взять это серебро и золото? Разве за такими лохмотьями, как у Доспана, прячется золото?

Надо было что-то сделать для избавления подопечных от ханских поборов, а себя - от опасности потерять голову. И сделать, поторапливаясь. Не станет долго ждать хан, казна-то его пуста.

То, что замыслил прежде Айдос, могло принести избавление, но с кем замысел этот осуществить? Дело такое в одиночку не творится. Потому и подумал о верности людской, разговаривая с пастухом. Посчитал ее высшим благом сейчас. Верность соединит силы, поможет привести в исполнение тайный замысел.

Чи, однако, силы? Было время, выбрал Айдос из сирот самого честного и самого верного - Жаксылыка, отца Доспана. Лучшего помощника и бог бы не отыскал. Но заупрямились бии: черная кость, безроден, не место ему рядом с нами. Если отец - черная кость, то и сын - черная кость, никто, кроме бога, не выбелит ее. А бог не собирается этого делать.

Избитый, окровавленный стоял перед Айдосом пастух и смотрел чистыми, преданными глазами на старшего бия. Надо было бы ответить на этот взгляд той же чистотой и той же верностью. Не сумел Айдос. В ту минуту не сумел.

Отвел глаза, сказал:

- Здоровья тебе, сынок. Пусть отец твой войдет в рай.

Потом тронул коня и погнал его к аулу. Погнал, чтобы поскорее отделиться от Доспана, проложить между ним и собой длинную версту. Летел конь, вытягивались версты, и мысль о верности пастуха должна была покинуть Айдоса. А не покинула.

И когда долгая верста вытянулась и пастух оказался далеко от бия, так далеко, что и видно его уже не стало, и думать о нем было ни к чему, Айдос вдруг придержал коня. Придержал и стал ждать своего помощника, ехавшего сзади.

- Али, - сказал бий, едва кони поравнялись, - приведи вечером этого пастуха ко мне.

Степь уходила из-под власти Айдоса.

Ночью, под завесой темноты, а то и днем, открыто, без утайки, люди оставляли аулы, подчиненные главному бию, и шли на вольные

места, туда, где нет ни хана, ни его слуг. Одного-двух степняков мог бы остановить бий, вернуть в свой аул. Но один степняк, привязанный арканом, - все равно что ни одного. Прок-то какой в подневольном степняке! Он уже чужой, душа отвернулась от Айдоса, в голове хмель вольной жизни. Грози ему, увещевай его, обещай блага всякие, а он смотрит вдаль, тоскует по тому холму или по той низине, где один лишь день или одну ночь жил без хана.

Что эти беглецы! Бог с ними. Худо другое. Степняки, оставшиеся в его аулах, вышли из повиновения. Посланцы Айдоса возвращаются в пустыми хурджунами: не платит народ налог.

Али жаловался:

- Люди, подобно разгулявшимся жеребцам, рвут повода, сбрасывают седла. А без узды и без седла как поскачешь?

Горячий и безжалостный до этого, Айдос вдруг остыл и подобрел. Сборщикам налога запретил трогать - руками ли, плетью ли - упрямых и непокорных. Сам кулаки в ход не пускал, да и по селеньям перестал ездить. Иноходца своего - чудо степное - поставил в загон рядом с рогатым - «началом счастья и богатства»- и только глядел на него печально.

Пустой хурджун, возвращенный Айдосу ханским казначеем, лежал у порога юрты, и старший бий перешагивал через него, не тревожась и не досадуя. Лежит - и пусть себе лежит. О расплате с ханом думал, конечно. Угрозу свою - посадить нерадивого хакима в зиндан - Елтузер-инах выполнит. Да уж лучше быть наказанным ханом, чем своими степняками. Степняки снимут голову - Айдос и весь род его будет проклят и забыт. Хан снимет голову - люди хана проклянут, а Айдоса вознесут как страдальца за дело степняков.

Конец, однако, один - смерть. Почуяли конец Айдоса враги и соперники его .и стали виться над главным бием, как коршуны над покойником. Туремурат-суфи не побоялся, прислал своих людей прямо в аул Айдоса. На быстрых конях влетели они в селение и стали звать аульчан под защиту кунградского хакима.

- Степняки! - кричали они. - Бегис и Мыржык облагодетельствованы великим Туремуратом-суфи. Один - его левая рука, другой - правая. Кто примет покровительство Кунграда, тот будет так же облагодетельствован. Вы освободитесь от налога хану.

Кричали, летали как коршуны по аулу, бросали степнякам черные камни слов. Этих коршунов можно было перехватить, повыдергать им

перья, а то и свернуть головы. Закон степи суров - не поднимай пыль в чужом ауле! Но не сорвалось с губ Айдоса повеление. А без повеления бия кто вскочит в седло, кто пустит коня вдогонку, кто занесет нож над головой коршунов!

Айдос только скрежетал зубами и стонал. Ярость кипела в нем, а волю дать ей он не мог. Ему самому хотелось вскинуться в седло, догнать коршунов и свершить над ними расправу за дерзость. Но мысль разумная словно цепью охватывала его и не давала вырваться на волю ярости и неистовой силе. Знал ведь: не по своему, хоть и злему, умыслу появились в его ауле джигиты из Кунграда. Не свои слова бросали степнякам. И бросали их джигиты не в аульчан, а в Айдоса. Ему предназначалось все страшное и все унижительное.

Туремурат-суфи понуждал Айдоса склонить голову перед Кунградом, признать его власть над собой. Давно мечтает суфи о Кунградском ханстве. И мечту свою осуществил бы, не мешай ему Айдос своим упрямством, своей непокорностью. Сейчас бросает черные камни угроз, прежде рассыпал белый жемчуг лести. Говорил ласково старшему бию:

- Помоги мне великое дело сотворить, хочу создать Кунградское ханство, поставить его против Хивы. Твои каракалпаки будут главной силой и опорой.

Айдос ответил тогда:

- Чем пересаживаться с коня на ишака, мне лучше ходить пешком.

И верно ведь: нищее ханство Туремурата-суфи не поднимет род кунграда, а лишь унизит, разорит вовсе. Голодный скромн, пока некого есть, а появятся овцы - забудет о скромности, проглотит всех до одной. Хивинские налоги суфи отменит, а свои введет, - без поборов ханство и дня не продержится. Сегодня суфи обещает степнякам снять с них хивинскую узду, завтра наденет свою. Да покрепче хивинской. Плеть у него будет тоже пожестче. И лягут в землю каракалпаки тысячами, защищая Туремурата-суфи от мести злого и ненасытного Елтузер-инаха.

Да, лучше ходить пешком, чем пересаживаться с коня на ишака. Однако и пешком Айдосу некуда теперь идти. В ханский зиндан только...

- Мой бий, - обратился Али, к Айдосу, - не улетели еще коршуны. Насест, на который они опустились, недалеко. Набросим на них полог, переловим, и верши суд, как душа твоя требует.

- Рано, - ответил, подумав, Айдос.

- Сейчас рано, - согласился Али. - Тогда ночью когда уснут.

- Рано и ночью. Али не понимал бия!

- Пусть прилетит сам беркут, - пояснил Айдос

- Астапыралла! - поднял растерянно руки Али - Беркут не покидает своего гнезда. Придется скакать до самого Кунграда. А тут и скакать незачем, коршуны сели в джангилевой роще...

- Кто же набросит полог?- с горькой усмешкой спросил Айдос. Он не верил, что в ауле остались преданные ему люди.

У меня десять конников, одиннадцатый - пеший.

Еще горше стала усмешка Айдоса.

- Одиннадцатый - пеший? Кто это?

Али заулыбался, довольный тем, что отвлек бия от мрачных мыслей.

- Пастух Доспан. Ты привел его?

- Как велели, мой бий.

- Введи!

Али скрылся за пологом и через минуту втолкнул в юрту пастуха. Не без усилий втолкнул. Доспан вроде не сопротивлялся, но и не проявлял желаний войти. Переступив порог, тут же прирос к нему своими черными босыми ногами, похожими на деревянные грабли. Оторвать его от порога уже нельзя было, и напрасно Али тянул его за рукав чекпена.

- Вот Доспан, сын Жаксылыка, - сказал Али. - Привел прямо с пастбища.

Лицо Доспана было страшным. Озерная вода, которой умылся пастух, смыла кровь, но не могла снять синяки и ссадины, и теперь они выглядели еще ужаснее.

- Плохо, - покачал головой Доспан.

- Что плохо, сынок?- озабоченно спросил Айдос. Почудилось ему, что пастух жалуется на боль.

- Посох бросили, - ответил грустно Доспан. - Без посоха нет пастуха.

Айдос подумал о себе: он тоже теряет бийский посох. Может, потерял уже...

- А ты и не пастух теперь, - сказал с загадочностью Айдос, желая разжечь любопытство Доспана. Но не зажег, встревожил лишь.

- Без стада, дедушка-бий, чем жить буду?

- Будешь жить тем, чем живу я... И пока живу... Новая загадка тоже не зажгла интереса Доспана.

Далеко был он от мыслей и забот старшего бия. Ему хотелось вернуть посох, и он сказал:

- Без посоха смогу ли?

- Сможешь.

- Воля ваша, дедушка-бий. Что я должен делать? Айдос посмотрел на пастуха: не лицо, не руки Доспана надо было увидеть ему, а душу его. Как вот только? Не ошибиться бы...

- Быть рядом, сынок.

Трудно говорить с бием, трудно понимать его. Доспан вздохнул.

- Всего лишь?

- Всего, сынок. Но этого много: и когда на коне я - быть рядом, и когда под конем - быть рядом.

Понял наконец Доспан, что от него хочет Айдос. Тяжелую ношу взвалил на пастуха главный бий. Тяжелую. Сжалось сердце Доспана от страха. И тут же забило радостью и надеждой. Не поверил он, что бий упадет с коня, не поверил...

- Да поможет мне бог!

8

Не упал с коня Айдос.

В те черные дни не упал. Не сумели враги свалить старшего бия. Вербку вроде бы накинули и потянули. Туремурат-суфи тянул открыто, Есенгельды - таясь, Хива помогала, требуя новый налог, угрожая и плахой. Лежать бы под конем Айдосу. Но не судьба, видно.

Умер вдруг Елтузер-инах, хан хивинский.

Другие вести, печальные или радостные, долетают до аулов не быстрее скакуна текинского, а он ведь легок как птица, эта весть обогнала текинца. Будто нес ее ветер крылатый.

Спешил с печалью, принес радость.

Айдос сотворил молитву по усопшему. Сотворил и как будто сбросил с себя путы. С себя и с коня своего. Конем-то была его тайная мысль о ханстве каракалпакском. Пришло время погнать коня вперед. Погнать навстречу удаче. Так решил.

Все десять конников, которых отобрал Али, были посланы в аулы - ближние и дальние - звать биев на совет.

Много лет не собирались бий, заросла тропа к аулу Айдоса. Чтобы торить ее сызнова, надо было иметь желание, а его-то и не было. Ни душа, ни мысль биев не возвращалась к забытому. На что маяться, на что мучиться в седле, совершая дальний путь в главный аул? Слов новых для них у Айдоса нет. Все старые: налог, налог. Уши болят.

Знал это Айдос. Слышал издали брань и проклятия биев. Однако послал за ними. Верил, придут. Теперь придут. Не приглашение главного бия заставит их сесть на коней - смерть хана!

Он и позвал не к себе, не в аул Айдоса, не в юрту старшего бия, а на холм размышлений и совета.

Был такой холм. Песчаный горб на краю аула. Подняла его степь неизвестно когда и неизвестно зачем. Подняла выше остальных холмов, близких и дальних, вроде бы дала людям место, где бы они, видя все с высоты, могли поразмыслить о судьбе своей, решить, куда направить коней, чтобы не сбились с пути, не обезножели, доскакали до цели жизни.

На песчаный холм и велел перенести юрту совета Айдос. Пусть бий почувствуют себя вознесенными над миром, над всем мелким и пустым, пусть приблизят души к богу...

Позаботился и о теле биев. Расстелили ковры, кур-пачи, набросали подушек. Устлали преддверие юрты кошмами, - пусть из стремени усталая нога опустится не на жесткий песок, а на мягкий войлок.

За юртой выюбили ямы для котлов и разожгли огонь под ними. Скот пригнали с вечера, ножи наточили тоже с вечера, чтобы не мешкая, как только Али крикнет: «Пора!» - тут же заколоть двух-трех баранчиков и бросить в горячие котлы.

Али должен был закричать «Пора!», получив знак от Доспана, стоявшего на самой вершине холма и следившего за степью. Зоркий глаз пастуха незаменим на таком важном посту. Дали неоглядные, попробуй заметь на самом краю степи всадника и угадай, кто он: гость главного бия или заблудший степняк, добрый конь под ним или безродная кляча.

Как и на своем холмике пастушьем, Доспан замер ровно посох, воткнутый в землю, не шелохнется, не переступит с ноги на ногу, глазами лишь водит из края в край. Думает не о гостях, что должны вот-вот появиться в степи, а о серебряной монетке, подаренной ему Кумар. Принесла ли монета счастье, стала ли началом богатства? Думает, потому что все потерял, взяв в руки белый кружочек. Нашел же

только вот этот чек-пен, что накинул на него Али. Нарядный и, должно быть, дорогой, но чужой. Оступись Доспан тут, поднимаясь или спускаясь с холма, снимут с Доспана чекпен, снимут так же легко, как и надели. И останется он голым, босым. Не радовало потому Доспана его счастье. С пастушьим посохом ему было легче и спокойнее.

Опять пришло сомнение: не бросить ли монету? В песок или в воду, на дно озера... Не вернуть ли себе посох?

Размышляя так, Доспан, однако, не терял из вида край степи, откуда должны возникнуть всадники. На беспокойные вопросы Али: «Ну, как там?» - отвечал уныло: «Никак. Нет еще биев!»

К полудню замучились, ожидаючи, и мясники и овцы, запарился Али, бегая то от юрты к котлам, то от котлов к юрте. Доспан наконец сказал:

- Едут!

- Не ошибся ли, сынок?- спросил потерявший надежду Али.

- Нет, Али-ата. Только те ли это бии, которых мы ждем?

- Биев не так много в степи, чтобы хозяин наш обошел приглашением хотя бы одного.

Заслонив лицо от солнца рукой, Али всмотрелся в даль: по сухому травяному ковру скакали всадники. Один был на рослом белом коне.

- Это Маман, - сказал Али. - Бий из рода оймауыт.

Доспан знал только одного Мамана, великого Маман-бия, давно ушедшего из этого мира; поэтому, услышав имя его, удивился и переспросил:

- Маман?!

- Да, сынок. В честь великого бия детей, родившихся в год, когда Маман повез белому царю просьбу каракалпаков о присоединении к русским, многие степняки назвали Маманами. Назвали этим именем и нашего гостя. И не ошиблись. Достоин он своего имени. Ты заметил на его голове черную шапку? Это шапка скорби. Дал клятву бий: «Не сниму, пока народ наш не достигнет своей цели, не станет свободным». Так говорил и великий Маман. До самой смерти носил черный колпак. И ездил на белом коне...

- И этот на белом!

- Я же говорю: гость наш достоин своего имени.

- С открытым ли сердцем едет к нам?- обеспокоенно спросил Доспан. Не знал пастух, для чего собирает Айдос совет биев, но догадывался, что не праздник это для старшего бия, а испытание.

Что на сердце, одному богу известно, - развел руками Али. - Вот про того, который едет с Маманом на гнедом коне, не только бог, но и я знаю. Орынбай-бий из племени мангыт, единственный сын Убайдуллабия, раньше всех каракалпаков переселившегося в эти края. Его воспитали бухарские муллы, им и отдал он свою душу. Орынбай не любит нашего Айдоса, косо смотрит на него, но за дастарханом говорит ему приятные слова и улыбается весело.

- Обман, значит?-помрачнел пастух. Страшным показался Доспану совет биев. Не искренние люди собирались на него.

- Все так, - махнул рукой Али. - На губах улыбка, за пазухой камень.

- И бросят камень?- испугался Доспан. Когда-нибудь бросят, на то и держат...

- Сегодня бросят?

- Это тоже одному богу известно. Но если бросят, то не все и не сразу. Орынбай переменчив, как весенняя туча: утром летит на север, днем - на юг. Не знает ду ша постоянства. Он и одежду меняет, и коня своего. Зимой, подобно хивинцам, прикрывает голову шегирме, весной и осенью, как бухарец, - чалмою, летом - нашей черной шапкой. Сюда едет на гнедом, обратно поскачет на чубаром, которого ведет на поводу стремянный.

- Сейчас-то он в черной шапке, нашей, каракалпакской, - заметил Доспан и тем выразил надежду, что не бросит камень в Айдоса этот Орынбай.

- Скачет в черной - верно, а в какой прискачет -бог знает.

Пока судили о Мамане и Орынбае, из- за холмов вылетела вторая стайка всадников. Торопливая. Хорошие кони были под седлами гостей и несли их стремительно к высокому холму совета. В стайке было много всадников, но Али назвал лишь двоих: Ещана и Есенгельды.

- Смелые бии! - сказал он с восхищением. - Смелые и гордые. За хвостами других коней не скачут, впереди лишь. Смотри, обгонят Мамана и Орынбая. Ха, сейчас обойдут...

Доспана соперничество биев не заняло. Услышав опять знакомое имя, он произнес удивленно:

- Али-ата, что же это бии берут друг у друга имена?

- Не догадался? Хотят вместе с именем взять и величие другого бия.

- Или наш дедушка Есенгельды велик?

- Был велик... В твоём возрасте убил ненавистного людям правителя, избавил народ от мучений и тем прославил себя на всю степь.

Оказывается, злой, завистливый, ворчливый Есенгельды - богатырь. Только богатырь способен победить могущественного правителя! Удивительно! Не укладывалось такое в голове Доспана. Богатыри рисовались ему молодыми, сильными, добрыми, искренними. Старому, противному Есенгельды не подходило все это. Обескураженный Доспан посмотрел на Али: не поможет ли распутать перемешавшиеся мысли, вытянуть из клубка главную и верную?

- Иной палван поднимает десять быков подряд, - пояснил Али, - и силы остаются на одиннадцатого. Другой одного поднимет - надорвется...

- Надорвался, выходит, дедушка Есенгельды! - понял Доспан.

- Может, и не надорвался. Просто не захотел второго быка поднимать. Страх помешал. Опустил голову перед правителями, стал ноги им целовать. А кто ноги целует, того вознаграждают за преданность, возвеличивая. Стал Есенгельды мехремом хивинского хана и уподобился в жестокости тому правителю, которого сам убил. Отвернулся народ от нового мехрема, и первым отвернулся вот этот Есенгельды, прозванный Рыжим. Проклял мехрема. Сказал: «Переменял бы имя свое, да нельзя осквернить память родителей. Они дали его мне, и мулла навечно закрепил за мной это имя молитвой». Отвернувшись от Есенгельды-старшего, он отвернулся и от Хивы, и от Кунграда, и от Бухары. Род свой тоже забыл. Никто теперь не знает, откуда вышел Есенгельды Рыжий: то ли из рода оймауыт, то ли из рода кенегес...

- Можно ли никого не чтить, никому не принадлежать? - спросил Доспан.

- Что сказать тебе, сынок? Нельзя. Одинокий ягненок - добыча волка.

- Как же войдут вместе в юрту два Есенгельды - старый и молодой? Враги ведь.

- Войдет один.

- Старый?

- Нет, молодой. Старого не ждет Айдос. От Кунграда сюда не доскачешь за день, да и скакать не привык Есенгельды, конь у него

тихий, идет шагом, останавливается у каждого аула, где живут недруги нашего бия.

Снова страх обнял душу Доспана: много, оказывается, недругов у дедушки Айдоса. Не белая, а черная земля была вокруг родного аула. На черной же земле не растут добрые травы, а ядовитые лишь. «Быть рядом - дело твое. Рядом, когда на коне и когда под конем», - вспомнил слова бия Доспан. По черной земле конь долго не пройдет. Задушат его ядовитые травы. А без коня и шагу не сделаешь.

Подумал о посохе своем Доспан. Жаль ему стало пастушьего посоха, себя жаль. Неласково и неудобно было на высоком холме биев, солнце жгло особенно немилосердно, ветер неистовствовал, того и гляди собьет с ног Доспана. Ноги хоть и крепкие у пастуха, а не устоять при таком ветре.

«Где ты, мой серебряный кружочек? Где начало счастья?»

Мысль - она быстрая, однако пока одна на другую нанижется, время уйдет. Ушло и сейчас. Пока размышлял Доспан о своем будущем, бии версту - не меньше - одолели. Обошли остальных биев Есенгельды и Ещан. Резвые кони вынесли их к подножию холма и тем заслужили похвалу Али:

- Аи, соколы! Аи, молодцы!

Белый под Ещаном на голову опередил рыжего иноходца Есенгельды. Тот рвался вперед, но никак не мог сравниться с белым. Ещан торжествовал, что-то громко выкрикивал, и, должно быть, веселое, потому что оба бия смеялись.

Летела еще одна стая верховых, теперь с юга. Как и в птичьей стае, впереди был вожак, который торопил коня, не давал остальным, рассыпанным в беспорядке за его спиной, приблизиться и нарушить незримую черту, отделяющую бия от его подопечных. Вел стаю Кабулбий. Конь и всадник были охотниками и умели брать добычу. Кабулбий пригнулся при этом к луке седла, и глаза его впивались огненным взглядом в жертву. Он и сейчас чуть пригнулся, давая тем самым посыл коню, и разгоряченный конь черной молнией устремился к холму. Появившись на виду последним, он мог оказаться первым у цели.

- Наш охотник и здесь не выпустит из рук добычу, - сказал Али. - Тщеславный и алчный этот бий из рода кенегес. Все кладет в собственный хурджун, ничего не вынимает. Если даст кому-нибудь выпросить у себя просяное зерно, умрет от горя. В одном лишь щедр - в черном слове. Он придумывает его, и он же пускает по ветру. Не одного

степняка оклеветал Кабул-бий... Побиваются его люди, обходят стороной.

- Дедушка Айдос тоже?- робко спросил Доспан. Боязно было касаться неведомого: вдруг старший бий в числе оклеветанных и униженных Кабулом? Не снесет такого Доспан. А знать хотелось.

- Айдос смелый, - отверг опасения пастуха Али. - Запретил Кабулу охотиться в наших тугаях. Даже ловчую птицу его убил. Такое не всякий сделает...

У Кабул-бия небось большой камень за пазухой?- догадался Доспан.

- Да уж не песчинка. Живот надорвал под его тяжестью.

«Сколько камней! - с отчаянием подумал пастух. - И все для старшего бия. Если полетят разом, не уберется ни Айдос, ни его стремянные. Больно будет, это уж наверняка, с коня бы только не сбили».

Гости на рысях, а то и на полном скаку взлетали на холм и тут на вершине осаживали лошадей - взмыленных, тяжело поводящих боками, бросали небрежно поводья джигитам. Те ловили в воздухе цепкими и сильными руками, скручивали и тем остепеняли разгоряченных животных, гасили огонь крови.

Из юрты совета вышел в парадном халате Айдос, приложил руку к сердцу, приветствуя биев. Был он холоден, сдержанно почтителен и строг. Как джигиты коней, так гостей своих остепенил сразу старший бий, дал понять, что озабочен и что позвал их не веселиться, а решать важное дело.

Бии без охоты, но все же сделали серьезные лица, напустили на себя важность и степенно, заложив за спины руки, будто шли не на совет, а на молитву, проследовали в юрту.

Пропустив последнего, Айдос подозвал к себе Али и сказал ему лишь одному предназначенное и потому прозвучавшее чуть слышно:

- Мои упрямые бычки опоздали?

Он хотел, чтобы Али успокоил его, ответив: «Сейчас придут Бегис и Мыржык, не тревожься, мой господин!» Грусть была в глазах Айдоса, и надо было избавиться от нее старшего бия. А избавиться можно было только солгав. Верный пес Али не умел лгать, ответил полуправдой:

- От Кунграда долго скакать... Айдос покачал головой.

- Если из Кунграда... - И, не закончив, повернулся и вошел в юрту.

Руки Али поднялись к лицу и сделали омовение. К богу обращался верный стремянный, лишь бог мог помочь старшему бию.

Бии сидели на шелковых курпачах полукругом, привалившись к мягким подушкам и подобрав под себя ноги. Айдос стоял над ними.

Место главного бия - красный ковер в глубине юрты - было свободным. Такого еще не было на совете биев. Все глядели на пустой ковер и ломали головы: что это значит?

Всегда шумные, злоречивые, не признающие порядка, тем более здесь, на их высоте, в их царстве, над которым только небо, вдруг стихли и присмирели, острые языки их прилипли к нёбу.

Тишина воцарилась в юрте совета. Тревожная, тягостная, от которой становится муторно на душе и хочется сбросить ее поскорее, вздохнуть облегченно.

Когда стало всем уже невмоготу, Айдос сказал:

- Братья! Могу ли я высказать вам свое желание? Разом будто снялась тягость с бийских душ, хоть и не вся, частичка лишь, но облегчение все же пришло, и гости ответили охотно:

- Говорите!

- Мы вольные, мы равные. А воля бия - самое дорогое, что есть у него, и никто не вправе лишить нас этого богатства. Но когда мы вместе и надо вести разговор о судьбе нашей и судьбе нашего народа, не разумным ли было бы для пользы общей доверить одному право блюсти церемонию и порядок, дабы не забегал никто вперед, не заглушал остальных громким голосом. Назовем такого, и пусть он займет место во главе круга...

Не снял, оказалось, Айдос тягость с души биев. Только показалось им, что снял. Еще тяжелее стало: как поднять над собой кого-то? Не умели делать это бии И не хотели. Назвав имя соседа, вроде бы свое забудешь.

Маман, умный и рассудительный Маман, поспешил на выручку биям:

- Пусть не будет так, как в плохом доме: распоряжается гость. Айдос-бий, займите место во главе круга, оно ваше по праву хозяина.

Бии вздохнули облегченно: хозяин - не выбранное лицо, он не становится над ними, он выполняет долг гостеприимства, и только.

Айдос не спеша направился к почетному ковру и не спеша опустил на него, как и подобает старшему по кругу. Первый шаг к возвышению своему он сделал, и бии не заметили той дорожки, которую он выстелил для себя, предложив избрать старшего по кругу.

Не все бии заметили, один лишь ехидный Кабул-бий, Усмехнулся он, провожая взглядом Айдоса:

- Не сядет ли на почетное место весь род кунграда...

Мог бы не услышать насмешки Айдос, мог бы не почувствовать укуса комара - кто Кабул, комар и есть! - а услышал, почувствовал и оценил как укус эфы. Хотел, чтобы и другие так оценили. Поднялся с ковра, сказал:

- Уши мои, видно, стали слабы, не понял, кто должен занять место старшего в круге?

- Вы! - прокричали дружно бии. - Вас называем. Начинайте разговор, ради которого собрались на холме совета.

Опустился на ковер Айдос.

- Если велите, начну.

- Да, это наша воля! Начинайте!

Начать разговор не просто. Открыть биям тайну с первых слов все равно что бросить волкам беззащитного ягненка. Разорвут в один миг, и следов не останется. Надо дать им что-то костистое, толстокожее, застревающее в глотке.

- Когда Елтузер объявил себя ханом, - начал Айдос, - народ усомнился в правомерности такого шага. «В дедах у Елтузера не значился ни один правитель, - говорили люди. - Он потомок черни и потому не может стать ханом». Однако ханом стал и правил Хорезмом. Теперь на ханский престол взошел его кровный брат - Мухаммед Рахим...

- Ойбой! - вырвалось у биев.

- Мы дожили до тех времен, когда, беря в руки власть и надевая золотой ханский халат, сильные не думают о цвете собственной крови.

Костистое и толстокожее, поднесенное Айдосом, застряло в глотках биев: ни разгрызть, ни проглотить не смогли. Ехидный Кабул, однако, что-то учуял и помог биям если не проглотить, то хотя бы надкусить поднесенное Айдосом. Сказал:

- Наш аул в Туркестане назывался ханским аулом. Напомнил этим, что прежде существовало вроде бы каракалпакское ханство, хотя и не признавалось другими и как государство не значилось.

Орынбай, не любивший Кабула, стер это напоминание насмешкой:

- Коротыш Гаип тоже назвал себя ханом у ваших кенегесов.

Стирать память, однако, не надо было. Прошлое могло помочь Айдосу сотворить настоящее. Он решил вернуться к нему, но Маман помешал, встрял в разговор:

- Всем известно, ханы в великой Хиве меняются без каракалпаков, но без каракалпаков укрепить свою власть не могут. Что вы скажете на это?

Может, и не помешал, отвел только в сторону, опять к хивинскому хану... Пришлось Айдосу пойти за Маманом.

- Верно, уважаемый, без нас не укрепится ни один хан. Каракалпаки отдают ханам то, что создает их славу и могущество. Не буду называть других, скажу о себе. По молодости многого не понимал, говорят же: молодость - глупость. Немало глупых поступков совершил когда-то. Уподоблялся слепой рыбе, которая плывет против течения в арыке, перекрытом в самом изголовье.

- Э-э, - скривился досадливо Маман, - не стремитесь к изголовью.

- Если бы я один стремился. Все мы плывем к изголовью, где арык до того узок, что и повернуться нельзя, и не остается ничего другого, как выброситься на берег. А кому неизвестна судьба рыбы на песке?

Не совсем понятными, но тревожащими душу были слова Айдоса. Затаив дыхание слушали его бии, и тревога все усиливалась и усиливалась. И никто не знал, придет ли в конце концов успокоение...

- Печальная судьба. Плыви рыба в большой реке... В арыке же узком все на виду, все засчитывается богом, все запоминается людьми.

- О каких арыках ведете речь?- не выдержал Орынбай. Мешала ему, сердила его запутанная мысль Айдоса, пухла голова от таких слов и загадок.

Улыбнувшись, Айдос объяснил:

- Арыки - это путь, избранный каждым бием. Начало вашего арыка, душа моя, Орынбай, в Бухаре, Маман-бия - в казахском ханстве, моего - в Хиве. Нашлись бии, которые началом своего арыка сделали мой арык, хотя говорят, что рыли его сами.

Айдос намекал на своих младших братьев и на старшего Есенгельды. Намек понял Орынбай и рассмеялся. Разлад между братьями обрадовал его.

- Омирбек шутник, - вставил он тут же. - Однажды он потерял на базаре свой хурджун. Не знал, как оправдаться перед женой, сказал ей: «Сегодня на базаре было много людей, потерявших хурджуны!» Так-то,

Айдос, мы не виноваты, что от вашего арыка кто-то отвел воду в свой арык... Наши пока целы, и начало их многоводное...

- Ваши арыки целы, но узки, - ответил на укол уколом старший бии.
- И судьба рыб в них - та же!..

- Не узок мой арык, - опять перебил главного бия строптивый Орынбай. - Всех вод рыба может в нем уместиться, не придется ей выбрасываться на берег...

Приглашал Орынбай степняков под власть Бухары. Богатая и гордая Бухара пленила не одного Орынбая. Многие бии смотрели на могущественного эмира как на возможного защитника своего и заискивали перед ним.

- Арык есть арык, - покачал головой Айдос. - Сколько бы слов прекрасных ни сказали о нем, рекой он не станет. Нам же, каракалпакам, нужна река - широкая, обильная. Соединившись, мы станем такой рекой, лишь бы истоки были надежными. Орынбай считает надежным началом Бухару. Есть еще казахское ханство и хивинское ханство. Какое из этих начал надежнее? Земля Хорезма приютила нас в тяжелый год изгнания, она стала землей наших отцов и пусть станет землей наших сыновей. Не перекасти-подем надо быть нашему народу, а турангилом, пустившим глубокие корни. Пойдем к хивинскому хану, скажем ему, что хозяевами арыка хотим быть сами.

- Верно, Айдос-бий! - крикнул Маман. - Хозяевами арыка каракалпаков должны быть сами каракалпаки. Только почему ваш язык выговаривает лишь одно слово -«Хива»? Защитит ли нас хивинский хан, если другому хану захочется обидеть и разорить каракалпаков, если ветер зла снова погонит их с того места, где они поставили юрты и зажгли очаги?

- Каракалпаки сами защитят себя, когда создадут каракалпакское ханство, - ответил Айдос. - Пять пальцев, соединенных вместе, - кулак, а кулаком можно сбить и быка.

- Каракалпакское ханство! - захохотал Орынбай.

- Да, братья, каракалпакское ханство, - подтвердил громко Айдос.

- Ханство! - продолжал хохотать Орынбай. - И хан наш - Айдос...

Пока закатывался смехом Орынбай - а он умел смеяться долго, умел, как голодная гиена, то затихать, то оглушать громом, - все молча смотрели на старшего бия: не ослышались ли они, верно ли, что Айдос думает о своем ханстве?

Кабул тоже смотрел на старшего бия. Думал: вот его враг, и он может подняться до высоты хана, и тогда Кабул не сумеет отомстить ему за убитую ловчую птицу, за унижение изгнанного из Айдосовых тугаев охотника. А желание мести таилось в сердце обиженного бия, не выпадал лишь случай дать волю этому желанию. Вот сейчас, кажется, случай такой выпал. Смехом убивает старшего бия Орынбай. И убьет, пожалуй. Не помочь ли ему?

Не умел смеяться Кабул - смех был у него козлиный. Но при том громе, который вырвался из глотки Орынбая, кто поймет, смеется Кабул или кашляет. И он закашлял.

Оборвал смех Орынбая нежданно-негаданно явившийся посланец Хивы. Он остановил коня у юрты совета, Айдос едва успел выскочить из юрты и протянуть гостю руки. Обидело бы хивинца пренебрежение хозяина к обычаю мусульман встретить гостя за порогом.

- Ассалам алейкум, достопочтенный бек священной Хивы! - громко, чтобы слышали притихшие в юрте бии, сказал Айдос. - Рады видеть вас.

- Ваалейкум ассалам! - ответил тоже громко гость. - Бросили вонючий аул и веселитесь в поднебесье!

Смех, что услышал хивинец, подъезжая к холму, мог принадлежать только пирующим людям. А пировать он любил и потому заторопился на вершину. Спрыгнув с коня, хивинец сразу же шагнул к юрте. Айдос хотел задержать посланца - не нужны были на совете биев глаза и уши хивинского прислужника, - но не успел и произнес почти вослед гостю запоздалое приглашение:

- Войдите, уважаемый!

Тот вошел и обомлел: юрта была полна народа.

- Э-э, а говорят, каракалпаки чураются радостей жизни, не понимают вкуса удовольствий. Лгут говорящие, - заулыбался хивинец. - Чудное место выбрали для развлечений. Только не вижу красавиц с тонкими талиями. Или нарушили обычай степняков: когда пьешь чай, держи под боком жену. Где красные платки юных пери?

Веселый и сластолюбивый был, видно, гость из Хивы. Глаза его блестя дурным блеском похотливости, с губ слетали пряные слова.

Обидным показалось все это биям. Посуровели их лица. Ненавистным взглядом оглядел каждый непрошеного гостя. Но и испуг был во взгляде: не зря явился хивинец; если не сразу, то потом поймет, что не ради праздного веселья собрались здесь каракалпаки, не об

утехах с красавицами думают они. Поняв же, заподозрит в недобрых для хана намерениях степняков и бог знает как распорядится своими подозрениями, вернувшись в Хиву. Не лучше ли спрятать себя, не дать хивинцу запомнить, кого увидел в юрте. И бии стали опускать головы, отворачивать лица, прятаться за спины впереди сидящих.

- Просим на почетное место! - произнес Айдос и показал рукой на красный ковер, где только что сидел сам.

- Нет, нет, - отмахнулся хивинец. - Без прелестной пери мне там делать нечего. Да я вижу, вы тут не веселиться собрались... - Он оглядел юрту - и уже не тем беззаботным взглядом, как прежде, а внимательным, придирчивым. Улыбка хоть и оставалась на лице, но стала жесткой, злорадной даже. Что-то понимать начал хивинец. - Верно, не веселиться, - повторил он. - Растерялись твои гости, Айдосбий. Растерялись ведь? Некстати, выходит, появился здесь племянник великого Мухаммеда Рахим-хана. Не рады посланнику священной Хивы. Похоже, есть у вас какой-то секрет от правителя... - Хивинец посмотрел пытливо на Айдоса. - Или нет?

Промолчал Айдос.

- Есть ли, нет ли, долг наш дать знать о виденном великому хану.

' Вовсе присмирели бии, угроза хивинского посланника наполнила их души тревогой - а ведь не смолчит, в самом деле, хивинец, шепнет хану: дескать, каракалпаки-то ненадежны, затевают что-то против Хивы.

- Однако, - сказал спокойно и дружелюбно Айдос, - не пренебрегайте нашим гостеприимством, дорогой племянник великого Рахим-хана, займите почетное место, разделите с нами то, что послал всевышний. Барашки уже в котлах, и время приступать к трапезе.

- Не время, - покачал головой хивинец. - Разговор ваш не окончен, и не стану мешать начатому. При мне-то вы спрячете заветное, и языки ваши прилипнут к гортани. Молча будем есть барашка. Поеду я, уважаемый Айдос. Прислал меня сюда хан с поручением: пригласить старшего бия каракалпаков на праздник по случаю окончания его молодыми сыновьями ислама хивинского медресе. Будьте гостем хана!

- Благодарю! - скрестил руки на груди Айдос.

Хивинец снова обвел взглядом юрту, отметил для себя, что жалки и трусливы бии и сотворить зло Хиве не способны. Сердце его подобрело, и он сказал:

- Можете захватить с собой и этих... сколько пожелаете. Хан щедр...

- Отдохнули бы, дорогой бек! Впереди вечер и ночь, - попытался задержать гостя Айдос. Без желания, правда, потому слова были холодными. И хивинец это почувствовал.

- В пути отдохну.

Тут вскочил Кабул-бий, произнес угодливо:

- У меня отдохните, аул мой близ дороги на Хиву... - И поспешил к выходу, чтобы проводить хивинца до коня.

Всем хотелось избавиться от посланца хана, и больше всего Айдосу. Однако избавишься ли, передав посланца в руки Кабула? Нашепчет, проклятый, хивинцу такое, отчего взъярится тот и кинется к хану с доносом. А хан не замешкается с расправой над биями.

- Проводит вас, дорогой бек, мой помощник, - сказал Айдос. - Он знает аул, где путнику окажут достойное внимание.

Сказал и тем надеялся остановить прыткого Кабула, но не остановил. Хитрец прилепился к хивинцу, как овод к лошади, не оторвешь.

- Да, да, в моем доме вам окажут достойное внимание.

Пришлось идти рядом с Кабулом как с равным, делить с ним право хозяина. За порогом лишь, когда Кабул взял из рук Доспана повод и подвел гнедого к хивинцу и осталось лишь посадить его в седло, Айдос напомнил о себе как о хозяине и старшем бии. Крикнул зычно:

- Али, на коня!

Слава богу, конь помощника всегда был наготове. Али взлетел в седло и подъехал к Айдосу:

- Что велишь, мой бии?

- Проводи бека до аула Бегиса и Мыржыка. Скажи братьям, что это наш гость и что душа и тело его должны пребывать в покое и радости...

- Хорошо, мой бии.

Хивинец и Кабул были уже в седлах. Кони, осторожно ступая по зыбкому песку, пошли вниз. Али тоже тронул своего чалого.

- Будь рядом с хивинцем, стремя в стремя, - бросил вслед стремянному Айдос. - Не оставляй его наедине с Кабулом, не дай хитрецу заманить гостя в свой аул.

Понял, бии!

Чалый под доброй плеткой поспешил за гнедым и вороным, настиг их у подножия холма, поравнялся, и дальше степной тропой кони пошли уже рядом, стремя в стремя.

Постояв на песчаном гребне минуту-другую и тем как бы простившись с гостем, Айдос вернулся в юрту.

Безмолвна была юрта. Бии пребывали в том же состоянии испуга и растерянности, в какое их поверг своим появлением посланец хана. Орынбай, едва не убивший своим презрительным смехом не названного еще хана, теперь смотрел на Айдоса виновато, стыдился вроде бы сотворенного только что и ждал укора. И все ждали укора. Но иные слова произнес Айдос, и не было в них гнева и обиды, были досада, боль разочарования и великая тоска.

- Не пришло время собрать наши пальцы в кулак, - сказал Айдос, опускаясь на красный ковер почета. - Смотрим мы все в разные стороны. И стороны эти - Хива, Бухара, казахское ханство. Кабул уже выбрал свою сторону и направил туда коня. Последуем и мы его примеру. Оседлаем черных коней измены нашему делу и поскачем прочь от этой юрты, в которой наши отцы решали судьбы своего несчастного народа.

Бии молчали, а должны были кричать негодующе: в измене обвинил их Айдос. Может ли степняк снести такое? Но вот снесли. Прав, видно, был Айдос.

Правда, не все. Умный, рассудительный и гордый Маман сказал:

- Не поскачем.

- Отчего же? - скривил губы Айдос.

- Некуда скакать.

- Степь широка. Дорог не счесть...

- Степь широка, верно. И дорог не счесть, да отцы завещали нам одну: в русское ханство.

- Да, да! - вспомнили вдруг бии завещание отцов, загалдели, устыдившись своей беспамятливости. - Да, да!

Айдос поднял руку, утихомиривая биев, хотя их галдеж был теперь сладок ему и как целебный настой из трав исцелял нанесенные ими же раны. Утихомирив все же. И в тишине произнес:

- Маман-бий! Бог, должно быть, подсказал вам те слова, что услышали мы сейчас. Да, к русским надо протянуть руку за помощью, не простят нам сыны и внуки забывчивости нашей. Только как пожмут русские нашу руку, если нет единства у нее?

- Не пожмут, - согласились бии.

- Да, верно, - повторил за биями Айдос. - Только объединившись, мы и защититься сможем, и пожать по-братски руку русских.

- Ханство, значит?- бросил опять, как камень, свое старое Орынбай. Правда, бросил без насмешки теперь, и не в Айдоса, а просто так, чтобы освободиться от давящей его тяжести.

- Ханство! - утвердил Айдос. - Каракалпакское ханство.

- Ойбой! - испуганно вскрикнул Ещан-бий. - Трудную дорогу мы выбираем, братья. Не потерять бы коней в пути...

- Не потеряем, - успокоил его Айдос. - А потеряем, так ведь только коней. Сердце сбережем.

9

У самого озера, когда за его прибрежными камышами стал виден холм и на нем нарядные юрты Бегиса и Мыржыка, хивинец спросил Али:

- Куда ведешь нас, каракалпак?

- К месту, где душа и тело ваши будут пребывать в покое и радости.

- Ха, ты оказывается, знаешь, чем лечить недуг сердца.

Али насторожился.

- Или вы были здесь, бек?

Тихим смехом ответил хивинец. Что-то сладкое, видно, вспомнил, облизнулся вроде бы.

- Был... Здесь-то и занемог.

Еще больше насторожился Али: уж не Мыржык ли с Бегисом влили яду в сердце этого племянника хана своими жалобами на старшего бия!

- Это аул младших братьев Айдоса, - пояснил Али. - Молодой аул, юрты недавно поставили здесь, место необжитое.

Кабул добавил свое, охотничье:

- Чудное место! Птицы бегающей и плавающей не счесть. Из-под копыт коня стаяй взлетают. Голыми руками брать можно.

- Голыми?! Хорошо бы, - опять засмеялся хивинец. - Веди, веди нас, каракалпак, в свое сказочное место.

Не о тех птицах, что гнездятся в камышах, говорил, Посмеиваясь, хивинец. Это и охотник Кабул понял.

- На кого любите охотиться, дорогой бек?- поинтересовался Кабул, глянув при этом лукаво на хивинца, вроде бы подбивал его на откровенность. Учужал какую-то тайну за словами бека. Веселую тайну.

- На бегающую, - ответил хивинец, хихикая.

- Охотясь и занемогли?

- Занемог... Сердце потерял. Встретил тут у колодца молодуху красоты невиданной. Звезда синего неба, нет, луна среди звезд. Что лицо, что стать! Дева роз.

- Жена Мыржыка, видно, - закивал головой одобрительно Кабул. - Все джигиты, говоря о ней, цокают языками.

- И я уподобился цокающему. Напоила коня моего и мне обещала пиалу чая, если спешусь и загляну в юрту. Заглянул бы, да торопился к Айдосу передать приглашение хана. Служение правителю, сами понимаете, первое дело, грех замешкаться в дороге.

Не зря, оказывается, тревога закралась в душу Али. Не для отдыха выбрал он аул Бегиса и Мыржыка, а для утоления своих недобрых желаний.

- Невестка нашего Айдос-бия, верно, хороша, - присоединился как бы к похвале Кабула стремянный, однако не о возвышении Кумар думал, вступая в разговор. Хотел напомнить гостю о пределе желаний, предостеречь от опасного шага. Глумление над гостеприимством степняков бог знает как отзовется в их душах.

Предостережение Али не дошло до хивинца. Может, и дошло, да не обратил он на него внимания. Ни к чему гостю были опасения стремянного и слова его грустные тоже ни к чему. Думал о своем и плел свое:

- Теперь наказ хана выполнен, могу заглянуть в юрту молодухи, выпить ту пиалу чая, что предлагала мне утром. Чай-то у нее, надеюсь, крепкий да горячий, утолит жажду страдающего. Ой, приманчива эта молодуха, не минуешь ее юрты...

Искал зла Айдосу и творил его Кабул, а такое, задуманное хивинцем, не принял. Покоробила его прихоть бека. Унижала она не одного Айдоса, унижала всех степняков и самого Кабула. Стать же против гостя явно не смел. Защититься лишь хватило решимости, остановить его, бросить на тропу камешек:

- Муж-то молодухи, наверное, дома...

Откинул хивинец камешек, не глядя и не почувствовав тяжести.

- Сказала, нет дома, в отъезде...

- Не был, а теперь может и быть, - попытался Кабул снова подбросить под ноги гостя камешек. - На коне уехал, на коне и вернется, длинные ли дороги молодого хозяина, на закате солнца любая кончается...

- Ждала бы, так не звала пить чай... Я-то уж этих молодых знаю. Муж за порог, джигит - к порогу. Не раз такое случалось, и лицом к лицу с хозяином не сталкивался. Меня Рахим-хан так и называет - «удачливый джигит». При живом Елтузер-инахе мы с ним ладно погуляли у молодых, не один полог приподняли в темную ночь. Могли бы погулять и теперь, да ханские сапоги тяжелые, не перешагнешь в них порог запретной половины дома.

Отступил Кабул, убрал свой ничтожный камешек с тропы хивинца. Произнес невнятно и нерешительно:

- Ваши сапоги легки...

- Потому и ношу их...

Юрта Мыржыка была уже близка, кони прошли аул и стали подниматься на холм.

Холм был высоким, и хивинец задрал голову, чтобы поискать глазами хозяев юрты: гостеприимство требовало появления хозяев у входа. Красный платок Кумар, тюльпаном горящий на закатном солнце, он увидел сразу, а вот черного кураша Мыржыка не мог найти. Не было его и у входа перед пологом, ни возле хлева, ни возле загона.

- Застрял-то хозяин в пути, - взволнованно зашептал хивинец. - Если днем конь не нашел тропу к дому, ночью тем более не найдет. Примем чай из рук одинокой молодой, - Хивинец повернулся к ехавшим сзади Кабулу и Али: - Только вы, милые, помогите мне, закройте на время глаза и заткните уши...

Плеткой вроде хлестнули Али.

- Дорогой гость, - взмолился он, - нет у нас такого обычая!

- Нет, так будет, - весело ответил хивинец. - Кто-то должен подарить степнякам новый обычай. Он придется по душе джигитам. А за услугу мы платим. Хан вознаградит вас, милые. При дворе свободна должность кусбеги, разве она не подошла бы вам, уважаемый Кабул. Думаю, подошла бы. Добрый конь да расшитый золотом халат кого не украсит...

Кабул натянул повод, и вороной его сбавил шаг, дал стремянному догнать себя. Когда поравнялись кони, Кабул перегнулся через луку седла, сказал Али:

- Понял?

Али покачал головой.

- Нет, бий.

- Глупец. Обидеть этого хивинца все равно что разворошить гнездо змей. Что добудем мы этим, кроме чаши яда? Мне не нужна она, Айдосу тоже, ему и без того хватает горечи. Может, тебе понадобилась?

- Нет, бий, не понадобилась. Однако Айдос не для того посылал меня в аул Бегиса и Мыржыка.

- А для чего?- Кабул еще ближе придвинулся к стремянному, задышал ему прямо в лицо. - Сказал-то Айдос ясно: «Пусть тело и душа гостя пребывают в покое и радости». Радость-то у хивинца одна - утеха с юными красавицами. Догадался об этом Айдос и выбрал ему место - юрту Мыржыка. Где еще в степи найдешь такую пери, как Кумар?

- Не те слова говорите, бий. Кто желает несчастья дому своего брата?

- А не большим ли несчастьем будет донос гостя хану? Застал он нас за запретным делом в юрте совета. Айдос подговаривал биев создать свое ханство. Головы-то наши полетят, и первой - голова твоего Айдоса. Такое Хива не прощает...

- А такое, что затевает гость наш, бог не простит.

- Э-э, глупец ты, глупец! - рассердился Кабул. - Не помощником бия тебе быть, а пастухом. Верно делает Айдос, что меняет тебя на Доспана.

Кабул хлестнул коня и догнал хивинца.

- Втолковали рабу, как надо относиться к желаниям господина?- спросил хивинец.

- Втолковал, - без уверенности ответил Кабул. Кони вбежали на гребень и остановились у юрты, поводя устало боками, - подъем-то был нелегко, и седоки поторапливали: гость спешил к той пиале чая, что обещала ему судьба. Не знал он еще, на чем настоян чай, и тянул нетерпеливо руку к пиале.

Прекрасная Кумар, облаченная в нарядное платье и бархатный камзол, старательно облегающий ее гибкое и стройное тело, не подошла - подлетела ласковой птицей к коню хивинца и взяла в руки повод.

- Сноха, не вернулся ли Мыржык?- обеспокоенно спросил Али.

- Не вернулся... Если гость из священной Хивы сочтет достойным для себя внимание и заботу хозяйки, я буду бесконечно рада сделать отдых его приятным. Слезайте с коня, дорогой бек.

«Чертовка! - досадливо подумал Али. - В самом деле она заинтересована в этом ханском племяннике. Как повернешь теперь его иноходца прочь от юрты Мыржыка? Он уже слезает с коня».

- Придется и нам спешиться, - произнес Кабул, насмешливо поглядывая на Али. - Судьба, видно, переночевать в этом ауле. Грех переступить порог юрты в отсутствие хозяина, ну да что поделаешь, когда сердце наше не вольно поступать так, как написано в шариате...

Кабул и Али спешились и вслед за хивинцем прошли в юрту.

- Бисмилло! - произнес Кабул, благословляя совершаемое, то, что и должно было совершиться.

«Прости, мой бий!» - вздохнул Али.

Гости сели: хивинец на почетное место в глубине юрты, Кабул и Али у входа. Под хивинцем был ковер, под ними палас.

- Отдыхайте, дорогие, - рдея вся, будто обдал ее вдруг горячий ветер степи, сказала Кумар. Сказала всем, а смотрела лукавым и манящим взглядом на одного хивинца. - Сейчас заварю чай и велю джигиту заколоть барашка. Гость любит тураму?

Хивинец расплылся в счастливой улыбке:

- Из ваших рук полюблю все.

- Старайся, старайся, сноха! подзадорил молодуху Кабул. - Гость наш изыскан, привык к ханской кухне.

- Смогу ли угодить? - игриво потупила глаза Кумар.

- Говорю же, старайся.

Выпорхнула Кумар, и так стремительно, что красный платок едва не сорвался с ее головы, и она кокетливо придержала его руками, оставив над самым ухом

- Пери! - захлебнулся от восторга хивинец. - Она угодит кому угодно, даже самому хану. А он привередлив в делах любви.

- Нынче вы у нас хан, вам бы угодила сноха, - льстиво промекал Кабул.

- Надеюсь, угодит...

Будто слышала весь этот разговор Кумар и, желая угодить гостю, вернулась в юрту, держа в руках чайник и пиалы.

- Опаздывает хозяин, - засмеялся Кабул. - Всегда бы опаздывали хозяева, всегда бы женские руки протягивали нам утоляющие жажду пиалы. Как думаете, дорогой бек?

- Как и вы, уважаемый Кабул. Пусть бог возвеличивает хозяев, дарящих радость гостю.

Пиала с чаем дошла и до Али. Он едва не выронил горячую чашу, руки его дрожали, и весь он был словно в лихорадке, и сердце сжималось от боли и страха. Неотвратимой казалась ему беда.

Неотвратимой и близкой. Кумар сама открывала перед ней дверь своим вниманием к гостю, своими манящими улыбками и взглядами. Проклятая чаровница! Не друга - змею пригрел на своей груди Мыржык.

С трудом отхлебнув дрожащими губами чай, Али передал пиалу Кабулу и поднялся с паласа.

- Пегий мой заржал, должно быть, увидел коня хозяина.

- Почудилось, - махнул рукой Кабул.

- Верно, почудилось, - поддержал бия хивинец. Не хотелось ему, ой как не хотелось лишать себя радости, что обещана была судьбой. - Время вечерней молитвы, кто на закате солнца поскачет по степи...

- Однако заржал пегий... - упорствовал Али. - Пойду проверю... - И вышел.

Солнце ударило ему в голову багряными лучами. На гребне был еще день, а внизу - вечер. Али заслонил ладонью глаза, посмотрел в степь, на дорогу. Знал, что нет там всадника, нет Мыржыка. Не ржал пегий, прав Кабул, но нужно было, чтобы в степи был Мыржык, чтобы скакал торопясь к аулу. Только он мог отвести беду от своего дома.

За юртой загремела шумовка. Али оглянулся: у очага на корточках сидела Кумар, колдовала над котлом. Весело колдовала. А может, не колдовала, только прикидывалась, что колдует... Вышла следом за стремянным поглядеть, скачет ли на самом деле ее муж, и убедилась - не скачет. Посмеивалась теперь над глупым Али.

«Бесстыжая! - обругал ее мысленно Али, - Бесстыжая блудница. Собственными руками надевает на себя платье позора. И смеется...»

Злой, готовый убить ее, подошел он к очагу и сказал:

- Сестра, знаешь ли, кому стелешь дастархан? Не подняла головы Кумар, не посмотрела на Али, ответила, будто в котел бросила слово:

- Знаю.

- Посланец хана, уши и глаза правителя Хивы.

- Преданный слуга, хвала ему. Таких награждает хозяин.

- Угадала, сестра, его ждет великая награда. Теперь Кумар подняла голову и посмотрела на Али: о чем это он?

- Награда - головы наших биев. Застал их посланец Хивы за недозволенным занятием - сговаривались в юрте совета, как создать свое - каракалпакское - ханство.

- Ойбой! - вскрикнула Кумар. - Успел все-таки.

- А почему бы не успеть! Конь у него отменный.

- Конь-то отменный, да в дороге всякое может случиться.

- Не случилось, однако.

- Верно, не случилось, не смогла я бросить аркан под копыто его скакуна.

- Неужели пыталась?

- Разве не похвастался вам хивинец, как молодуха заманивала его в юрту?

Али виновато опустил голову: все знала эта чаровница Кумар.

- Похвастался...

- У мужчин иначе не бывает.

Она стала ворошить сухой джангиль под котлом, и он занялся буйным пламенем. Зафыркало, зашипело сало в котле.

- Ваше место в юрте, - строго сказала Кумар. - Идите, кайнага!

Растрепанный Али направился в юрту.

- Ну что, прискакал хозяин? - встретил стремянного смехом Кабул. - Скачет он, скачет, да в другую сторону.

Когда Али сел на свой палас, Кабул наклонился к нему и сказал доверительно, как сообщнику:

- Айдос, посылая тебя, знал, что нет Мыржыка дома и что хозяйка сумеет сделать отдых гостя спокойным и радостным.

Грешно так говорить, бий! - постыдил Кабула Али.

- А посылать не грешно? Али повел смущенно плечами.

То-то... Не знаешь, потому молчи, делай, что приказал Айдос. Он хитрый, твой хозяин.

Вошла Кумар, снова веселая, манящая движением и взглядом. Опустилась у входа на одно колено, спросила:

- Дорогие гости, не скучаете ли? Господин мой не приехал, могу ли я заменить его?

- О прекрасная! - поднял руки Кабул. - Кто, кроме вас, способен доставить нам радость!

Ужин готов, можно ли подавать?

- Да, да, - заволновался хивинец. - Что сотворено вашими руками, мы примем с великим удовольствием. И из ваших рук, божественная... Заменяя хозяина, будьте с нами.

Снова ровно огнем обдало Кумар. Загорелась вся, ошастливленная похвалой высокого гостя.

- Подчиняюсь, мой бек!

Кабул онемел. Такого он никогда не слышал. Женщина назвала гостя почти как мужа - «мой бек». Выходя из юрты, она, тоже как перед мужем, попятилась, выражая преданность и почтение.

Голова Али шла кругом. Он запутался окончательно во всем, что происходило. Люди говорили друг другу приятные слова, ровно песню пели, а творили зло этой же песне. Хорошо бы только Кабул и хивинец так поступали, но и Кумар не отставала от них, сама себя в силоч заманивала. Знала ведь, задушит ее силоч, затянется острый волос на тонкой шее. Лезет в силоч и поет.

Страшна была ему эта греховная песня. А прервать ее не мог. Связан вроде был, как ягненок, которого бросили на съедение волку. Не выпутаешься, не убежишь. Крутись, мучайся. И он мучился, крутился на своем паласе.

Внесли мясо на красном деревянном блюде, оно лежало горой, и макушка ее была увенчана головой барана. Блюдо нес джигит. Сзади шла Кумар с огромной чашкой бульона. Она выполняла обязанности хозяина, как просил того хивинец. Опустилась на палас и стала разливать бульон по чашам. Али не стерпел.

- Сноха, это привычное мне дело, - сказал он.

- Вы гость, кайнага, - ответила Кумар. - Не лишайте меня радости услужить вам.

Пока молодуха наполняла чаши бульоном, Кабул разделался с бараньей головой. Отрезал левое ухо и подал Кумар, отрезал правое - подал хивинцу. С умыслом все. Хивинец улыбнулся, довольный, сказал вроде бы: «Равняешь нас, как мужа и жену»- и принялся глотать все, что подсовывал ему угодливый Кабул.

Когда мясо было съедено, а бульон выпит и гости принялись вытирать ладонями сальные губы, Кумар собрала посуду и сказала:

- Сколько могла - была хозяином, теперь, дорогой гость из священной Хивы, будьте хозяином вы. Не дайте почувствовать, что в доме нет моего господина.

Ушла и оставила гостей пораженными ее смелостью

- Ты слышал?- спросил хивинец Кабула.

- Слова не пропускаю, уважаемый, - захихикал гадливо Кабул. - Теперь вслед за Мухаммедом Рахим-ханом могу сказать: вы действительно удачливый джигит. Полог-то в женскую половину сам раздвигается...

Ждал удачи и мечтал о ней хивинец, но о такой легкой не думал. Сердце его зажглось в счастливом волнении.

- Слышал, значит... И не побоялась твоих ушей, видно, неумогиу молодухе одиночество.

- Наши степнячки - как кобылицы весной, не удержишь на привязи.

- И не надо держать, аркан на горячую кровь не накидывают. Ей воля нужна.

Кабул опять хихикнул:

- Ночь нужна...

- Истинно.

Ночь уже наступила. В степи лежал черный туман:- спала степь. В юрте еще теплился свет. Жалкий чирак желтым глазком глядел на гостей, мешал им. Кабул поднялся и задул его. Тьма стала непроглядной.

Спать. Время такое, что и в ауле, и за аулом не сыщешь бодрствующего. Надо бы и гостям Кумар забыться во сне, отдохнуть перед новой дорогой. А не идет к ним сон. Лежат, посапывают, покряхтывают, постанывают, будто упиваются покоем, и глаза у них зажмурены. Только напрасно все это - не нужен им покой, не до него им. Иного ждут.

Свершится зло - не помешает никто, некому помешать. Похоже, что все хотят здесь торжества зла. Даже Али хочет - устал он от ожидания, измучился. Он замирает, будто сон и в самом деле сковал его.

Поверил хивинец, что спят его спутники. Выждал время, почти неслышно сполз с ковра и подушек и, эфой черной извиваясь, хватая руками паласы, упираясь ногами в курпачи, стал выбираться из юрты. А там, на воле, уже поднялся и, пригибаясь, пошел, шурша песком и сухими травами.

Можно было проснуться тем, кто в юрте. Теперь-то играть ни к чему - зло выпустили. Нет его в юрте. Но страшно было признаться, что играли. И они, Али и Кабул, сопели, как прежде. Обманывали себя, обманывали судьбу и бога.

Только разве обманешь! Сердце Али колотилось. Он задыхался, звал на помощь всевышнего, слал страшные проклятия всем распутницам мира.

Но дыхание его было ровным, как и у Кабула.

Сколько прошло времени, неизвестно. Али казалось, что миновала вечность. А миновали всего лишь какие-то минуты.

Застучали легкие торопливые шаги - явно не хивинца. Тот ступал спокойно и тяжело. Откинулся полог, и вырос в проеме на фоне синего неба и звезд силуэт Кумар.

Она сказала спокойно и устало:

- Уберите хивинца с моей постели. Он мертв...

10

Али прискакал в аул, когда совет на высоком холме уже закончился. И хорошо, что закончился. Переполошил бы своим появлением и своим видом Айдосов помощник: был он черен. И конь был страшен - изошел пеной, ноги его дрожали от смертельной усталости. Пал бы тут же на холме, да плеть седока не давала пасть. Гнала и гнала.

На тревожный топот коня из юрты выскочил Айдос:

- Что, Али?

- Беда, мой бий.

Али хотел слезть с пегого, но не смог, повалился через седло, и Айдос подхватил своего помощника, как подхватывают падающий хурджун.

- Враги, что ли, напали?

- Ой, не знаю, бий. Могут и напасть... Убит хивинец!

Злые желваки заходили на скулах Айдоса:

- Не уберег! Застонал Али в отчаянии.

- Не смог, мой бий.

- Кто посмел?

- Кумар, сноха ваша.

Другое бы какое имя назвал помощник, принял бы Айдос. С болью или без боли, а принял. У него и самого вертелись на языке всякие имена. А вот красавицу Кумар, жену Мыржыка, принять не мог. Что-то нежное, чистое и доброе было рядом с этим именем. И вдруг! Не путаешь, Али? Ее ли это рук дело?

- Да. Вошла к нам в юрту и сказала: «Уберите хивинца с моей постели. Он мертв».

Айдос взял за руку помощника, повел в сторону от юрты, в которой дремали задержавшиеся гости из рода кунград, трое или четверо, велел опуститься на жухлую траву. Спросил:

- Кто знает об этом?

- Кабул.

- А где он?

- В ауле Мыржыка. Стережет тело хивинца. Спрятали мы его в хлеву.

- Не убежит Кабул?

- Ручаться не могу, мой бий. Боится хана. Гость-то был племянником правителя. Казнят нас всех.

Большой тяжелой рукой Айдос тронул плечо Али. Будто похлопал. То, что была тяжела рука, стремянный не почувствовал, а что спокойна - понял.

- Если казнят, то одного меня, - сказал Айдос.

- Зачем же тебя, великий бий? Она виновата. Она, Кумар!

- Нет, Али. Сноха не виновата. Поступила, как должна поступать каждая степнячка, защищая честь семьи и рода. Хвала Кумар!

- О великий бий...

Али хотел сказать, что Кумар сама заманила хивинца в свою юрту, обольщая улыбками и взглядами. Но не сказал. Если бий оправдывает сноху, значит, так нужно ему. Ведь он послал хивинца в аул Мыржыка к этой проклятой Кумар! Не в другое место, не к тому же Кабулу...

Али посмотрел на бия, желая понять его, утвердиться в своих подозрениях, но сделал это так робко, так неясно, что Айдос не заметил ни сомнений, ни любопытства своего помощника.

Он думал о Кумар, думал о себе, о судьбе главного бия.

- Все на себя беру.

Успокоиться бы надо Али. Снял с него бий вину за гибель хивинца. Со всех снял. Даже с этого ничтожного двуликого Кабула. А не явилось спокойствие. Не скажет же Айдос хану, что сам убил его племянника. Да и как такое скажешь! Не поверят, начнут дознаваться, и выйдет, что зарезала хивинца все же Кумар, а рядом были Кабул и Али. Сообщники вроде.

- Великий бий! - протянул руки к Айдосу стремянный, не зная еще, что просить у господина своего: защиты или наказания.

Айдос отстранил их.

- Нет на тебе крови, и не пытайся смыть ее. Чист ведь...

- Гость, однако, мертв?

Не сразу ответил бий, и ответил не то, что ждал Али: Так, может, и лучше.

Голос его не дрогнул при этом. Достоин, значит, был смерти племянник хана или нужна была эта смерть для чего-то великого, о чем не знал Али.

- Остались ли в тебе силы?- спросил Айдос.

- Сколько их надобно, бий?

- Столько, сколько требуется степняку, чтобы пересесть на другого коня.

- Малого требуешь, бий. Сяду.

Тогда садись и скачи обратно в аул Мыржыка. Заройте хивинца в загоне, как падаль, заткнув в его рот кизяк коровий... Кабулу передай: в четверг поедет со мной в Хиву и подтвердит все, что скажу я хану о гибели его племянника. Для других пусть язык его будет немым. Молчащему сегодня даруется жизнь завтра.

- Великий бий! - снова простер руки к Айдосу стремянный, - Хватит ли у меня сил доскакать до Хивы?

- Бедняга... - грустно улыбнулся Айдос. - Разве я требую от тебя невозможного? За аулом Мыржыка тебя сменит Доспан.

11

Когда Кабул увидел мертвого хивинца, смерть вроде бы коснулась его самого. Ни шевельнуться, ни слова сказать он не мог. Уставился в открытые глаза мертвеца и будто окаменел.

Мысль, однако, работала и была торопливой, Бежать!

И он побежал бы, наверное, да не дала убежать Кумар. Стояла, проклятая, в дверях и ждала, когда Кабул и Али поднимут мертвого с постели ее и вынесут во Двор.

Можно было убежать потом, после того как выволокут за ноги хивинца и бросят в хлев.

Но пришла иная мысль, иная, осторожная: куда бежать? В свой аул? Так он не за степью, не за Аралом. Найдут ханские нукеры, выволокут бия из собственной юрты, как выволокли сейчас этого безмозглого хивинца, накинут аркан и - в Хиву. А там - на плаху.

Бежать нельзя. И оставаться в ауле Мыржыка тоже нельзя. Что делать? Самому накинуть на шею веревку и удавиться? С бездыханного какой спрос!

Застонал, заскулил, как затравленный волк, бий Бежать нельзя, и умереть в собственной петле не хочется. Стал клясть Айдоса. Заманил

все-таки в синок, обхитрил. Теперь живым отдаст хану. И посмеется еще Прежде Кабул хотел посмеяться над старшим бием, а получилось наоборот: старший бий смеется над Кабулом. Сидит на своем высоком холме и хохочет. Впрочем, как знать... Прискачет Али, объявит о смерти хивинца - подавится своим смехом Айдос.

Подавится не подавится, смех не камень, в глотке не застрянет, а застрянет, что проку Кабулу... Хивинца-то убили не на холме совета, а здесь. И привел его сюда Кабул.

«Ойбой! Где были мои глаза, когда правил коня на холм Мыржыка? Где были уши, когда Айдос уговаривал хивинца ехать к младшему брату своему, обещая покой и радость? Вот он, покой, вот она, радость!»

Волк затравленный кидается на охотника. Кабулу хотелось вцепиться в горло Айдоса и перегрызть его. Он даже выглядывал из юрты, приближая встречу со старшим бием. Смелости Кабулу, однако, хватило ненадолго: представив рядом с собой Айдоса, он тут же сникал, уходил обратно в юрту, прятался в самый дальний край ее. Так уходит волк, который уже не собирается загрызть охотника, когда он боится, как бы не загрызли его самого.

В темноте, среди одеял и подушек, увидела бия Кумар, внося в юрту утренний чай.

- Кайнага, - сказала она, - позавтракайте. Сказала так спокойно, ласково, будто ничего не случилось этой ночью и в хлеву не лежит мертвый хивинец.

Налила в пиалу чаю и протянула ее Кабулу. Той самой рукой протянула, которой убила своего гостя.

«Великий аллах! - ужаснулся Кабул. - Это не жена Мыржыка, это подруга самого сатаны».

- Доченька, - произнес жалостливо Кабул, - до еды ли? Гнев хана ждет нас.

Она подняла высоко свои тонкие, как крылья ласточки, брови, будто не понимала, о чем говорит бий, будто со сна плетет он несуряицу.

- Ешьте, кайнага!

- Сношенька, мы не виноваты. Все Айдос. Он послал на наше несчастье хивинца, он велел принять его в доме Мыржыка.

Снова нес несуряицу бий.

- Язык-то ваш, кайнага, не слуга вам. То зовете меня дочкой, то сношенькой. И почему об Айдосе говорите? Хивинца-то привели сюда вы.

- Что городишь, сестричка?! Я по пути здесь оказался, домой ехал...

- Путь в ваш аул лежит в другой стороне.

- Как же бросить гостя на полдороге?

- Бросили же сегодня... В хлеву он.

Не Айдосу, оказалось, надо было грызть горло, а этой дьяволице.

- Проклятая! - завизжал Кабул. - Заодно с Айдосом ты. Вместе вы погубили племянника хана.

Вздрогнула Кумар. Наконец-то вздрогнула, покинуло ее спокойствие. Но не страх сменил его. Не знала, видно, беспутная, страха. Негодование пришло к ней.

- Сам погубил себя хивинец. Перешагнул порог, охраняемый шариатом, коснулся запретного...

- Ха, нашлась защитница шариата...

- Что ж, если бии не способны оградить нас от надругательств, пусть сделают это дочери биев.

- Ты, значит?

- Я.

Кабул вылез из своих курпачей и подушек, как из норы волчьей, оскалил зубы. Зачихал, закашлял, пытаясь посмеяться над несчастной блудницей.

- Пусть тебя и казнит хан.

Она посмотрела ему в глаза. Дерзко и смело посмотрела. Не встречал он такого взгляда у степнячек.

- Готова к этому. Надену на свою шею петлю. Не на вашу, кайнага. Вашей больше подойдет ярмо ханского вола.

Взвизгнул опять Кабул: оскорбила, унизила его проклятая Кумар.

- Убери свое угощение!

Носком сапога он опрокинул чайник, расплескал все по коврам и паласам. Вышел из юрты. Злой, готовый снова перегрызть чье-нибудь горло. Чье бы только? Айдоса!

Не было за юртой Айдоса. Был Али.

По бийскому холму, погоняя нещадно плетью лошаденку, - не ту пегую, на которой уехал, другую, чалую, такую же неказистую, как и прежняя, - поднимался стреманный старшего бия.

Екнуло сердце Кабула. Забыл он про Кумар, обиду свою отбросил: пустое все. Крикнул вниз стремянному:

- Что сказал Айдос?

Конь у того трудно шел: холм хоть и пологий, а все же высота. Ноги чалого едва передвигались.

- Что сказал Айдос?- снова в нетерпении крикнул бий.

Но Али весь в своего хозяина. Молчит, негодный, и, лишь когда поднялся и стал слезать с коня, сказал:

- Захвати лопату и иди в хлев!

Выругался Кабул: не то хотел узнать от Али. В лопате ли дело? Однако взял лопату, стоявшую у юрты, пошел в хлев.

У дверей его нагнал Али.

- Что Айдос сказал?- в третий раз спросил Кабул. В голосе его было такое нетерпение, что Али поспешил ответить:

- Сказал: закопайте хивинца в навозе, суньте в рот кизяк коровий.

- Э-э, будто кизяком мы заткнем рот глашатаю, который объявит о нашей казни...

- Не объявит, - успокоил бия Али. - Все берет на себя Айдос. Давай поторопимся, надо успеть спрятать хивинца до приезда Мыржыка. Он уже близко...

Кабул воткнул лопату в навоз, разворотил его и, обнажив землю, влажную, мягкую, стал копать. Что еще сказал Айдос?

- Вместе поедете в Хиву.

Что?! - Лопата выпала из рук Кабула и с глухим стуком опустилась на землю, - Зачем ехать мне, когда Айдос все берет на себя?!

- Копай, копай! - сунул снова в руки бия лопату Али. - Не на казнь поедешь, а на праздник. Забыл разве приглашение хивинца? В Хиве той по случаю окончания молодыми муллами медресе... Повеселитесь...

Тьфу, будь он неладен, этот хивинец! До веселья ли тут! Если угодно богу, повеселюсь в своем ауле.

- Прежде сделаем, что велит Айдос. Ему за нас отвечать перед ханом. Копай, бий! Не себе рою могилу, а этому нечестивцу.

Покряхтывая и поругиваясь, Кабул взялся за дело. Лопата вонзалась в землю и откидывала ее на край ямы. Али отгребал ее, смешивал с навозом, чтобы было чем засыпать покойника. В навозе приказал Айдос похоронить хивинца.

- Пора! - сказал Кабул. - Готова могила. Неглубокую яму вырыл Кабул, ну да так получилось уж второпях... К тому же, по обычаю, могиле и положено быть мелкой.

Али втянул хивинца в углубление, усадил, стал заталкивать в рот мертвецу кусок кизяку.

- Закопаешь сам! - сказал Кабул. Оставил лопату и вышел из хлева.

Вовремя вышел. Волк чует, когда надо покидать опасное место. Почуял и Кабул.

У юрты уже стояли кони Бегиса и Мыржыка. Спешиться собирались братья. И спешили бы, вытянули бы ноги из стремян. Помешал Кабул. Удивил братьев своим появлением. Откуда взялся?

Гость - прошенный, непрошенный - все же гость. Закон степи - открой двери и сердце путнику. Однако, если оказался в доме, поприветствуй хозяина, объяви о цели приезда.

Этого ждали братья.

Не подошел к ним Кабул, не произнес слов, достойных случая. Направился напрямик к своему коню, привязанному к жердям загона, распутал повод, влез в седло и, уже проезжая мимо братьев, бросил наконец:

- Во всем виноват брат ваш Айдос.

Острыми оказались шипы, впились в Бегиса и Мыржыка. Какая вина? И почему названо имя брата?

Крикнуть надо бы было вслед бию: «Эй, Кабул, объясни!» Или ожечь плетью коней, помчаться за Кабулом, догнать его: «Что стряслось? Почему виноват Айдос?»

Не крикнули, не ожгли коней, не помчались вслед. Не успели. Вышла из юрты Кумар, взяла повод из рук Мыржыка. Сказала:

- Не тревожься, господин мой! Не виновен кайнага Айдос. Виновата я. Слезай с коня, иди в юрту!

Случилось, значит, что-то в ауле, а может, в самом доме... Двое поведали об одном и том же. Беспокойно стало на душе у Мыржыка. Самого сердца коснулись острые шипы. Терпеть немоготу.

Однако, больно не больно, слезай с коня, иди в юрту. Принимай беду, коли она раньше тебя вошла в дом.

Не летают черные птицы в одиночку. Говорят же степняки: увидел ворона утром - днем жди стаи. Стаи еще не было, а второй ворон уже появился.

Вышел из хлева Али. Из той же самой двери, что и Кабул. Только не повернул, как тот, к коновязи, к чалому своему, чтобы отвязать и умчаться в степь, а направился к Бегису и Мыржыку. Поклонился им. - Сноха верно сказала, не виновен Айдос-бий. Опять Айдос, опять вина какая-то. Что к чему, объяснять Али не стал. Во дворе такое не делается. Вошел вместе с братьями в юрту. Там, когда опустились на паласы, поведал Бегису и Мыржыку о печальном событии минувшей ночи.

Братья выслушали Айдосова помощника молча. Онемели у них языки, но взгляды были красноречивы. Все, что чувствовали, что хотелось сказать и что надо было сказать в такую минуту, говорили глаза Мыржыка и Бегиса. Несчастье-то из несчастий, случилось ли такое в степи! Жена убила гостя. Самому посланцу хана всадила нож в сердце. Бог на небе и тот, поди, содрогнулся. Братьям бы рыдать, кричать, биться головой о землю, а не закричишь, не ударишься головой о землю. Все в сердце, все внутри. Снаружи только сжатые губы, смеженные веки - зрачков не разглядишь - и на супленные брови.

Однако разжать губы надо. Вызнать надо все. У того вызнать, кто убил гостя.

Вошла с чашами Кумар. Принесла Мыржыку и Бегису горячий бульон. Разогрела то, что подавала вчера гостям. И в тех же чашах, наверное.

Прекрасна была Кумар. Страдание измучило ее, но не обезобразило. Напротив, глаза вроде стали темнее, и огонь в них горел ярче. Рдели малиновым цветом щеки, на губах играла улыбка.

- Правда ли?- спросил со стоном Мыржык. Сказала бы «нет», поверил Мыржык и не стал бы наступать далее. Но не сказала «нет» Кумар. Сказала другое, отчего зашлось болью сердце Мыржыка:

- Правда, мой господин.

Ему, однако, не нужна была эта правда. Другую искал.

- Проклятый Кабул! - произнес он. Отвергла Кабула Кумар:

- Нет, мой господин, человек этот не виновен.

- Значит, Айдос?

- Ни при чем тут дедушка-бий.

- Тогда кто же? - Я.

- Заманила, выходит? - злорадно прошипел Мыржык.

Али весь сжался, как тогда вечером, когда Кумар словами и взглядами дразнила хивинца. Боязно ему стало: вдруг признается сноха, обрушит на себя гнев Мыржыка? А зачем? Ведь заманивала не

прихоти ради, не о радостях думала. Сказал же Айдос: «Так, может, и лучше. - И похвалил сноху:- Хвала Кумар!» Чему-то великому послужила смерть племянника хана. А если великому, то не наказывать надо женщину, поднявшую на хивинца руку, а награждать похвалой! И Али мысленно стал просить Кумар не сознаваться в грехе, требовать стал: «Не смей, сношенька! Прикуси язык-то!»

И она услышала Али. А может, не услышала, догадалась сама, что надо сказать мужу...

- Гостеприимной была. Разве хорошо закрывать дверь перед путником. Несчастен тот дом, из которого убегает гость. Я следовала обычаям степи, мой господин.

Мыржык сжал руками голову, закачался, стараясь унять боль сердца.

- Да, гость не убежал... И не убежит теперь. Оставила ты его в моем ауле навечно.

Бегис, молчавший все время, добавил:

- Айдос оставил.

Поднял голову Мыржык: верно ведь! Брат старший прислал хивинца сюда. Прислал, чтобы убили. Вот кто истинный виновник.

- Нет! - закричала Кумар. - Я... я оставила...

- А-а! Сообщница Айдоса! - Мыржык поднялся и занес руку над Кумар. Ударить хотел, но не ударил, ругнулся:- Пошла вон, беспутная...

12

В непогоду оказался Айдос и его спутники перед ханским дворцом. Над Хивой висели тяжелые тучи, грозящие вылиться дождем, разразиться молнией и громом. Народ попрятался во дворах, боясь гнева небесного, как и гнева ханского. Улицы, по которым ехали степняки, были пустынные; тишина лежала над городом, только из- за стен дворца доносились говор и музыка.

Опоздали к началу праздника бии. Торопились, гнали коней, но путь далек, не одолеешь дороги за день. Остановились у ворот, когда пиршество было в самом разгаре.

Айдос спрыгнул с усталого коня, бросил повод До- спану, черенком плети постучал в толстую узорчатую дверь.

Стук был громким и эхом пронесся за стенами. Даже если бы спала стража, то проснулась бы. Но не отозвался никто.

Тогда Айдос крикнул:

- Откройте!

Не спала, оказывается, стража и не отходила от ворот. Ленивый, гнусавый голос спросил:

- Кто ты?

- Айдос!

- Что тебе надо?

Званого гостя спрашивали, что ему надо. Не бывало такого прежде в ханском дворце. Знала стража старшего бия каракалпаков, пропускала его беспрекословно и еще улыбалась приветливо. Иногда ворота открывались загодя, как только бий появлялся в конце улицы. Видно, новый хан сменил стражу, поставил к дворцовым воротам невежд и грубиянов.

Будь Айдос один, накричал бы на стражников, заставил открыть ворота. Но рядом стояли люди его, и унижить себя руганью он не мог. Решил обратиться все в шутку. Сказал весело:

- Еду стать ханом.

Сонная одурь мигом оставила стражников. Они залились смехом. И смех был гадливым, оскорбительным для бия. Гнусавый голосок пропел стишок, сочиненный, видно, только что:

Ханский надень венец,

Иди пасти овец!

Пастуха удел таков:

Эмир среди скотов.

Плетью вроде бы хлестнули этими словами по лицу Айдоса. Коня так не хлещут, даже в ярости. Ответить бы тем же, но недостойно главного бия вступать в перепалку со стражниками. Повернулся он к спутникам своим, сказал растерянно:

- Поезжайте обратно, родные.

Без грома, без молнии начался дождь. Не густой, но лица и руки степняков обмыл разом.

- Поедем, пожалуй, - охотно согласился Кабул. Не по собственной воле, по понуждению Айдоса приехал он в Хиву и теперь легко покинул бы ее. - Погода сопутствует нашей судьбе. Вся в слезах.

Кадырберген поддержал Кабула. Не нравилась ему Хива, как и погода. Стесняла душу.

- Да, бог прибавляет к нашим слезам слезы небесные, а вот убавить забывает... Самим об этом надо заботиться...

Ладонью, рукавом чекпена стал стирать с лица холодную влагу.

- Посланец Хивы, пригласивший нас, оказался бродячим псом, - сказал Кабул. - Пролаял на ветер. Вернемся в свои аулы, насытимся у собственных котлов.

- Вернуться придется, - согласился Айдос. - Однако обидой нашей какую гору разрушим, какую птицу поймаем? Хозяин-то во дворце, а мы на дороге. Не узнает хан, что на сердце каракалпаков, не услышит их печальных слов. А должен узнать, должен услышать. Не для того скакали за солнцем, чтобы не увидеть утра... Поезжайте-ка на базар, купите по барану на двоих и ждите меня у Маман-шенгеле. Там, в зарослях, и дождь не страшен.

Айдос кинул Кабулу мешочек с деньгами, и тот схватил его на лету, как ястреб ласточку. Ловка была рука охотника.

- Будь по-твоему, Айдос! Когда ждать тебя у Маман-шенгеле?

- Если войду во дворец с поднятой головой, то до заката солнца, если с опущенной, то после заката, - ответил Айдос.

- С опущенной идут не к трону, а на плаху, - усмехнулся Кабул.

Кадырберген замахал руками, будто хотел отогнать страшную мысль Кабула:

- Не склоняй голову, Айдос!

- Желание ваше - закон! Достоин ли вольного степняка склонять голову!

Айдос взял из рук Доспана повод, повел своего коня к дворцовым воротам. Крикнул, прощаясь с биями:

Светлой дороги вам, родные!

Первым повернул коня от дворца Кабул. Поддал под бока своему вороному бедуину, послал вперед. И тот повел за собой всю стаю биев по пустынной хивинской улице. Застучали копыта, отозвались дробью за стенами дворца.

Один остался Айдос. Собрал все мужество свое, всю волю. С поднятой головой надо было войти во дворец: не просить, не уговаривать, не унижать себя.

В двух шагах от ворот Айдос замер. Замер, как ту-рангиль в затишье. Пусть увидят бия стражники, пусть распахнутся створки! Сами распахнутся перед главным бием каракалпаков.

Чуда требовал Айдос.

Существует ли оно, чудо это, в подлунном мире? Является ли оно тому, кто ждет, требует его?

- Что же ты медлишь, войди! - прозвучал голос. Не из- за ворот, не из- за стен дворца прозвучал. За спиной Айдоса. И был он слабым, старческим, ничтожным. Однако дерзким. - Покажи свое могущество!

Надо было оглянуться, посмотреть на смельчака, посмевшегося сказать такое бию. Но не оглянулся Айдос. Он узнал Есенгельды и догадался, что старик как тень долго скакал за ним и настиг у стен дворца.

- Возомнивши себя ханом каракалпаков, стоишь у ворот настоящего хана как раб.

Такое уже не стерпишь: Есенгельды поносил Айдоса похуже стражников. И Айдос бросил с раздражением через плечо:

- Господином ли сам оказался здесь? Есенгельды заверещал, будто ему наступили на ноги кованым копытом.

- Я стар! И это делает меня господином над такими, как ты. Оглянись, Айдос, посмотри на человека, снявшего с тебя, как с коня, путы и пустившего по тропе величия. Поклонись тому, кто открыл тебе глаза на истину! - Старик задыхался в своей злобе, в своем отчаянии.

И Айдос оглянулся. Хотел увидеть немощного, согбенного, умирающего врага своего, а увидел статного, крепкого, хотя и совсем седого степняка. Есен-•гельды и не собирался умирать. Он думал жить долго.

Ты жаждешь увидеть мою смерть! - сказал Айдос. - И с этой целью пришел в Хиву. Велико же твое желание, Есенгельды.

- Да, мое желание велико. Но не смерти твоей желаю я, а твоего спасения. Не к той двери подошел ты, Айдос. Не откроется она перед тобой!

- Откроется! - уверенно сказал Айдос. Так уверенно, что смутил старика.

- Что ж, если ты силен и откроешь дверь, возьми меня с собой к хану.

Насмехался, что ли, старик над уверенностью Айдоса или в самом деле хотел попасть во дворец? Не к хану, конечно, - не станет говорить с каким-то Есенгельды правитель. Но, может, старик позор Айдоса хотел увидеть? Весть о гибели посланца хана небось уже долетела до Хивы, и над старшим бием нависла угроза расправы...

- Войдешь во дворец, как и я! - произнес тот.

- Вместе войдем. Без меня не переступишь порог! - настаивал Есенгельды.

- Не переступлю.

Приоткрылась дверь, в щель высунулась голова стражника. Должно быть, того самого, который пропел насмешливые стихи об Айдосе.

- Эй, эмир овечий! Войди один, - разрешил милостиво он.

Чаша унижения, оказывается, не была выпита до дна. Глумиться продолжали над Айдосом слуги хана. Но только ли они? Кажется, сам хан решил унижить каракалпакского бия.

Тяжелые ворота заскрипели, раскрылись. Входи, Айдос!

Он стоял в двух шагах от порога. Сделай два шага эти - и окажешься во дворце.

Стражники смотрели на бия и ждали. Смотрел и Есенгельды и тоже ждал.

Обманул их ожидания Айдос. Повернулся, потянул за повод коня, пошел прочь от дворца. А когда отошел, крикнул Есенгельды:

- Поедем в Маман-шенгеле! Там ждут нас джигиты.

Не старику Есенгельды предназначались эти слова, а стражникам. Пусть услышат и запомнят: Маман-шенгеле!

Сели оба на коней. Погнали их неторопливо по пустым улицам Хивы.

Улицы Хивы длинны, как хвост варана; конца им, кажется, нет; переходят одна в другую, сворачивают то влево, то вправо, переплетаются, возвращаются назад. Пока выберешься на окраину, собьешь копыта коня. По городу ехали - дождь лил, сеялся нехотя. За город выехали - стих дождь. Под ветром стала сохнуть земля, мелели лужи.

Ехали молча. Айдосу было не до разговоров, да и говорить с врагом не о чем. Злое все сказано, доброе не родилось еще. Думал о своем, и думе этой не было конца.

Может, так до самого Маман-шенгеле и не открыли бы ртов. Да вот споткнулся конь Айдоса. Ничего вроде не встретилось - ни ямы, ни камня, однако сбился с шага конь.

Досада вырвалась с языка Айдоса:

- Дурная нога и на гладкой дороге подворачивается.

Есенгельды только и ждал повода, чтобы вытянуть из своего хурджуна целую горсть слов и рассыпать их перед старшим бием:

- Гладка ли дорога в Хиву? На ней и конь и седок дуреют.

Слова - все равно что рассыпанные зерна джугары: не затопчешь, не перешагнешь, собирать надо.

- Будто в Кунград дорога глаже... - покачал уныло головой Айдос. - И на ней конь и человек дуреют. Ты совсем уже потерял разум, навещая кунградского хакима.

- Не скажи, - миролюбиво возразил Есенгельды. Спрятал старик подалше свою спесь и свою гордость, затевая нелегкий разговор с Айдосом. Никогда прежде не спускал обиды, а тут будто не заметил ничего. - Не скажи, мудр Туремурат-суфи, общение с ним полезно и молодому и старому, глаза будто по-новому глядят на мир.

- Что же увидели нового в этом мире твои глаза? - с усмешкой спросил Айдос.

- Дела старшего бия.

- Опять за свое! - махнул рукой Айдос. - Не ново то, что делает старший бий. Деды и отцы начали это. Или забыл Мамана?

- Помню. Только не твоих дел то начало. Одной семьей жили каракалпаки, теперь - многими семьями. Был аул трех братьев, стало два аула трех братьев. Разошлись берега.

- Поусердствуете со своим суфи, будет и третий аул.

- Зачем так, Айдос? - обиделся вроде бы за суфи Есенгельды. - Туремурат, наоборот, хочет соединить два расступившихся берега, быть мостом...

- Верно, быть мостом, по которому мы все пойдем в одну сторону: к кунградскому хакиму. Сначала он увел Бегиса и Мыржыка, теперь пытается увести Айдоса. За мной прислал тебя? Признайся, Есенгельды.

- За тобой.

- Напрасно старался. Не лежит моя дорога через мост Туремурата-суфи.

- Пусть ляжет. Другого моста нет, Айдос. Кунградский лишь. Это все поняли.

- Плохо у тебя с памятью стало, Есенгельды. Есть еще хивинский мост.

- Заказан он для Айдоса. На нем зиндан и виселица. А на кунградском мосту жизнь и свобода.

- Что-то вы с Туремуратом-суфи все мне смерть пророчите, - тревожно повел плечами Айдос. - Или задумали черное дело?

- Астапыралла! - замахал руками Есенгельды. - Не думай такое. Грех подозревать великого суфи в низменных намерениях. Чист он как

ангел. Смерть-то тебе уготовил хай хивинский. Предостеречь брата своего и послал меня суфи.

- Лжешь, старик!

Всевышний свидетель тому, что в сердцах наших добрые намерения.

Лгал Есенгельды. Чувствовал это Айдос. Но повторенное трижды слово «смерть» все же напугало старшего бия. Будешь звать постоянно смерть, так она и в самом деле явится. Торопит же ведь, каркая, ворон непогоду, так накаркает несчастье и Есенгельды. Вороном злым сидит на коне, сгорбился, насупился. Мечется на ветру его белая борода, костлявой рукой пытается поймать ее и не может. Еще больше хмурится, еще больше злится.

- Зачем же хотел войти вместе со мною во дворец?- спросил Айдос. - Там ждала меня виселица.

-суфи сказал: «Если не остановишь Айдоса перед ханскими воротами, проводи его до ханского трона, будь ему опорой в последнюю минуту. Ведь все отвернулись от старшего бия».

- Отвернулись?! - удивился Айдос.

- Отвернулись, брат мой. На холме совета бии приняли тебя, а спустились с холма - отвернулись. Каждый выбрал свою тропу. На Айдосовой тропе ты один.

Опять лгал Есенгельды. Не отвернулись от Айдоса бии, не могли отвернуться. Верил он в это. Но как слово «смерть», обдало его холодом и слово «измена». Повтори старик трижды его - поверишь, пожалуй, и в это пророчество. Накаркает злой ворон.

Айдос хлестнул коня, словно хотел хлестнуть проклятого ворона. Сказал на скаку:

- Одинокая тропа не страшна, была бы верной. Доберемся по ней до цели.

Кустарниковые заросли Маман-шенгеле такая чащоба, что ни человек, ни конь не в силах сквозь нее пробиться.

Чистые от кустарника поляны редки, и не пройдешь к ним: топором прорубать тропу надо. Станешь же прорубать - жизни не хватит. Но кто знает тайны Маман-шенгеле, пройдет к чистому месту, не прорубая

тропы. Да, немногие ведь знают и с другими своими секретами не делятся. Как Айдос, к примеру.

К заветной полянке надо идти по кругу, огибая заросли и спускаясь к берегу канала. Отсюда, защищенная водой, начинается неприметная для чужого глаза дорожка. По ней, тревожа птиц и тишину, дойдешь до чистой поляны, на которой растет большой турангиль. Такой большой, что не всякая юрта своей крышей сравнится с шапкой его ветвей. Под ней и горячее солнце не солнце, и холодный дождь не дождь. Как кошма толстая - от всего защитит.

По хитрой тропе прошел к турангилю Айдос. Привел с собой Есенгельды.

Было время третьей молитвы - намазлыгер, и джигиты общались со всевышним. Никто не поднялся с ковриков, никто не повернул головы в сторону Айдоса и Есенгельды: грех отвлекаться от святого дела. Но отметили для себя, что оба старейшины рода кунград прибыли вместе и, значит, мир между ними.

Есенгельды первым прыгнул с коня и упал на коврик - так торопился начать разговор с богом. Айдос приступил к молитве не спеша, хотя ему-то надо было торопиться: беды настигали его, а кто поможет, кроме бога...

Стал молиться Айдос, стал восхвалять всевышнего, превознося его как творца мира, средоточие добра и справедливости, надеясь, не без тайного умысла, обратить взор божий на долю старшего бия и проявить к нему благосклонность. Надо было бы попросить у всевышнего защиты от врагов и наказания тем, кто строит козни. Но грешно просить у бога то, что связано с земным. Да и говорят на Востоке: не желай другому смерти, лучше пожелай себе долгой жизни. Жизнь, долгая жизнь нужна Айдосу, ее молил у всевышнего старший бии, только она дала бы возможность осуществить задуманное.

Молились степняки, общались с богом, а вокруг все шло своим чередом. Горел зажженный Кабулом очаг, свисали с жердей джангилевых бараньи тушки, освежеванные Кадырбергенем. Оставалось лишь снять их с жердей, располосовать острым ножом на куски, посадить на очищенные от кожицы веточки и опустить в огонь. Заиграет сало в жару, взовьется ароматный дымок над поляной. Потянутся руки к горячему сочному мясу. Вот оно, земное, пьянящее своей силой.

Звало земное степняков. Поэтому не задержались они с молитвой, не затаили свой разговор с небом. По вскакивали с подстилок, поспешили к огню. Встал и Айдос. Один Есенгельды остался на коврике. Гордость не позволяла ему так быстро прервать общение с богом. Недостойны истинного мусульманина суета и торопливость при соблюдении святого обряда! Он сидел с закрытыми глазами, чтобы не видеть ничего, способного соблазнить. Но не молился уже. Вспоминал происшедшее нынче перед дворцом. Оно выходило против Айдоса, и это радовало Есенгельды. Радовало и утоляло жажду мести. Не без рук Есенгельды затягивалась петля на шее старшего бия. Еще немного - и задохнется Айдос, высунет свой проклятый язык, исчезнет с дороги Есенгельды.

Желание гибели Айдоса было так велико, что, поднявшись с молитвенного коврика, старик стал искать глазами старшего бия, словно тот мог исчезнуть за эти минуты. Но не исчез Айдос. Вместе с Кабулом ломал сушняк, складывал горкой возле ямки, накидывал на огонь, не давая ему слишком высоко подняться и схватить жадными языками нанизанное на деревянные шомпола мясо.

Миром и спокойствием было наполнено все, что увидел Есенгельды, и сердце его загорелось ревностью.

- Хорошего слугу нашел себе Айдос, - направил старик ядовитое жало свое в Кабула, давнего врага старшего бия. - Держит чужой огонь как собственный.

Будь выпущена всего капелька яда, и та помутила бы разум Кабула, подняла бы притихшую ненависть к Айдосу, а старик перестарался, отдал всю злобу свою, оскорбил Кабула, унизил его бийское достоинство.

- Не Айдосов это огонь, - огрызнулся Кабул. - Наш огонь, общий.

Сделав глупый шаг, Есенгельды уже не мог не сделать второго, более глупого. Известно, затмевает злоба все разумное.

- Айдосов огонь стал общим. Как бы не сгорели вы все в нем! - прокаркал старик и затряс своей бородой как козьим хвостом.

Кадырберген, который нанизывал на веточки джан-гиля куски мяса, оставил свое дело и обратился к Есенгельды :

Ты этого хочешь, Есенгельды-ага? Или предостерегаешь?

Нахохлился старик, напустил на себя важность.

- Хотел бы, так не пошел бы следом за непутевым Айдосом, не влез бы в эту джангилевую западню. Зачем вольному степняку непролазные заросли, голова и ноги в них завязнут, станешь добычей шакала...

- Мы завяжем, значит, и шакалы завязнут, - усмехнулся Кадырберген.

- Ха, велика радость попасть на доброе кладбище. Кто потом разберет, где кости человека, а где зверя. Осквернится душа мусульманина от соседства с грязным животным.

Обижен был Кабул на Есенгельды и слова его отвергал как недостойные, но зловещий смысл, вложенный в них, смутил его. Храбростью он не отличался, хоть и был охотник: при ловле зайцев и лисиц к чему храбрость - достаточно хитрости! А тут хитростью не обойдешься. Шакалы не лисицы, они сродни волкам. Да и не о настоящих волках идет речь, о людях говорит Есенгельды, о врагах. Озираться стал Кабул, прислушиваться: не рыщут ли за кустами шакалы - четвероногие ли, двуногие ли? Ему, Кабулу, больше других грозила опасность: не расплатился он еще за беспутного хивинца, и расплаты хан может потребовать в любой час.

- Верно, что это наша земля?- спросил обеспокоенно Кабул старшего бия. - Хозяева ли мы на ней?

Айдос переломил толстую, сухую донельзя ветвь джангиля будто выстрелил. Напугал и без того оробевших биев. Кабул даже голову вобрал в плечи.

- Наша земля, - твердо ответил Айдос. - Межа святая. Сделаешь шаг к северу - бий, сделаешь к югу - раб.

- Сейчас-то мы кто?

- Вольные степняки.

Успокоился вроде Кабул - подумал, видно, о шаге на север.

Заметил это Есенгельды, покачал осуждающе головой.

- С Айдосом-то вы рабы. Где застанут вас нукеры хана, там и кончится ваша свобода. А хан - хозяин и юга и севера. Не уйти от него, не спрятаться...

- Полно вам, Есенгельды-ака! - взмолился Кадырберген. - Что уж так все у вас безотраднo... Живые должны жить и благодарить бога, что жизнь им даровал. Вместо слов горьких примем-ка лучше мясо сладкое. Тем более что оно уже готово и само просится в рот.

- Слава мудрому Кадырбергену! - засмеялся Айдос. - Примемся за мясо, а несчастья и беды от нас не уйдут.

Все расселись на сухих ветвях, как на мягких кошмах, подобрали под себя ноги. Потянулись к деревянным шомполам. Мясо было горячим, будто угли, и обжигало руки. Но это не остановило степняков. Они с веточек снимали его зубами и отправляли в рот.

Трапеза мирит всех, даже врагов. Забыли степняки тревожное и грустное, навеянное словами Есенгельды. И про опасность забыли. Тишина подкупала каждого.

Когда одолели первого барана, а второй, разделанный на сто кусков, повис над огнем, степняки подобрали вовсе. Не то что спорить, думать ни о чем неприятном не хотелось. И если бы не Есенгельды со своими предостережениями, забыли бы о хане, о его нукерах, о шакалах, которые бродят где-то в чащобе. Но неугомонный Есенгельды не утихал:

- Не глуп ты, Айдос, а поступаешь неразумно. Зря у ханских ворот крикнул, что едем в Маман-шенгеле. Не только у меня, но и у стражников есть уши.

- Для них и сказано было, - ответил Айдос.

- Хану хочешь помочь найти себя?

- Нет. Хочу, чтобы не мучили понапрасну коней в степи, отыскивая Айдоса.

- Здесь решил накинуть на себя аркан?

- На своей земле легче умереть.

- Начнут накидывать аркан - не одного тебя захватят. Эй, джигиты, не обраться ли нам отсюда подобру-поздорову...

- Воля ваша, Есенгельды-ага. Закончим второго барана - и седлайте коней!

Джигиты стали подносить новые веточки с нанизанным на них мясом, горячим как уголь, обжигающим руки и губы. Вдруг раздался стук копыт в зарослях джангиля.

Пара коней шла напористо по тропе, ведущей к поляне.

- О алла! - вознес руки к небу Есенгельды. - Торопятся, шакалы...

Есенгельды хотел подняться, но Айдос остановил его:

- Не твой - мой час пробил, старик.

Айдос встал и пошел навстречу спешащим к турангилю всадникам.

Есенгельды не ошибся: это были нукеры, вооруженные, на горячих конях.

- Айдос! - крикнул первый, едва конь вынес его на поляну. - Собирайся! Тебя требует Мухаммед Рахим-хан. Приказано доставить в Хиву немедленно.

- Повинуюсь, - опустил голову Айдос и направился к своему коню, стоящему у турангиля.

14

Домой Али вернулся вроде бы и не стремянным. Понял это, когда прощался с Айдосом за холмом Мыржыка. Не думал уже бий о своем помощнике, забывал о нем на глазах, торопился расстаться. Последнее, что сказал: «Быка из загона возьми, пусть будет твоим началом счастья и богатства».

Какое уж там начало счастья! Если старшему бию не дал счастья рогатый, а бий-то достойнее своего стремянного, почему вдруг подарит его Али? Да и не за что. Предал своего бия Али. струсил, когда над ними обоими закружила птица смерти. Не клюнула еще ни Айдоса, ни Али, но ведь путь до Хивы далек, и найдет время, чтобы клюнуть. За смерть хивинца придется расплачиваться смертью.

Как расстался с бием Али, как передал его в руки Доспана, так и занемог. Слез с коня у самого дома сам не свой. В юрту вошел чужим. Будто все глядело на него с укором: зачем явился, здесь ли тебе место?

И сын спросил, косо глядя и хмурясь:

- Прогнал тебя Айдос-бий?

Убил бы щенка за сказанное, не будь он прав.

Прогнал ли Айдос своего помощника или отпустил, пожалев, суть-то одна: не нужен он больше старшему бию.

Собственная ненужность мучила Али. Признаться в этом не мог. Выше его сил было это. Сказал, однако, другое:

- Если, послав меня женить сына и подарив на главный калым своего быка, посчитал, что прогнал, то прав ты, Жалий...

Не поверил бы Жалий отцу, не упомяни тот рогатого. Солгать про быка - опозорить весь род. И про женитьбу не солжешь. Думали про невесту для Жалия давно и калым собирали.

Зарделся Жалий: то ли устыдился сказанного, то ли обрадовался вдруг выпавшему счастью, но не сказал «спасибо» ни отцу, ни старшему бию.

В юрте Али повторил все жене. Она, немощная, поднимавшаяся с постели лишь с чужой помощью, тут, обрадовавшись, поднялась сама.

- Дожила все же до счастливого дня, - сказала бедняжка, держась слабыми руками за жердь, что подпирает свод юрты. - Да отблагодарит Айдоса всевышний! Заботится о нас старший бий.

- Люди другое говорят, - робко вставил свое слово Жалий.

- Перестанут говорить, как поведу быка счастья и богатства к будущему свату, - отверг чужой навет Али. - Ни делом, ни словом не унизил нас старший бий.

- Э-э... - простила жена Али. - У людей свои заботы, у нас свои. Пошел бы, отец, поискал невесту Жалию.

Поворачивалось дело так, что и думать о своем несчастье было некогда, и разлад с Айдосом не мучил уже сердце Али, как прежде. Ветром налетели на него заботы, закружили его. Успел только сойти с коня, а снова надо лезть в седло. Теперь не по Айдосову приказу, а по собственной нужде.

Куда, однако, скакать? Где невеста-то?

Мать ласково, чтоб не обидеть сына, спросила:

- Может, приметил какую девушку, так скажи, сынок. Если в нашем ауле она, так и седлать коня не надо. Засветло обговорит все отец, а утром погонит быка за калым.

Помялся Жалий и выдал из себя: - Дочь Гулимбета...

- О-о! - протянула мать. - Придется седлать коня. Далекую невесту выбрал сынок.

- Это какой Гулимбет?- решил уточнить Али. Ему ведь предстояло искать будущего свата в степи.

Гулимбет- соксанар, из аула Маман-бия.

- Странное прозвище! - удивился Али. - Гулимбет, Считающий просо...

- Хорошее прозвище, - одобрила мать. - Если умение считать передалось дочери, то будет кому копить богатство. Наш-то Жалий простодушен и доверчив, у него все из рук и ничего в руки!

- Наверное, умение считать - тоже счастье, - рассудил Али. - Пусть оно войдет в юрту Жалия.

- Пусть, - согласилась мать.

Бык Айдоса, оказывается, нес счастье всякому, кто становился его хозяином. Али перестал сетовать на судьбу свою: не обделил, выходит,

бог его, раздавая блага земные. И сына Жалия не забыл. Глядишь, станет настоящим степняком. Вот оно - начало счастья.

Не знал Али, что не началом счастья был этот день, а началом несчастья.

Ранним утром, оседлав коня, он поехал сватать дочь Гулимбета, Считающего просо.

Однако лучше бы не ездил. Едва конь вынес его от аула, как с другой стороны в аул въехали Бегис и Мыржык. Въехали и остановили коней у юрты Али.

- Эй, джигит! - крикнул Бегис, вызывая Жалия. - Небо опрокидывается на землю, а ты спишь в своей норе ровно суслик.

На крик вышел Жалий, удивленный и напуганный: может, в самом деле беда?

- Что, бий?

- Не знаешь разве? Скрытен, оказывается, твой отец. Прогнал его Айдос от себя, как больную собаку. Пнул сапогом несчастного...

Побледнел Жалий от стыда за отца: с собакой сравнили!

- Молчишь! - зарычал Бегис. - Принимаешь обиду Айдоса!

- Нет, не принимаю, - пролепетал Жалий. - Разве такое можно принять...

- Тогда защити честь отца!

- Как?- не понял Жалий. Может ли он, простой степняк, в ответ на нанесенную ему обиду пнуть бия ногой. Такого не бывало. - Как защитить?

- Садись на коня и скачи за нами! - сказал Бегис. - В дороге все поймешь.

- И торопись! -добавил Мыржык. - Джигиты ждут нас.

На краю аула, верно, собиралась стайка верховых. Они были с арканами и копиями.

Волнение охватило Жалия: за отца встают парни его аула, а он колеблется, медлит. Трусит вроде. Что подумают о таком джигите степняки?

Пошел в загон. Не уверен был, однако, что делает правильно, душа его маялась сомнениями, и, не будь рядом Бегиса и Мыржыка, остановился бы, но не давали передыха бии, взглядами и окриками подталкивая вроде бы Жалия. И он дошел до загона, оседлал коня, вскинулся в седло. Поскакал следом за джигитами, не сказав ничего ни матери, ни брату.

Отец вернулся к вечеру. Привез согласие Гулимбета отдать дочь за Жалия. А Жалия дома не оказалось. Никто не знал, куда он девался. Младший сын, Омар-джан, видел только, как брат сел на коня и помчался в степь. Огорчило Али отсутствие сына, но ненадолго. Думал Али, вернется Жалий - порадуются все вместе успешному завершению сватовства, и утешился этим.

Однако Жалий появился в ауле лишь на третий день, почерневший от ветра и усталости. О невесте не спросил, будто уже и не собирался жениться. Лег отдохнуть и проспал до следующего дня. Встал и снова без слов направился в загон седлать коня.

- Жалий! - окликнул сына Али.

Любил отца Жалий, чуток был и добр к нему, не только на окрик, на невысказанное желание отзывался охотно и торопливо. А тут не отозвался, будто не слышал крика, требовательного и тревожного. Не оглянулся даже. Накинул седло на круп коня, затянул подпругу, вставил ногу в стремя.

Понял Али - теряет сына. Не знал почему, недоступна была его разуму причина, а душа уже стонала в одиночестве. И Али снова крикнул:

- Жалий!

Не тронул Жалия крик отчаяния. Влез в седло, пустил коня прочь от юрты.

Проститься с сыном должен был Али, но не смог. Вцепился в узду, остановил коня у загона.

- Куда, сын?

Жалий процедил сквозь зубы:

- Куда все.

- А все куда?

- Мстить Айдосу...

Вот она - злая сила, что отнимает у него Жалия. Кто породил эту силу? Не сам ли Али? Скрыв истину, бросил тень на Айдоса.

- На кого поднимаете руку? Айдос-бий - отец наш.

- И отец может быть предателем.

- Оторви язык свой! Тебе ли судить о делах старшего бия. Ты лишь песчинка у его ног!

- Не я сужу, судят люди.

- Ах, люди! Слезай с коня!

Не для того набирался решимости Жалий, чтобы вот так на самом первом шаге расстаться с ней. Нелегко остывает кровь степняка, трудно гасится огонь злобы. Словом его не загасишь.

Жалий рванул узду из рук отца, поддал ногами коню под брюхо. И ускакал бы, да не дал Али сделать это. Перекинул ногу Жалия через седло, и тот рухнул головой вниз, беспомощно лоя на лету растопыренными пальцами что-либо, способное удержать, но хватал лишь попусту.

Никогда не замахивался на детей Али. Не умел делать этого. А тут замахнулся, ослепленный гневом. Сотворил непоправимое. Упал Жалий. Упал, чтобы больше не подняться. Хрустнул позвоночник, и Жалий скрючившись, замер, не вскрикнув, не застонав.

Вбежал в юрту Али: - Покарай меня, всевышний!

Какую кару обрушивает бог на человека, убившего сына своего? Есть ли такая кара? Нет ее.

15

Всю дорогу нукеры торопили Айдоса. Дважды их настигал дождь, но не остановил, не заставил укрыться в придорожных зарослях. Спешили нукеры. Видно, приказано было им доставить каракалпакского бия во дворец засветло. А свет дня уже мерк. В пригороде Хивы кони несколько сбавили шаг. Улицы были запружены народом, горожане толкались у своих заборов и калиток. Хива гудела. Гул этот Айдос услышал еще издали, но не мог понять, чем он вызван. Тревогу он, однако, вселил в душу, и тревога росла по мере того, как сокращалось расстояние до хивинского дворца.

Можно было проехать ко дворцу окольным путем, не натываясь на народ, но нукеры двинулись напрямик - через базар, стараясь поспеть в назначенный срок. Пестрое людское море вокруг - яблоку, как говорится, негде упасть, мышшь не пролезет.

- Берегись! - кричали нукеры. - Дай дорогу слугам хана!

Морды лошадей упирались в затылки хивинцев, в чалмы и тюбетейки, грудью расталкивали людей.

Старший нукер пустил в ход плетку, стегал по спинам упрямых и нерасторопных.

- Посторонись! Не видишь, безглазый, людей хана.

Плеть плохо помогала, крики тоже. Голоса нукеров тонули в нарастающем шуме толпы.

Люди были возбуждены, они что-то говорили, но Айдос не мог разобрать слов и потому не угадывал причину возбуждения. Лишь когда выбрались на середину базарной площади, все стало ясно. В центре свободного от людей круга высился столб со свисающей веревочной петлей.

Когда спешишь по велению хана в город и тебя торопят его нукеры, виселица на пути не кажется случайной. Пустая петля вроде бы ждет спешащего, напоминает ему о конце пути человеческого.

«Недоброе предзнаменование, - подумал Айдос. - И нужно было этому столбу подняться в час моего появления в Хиве!» Он вспомнил угрозу казначея ханского: «Лишь тогда крепко держится на плечах голова бия, когда крышка казны упирается в золото». Не упиралась теперь в золото крышка, и нового хурджуна с деньгами не привез старший бий - то великая причина для гнева правителя. Еще страшнее станет гнев, когда хан узнает о гибели своего племянника, если не узнал уже. Айдос хотел спросить у нукеров, для кого предназначена виселица, но побоялся ответа.

Ехавший сзади Доспан не терзался черными мыслями, одолевавшими старшего бия. Ни для себя, ни для Айдоса не предназначал он виселицу, да и вообще не знал, что это такое. Разглядывал с любопытством новорожденного бычка - диковинное сооружение, как все остальное в Хиве, казавшееся удивительным и непонятным. Он крутил головой, пялил глаза на людей, на дома, на минареты.

Ты не первый раз здесь, Доспан! - строго сказал бий. - Ты все знаешь, твои глаза устали!

«Нет, в первый», - хотел возразить стремянный, но вовремя проглотил слово. Бий не ругал - бий учил его, как надо вести себя рядом с господином, как заглушить то, что вспыхивает в сердце.

- Тебе скучно, - добавил еще Айдос, - ты печален. Твои заботы важнее забот мира.

Доспан замер в седле, припустил веки, словно в дреме. Он был исполнительным слугой.

Печаль тоже пришла. Настоящая. Жаль было расставаться с тем, что открылось перед ним в городе. Кто знает, доведется ли еще раз

побывать в священной Хиве! Не каждый день вызывает хан к себе биев. Не каждый раз бий берут с собой помощников.

На краю базара наткнулись на глашатая. Он сидел на старенькой костлявой лошаденке, перекинув ноги на одну сторону, и выкрикивал слова, которые надо было произносить шепотом. Это были слова о смерти. Он объявлял людям, что утром состоится казнь юного муллы Алламурата, посмеявшегося усомниться в могуществе бога. Хан повелел повесить богоотступника на базарной площади в назидание маловерам.

«Крут хан, - подумал Айдос, - начал свое правление с виселиц. Долгой ли будет его дорога, усталая тропами?»

Однако юного муллу бий не пожалел. Чужое имя заменило его собственное, мысленно уже названное у виселицы. «Не мой черед еще, - успокоил себя Айдос. - До того как произнесет глашатай мое имя, я поборюсь».

День померк, когда кони донесли путников до ворот дворца.

Эй! - крикнул старший нукер. - Отворите! По приказу хана мы доставили бия каракалпаков Айдоса.

Тяжелые резные створки, сделанные из вековой чинары, лениво разошлись, издав громкий, протяжный скрип, от которого и люди и кони вздрогнули.

В проеме стоял Кутлымурат-инах, знатный вельможа, доверенное лицо хана.

- Мир вам, бий каракалпаков! - сказал он и в знак дружелюбия приложил руку к сердцу.

«Что это значит? - удивился Айдос. - Нас встречает не стража, а родовитый хивинец».

Бий спрыгнул с коня, бросил повод Доспану и пешим направился к Кутлымурат-инаху. Он шел к вельможе как к хану, нес ему свою покорность, свое преклонение перед ним. Лицо было приветливым, но не подобострастным, взгляд добрый, но не угодливый. Голова чуть наклонена, но плечи гордо подняты.

Мудр бий и хитер. Это понял Кутлымурат-инах, и сердце его сразу отозвалось симпатией к вольному степняку.

- Жаль, что опоздали на праздник, - сказал инах. - Великое торжество произошло во дворце, присутствовали гости со всей земли хивинской.

Выпал для бия случай пожаловаться на стражу, и следовало бы им тут же воспользоваться, но Айдос Удержался от соблазна. Неведомо, кто

приказал страже не пускать во дворец каракалпаков. Может, сам Кутлымурат-инах?

- Путь далек! - сказал Айдос.

- Да, путь далек, - согласился инах, - бескрайни земли каракалпаков.

- Хана земли, - поправил Айдос. Побоялся свое признать своим. Как бы не заподозрил инах старшего бия в желании отделиться от Хивы.

Инах, однако, не принял поправки, знал, что говорит и зачем говорит. Счел нужным повторить сказанное:

- Должны быть хана.

Что-то было ведомо инаху или хотел выведать и бросил приманку бию: пусть откроется.

Открылся бы бий, для того и ехал в Хиву, но не у ворот же вступать в переговоры! И не с Кутлымурат-инахом, а с самим ханом. Поэтому, чтоб не обидеть инаха, выдал ему из тайны своей малую толику:

- Намерение хана равно свершению. Наша земля - его земля!

Ахнул инах. Ловок этот степняк! Слова у него крылатые, высоко взлетают. Но взлетят ли, когда станет ясно, какой черный замысел вынашивает бий.

Кивком головы Кутлымурат-инах позвал Айдоса и его помощника за собой в глубь дворца.

Бий решил, что они идут к хану, и несколько оробел. Радушие инаха подкупало, но не избавляло от страха, что жил в нем всю дорогу от Маман-шенгеле до дворцовых ворот и который он тщательно скрывал, не желая казаться перед стремянным и нукерами слабым или, того хуже, трусливым. Но инах повел бия и его стремянного не к хану, а к себе в дом.

- После захода солнца, - объяснил он, - его величество отдыхают. Нарушить покой хана может только всевышний, нам же, грешникам, запрещено переступить порог святой опочивальни. К тому же сегодня он разгневан позорным поступком муллабачи и будет молить бога спасти заблудшую душу, открыть перед ней врата рая.

Дом инаха был прекрасен и мог поразить изяществом отделки и роскошью убранства самого изысканного гостя. Пруд с разноцветными рыбками, благоухающий цветник, тенистые аллеи - все поражало, все заставляло восхищаться. Вступив в мехмонхану, Айдос и Доспан утонули ногами в пушистых коврах, словно в весенней траве, под локти и под спины им тотчас же бросили шелковые подушки, и они испытали почти что райское блаженство.

Очарованный Доспан смотрел на все широко открытыми глазами, дыхание и то, кажется, у него останавливалось.

Ты был здесь много раз, Доспан, - повторил бий сказанное еще при въезде в город. - Все видел и все знаешь. Глаза твои устали, не переутомляй их.

Прежнему помощнику своему Айдос не давал подобных советов; добрый Али все знал, все понимал, все схватывал на лету, да и жизнь многому научила его - не раз бывал с бием вместе на приемах у знатных хивинцев, из рук хана принимал награды за верную службу. Бедняцкой одежды никогда не носил, не притрагивался к черствому хлебу. В достатке жили родители Али, сам он считал себя достойным степняком. Доспан перед ним щенок безродный, сирота обездоленная. Его во все надо тыкать носом, всему учить, все растолковывать.

Подали чай и сладости, и хозяин стал потчевать гостей. Предлагал попробовать то одно, то другое. Потчуя, не забывал, однако, спрашивать, как доехали до Хивы, как чувствует себя старший бий, здоровы ли его дети, близкие и дальние родственники...

Ответы ему были не нужны. Инах знал все, обо всем был осведомлен. Поэтому не упомянул Бегиса и Мыржыка.

«Он и о совете биев небось прослышал, - подумал не без тревоги Айдос. - Кто только донес? » Поэтому когда инах спросил, много ли рыбы в каракалпакских озерах, бий ответил так же, как и у ворот дворца:

- В ханских озерах много рыбы. Жирна и вкусна... Искра лукавая вспыхнула в глазах Кутлымурат-инаха.

- Какого хана?

Должно быть, хотел смутить бия каракалпакского инах, но не смутил. Готов был к лукавому вопросу Айдос. Ответил легко, не понуждая себя:

- Хану, которому принадлежит и земля каракалпакская, и сами каракалпаки, и тела их, и души.

- Ваша, значит? Грустно улыбнулся Айдос:

- Если бы я был хан...

Недомолвки были ни к чему, они мешали инаху. И он сказал:

- Вы уже хан, Айдос. Разве на холме совета не названо было ваше имя? Разве не вы провозгласили каракалпакское ханство?

Правда и неправда были в словах инаха. От правды нельзя было отказаться Айдосу, хотя она была и страшна. От неправды можно.

- Говорят, желание - половина богатства, - покачал раздумчиво головой Айдос. - Но желание не богатство все же. Тот, кто не пощадил коня, чтобы доскакать до Хивы, и не пожалел слов, чтобы известить правителя о желании каракалпаков, должен был не пожалеть и себя, сказать, что он лжец!

Инах вспыхнул: не то почувствовал себя уязвленным намеком, не то поразился смелости гостя. О приближенных хана так не говорят, как и не говорят подобное самим приближенным.

- Однако перед дворцом вы представились как хан, - заметил не без ехидства Кутлымурат-инах. - Это и явилось причиной того, что ворота перед вами не открылись. Великий Мухаммед Рахим-хан приглашал на праздник не хана, а бия всего лишь...

Айдос засмеялся:

Так бий и стоял перед дворцом. И этот бий сказал: «Пришел стать ханом!» Разве он обманул стражу?

Снова восхитился степняком инах: умен и ловок Айдос. И смел. Не робеет, говоря о своих намерениях. Но все же решил испытать бия:

- Стать ханом при живом хане - не дерзкое ли желание?

- При живом, - утвердил Айдос. - И из рук живого хана получить ханскую власть над каракалпаками.

- Вы способны удивить даже тех, кто уже ничему не удивляется, - сказал инах. - Преклоняю перед вами голову, Айдос-бий.

Недолг был разговор, и выпито всего лишь по пиале чаю, а инах выведал почти все, что надо было ему выведать, и тайна каракалпаков стала его тайной. Теперь он мог продать ее хану, и продать недешево.

Довольный, он сделал омовение лица, давая понять этим, что беседа окончена и пришло время расстаться.

Инах поднялся с ковра легко, как молодой, хотя был далеко не молод.

- Отдыхайте, дорогой бий. Утром вас примет хан. Хорошо, если все, что намерены сказать его величеству завтра, вы обдумаете сегодня...

Когда совершено омовение и хозяин дома, пожелав доброй ночи гостям, собирается покинуть их, не принято возобновлять разговор, тем более неприятный, ко Айдос возобновил его. Переступил порог принятого и дозволенного. Своенравен и упрям был. Много раз в своей жизни поступал так и расплачивался за это дорогой ценой.

- Грех на нас лежит, дорогой инах, - сказал он, - страшный грех...

Не хотелось инаху возвращаться к началу того, что завершено. Не хотелось тревожить успокоившееся, бросать камень в тихий хауз[4], чтобы пошли круги, помутилась чистая влага.

- Что за грех?- поморщился недовольно инах.

- Убили вашего гонца.

Змея ядовитая будто выползла из-под ног инаха. Раздавить ее нельзя и отбросить нельзя.

- Кто убил?

- Я.

Не поверил инах. Человек, поднявший руку на посланца Хивы, не способен явиться к ее правителю за милостями. За наказанием только. Но кто ищет наказания? Глупец лишь.

- Была вина гонца Хивы?- спросил упавшим голосом инах.

- Посягнул на честь замужней женщины.

- Цена этой женщины?

- Она дочь Есенгельды и жена моего брата Мыржыка...

Кутлымурат-инах загорелся гневом:

- Врагов Хивы?

- Друзей Кунграда и врагов Хивы, - кивнул Айдос. - Потому и приказал убить гонца. Два врага не страшны священному городу, а тысячи страшны. Чтобы не родилась тысяча, пусть умрет один. Затихнет один в могиле - затихнет тысяча в степи.

- Ха! - воскликнул изумленный инах. - Смелый вы человек, Айдос.

- Будет ли такого же мнения хан?- не без тревоги спросил Айдос.

Инах задумался. Помутилась все же вода в тихом хаузе. Этот степняк не побоялся бросить камень. Пошли круги и теперь вот-вот берега коснутся, самого хана коснутся. Сгоряча тот сунет голову каракалпака в петлю, как сунул в петлю голову неразумного муллабачи, тем более что петля уже готова.

- Лучше не знать мнения хана, - ответил инах. Не сразу понял Айдос мысль хозяина. Однако понять надо было, и он посмотрел в глаза инаху: что в них? Ничего не увидел, ничего не понял.

- Разве не дошло до хана известие о смерти его племянника?

Инах усмехнулся невесело:

- Все племянники хана живы...

[4] Хауз - водоем, бассейн.

- Япырмай! - не сдержал своего удивления Айдос. Приятного удивления, хотя разговор шел о смерти. - Значит, мы убили не племянника правителя?

- Ваше счастье, - кивнул инах. - Но не следует внушать его величеству мысль, что такое убийство возможно.

Понял теперь мысль инаха Айдос и устыдился собственной несообразительности: хозяин убеждал его не говорить хану о смерти посланца Хивы. Может, и не хан направлял гонца в аул старшего бия, а сам инах? И был этот гонец простым человеком, судьба которого безразлична и правителю, и самому инаху...

- Наше счастье, - охотно принял совет Айдос.

- Берегите его...

Инах еще раз пожелал гостям мирного сна и покинул мехмонхану.

Едва стихли шаги хозяина и воцарилась тишина, Айдос шепнул Доспану:

- Сынок, выгляни во двор: действительно ли нам уготовлен покой среди благоухающих роз?

Что-то тревожило бия. Слишком много ударов нанес он хану, должен же был последовать хоть один ответный. И лучше, если он не окажется внезапным.

Доспан на цыпочках подкрался к двери, приотворил ее и выглянул наружу. Тьма лежала в саду. Но глаз пастуха все же выловил из черного тумана чей-то силуэт, нечеткий, едва приметный.

На цыпочках вернулся Доспан к бию и сказал тихо, над самым ухом: Там нукер.

- Вот видишь, хозяин побеспокоился о нас. К дорогому гостю всегда приставляют стражника, чтобы раньше времени никто не унес его бесценную голову.

Соглядатаи кунградского хакима заполнили священную Хиву. Из всех нор, из всех щелей вылезали они, подслушивали, высматривали. Глаза у них совиные, уши сусличьи: никого не пропустят, ничего незамеченным не останется. Они всех знали, их - никто. Заподозришь разве в несчастном, обряженном в рубище дервише кунградского лазутчика или в самодовольном, втиснутом в два халата купце подсыльного суфи? Столкнешься с ним лицом к лицу - - поклонисься

еще, пожелаешь мира и спокойствия. А если он на коне, то уступишь угодливо дорогу и на хитрый вопрос ответишь простодушно и словоохотливо.

На базаре, людном и шумном как улей, и вопросы задавать не надо купчишке или тому же дервишу, новости летают роем несчетным. Знай лови да прячь за пазуху. Самые интересные и самые важные для соглядатая ловятся, однако, не на толкучке базарной среди вони и пыли, а в чистой, умытой горячей водой, райской бане Ануш-хане. Там их услышишь из уст придворного писца, или главного нукера, или самого советника хана. Банщик, что трет спину советнику или массирует его больные ноги, тоже не всегда слуга одного хана. Деньги-то ему порой платят и из скудной казны суфи. Пока заняты руки, уши свободны.

Не собирали соглядатая слова ради забавы, не копили как монеты серебряные. Передавали их тому, кто послал их в Хиву или здесь нанял. Торопливо передавали в тот же день, а то и в тот же час. В караван-сараях стояли наготове кони, иногда под седлами, чтобы гонец, приняв тайную весть, сразу же помчался в Кунград. Путь гонца начинался до зари, при ясных звездах, и уже не прерывался, пока новые звезды, вечерние, не загорались на степном небе. Не день, не два скакали гонцы, лошадей не щадили и себя не берегли, чтобы донести до великого суфи увиденное и услышанное его подсылными в Хиве.

Да, не одно солнце и не одна луна сопровождали гонцов. Далеко от Хивы свил свое воронье гнездо Туремурат-суфи. А свив, посчитал его неприступным, как убежище беркута. До него не долетит никто, он же долетит до кого захочет. Растил для этого орлиные крылья, цепкие когти, острый клюв: вонзится во врага - выключает самое сердце.

Вотчина его была невеликой: селения вокруг Кунграда, несколько аулов у берегов Арала да одно становище каракалпаков, оторванное от Айдоса. Видел, однако, суфи свое царство большим. Руки раскидывал по всей степи и до Хивы мысленно добирался. Бог наградил его сердцем алчным, душой коварной. Желания мучили его, как мучит недуг обреченного. Не мог с ними совладать кунградский хаким и, видя, что заводят они его в топь, все шел и шел, упрямый, не отступая.

Нацелился хаким на род кунграда, на аул Айдоса. Сначала вонзил когти в братьев старшего бия, выклевал их сердца. Бросили они Айдоса, как бросают бессердечные, лишенные любви и верности. Настал черед самого Айдоса. Думал суфи, что одинокий, преданный братьями

старший бий пойдет за Бегисом и Мыржыком и поцелует полу хакимова халата. Не пошел за братьями старший бий, не опустился на колени перед суфи. Стоял гордый и непреклонный. Когтями и клювом можно было лишь сломить его. И пустил когти в ход Туремурат-суфи. Оболгал Айдоса перед ханом через своих подоспанных, бросил на него тень изменника и убийцы. Все сделал, чтобы разгневать властителя Хивы, заставить его если не казнить Айдоса, то хотя бы прогнать от себя, лишит степени старшего бия. Прогнав же из Хивы, направил бы тем самым Айдоса в Кунград. Куда еще податься опозоренному бию? Не бродить же по степи сиротой...

О закрытых перед Айдосом воротах дворца рассказал последний гонец:

- Прогнали каракалпакского бия из Хивы! Стража посмеялась над ним как над безумным.

Вот оно - осуществление желаний! - облегченно и злорадно вздохнул суфи, снимая с себя первую заботу. Теперь надо было ждать появления Айдоса в Кунграде. Придет, придет упрямый бий к суфи, станет его сообщником! Так думал суфи.

Он велел вызвать Бегиса и Мыржыка, чтобы братья могли встретиться здесь, во дворце кунградского хакима, и помириться на глазах суфи.

Айтмурат Краснолицый, тень и след хакима, знавший все и угадывающий все, не больно обрадовался повороту событий. Айдос не тот бычок, которого можно загнать в хлев и привязать к перекладине. Если и придет в хлев, то накинуть себе на шею веревку не даст. Краснолицый так и сказал суфи, когда тот распорядился вызвать Бегиса и Мыржыка для встречи со старшим бием.

- Осторогий этот Айдос.

- Обломаем рога, - ответил решительно суфи.

Краснолицый посмотрел на своего хозяина, увериться хотел, сможет ли тот одолеть Айдоса. Мал и щеделушен был Туремурат-суфи, не выходят такие на единоборство с богатырями. А старший бий - богатырь: высок, широкоплеч, мускулист.

- Рога-то, может, и обломаем, а в арбу не запряжем. Не привык в ярме ходить Айдос.

- Братья запрягут, - успокоил Краснолицего суфи. - Недруг в семье страшней недруга за околицей. У Бегиса и Мыржыка сил хватит и ярмо надеть на Айдоса, и в арбу запрячь. Он-то для них враг из врагов.

Хитроумен был суфи. И тайны души человеческой знал, по темным закоулкам ее бродил, как по собственному дому. Что для него мысли Бегиса и Мыржыка? Открытая дверь. Да и Айдос из таких же простаков. Прямоком идет, не чует за холмом пропасти.

- Ну, если братья возьмутся... - заколебался Айтмурат Краснолицый.
- Они сильны, все племя Султангельды богатырское.

- Не руками впрягать надо Айдоса, - скривил в усмешке губы хаким.
- Головой!

- О великий суфи! - вскинул руки Краснолицый. - Ваша мудрость достойна поклонения.

Так, соединяя удивление и надежду, радость и тревогу, суфи и его советник обговаривали все, что надо сделать для превращения старшего бия каракалпаков в упряжного быка. Один потирал руки, предвкушая скорую победу над Айдосом; другой подталкивал его к этой победе, одобряя каждый шаг. Долго длился разговор, и прекращать его не хотелось. Когда ешь баурса-ки и их еще много в котле, зачем останавливать руку...

Помешал приятному разговору слуга, заглянувший в комнату и объявивший, что прибыли Бегис и Мыржык, братья старшего бия.

- Э-э, - поморщился Краснолицый, - зачем это кизячья прибавка к курдючному салу? Они сами - старшие бий.

- Верно сказано, - кивнул неторопливо и важно Туремурат-суфи, - Зови старших биев Бегиса и Мыржыка.

Слуга распахнул дверь и, отстранившись почтительно, пропустил в мехмонхану Айдосовых братьев.

- Хо-о! Ангелы мои! - простер руки навстречу гостям суфи. - Если не увижу вас хоть день, печаль поселяется в моем беспокойном сердце. Проходите, ангелы мои. Опуститесь рядом с другом и наставником вашим.

Со склоненными головами, осторожно ступая по мягким коврам босыми ногами, братья приблизились к суфи, поцеловали полу его халата и сели рядом.

- Слышно ли что-нибудь о нашем добром отце Есенгельды?- спросил суфи. Глаза его при этом погрузнели, будто мучился он все это время тревогой за немощного старца, ради великого дела отправившегося в далекую Хиву.

- Вернулся, - ответил Мыржык. - Но вести привез нерадостные.

- Что так?- поднял удивленно брови суфи.

- Позвал все же к себе Айдоса хан.

Светлое лицо суфи потемнело. Под неистово белой чалмой оно показалось братьям черным. Не связанного?- прошептал суфи.

- Не связанного, - тоже тихо, словно повторяя что-то недозволенное и страшное, произнес Мыржык. - На коне и со стремянным, пастухом Доспаном.

- Может, во дворце свяжут, - не веря в то, что произносит, сказал Бегис. - Хан поставил виселицу на базарной площади.

- Нет! - уверенно ответил Мыржык.

- Не-ет, - колеблясь, повторил Бегис.

- Значит, не о боге пойдет речь между Айдосом и ханом, - сказал суфи. - Речь пойдет о народе. Еще одну шкуру постарается содрать с несчастных каракалпаков хан. - Суфи изобразил на лице такую скорбь и такую муку, что нельзя было не поверить в сострадание правителя Кунграда бедным каракалпакам. Он и пальцы свои, бледные и худые, приложил к краешкам глаз, будто остановил слезу, готовую скатиться на щеку. Была ли слеза, неведомо. Должна была быть, на то и поднята рука и проведена по векам. - Уж и не знаю, как помочь обездоленным, - растроганно произнес он. - Были бы рядом...

Мыржык, сам готовый расплакаться, поспешил успокоить хакима:

- Будут рядом... Еще двадцать джигитов покинули аул Айдоса... Гаснут очаги на земле старшего бия.

- Много ли там еще дымящих?

- Немало... - ответил Бегис за Мыржыка. Он сожалел, что силы брата не убывают, что род кунграда по-прежнему верен Айдосу.

Зло глянул на Бегиса Мыржык:

- Каждый день мы гасим по одному очагу. Дней в месяце сколько? Столько и исчезнувших дымов.

Медленно перекочевывали степняки из аула Айдоса в аул Мыржыка и Бегиса, и это раздражало суфи. Старший бий сближался с Хивой; сблизившись же, он окрепнет, люди его станут людьми хана. Грозная сила может обрушиться на Кунград. Надо как можно скорее выдернуть из-под Айдоса кошму. Без аульчан он не нужен Мухаммед Рахим-хану. Никому не нужен. Одинокого и воробьи заклюют.

- Ангелы мои, вы узнали, где свет, а где тьма, - будто читая молитву, проговорил суфи. - Тьма - там, за высоким холмом Айдосова аула, за стенами Хивы. Восторжествует эта тьма, и вечная ночь ляжет на степь -

без рассвета, без дня. В темноте люди незрячие. Откройте им глаза, ангелы мои. Укажите им путь к свету. Поведите за собой!

Голос суфи окреп. Печаль, звучавшая прежде в каждом слове его, исчезла, истаяла будто. Радость окрасила их. Перед братьями был теперь не угнетенный болью душевной человек, а окрыленный борец, вдохновенный проповедник. Лицо его снова стало светлым, борода без сединки распушилась, вроде вздернулась горделиво. Взлетающего беркута напоминал сейчас суфи.

Загоравшийся от малой искры Мыржык спросил доверчиво:

- Будут у моего народа свои мечети с минаретами, свои медресе?.. Свои шумные базары?.. Город свой?

«Конечно, будут, - надо бы ответить Туремурату-суфи. - Что стоит бросить пучок травы голодному телку! Трава-то под ногами». Но побоялся. Бросить пучок травы - проглотят степняки и тут же начнут донимать хакима: «Дай еще! Сыпь золото! Вози камни для мечетей! Поднимай стоны». А золота нет. И камня нет. Ничегошеньки нет.

Да и зачем степнякам свой город? Есть Кунград, не больно велик и не очень хорош - селение большое. Однако имя носит рода караалпакского. Его и поднимать им, в нем стапить медресе и мечети, на его площади устраивать шумные базары.

Не скажешь такое Мыржыку. Отвернется от суфи, от его великого дела и людей своих уведет. Потому сделал вид хаким, что не слышит слов юного бия, вроде с богом говорил и был там, наверху. А оттуда не слышно мирское, земное. Глаза свои устремил хаким в стены, в ковры пушистые, в развешанное на них оружие.

В саблях и кинжалах нашел ответ для Мыржыка.

- Где тридцать джигитов ваших? - неспешно спросил он.

- За белым озером! - отвечал Мыржык.

- Скот пасут? - притворился незнающим суфи, будто не ведал, для чего собирают джигитов в низине.

- Сами пасутся, - пояснил Бегис. Джигитами занимался он... Считал себя военачальником.

- Корм-то для них есть?

- Пока камыш да кустарник. Его рубят.

- Старший кто?

Мыржык засмеялся: не догадывается суфи, кого братья сделали еликбаши - пятидесятником.

- Жандулла Осленок.

Засмеялся и суфи: оборвыша сироту даже в мыслях не представишь себе еликбаши.

- Вся смелость от него, что ли?

- От него, великий суфи, - похвастал Мыржык. - Скажешь ему: сними шапку, он снимет голову.

- Ха! - одобрительно закивал суфи. - У Жандул-лы Осленка есть чому поучиться джигитам. Голов снять придется, видно, немало...

Тень тревоги пробежала по лицу Мыржыка:

- Разве война будет, великий суфи?

Опять не услышал Мыржыка хаким. Опять позвал его всевышний для наставлений или совета, а вернувшись, суфи сказал печально:

- Все во власти бога, ангелы вы мои. Айтмурат Краснолицый, рта не раскрывший за тот час, что был отведен суфи для братьев Айдоса, вдруг заговорил. То ли он знал о конце беседы, то ли уловил знак, поданный хозяином.

- Юрта гостям приготовлена, - угодливо согнувшись, произнес он. - Не соизволят ли прилечь с дороги?

- Да простят меня ангелы мои, - сокрушаясь собственной забывчивостью, сказал душевно суфи. - Дорога далека и трудна. Отдохните, родные!

Братья поднялись и вышли из мехмонханы. Следом шедшего Краснолицего суфи задержал словами:

- Псу, стерегущему загон, хоть и скажешь: «Светик мой», сыном он, однако, твоим не станет. Но кость дай ему жирную.

Айтмурат Краснолицый скрестил руки на груди. Он понял хозяина.

17

Грохот барабанов и рев карная разбудил Айдоса. Еще только светало.

- Доспан! - окликнул Айдос стремянного. Стремянный не спал. Пастушья жизнь приучила его подниматься до зари и выходить на тырло, чтобы будить криком других. Господина своего он тревожить в гостях не смел, потому лежал с открытыми глазами и слушал. На оклик бия вскочил, полагая, что последует какое-то приказание и надо быть наготове.

- Что, мой бий?

- Давно гремят барабаны?

- Только что начали. Праздник, наверное, в Хиве. Рано здесь принимаются за веселье...

- Веселье?! - удивился Айдос. И тут же помрачнел. Понял, для чего в такую рань поднимают город барабанным боем. - Казнь будет утром!

Отшатнулся от бия Доспан, словно тот произнес проклятие.

- О, мой бий!

- Видел вчера виселицу с пустой петлей? Сегодня в нее вденут человека.

- Это противно богу, мой бий.

- Никто не знает, противна или угодна всевышнему смерть человека. - Айдос поднялся с курпачи, попросил стремянного приготовить кумган с водой. - Перед казнью человек должен совершить омовение.

Пугал бий своего помощника страшными словами.

- Перед чьей казнью?

- Этого тоже никто не знает.

Они вышли на террасу, и Доспан стал сливать из кумгана воду на руки бия. Вода была холодная, обжигала руки и лицо. Айдос только поеживался и пофыркивал. За этим занятием застал бия инах.

- Мир вам! - сказал он торопливо и, не дождавшись ответного приветствия, объяснил причину столь раннего своего появления.

- Кони оседланы. Надо быть на площади до объявления указа хана. Поспешим!

Кони, верно, были оседланы и ждали всадников за воротами.

С мокрой еще бородой, весь несобранный и неухоженный, Айдос вскинулся в седло, принял от Доспана повод. Смутно и тревожно было на душе у бия. Не к хану отправлялись они, а на площадь, где стояла виселица. Грохотали по-прежнему барабаны, и грохот этот, все усиливающийся, заставлял холодеть сердце. Невольно подкрадывалась мысль о собственной смерти.

Насторожили Айдоса и нукеры, которые кольцом охватили всадников, будто пленных, - не свернуть, не остановиться. Так, в кольце, и двинулись по улицам Хивы.

Теперь Айдос не запрещал Доспану глядеть на дома и минареты. Не до стремянного и его любопытства было бию. Он не отрывал взгляда от Кутлымурат-инаха, ехавшего впереди. Пытался угадать, спокоен ли тот, на жизнь или на смерть ведет своего гостя. Пышная чалма, богато расшитый серебром халат скрывали инаха, но Айдос по движению

головы вельможи, по осанке его определил, как он настроен. Ничто, кажется, не заботило бека. Он ни разу не оглянулся, ни разу не проявил интереса к своему спутнику.

Они проехали мимо медресе Шергази-хана с ее строгими глухими стенами. У портала толпились муллабачи, юные, бледные, широко открытыми, полными страха глазами провожавшие всадников. Из этого медресе вышел тот самый богоотступник, которого должны были казнить сегодня. Как короток путь в небытие! Всего несколько ступенек портала. Вчера ты поднимался по ним к престолу всевышнего, сегодня спустишься в преисподнюю. Есть от чего быть бледным муллабачам, есть от чего пугливо жаться к стенам медресе.

Площадь базарная раскинулась за крепостным валом Ишан-калы у самых городских ворот. Когда всадники, влекомые людским потоком, выехали за ворота, было уже совсем светло. Солнце, правда, не поднялось еще, а может, и поднялось, но белый круг его не обозначался на облачном небе. После вчерашнего дождя тучи не рассеялись и, казалось, застыли навечно серым пологом над такой же серой Ишан-калой.

Базар гудел тихо, будто придавили его чем-то тяжелым, и нельзя было ни вздохнуть, ни заговорить, ни закричать. Можно только шевелить почти беззвучно губами. Мертвым был базар, не похожим на себя.

Народ все прибывал и прибывал, вливался в эту молчаливую толпу, объятую страхом, ждущую смерть. Не свою, но все же касающуюся своим близким дыханием каждого.

Перед всадниками люди молча расступились, пропустили их к помосту, что возвышался у тяжелой крепостной стены.

Айдос хотел остановиться поодаль, заслонив себя людьми, но его протолкнули вперед нукеры, вывели почти к самому помосту. Здесь были еще всадники, как и инах одетые в шелковые и парчовые халаты, - знать Хивы. Кони у всех хорошие - арабские и текинские скакуны, не хуже Айдосова рыжего. Только стройнее и нежнее: не из степи, из тенистых конюшен.

«На казнь как на праздник явились ханские советники, - подумал Айдос. - Зачем, однако, нас сюда привели? Для смирения или предостережения?»

Оказавшийся рядом Доспан прошептал:

- Сладок ли вкус смерти, мой бий?

- Нет, горек, сынок.

- Отчего же люди слетаются на нее, как мухи на дынный сок?

- Человечья душа - загадка, она одинаково жадно внемлет крику новорожденного и стону умирающего.

- Ойбой!

В это время снова загремели барабаны, теперь совсем близко, и на площадь въехала невысокая хивинская арба, сопровождаемая конными нукерами и палачами. Главный палач шел за арбой и держал огромную руку свою на ее задке, как держат обычно на похоронных носилках.

Толпа раздалась и пропустила арбу. Медленно, скрипя колесами, покачиваясь на камнях и выбоинах, она вкатилась на площадку, где стояла виселица. Смертник сидел скрестив ноги, руки его были связаны за спиной, веревка охватывала плечи и шею, концы ее тянулись к задку и оглоблям.

Это был совсем юный мулла. Лишенный сана, он лишился и белой чалмы. Бритая голова его темнела на тонкой худой шее. Глаза его, огромные как у джейрана, с детским ужасом смотрели на толпу, пришедшую увидеть его казнь. Отрекаясь от бога, он не знал, что отрывается от собственной жизни.

Будь в толпе его мать, юноша заплакал бы, попросил бы ее защиты. Но не было па площади матери, были чужие люди, и губы муллабачи судорожно сжались: ни единого звука не проронил он до самого помоста.

Его сняли с арбы и повели, нет, понесли к виселице. Ноги не слушались юношу. Палач, огромный детина в белой рубахе и белых штанах, поставил муллабачу под петлю, примерил, точно ли падает веревка на плечи мальчика, и подал рукой знак начинать казнь.

Барабаны разом смолкли, и на площади воцарилась тишина.

Казий, очень толстый и очень медлительный человек, поднялся с трудом на помост, развернул лист бумаги и стал читать повеление хана о лишении жизни муллабачи Алламурата. Гневные слова бросались юноше: он обвинялся в сношениях с дьяволом, толкнувшим его на величайший грех.

- Он усомнился в могуществе бога... отрекся от учения пророка... надсмеялся над священной книгой мусульман Кораном.

Кто-то из приближенных хана крикнул:

- Смерть богоотступнику! Толпа откликнулась как эхо:

- Смерть!

- Смерть!

Бледный муллабача сжался весь, втянул голову в плечи. Ноги его подкосились, и он упал бы на помост, но палач своей огромной рукой подхватил его и удержал под петлей.

Крика толпы было достаточно, чтобы лишился жизни юноша, и душа его уже покидала обессиленное тело. Но палач не видел этого. Подставив под ноги Алламурата чурбан, он стал вправлять его голову в петлю и наконец надел ее.

Казий поднял руку, и разом загрохотали барабаны, взвыл карнай. Что-то жуткое коснулось сердца Айдоса. Площадь звала смерть, и эта смерть торопливо шла мимо бия, вбегала на помост, чтобы лишить жизни юное существо.

Палач пинком вышиб из-под ног муллабачи чурбан, и тело, тяжело покачиваясь, повисло над помостом.

Карнай смолк, смолкли барабаны.

Кутлымурат-янах, находившийся чуть впереди, обернулся к Айдосу и сказал:

- Измена награждается смертью. Хан беспощаден к тем, кто предает святое дело...

Он смотрел в глаза бию и изрекал общеизвестное. Смерть ближнего способна навести и вельможу на размышления о тщетности человеческих усилий в поисках истины. Пусть размышляет. Айдос выдержал пытливый взгляд инаха. Предательство не жило в нем, и скрывать несуществующее надобности не было. В свою очередь он решил показать и свое умение рассуждать о тщетности человеческих усилий.

- Отыскивая больную овцу, нужно ли перебирать ножом всю отару?

Инах отвел взгляд от Айдоса. Бий намекал на угрозу хана покарать своих недругов. Много ли их?

Народ стал растекаться по улицам, освобождая площадь. Пора было покидать место казни и приближенным хана. Инах тронул своего коня и тем дал знак остальным всадникам следовать за собой.

«Куда теперь? - подумал Айдос. - Будет ли конец этой долгой тропе к хану?»

Когда сеют джугару, долго рыхлят мотыгой землю, чтоб мягкая была. И семена долго перебирают: зачем пустые класть в землю, не прорастут, не дадут урожая, а надо, чтоб взошли, порадовали сеятеля.

Долго рыхлил землю Кутлымурат-инах, долго перебирал семена и, только когда убедился, что они надежные, решил сеять. Принес их хану.

- Верен ли этот Айдос Хиве?- спросил Рахим-хан, - Можно ли опереться на него?

- Если наденем на него халат, шитый золотом, спина его станет крепкой, - ответил инах.

- Не ускачет с новым халатом в степь?

- Некуда ему скакать, ваше величество. Только к нам. Степь прибирает к рукам Туремурат-суфи. Вокруг него собираются люди с аулов, подвластных старшему бию. Надо торопиться, великий хан.

- Будь по-твоему.

В полдень Мухаммед Рахим-хан принял старшего бия каракалпаков.

Гостеприимен и радушен был властитель Хивы. Когда Айдос опустился перед ним на колени, он тронул его рукой, и прикосновение было почти дружеским.

- Встаньте, бий!

Айдос поднялся и поцеловал руку хана.

- Есть ли правитель могущественнее?

- Стремимся к этому, бий, - сказал душевно хан и пригласил Айдоса сесть напротив.

- Могу ли я высказать свои желания, великий хан?- спросил Айдос.

- О всех ваших желаниях поведал друг наш Кут-лымурат-инах. Мы считаем их достойными осуществления. Народу вашему необходимо ханство и единый правитель. Сколько могут роды степняков жить разобщенно!

- Разобщение наше несчастье, - пожаловался Айдос.

- Это несчастье всякого народа. А несчастье само собой не превращается в счастье. Трудно объединить каракалпакские роды. Строить ханство - все равно что ставить юрту. Сначала собирают жерди, делают кошмы, расчищают землю и потом только возводят юрту. Мудрый человек должен распоряжаться этим делом. И такой человек вы, Айдос-бий.

Правитель не назвал Айдоса ханом. Но слово это уже услышал бий. Объединить роды может только хан. Кто еще?

- Роды, как ручьи, могли бы слиться, - грустно сказал Айдос, - если бы не было плотины...

- Кунградский хаким, - понял хан, - Плотины разрушим, дорогой бий. Изгнан будет из Кунграда ненавистный всем Туремурат-суфи. Следа его не должно остаться на хорезмской земле...

Строг и решителен был в своих намерениях правитель Хорезма. Почувствовал это Айдос и поверил хану. Пожалуй, он изгонит из Кунграда проклятого суфи. Вернет бию братьев его, заблудших овец.

- Есть ли еще желания у нашего гостя?- спросил хан. В голосе его почувствовалось утомление. Не любил правитель долгих бесед. В уныние приводили они его.

- Налоги... - прошептал Айдос, Побоялся громко произносить это страшное для всех правителей слово.

- Налоги?... - Хан задумался. - Налог сделаем небольшим. В год две тысячи тилля. Поможем построить город вашего имени. Без города какое ханство...

- Да, да... - счастливо закивал головой Айдос. - Каракалпаки еще не знали города...

- Узнают... Бог милостив.

Торопился хан покончить с делами. Они ему не только наскучили, но и раздражали. И он хлопнул в ладоши.

- Гость наш утомлен. Пусть глаза его отдохнут, касаясь взглядом прекрасного.

Хан говорил бию почти то же, что говорил бий своему стремянному. Только звал он не к отказу от радостей, а к приятию их.

За стенами или за бархатными занавесами зазвучала музыка, нежная и чарующая. Из двери выпорхнули девушки в красных платьях, стайкой закружились на ковре, изображая то летящих птиц, то гнущиеся под ветром кусты тамариска, то сникшие стебли тюльпана. Руки их взволнованно двигались, опускаясь и поднимаясь, что-то просили, что-то отвергали, иногда гордо закидывались за голову, иногда покорно припадали к земле. Насурьмленные, нарумяненные, с множеством тоненьких косичек, извивающихся змейками на плечах, девушки были пленительно красивы. Взгляд их черных, горящих таинственным пламенем глаз обжигал, манил, обещал неведомое и неповторимое.

Степное сердце Айдоса, равнодушное к нежной красоте гаремных затворниц, не откликалось на призывы танцовщиц. Он смотрел на них холодно и спокойно. Он не хотел расслабляться, не хотел унижать себя плотским желанием. Хан, напротив, добровольно отдавался женским

чарам: сквозь приспущенные веки он жадно ловил взгляды красавиц и весь, будто одурманенный, пребывал в сладкой дреме.

В самый разгар танца хан вдруг снова хлопнул в ладоши. Стайка мгновенно выпорхнула из мехмонханы. Стихла и музыка.

Несколько джигитов внесли блюда с мясом и овощами. Мясо лежало горкой и дымилось жаром. Ароматный запах чудного яства разлился по комнате.

Угощайтесь, бий! - сказал хан и первым протянул руку к бараньей косточке, оплывшей жиром. Он любил высасывать мозг из костей. Мозг нежнее самого нежного мяса.

«Какой почет и какое угощение! - подумал Айдос. - Жаль, что видят это только мои глаза и слышат только мои уши. Степняки далеко от Хивы, далеко от покоев хана».

Баранина была вкусна, и Айдос, ухватив кусок покрупнее, сунул в рот. Он умел есть мясо и делал это без стеснения. Стекавшее с пальцев сало слизнул языком, как слизывают молоко ягнята. Обглоданные косточки сложил на жестяной, расписанный цветами поднос.

Хан молчал, молчал и гость. Не смел нарушать церемонию принятия пищи словами, пусть добрыми, даже льстивыми. Похвала дастархану способна обидеть правителя. Какой-то степняк оценивает достоинства ханской кухни. Это право принадлежит одному властителю. Конечно, теперь Айдос тоже хан - так надо понимать сказанное правителем Хивы. Но не богом освященный и не народом названный, а объявленный другим ханом, для которого Айдос всего лишь подручный, наместник в степных владениях.

Угощение, как и танец, оборвалось внезапно. Айдос только потянулся за вторым куском мяса, только успел его взять с фарфорового лягана, как ляган убрали джигиты, по знаку хана или без его знака появившиеся в мехмонхане. Бий затолкнул торопливо баранину в рот и, почти не жуя, проглотил. Обед был окончен, и за трапезой короткой должно было последовать что-то другое, тоже короткое. Понял Айдос: таков характер хана. Однообразие претит ему. Он спешит жить и подгоняет других. Должно быть, и коней он постоянно меняет в пути. О слугах и говорить нечего. Вся стража дворца новая.

Когда убрали дастархан, вошел медлительный и важный Кутлымурат-инах. Его сопровождал джигит со свертком в руках.

Хан поднялся с курпачи.

Айдосу ничего не оставалось, как вскочить на ноги и смиренно застыть перед правителем.

Подарок великого хана Хорезма хану каракалпаков! - сказал инах и велел джигиту развернуть халат и накинуть на плечи гостя.

В пламени светильников, стоявших вдоль стен мех-монханы, халат засверкал золотыми и серебряными нитями. Нити искрились, будто вспыхивали, и оттого одеяние казалось живым. Ничего подобного не видел Айдос. Сердце его замерло от восторга. Горячий комок радости стал в горле. Задохнулся счастливый бий, хотел что-то сказать хану особенное, исполненное великой благодарности, но не смог произнести ни слова. Только улыбнулся. Счастье - оно безмолвно.

«Что ж я стою? - опомнился наконец бий. - Надо пасть к ногам хана, целовать полу его халата. Омыть слезами радости землю, на которой он стоит».

И он упал бы, но хана рядом не было. Торопливо уходил он из мехмонханы, и Айдос увидел лишь тень его, мелькнувшую в дверях.

Инах рассмеялся. Забавным показалось ему растерянное лицо бия. По-детски огорчился Айдос, не выразив хану своей благодарности.

- Сегодня на вашу голову, дорогой гость, села птица счастья, - сказал инах. - Никому из своих приближенных, даже визирям, его высочество не оказывает такого почета, как вам. А халат этот - дар брата брату. Мухаммед Рахим-хан делит с вами престол великой Хивы. Вы говорили: земля каракалпаков - земля хана, озера каракалпаков - озера хана, море каракалпаков - море хана. Ваша земля теперь, ваши озера, ваше море. Вы хан.

- Достоин ли? - смутился Айдос.

- Достойны. Ваша мудрость оценена его величеством, а верность Хиве - пример для всех хакимов и би-ев. Сил и благоденствия новому хану! Яша!!! -инах обнял Айдоса и похлопал по спине по восточному обычаю.

Растроганный бий ответил тем же. Птица счастья, верно, опустилась на Айдоса. Так быстро переменялось все в судьбе его, что не мог сразу степеняк принять новое. Слишком велико оно было.

- Раб хана, - шептал Айдос. - Раб хана!

Взяв за плечи бия, инах повел его к выходу, показывая слугам, что ведет не простого гостя, а очень близкого его величеству человека и что каждый встречающий должен поклониться, выражая почтение и любовь.

Шествуя по аллеям дворца, инах продолжал восхищаться достоинствами Айдоса. И все от имени хана, который, по его словам, давно знает степного бия, наслышан о смелости, твердости и уме каракалпакского правителя. Говорил он и о самом народе, трудолюбивом, храбром, талантливом.

«Сказание о Гулаим и Арслане» не подтверждение ли тому?- произнес с чувством инах. - Из уст в уста передается певучий стих, славящий красоту и мужество дочерей вашего народа. Живы ли их наследницы?

«Живы», - хотел ответить Айдос и вспомнил Кумар, невестку свою. Красота и смелость ее поспорят с красотой и смелостью героинь сказания. Но, вспомнив, остановил себя. Кумар всадила нож в сердце посланца ина-ха. Не обрадует бека это имя. Но сказал все же:

- Дочери степи прекрасны.

- Его величество это знают, - засмеялся инах. Екнуло сердце Айдоса: не к добру повел бек разговор о женщинах.

- Хан великий ценитель красоты, - ушел бий от ловушки, которую поставил перед ним инах.

- Красивое меркнет от времени, как меркнет серебро. Оно должно обновляться, дорогой Айдос, - пустился в размышления инах. Ему нравилась витиеватость узора, который он выкладывал словами. Чем сложнее был узор, тем легче было запутать собеседника.

Однако простота бия ломала словесный узор инаха. Айдос будто наступил сапогом на его рисунок, сказав:

- Красота женщины принадлежит мужу. В материнстве она не меркнет, переходит к дочери и сыну. И смерти не подвластна...

- Мудрость ваша достойна преклонения, - с ехидной усмешкой повторил сказанное накануне инах. - Скуп, однако, тот народ, который отдает красоту одному человеку. Бог творит ее для многих. Разве утреннюю звезду Зухру можно спрятать под брачным пологом! Мир любит ее...

- Много ли звезд нужно хану?- прямо спросил Айдос. От западни инаха не удалось уйти. И он сам сунул голову в петлю.

Как в сказании «Кырк кыз»... сорок девушек...

Это было куда страшней двух тысяч тилля. Золотые вышибешь из степняков палкой или плетью, девушек не вырвешь из рук матерей ни угрозой, ни арканом. О плетке и говорить нечего. Степняки ответят тем же.

Дорого, оказывается, надо платить за ханство. И все же надо платить. Ханство-то уже за пазухой, греет душу Айдоса.

- Расстанемся с красотой степи, - сказал бий. Грустно сказал, жалко было себя - не девушек. Проклянут матери своего нового правителя. - Преподнесем ее великому Мухаммед Рахим-хану. Пусть радуется его глаз.

- Зачем же только хану... - отвел прямоу бия Кутлымурат-инах. - Звездами любят все. Каждый ваш приезд в Хиву, уважаемый Айдос, а теперь вы часто будете нашим гостем, превратится в праздник красоты. Сорок ваших дочерей порадуют глаз степного хана. Я думаю, они затмят красотой своей красоту утренней звезды. Мы верим в это...

«Слова приторней сала, - подумал Айдос. - Сколько их у хивинского вельможи? Весь я в словах льстивых, как баурсак в масле. Так меня и проглотить легко, не застряну в глотке».

- Верю и я, дорогой инах.

Они приблизились к дому вельможи; разговор о подарке хану продолжать было уже нельзя - слишком много ушей, - и инах повел речь о заботах правителя, касающихся хозяйства Хивы:

- Караалпаки трудолюбивый народ. Надо разводить кенаф, хлопок, сеять больше джугары и проса. Зимой мы пришлем вам десять батманов семян хлопчатника. Научитесь выращивать этот белый пух. Он оденет степняков. Шерсть скребет тело, хлопок ласкает...

- Нам останется белый пух?- спросил удивленный Айдос. Так просто дарят ли людям богатство? Не слышал он прежде такого.

- Вернете сто канаров пуха... - ответил инах. - Орошенное потом семя возвращается к дехканину двадцатью семенами. И на каждом пух величиной с урожайный плод. Отправите караван в пятьдесят верблюдов - и расчет полный. Из остального тките буз, одевайтесь, наряжайте своих красавиц...

И здесь хватало масла в каждом слове. Щедр был инах. Дарил степнякам богатство, ими же созданное. Возделывать хлопок на пустырях нелегко. Воду надо пригнать, арыки выкопать. Верно, орошенное потом семя даст двадцать семян. А сколько пота возьмет - подсчитал ли инах?

Ну, да это все в оплату за ханство. Что такое пот... Его люди льют не скупясь. Дармовая это штука. Вода дороже. Воду по пиале покупают в городе. А иной раз и по глотку.

- Вернем караван в пятьдесят верблюдов, - пообещал Айдос. - Только бы не перехватили в дороге люди кунградского хакима...

Свою тревогу высказал бий до этого самому хану. Тот легко отнесся к предостережению Лйдоса и доводы его не выслушал. Л надо бы выслушать. В Кунграде куют мечи против Хивы. Выковано их, поди, немало.

Отбросил тревогу бия и Кутлымурат-инах.

- Когда созреет белый пух и пойдет караван с ка-нарами, имя кунградского хакима будет забыто, - сказал он улыбаясь.

«Слопцы, - огорчился Айдос. - Неведом им коварный замысел проклятого суфи. Через степь пойдет оп на Хиву, поднимет всех против Мухаммед Рахим-хана. Руками степняков снесет голову беспечному правителю. Кому тогда скажет инах о забытом кунградском хакиме? Своему могильному камню».

- Само не забудется, - заметил Айдос. Дал понять, что беспокойство его не мнимое. И о себе думает, и о ханстве хивинском. Уходит народ из-под власти Мухаммед Рахима, от налогов бежит, ищет защиты под стенами Кунграда. Целые аулы снимаются со своих родных мест.

- Не забудется само, - согласился инах. - Поможем забыть.

Опять были слова. Сколько их наговорено! Из одного хурджуна инах берет их, кладет в другой. Сунешь руку в хурджун, чтобы достать тяжелое, а вынимаешь легкое. Ведь не убьешь, не ранишь суфи пустым словом! Надобен камень, и немалый.

- Отсечь бы! - высказал сокровенное бий.

Инах посмотрел на Айдоса с укором: что советует хану! Однако совет принял. Сам думал то же, но не делился ни с кем о том.

- Нет пока длинного меча, чтобы достал в Кунграде суфи.

- Короткий есть?- спросил о тайном Айдос. - Куют ли вообще мечи в Хиве? Или в горнах огонь еще не зажжен и железо в него не брошено?

- Короткий наготове, - оглянувшись, не подслушивает ли кто их разговор, отметил инах. - Хан намерен наказать некоторые племена, поднявшиеся против вас, дорогой бий. Пусть родится страх в их безумных сердцах. Страх и покорность.

«Кровь моих братьев пролить хотят», - понял бий, и в груди его поселилась щемящая душу боль. Тяжело стало Айдосу. Так ли судьба решает их спор о праве на власть? Не окажется ли он могильщиком Мыржыка и Бегиса? Не ему ли уготована участь палача своих кровных

братьев, юных, как тот муллабача, которого хан вздернул на веревке? Бог мой!

- За всякую помощь благодарим, - глухо произнес бий. И, приложив руки к груди, поклонился инаху.

Теперь за все надо благодарить хана. Даже за смерть братьев.

На айване, широкой, устеленной паласами террасе, Айдоеа и Кутлымурат-инаха встретил счастливый До-спан. Дождался оп наконец своего господина. Мучился, ожидая, терзался страхами, глаза все проглядел, высматривая бия. И вот он перед стремянным - живой, невредимый, великий.

Сверкающий золотым шитьем халат ослепил До-спана.

- О, мой бий!

- Не бий, сынок, - засмеялся ипах, - Хан каракалпаков! Преклони колени!

Доснан кинулся к ногам Айдоеа, но тот остановил своего стремянного:

- Не торопись, Доспан, путь к желаемому еще далек...

Они скакали по степи.

Был уже янтак под ногами коней, колючий, сухой; были заросли джангиля, редкие, облетевшие по осени и потому сиротливые, навевающие грусть; была черпая ива у озера, тоже облетевшая, припавшая ветвями голыми к холодной воде.

За Маман-шенгеле они остановились. Айдос слез с коня, присел на корточки, взял в руки горсть земли и приложил ее ко лбу.

С недоумением следил Доспан за действиями бия. Странными казались они юноше, он пытался понять, зачем все это. Но не понял и только удивлялся: бий другие люди, у них душа от бога.

Садясь снова на коня, Айдос сказал:

- Доспан, ты сын народа, который познал и горе и радость, видел и тучи и солнце, умирал и воскресал. - Дорога его была в колючках, как вот этот янтак. Он научился не чувствовать боли, когда ранил ноги и даже сердце. А если и чувствовал, то не выказывал этого. - Научился ли ты, Доспан, не показывать боль свою врагам?

Доспан не знал, научился ли уже, потому сказал:

- Учусь, мой бий.

- Бий?- кольнуло слово Айдоса. Он все еще бий. И объяснил себе и Доспану:- Да, здесь я бий, вот у этой осоки. Там - хан, - он показал на степь, что расстилалась впереди. - Но ты зови меня бием, сынок. Когда

мы вдвоем - я бий. Отец твой, отец отца. И, как отцу, доверяй все, делись всем, бери все. И торопись! Моя тропа короче твоей, ты можешь не успеть, Доспан. Спрашивай, спрашивай, спрашивай!

«Обо всем ли?» - подумал Доспан. - Мне хочется знать и то и это. Не обижу ли бия, заглядывая в его душу?»

- Ты мучаешься, сынок? Не таись! Доспан решил:

- Вы взяли горсть земли, мой бий. Зачем?

- За копытами коней - хивинская земля, перед копытами - моя. Я коснулся ее, чтобы почувствовать ее холод и ее тепло. Сердце земли услышать. Она живая, Доспан. Она мать наша, а мы сыновья ее. Никогда не расставайся с ней. Она примет тебя и мертвого.

Не хотел Доспан думать о смерти. Далекой была она для него. Такой далекой, что и не виделась, и не угадывалась. А бий заставил думать, сердце заставил сжаться.

- Нам уготована только смерть на нашей земле... - сказал Доспан, спрашивая вроде и страшась ответа бия. Ведь бий все знал.

- На любой земле уготована человеку смерть, - ответил бий. - И начало, и конец определены богом. Жизнь же человек распоряжается сам. Сильный продлевает ее, слабый укорачивает. Будем сильными - проживем долго...

- Народ наш силен? - спросил Доспан.

Мысль юноши вспархивала птицей, только что оперившейся. Хотел понять он, что за гнездом родным. Обрадовало это Айдоса. Тепло посмотрел на стремянного, поощряя любопытство его.

- Сила народа велика, - сказал бий, - если собрана в одном кулаке. Вот заросли Маман-шенгеле. Они стоят на краю земли нашей. Пройдешь ли их, не зная тайной тропы? Не пройдешь ни пешком, ни конным. И враг не пройдет. Сплелись ветви джангиля, ни рукой, ни мечом не разорвешь. Огонь схватит их с краю, побесится и потухнет. Задушит его роща, как душит горящую траву брошенная на нее курпача.

- А мы не сплетены, - догадался Доспан.

- И не сплетены, и разбросаны по всей степи, куст от куста на тысячу шагов. Чтобы сгубить, меча не надо, рукой переломишь. А сломанный он только на растопку очага годится...

Взлетев над гнездом, Доспан увидел всю степь, расплзшиеся по равнине и холмам одинокие дымки увидел и те самые несчастные кустики, о которых говорил сейчас бий. Ломали их, бросали в огонь,

следа не оставалось от несчастных. Больно стало Доспану от увиденного. Боль и заставила его сказать:

- Сплетенным надо быть джангилю, чтобы походил на рощу Маманшенгеле.

- О том и думаю, сынок, - покачал головой Айдос. - Только непростая эта думка. Привыкли мы жить в тысяче шагов друг от друга. Поднимешься на стремя - и то не увидишь соседа. День кричи - не дозовешься...

Кони шли дружно, чуяли под собой родную тропу. Ловили жадными ноздрями знакомые запахи аулов, и те будто звали их, торопили - домой, домой!

Далеко за рощей, уже когда скрылись из виду и берег озера, и высокие джангили, Доспан сказал бию:

- А если и ночь кричать, дозовемся соседа? Мечтал бедный Доспан о счастливой степи. Боль, что ли, сердечная заставляла его светло думать и надеяться...

- И ночь кричи - не дозовешься, - с досадой ответил Айдос. - Заарканить его надо и проволочь в свой аул.

Распахнул в удивлении и страхе глаза Доспан:

- Всех арканом?

- Всех. А кого и палкой, и плеткой...

- Силой, значит?

- Силой, сынок. Ты стадо сгоняешь палкой? Смутился Доспан. Он, верно, сгонял стадо палкой, без палки и в степь не выходил, но то скот, а тут люди. Их-то можно и словом собрать. Подумал сказать это бию, но вряд ли пришелся бы его совет по душе хозяину. Небось тот про доброе слово все знает... Поэтому не о слове, не о палке - о боли человеческой сказал:

- Плохо палкой-то...

И в Айдосе жило сострадание к людям, и он знал, что такое боль. Согласился с Доспаном:

- Верно, палкой плохо... Но лучше сегодня палкой, чем завтра мечом. После вражьего меча и собирать будет некого... Могилы одни останутся.

Могилы... Видел немало их в степи Доспан. От тех времен всё, когда меч гулял по степи и спастись от него не удавалось людям.

«Степь наша для могил предназначена, что ли? - подумал стремянный. - Прав, видно, бий. Не надо ждать меча завтра...»

- Понял меня, сынок? - спросил Айдос.

- Понял, мой бий.

Они хлестнули коней и поспешили к родному аулу. Дымки его вроде бы угадывались в чистом осеннем небе.

Аул Маман-бия стоял дальше всех степных аулов -там, где кончается земля каракалпаков и начинается земля русских. И степь была здесь другая, и травы другие, и ветры другие, северные.

С одного края аула плескалось море, с другого - волнилась ковыльная степь. И море и степь были одного цвета: весной темно-зеленые, зимой голубовато-белые. Не различишь, едет ли человек на коне или плывет в лодке...

В этот дальний аул и прискакал Мыржык, почти загнав коня. Однако что конь, когда неволит долг бия! На край света поскачешь.

С коня прямо в юрту хозяина, Мамана-жанадарьин-ца: у реки Жанадарьи обосновался бий, жанадарьинцем его и звали поэтому.

- За советом прискакал, - сказал Мыржык. - Плохи дела в степи, ветер дым пожара доносит.

Слышал Маман о споре между братьями, но огонь ли это? Пожар - это когда род на род идет и кровь льется. Однако Мыржык пугал огнем. Будто Айдос подговорил хивинского хана начать поход против каракалпаков, будто силой хочет подчинить себе всю степь старший бий...

- Ханом объявил себя, - сказал Мыржык. - Ханом каракалпаков.

Успокоил младшего бия Маман. О ханстве шел разговор на холме совета. И многие бий были не против объединения родов. Только не сошлись в том, какому правителю подчинить себя - то ли хивинскому, то ли бухарскому, то ли казахскому.

- Хива-то к вам ближе, - рассудил Маман-бий. - А кто ближе, тот друг и хозяин.

- Не то говорите, аксакал, - почтительно возразил Мыржык. - Хан требует налог.

- А какой хан не требует налог? На то он и господин, чтобы шкуру сдирать с раба.

- Мы не рабы, - запальчиво ответил Мыржык. - Мы свободные степняки.

Маман усмехнулся невесело.

- Свободные, пока голые и босые, а как наденем шекпен и привяжем телку у порога, тут сразу объявится хозяин и сунет руку в наш хурджун.

Кунградцы не платят налога хану, - гордо объявил Мыржык. Он причислял себя к кунградцам, не стыдился дружбы с Туремуратом-суфи, врагом Айдоса.

- Долго ли не будут платить?

- Вечно!

Захотел Маман-бий. На детскую игру походила эта возня с налогами. Кого он обманывал? Доверчивых степняков и таких вот безусых, как Мыржык.

- Молод ты еще, братец, чтобы взнуздывать коня жизни, - сказал Маман. - Да и нет такой узды. Толкуешь о вечности, а в чем она, вечность? Камень и тот рассыпается, человек же мягче камня. Кто родился вчера, умирает сегодня; кто родился сегодня, умрет завтра. Ты откажешься платить налог, сын твой не откажется. Внуков не называю. Будут ли у нас внуки, неведомо. От распри гибнет народ, а его немного.

Не понравились слова Мамана юному бию. Отстранялся вроде старик от того дела, которое затеял суфи, соединиться с Кунградом и не собирался. Зря, значит, скакал через всю степь Мыржык, зря мучил себя и коня.

- Погибнем, - опустил голову огорченный Мыржык. - Не объединившись, останемся малым народом.

- Если найдется человек, который объединит нас, противиться не будем и путь ему не преградим. Путь-то этот правильный.

Маман нарочно, видно, опускал имя кунградского правителя. Не считал суфи достойным возглавить ряды каракалпаков. И Айдоса не упоминал. Не хотел обидеть Мыржыка. Или кого другого имел в виду? А младшему бию надо было знать: за кого Маман? Вернуться в Кун град без имени все равно что не вернуться вовсе. Послал-то его суфи за тайной Мамана.

- Айдос ставит себя перед народом, - сказал Мыржык, надеясь вырвать наконец тайну у старика. Но не вырвал. Не так прост был Мамаи, чтобы дать птенцу выклевать тайное зерно из сердца.

- Плохо ли, что человек не закапывает свое имя в землю, а поднимает над головой?- рассудил Маман, вроде бы одобряя желание Айдоса стать во главе степняков и в то же время не соединяя имени его с делом, которое творили бии и кунградский хаким.

- Мудрое слово ваше, аксакал, - злясь на Мамана и на себя, сказал Мыржык. Ему уже надоел старик и хотелось от него избавиться. - Погостил бы у вас, отец, да дорога зовет. Далеко до родного аула.

Маман велел джигитам оседлать коней: своего и Мыржыка. Придерживался обычая провожать гостя за аул, до караванной тропы, что пролегала верстах в трех от берега моря. На коне старый бий чувствовал себя молодо и искал всегда случая, чтобы сесть в седло.

- Если дорога зовет, не мешкай. Наша жизнь вся в дороге. Степняку богом заведено считать время шагом коня. Жаль только, не увидел вечернего моря. В глазах джигита оно оставляет свой цвет.

- В другой раз, отец. Райское место выбрали вы для аула. Им не налюбуйешься за вечер. Тут надо всю жизнь прожить: море ласковое, степь тихая, небо ясное.

Маман, соглашаясь, покачал головой. Но тут же добавил:

- Когда ясное, а когда и поводочное. И море бывает злым, и степь ветреной.

- Ойбой! - посочувствовал Мыржык бию. - И вам плохо...

- Плохо ли, хорошо ли, юрты наши стоят здесь, значит, и земля наша здесь, и судьба наша жить на этой земле.

Сели на коней, поехали берегом моря. Мыржык увидел лодку и в ней мальчика лет десяти. Мальчик греб к берегу и делал это умело, ловко.

Не ловкость мальчишки удивила Мыржыка: если живешь у моря, то и управляй лодкой, как степняк управляет конем. Мальчишка был беловолос, и на ярком солнце голова его вроде бы золотилась. Вот что удивило Мыржыка.

Русский? - спросил он Мамана.

- Русский, - ответил бий. - Там русский аул. Как и наш, самый крайний на земле.

Заволновался Мыржык: не видел он русских, а слышал о них много. От великого Мамана пошли рассказы о русской земле и русском хане. Но по тем рассказам Русь находилась далеко и ехать до нее надо было сто дней, а то и больше. А тут - рядом. Прямо за аулом жанадарьинского бия начиналась Русь. Чудно!

- Не убьют, если подъедем? - спросил бия Мыржык.

- Зачем же убивать... Мы живем мирно, как соседи. Мой аул тоже считается русским, так его и зовут в степи. Не слышал разве?..

- Слышал, - неуверенно ответил Мыржык. Что-то, может, и слышал он, да не запомнил. Самого Мамана тоже зовут, кажется, русским бием.

Маман повернул коня вправо, где начиналась тропинка, ведущая к русскому аулу, и тем позвал за собой гостя.

- Бедно живут русские, - предупредил Мыржыка бий. - Хуже наших степняков. И бий у них свой есть, только не бий называется, а хозяин. И боятся они его, как мы хана...

Не то говорил о русских Маман. Другое слышал от стариков Мыржык. Были у них и бии и ханы, не слишком боялись они их, а воевали лучше всех. Земли у русских столько, что и за жизнь не объедешь. Хан не всю своими глазами видел. Потому прибавлять к своей великой каракалпакскую невеликую нет надобности. Обещали взять, да не взяли.

Вот про бедность русских ничего не говорили старики. И, услышав от Мамана, что живут они хуже степняков, Мыржык огорчился. Бедность-то кого украшает? Никого. Презрение одно вызывает гольтьба, сторонисься всегда рваного халата. Оказалось, действительно русские жили беднее бедного. Остолбенел Мыржык, увидя их аул. И на аул-то он не был похож - десяток камышовых шалашей, обмазанных глиной. Из этих шалашей вились жалкие дымки.

- Астапыралла! - вскрикнул насмешливо Мыржык.

Маман помрачнел. Не понравилась ему брезгливая улыбка молодого бия. Что смыслит в жизни юнец, оторвавшийся от родного гнезда еще не оперившимся...

- Если хочешь быть гостем русских, не ершись. Перед домом их сойди с коня и веди его на поводу.

- Я бий! - важно ответил Мыржык.

- На своей земле, а она далеко. Здесь земля русских, брат мой.

- Уже?- удивился Мыржык. Он и не заметил, когда переступил конь рубеж, отделяющий каракалпакскую степь от русской. Не видно было этого рубежа, не обозначен он был.

- Уже, - ответил Мамаи. - Мы-то знаем, где кончается наша земля, где начинается чужая. И слепыми не переступим порога. Сердцем чуем тень, брошенную богом, но идем все же смело. К русскому можешь войти в дом не стучась, если не несешь в сердце зла.

Он слез с коня, взял его за повод. Не хотелось спешиваться Мыржыку. Не во дворец шел, а в нищее селение. Однако подчинился

Маману - оставил седло. Подошел рядом с жанадарьинцем к русскому аулу.

От одного из шалашей дым поднимался тонкой стружкой, едва приметной, и была она, эта стружка, не черная и не сизая, как остальные, а голубоватая. Коснувшись неба, исчезала, сливалась с его синевой.

К этому шалашу повел молодого бия Маман.

- Здесь Никифор живет, - сказал Маман. - Хороший человек...

Мыржык подумал: «Если хороший, значит, есть и плохие; и плохих, должно быть, больше. В бедности откуда взяться хорошему...»

Из шалаша доносился звон железа и стук молотка. Был он непривычным для Мыржыка, и молодой бий не без робости переступил порог камышовой хижины. Запахом тлеющего угля и окалины ударило гостю в нос, и он поморщился. Не понравился ему дом Никифора. И сам Никифор не понравился. Черный, как обгоревший турангиль, волосы взлохмачены, руки измазаны углем и ржавчиной. Только глаза светлые, похожие на небо или на море, когда оно тихое.

Никифор оставил молоток и протянул руку Маман-бию.

- Сосед, - сказал он улыбаясь, - проходи, гостем будешь.

- Мир твоему дому, - пожимая по русскому обычаю руку кузнеца, произнес Маман. - Молодого бия привел к тебе, брата Айдоса. Слышал об Айдосе?

- Как не слышать! Хан вроде каракалпакский...

- Еще не хан. Старший бий.

- А брат его, значит, великий князь, по-нашему. Красив и могуч. И осанистость царская. Руку, поди, не подаст простому человеку.

Никифор говорил по-каракалпакски, бойко говорил: должно быть, научился за то время, что жил рядом с аулом Мамана.

Мыржык, смущенный, протянул ему руку. Никифор обтер свою ладонь о кожаный фартук, постеснялся ханскому брату сунуть измазанную углем и ржавчиной пятерню, и Мыржык пожал ее. Неумеючи сделал это, торопливо, но кузнец не придавал значения неловкости молодого гостя. Соблюден был порядок, остальное не столь важно. И главное, познакомились. С чужим человеком как говорить: чужой он и есть чужой, при нем держи язык за зубами. А тут вроде уже свой. Руки-то пожали друг другу.

- Как величать-то князя?- спросил, улыбаясь, Никифор.

- Мыржык-бий, сын Султангельды, - ответил Маман, тоже улыбаясь.

- У-у, важно звучит.

Кузнец поглядывал на молодого бия с уважением и в то же время придирчиво: княжеское хотел узреть в нем. Наряжен был Мыржык в халат, перепоясанный ремнем, на котором висел короткий меч. Голову украшал малахай, отороченный черным мехом. Не изысканный наряд, но и не простой. Плетка в руке богатая. По ней и судить можно было о знатности гостя. Рукоять в серебряной насечке, серебро пущено и в оплет, змейка вроде вьется белая среди желтых кожаных полос.

- Нужда какая у молодого князя?- спросил Никифор. - Коня подковать или меч отбить?

- Нет нужды у молодого бия, - успокоил Маман кузнеца. - Захотел посмотреть на русский аул, новости узнать. Живем хоть и рядом, а ты к России ближе, чем мы.

- Верно, ближе. На три локтя. Правда, ход у нас в Россию прямой, кое-что узнаем, но несвежее все. Человек, скажем, родился, послали гонца известить нас; пока он доскачет, уж и помер тот человек. И не крестины, а поминки справлять надо.

- Далеко, далеко, - согласился Маман. - Однако хозяин твой, Тимофеев, часто ездит в Россию, товар привозит.

- Привозит. Россия-то Тимофеева близкая. За неделю на лодке доплывешь. А до настоящей России, конечно, плыть и скакать полгода надобно, но можно и доплыть, и доскакать, была бы охота...

- Привез что-нибудь?- стал допытываться Маман.

- Не вернулся еще. Поджидаем. Малец мой у моря с утра крутится. Выглядывает Тимофеева. Не любит хозяин на пустой берег высаживаться, не почетно без людей идти к дому, да и товар выгружать надо. Двумя руками не обойдешься, полна ведь лодка...

Маман слушал кузнеца и качал головой, одобряя то ли слова его, то ли поступки его хозяина. К Тимофееву бий относился без симпатии, даже недолюбливал грубого и алчного соседа. Старался не заглядывать в русский аул, когда там был купчишка. Да и остальные степняки избегали встреч с ним. Оскорбит, а то и ударит ни за что. Степняков Тимофеев называл «джангилями», то есть деревянными. Надо ему когонибудь, крикнет: «Эй, джангиль!» Имени даже своих постоянных покупателей не знал и знать не хотел. Ни по-каракалпакски, ни по-казахски не говорил. Знал лишь два слова: «да» и «нет». Объяснялся, торгуя, пальцами. Указательным тыкал в товар - ситец, чай, сахар, остальными показывал цену. Если столкнуться не удавалось, звал на

помощь Никифора. Тот быстро налаживал торговлю, и Тимофеев только успевал раскладывать товар и считать деньги.

Никифор был подневольным человеком. Купец привез его в степь издалека, как привозят скот для домашнего пользования. Кузнец работал на все ближние аулы, а деньги за услуги брал Тимофеев. Ничем не брезговал. Придет с лопатой или мотыгой поломанной степняк, без гроша придет, ему тут же купчишка находит дело. Пока кузнец ремонтирует старую мотыгу или выковывает новую, степняк косит Тимофееву траву, копает огород, чинит шалаш. И не на час и не на два хватает работы. На день, на неделю.

Самому Никифору от поборов ничего не оставалось. Кормил и одевал его купец, большего работнику не полагалось. Говорили: в вечном долгу перед купцом Никифор. Вроде беглым крепостным был он, подобрал его где-то Тимофеев, спас, увезя на край земли, куда ни прежний хозяин, ни сам царь не доберутся. Теперь всю жизнь отрабатывать долг надо. Из одного рабства вырвался - попал в другое.

На судьбу свою Никифор не жаловался. Видно, смирился со всем, что выпало на его долю. Бежать-то ему больше некуда было. В чужие края только, да в чужих краях сам чужой. Или на цепь посадят, как бездомного пса, или забьют камнями как неверного. А тут вроде в России и вроде на воле: степь неоглядная, море бескрайнее. Мыслью броди по просторам, тешь душу.

Маман любил Никифора, любил как сына, как брата. Был кузнец открыт, прост и добр. Пытался понять степняков и делал это без умысла похитить их души, подчинить себе. Когда поймешь другого, то слабостью его пользоваться сможешь, Никифор чужим не пользовался, каким бы доступным оно ни было. Обман считал грехом. Такой уж был бескорыстный. И его не обманывали степняки.

Глуп был, по мнению купца, Никифор, но глуп на свой лад. Честность-то его шла от желания не запятнать душу. Тимофееву же наплевать было, на чем держится честность - на мудрости или на глупости, лишь бы не обманывали его, не опустошали карманы.

Маман к Тимофееву относился враждебно. Сколь приветлив и добр был с Никифором, столько замкнут и суров с Тимофеевым. Купец отвечал тем же. Не признавал Мамана бием. Обращался к нему, как и к остальным степнякам: «Эй, джангиль!» Дорогу, если встречались на одной тропе, не уступал. Сам требовал, чтобы бий посторонился, когда идет или едет хозяин русского аула. Людей Мамановых прогонял из

кузницы, не разрешал Никифору подковывать их лошадей, отбивать мотыги и лопаты. Отсутствуя месяцами, купец давал людям вздохнуть свободно, забыть на время о человеческом зле и человеческой несправедливости. Тишина тогда приходила в аулы, один из которых назывался русским, другой каракалпакским, хотя и каракалпакский в степи тоже именовался русским, а сам Маман - русским бием.

Мешал купец Маману любить русских, а делить их на купцов и кузнецов не мог, не получалось так у бия. Маман звал по примеру предшественника своего, великого Мамана, стать под власть и защиту России, А как стать, если там Тимофеев? Не хотят люди иметь такого хозяина. И он сам, Маман, не хочет иметь.

Все ждал чуда: уедет Тимофеев и не вернется Опрокинет вдруг лодку волна или нападут на купца разбойные племена, исчезнет ненавистный. Смерти же дал Тимофееву бий. Грешно желать другому смерти, да готов взять на себя грех бий, лишь бы избавить степь от окаянного купца.

Но ни волна, ни разбойничьи племена не трогали Тимофеева. Возвращался, как и уезжал, цел и невредим. Хворь тоже не брала купца.

А Россия нужна была Маману. Понимал: нет другой силы, способной защитить степняков. Разорвут их, растащат ханы и эмиры, следов не останется...

Давно лежит у царей русских бумага, в которой записана слезная мольба каракалпаков прийти к ним на помощь. И бумага с согласием помочь тоже лежит где-то. А помощи нет, забыли несчастных степняков. Или бумага затерялась, или не до степняков русским царям, своими делами заняты. Молва идет, что воюют русские, который год отбиваются от кого-то.

Когда война, до чужих ли забот! Это тоже понимает Маман. И все ждет, все молится богу, чтобы кончилась война у русских.

Как встретит Никифора, так спрашивает: «Ну, кончилась там война?» И показывает рукой на север.

И сейчас спросил:

- Про войну не слышно ли чего?

- Нового не слышно. Царь-батюшка Александр отбивается от француза. Силен этот француз.

- Отобьется?

- Должен отбиться. Русскому под чужим сапогом жить не пристало.

Мыржык слушал, что говорили Маман и кузнец, и непритворная досада обозначилась на его лице. Сожалел молодой бий о проявленном любопытстве. Зачем свернул к русскому аулу? Зачем зашел в шалаш кузнеца? Ехал бы сейчас берегом моря, дышал бы прохладой, пел бы песню. На воле сладко поется.

Почувствовал Маман, что тоскливо молодому бию, уйти хочет, и заторопился сам.

- Дай бог, чтобы кончилась война.

- Бог милостив, - кивнул Никифор. - Кончится небось, замирятся люди. Сколько можно кровь лить...

Старый и молодой бий направились к двери и тут на пороге столкнулись с Гулимбетом, тем самым Гулимбетом, которого люди прозвали Считающим просо. Длинный, словно жердь, испачканный углем от головы до пят, он походил на дива, только что вылезшего из преисподней.

- Ха, мастер! - сказал он весело. - Привез тебе уголь.

Сказал Никифору, будто никого, кроме кузнеца, не было в шалаше - ни Мамана, ни Мыржыка. «В чужом ауле, - подумал, сердясь, Мыржык, - степняки глаза закрывают, что ли? Не видят, где бий, где простолюдин. Обругать бы этого длинновязого, открыть глаза ему. А открыв, заставить поклониться бию!» Да не обругаешь. Если Маман - хозяин этого степняка - молчит, то что открывать рот чужому бию... Видно, повелось так в дальних аулах - не уважают биев, не боятся старшего и богатого. Сам Маман дурной пример подает, якшается с безродным. Дался ему этот несчастный кузнец! Лучше бы купцу, которого все боятся, руку протягивал, чем его работнику.

- Много угля привез, - продолжал весело Гулим-бет- соксанар. - Принимай, Никифор!

- Ну, молодец! - обрадовался кузнец. - Где мешки-то?

- На быке. Теперь у меня бык есть, послал бог рогатого...

Никифор попросил прощения у биев:

Уж не гневайтесь, дорогие гости, пойду приму уголь.

- Иди! - разрешил Маман. - Да и нам время ехать...

Мыржык с охотой поспешил за дверь: тошно было ему в дымном шалаше. Только зря торопился. Думал избавиться от нерадостных мыслей, а не избавился.

Вышел и ахнул. У шалаша стоял груженный мешками бык счастья и богатства. Их бык.

«Бог мой! - позвал на помощь всевышнего Мыржык. - Что творится в этом мире! То, перед чем мы преклонялись, отдано на поругание простолюдинам».

Он хотел броситься к рогатому, освободить его от позорной ноши, спасти его. Но побоятся унизить себя этим, только крикнул Гулимбету:

Ты похитил священного быка.

Удивленный Гулимбет отрицательно покачал головой:

- Я не вор, бий. Никто в степи не назовет меня таким именем.

- Откуда же у тебя рогатый?

- Мне отдали его за дочь. Святая красавицу Кумар, разве вы не платили Есенгельды калым?

- Что плетет твой глупый язык! - вскипел Мыржык. - Мы не сватали твою дочь, а бык принадлежит сыновьям Султангельды. Или тебе это неизвестно, безмозглый?

- Известно, бий. Только бык не принадлежит семье Султангельды. Айдос подарил его Али, а тот отдал мне. Носитель счастья и богатства - главный калым за мою дочь.

«Нет! - чуть не сорвалось с языка Мыржыка. - Не отдают как калым святыню. Можно ли выпустить из рук счастье свое!» Сказал, однако, другое:

- Если и попало в твой хлев благородное животное, надо ли издеваться над ним, понуждая таскать грязную ношу...

Гулимбет устыдился того, что сделал, но глупцом себя не посчитал.

- В моем хлеву нет другого быка. Грязная ли, чистая ли ноша - вся наша, и кому-то нести ее надо. Посмеялись бы надо мной люди, увидя Гулимбета, груженного углем, а рядом быка порожным.

- А зачем же ты водишь за собой быка? Его место в загоне, - сказал Маман.

- Э-э, - покачал головой Гулимбет- соксанар. - Как же я оставлю его в загоне, когда счастье может выпасть нам как раз в дороге... Нет уж, не расстаюсь я с носителем счастья и богатства ни днем ни ночью. Он и дома-то привязан к моей ноге длинной веревкой.

Засмеялся Маман. Глуп был все же Гулимбет, хотя и назывался Считающим просо.

- Счастье не на веревке держится, - сказал бий. - Оно в самом быке. Его-то и беречь надо, холить, кормить свежим сеном и отборным зерном.

- Ойбой! - воскликнул огорченный Гулимбет. - А кто же уголь и дрова возить будет? Счастье-то мое от угля и дров.

- Невелико твое счастье, - усмехнулся Маман.

- Правду говорите, бий. Сам-то я длинен, а счастье мое короткое. Привез Никифору четыре мешка угля, даст мне хозяин одну монетку. Богатство!

Разговаривая так с биями, Гулимбет помогал Никифору сгружать уголь и перетаскивать его в кузницу. Пыль угольная вилась в воздухе, оседала на их лица и одежду. Мыржык дождался, пока сняли последний мешок с быка, и подошел к нему.

Постарел еще больше носитель счастья. Седина прошла густой зарослью от холки до глаз, и голова из черной превратилась в седую. Уши совсем побелели. Потянул морду бык к руке Мыржыка - не то просил ласки, не то зерна. Узнал хозяина, вспомнил прошлую жизнь.

Носителю счастья всегда гладили рога. Таков был ритуал при встрече. Тронул рукой рога быка и Мыржык, провел по ветвям окаменелым, и пальцы молодого бия дрожали при этом. Велико было волнение Мыржыка. Счастье-то обернулось несчастьем для семьи Султангельды. Может, прикоснувшись к священному быку, он вернет и себе и братьям утраченное счастье...

- Хозяин! Хозяин приехал! - раздался крик сына Никифора. Он бежал от берега к кузнице и махал руками, будто извещал о какой-то беде, обрушившейся на мир.

- Э-э, некстати, - нахмурился Никифор. - Гони своего быка, Гулимбет! И сам поторопись. За деньгами потом придешь, вечером или поутру.

Биям он ничего не сказал, но посмотрел на них с грустью и тревогой, будто винился перед ними за необходимость выпроводить их из аула, как и Гулимбета. Конечно, они могли остаться, но ничего доброго из этого не вышло бы. Обидел бы их непочтительностью и грубостью своей Тимофеев.

Маман и Мыржык сели на коней и поехали в степь, прочь от моря.

Вслед им совестливый Никифор крикнул:

- Про войну все визнаю. С мальчишкой передам. Нынче же...

Гулимбету, который, вцепившись в веревку, тянул быка, кузнец сказал:

- Пусть идут аульчане к Тимофееву. Много товару привез. Полна лодка.

- Скажу, - пообещал Гулимбет.

19

Две тропы, ведущие от аулов Орынбая и Мамана, скрещивались на широкой поляне среди густых зарослей камыша. Здесь, в затишье, скрытые от глаз человека и зверя, должны были встретиться два брата.

Первым прискакал Мыржык. Не задержал его Маман. Нечем было ему задержать молодого бия: ни желанья присоединиться к Кунграду, ни интереса к велико му делу суфи старый бий не выказал. Слушать же сказки о какой-то бумаге белого царя, принимающего каракалпаков под свое могучее крыло, было недосуг Мыржыку. Торопило дело суфи.

Въезжая в камыши, увидел Мыржык облако пыли над степью - густое, торопливо летящее к зарослям. Не одним копытом поднималось оно - множеством копыт.

«Бегис спешит, - догадался Мыржык. - Неужели и он возвращается с пустым хурджуном?»

Суфи посылал Бегиса к Орынбаю с тем же наказом, что и Мыржыка: привлечь дальних биев к борьбе с Айдосом. Послал не одного. Зная крутой нрав и разбойничьи замашки Орынбая, приставил к Бегису двадцать джигитов, чтоб защитили молодого бия и Орынбая напугали. Напуганный, он более сговорчив и податлив.

Стая воронья вроде бы прилетела и спустилась в камыши, так стремительно и шумно вынеслись на поляну джигиты Бегиса. Все на добрых конях, в шапках меховых, перепоясанные ремнями, отяжеленные мечами и копьями. Сам Бегис был тоже с мечом, подаренным Туремуратом-суфи. Не с простым мечом, а с дорогим, отделанным серебром и бирюзой.

Увидел брата Бегис, заулыбался, счастливый, будто не три дня, а три года не виделись. Чували, что ли, братья, что судьба теперь одна и что иной радости, кроме радости общения, нет у них... И еще чували близкую гибель свою... Когда вражда в семье, короток путь каждого. А перед вечной разлукой хочется ли разлучаться даже на мгновение?..

- Удачна ли была поездка?- спросил Бегис. Мыржык не знал, как ответить. Приятного-то было мало. Попусту трясся в седле, навещая Мамана. Однако не начинать же с пустого разговор, и Мыржык уклонился от ответа.

- Пусть первым скажет старший!

Бегис принял это как свидетельство уважения к себе и снова заулыбался.

- Ясновидец наш, Туремурат-суфи, все знает наперед. Можно не ездить по аулам, а сидя в юрте, читать мысли биев. Глупые мысли у трусливых шакалов. Ничего не сказал мне Орынбай. Посопел, побряхтел, пожаловался на то, что людей у него нет и коней нет, ничем помочь нашему делу не может...

- Верно, трусливый шакал.

- Шакалья трусость на хитрости держится. В драку сам не лезет, ждет, когда волк задерет барана. А поваленного уже хватает за ногу.

Мыржык непонимающе посмотрел на брата:

- Баран-то кто?

- Это загадка для Орынбая. Нынче волк кажется волком, а завтра как будет - неведомо. Может, превратится в барана, и его самого грызть будут те, кто был бараном вчера...

- Больно мудро говоришь, брат. Неужели Орынбай боится Айдоса?

- Нынче не боится - завтра заботится. Хан все же Айдос.

- Какой же хан, если нет ханства...

- Ханства и не будет, Мыржык. Туремурат-суфи не допустит этого. И мы не допустим. Но Орынбай не верит в наши силы. На меня смотрел как на петуха, который кричит не вовремя. Сам знаешь, что бывает с петухом, который кричит не вовремя: попадает в котел...

- Котел-то нам ни к чему, - насупился обидчиво Мыржык. - Силу суфи могли показать шакалу джигиты. Мечи у них наточены, копыя острые.

Бегис снисходительно улыбнулся: наивен как юнец брат! Мечом ли пугают шакалов? На них достаточно фыркнуть коню или свистнуть всаднику. Да нужен ли шакал Туремурату-суфи? Поджавший хвост, сидящий в норе... Ему нужен волк, вгрызающийся в горло врага. Волков надо искать. Где вот только?..

- Маман-бий тоже поджал хвост?- спросил Бегис брата.

- Нет, Маман не шакальей породы, - ответил Мыржык. Настал его черед рассказывать о поездке в дальний аул.

- Волк, значит! - перебил его Бегис. Задумался Мыржык. Прозвища шакала и волка не подходили к Маману. Он вообще был далек от хищников, душа-то у старика мягкая: крови чужой не хотел и боли чужой не хотел.

- Конь степной... - нашел что-то близкое Маману молодой бий.

- Ха! - засмеялся Бегис. - Куда ветер, туда и он. Узды и седла не знает. Сядешь - сбросит. А не сбросит, то занесет не в ту сторону.

- Взнуздать надо, - неуверенно предложил Мыржык.

- Ты взнуздал?

- Нет.

- Кто же возьмется за такое дело? Степные кони норовистые и зубы пускают в ход, и копыта.

- Суфи сможет, - поспешил переложить на кунградского хакима непосильную задачу Мыржык. - Суфи всех взнуздывает.

Усомнился в магической силе суфи Бегис. Конечно, на многих накинул узду Туремурат-суфи, но это были все объезженные кони. А вот на вольного, степного, накинет ли?

- Может, кто-то уже оседлал Мамана?- высказал предположение Бегис. - Братец наш старший не появлялся в Мамановом ауле?

- Не появлялся. Хотя про Айдоса плохое не говорит...

- А хорошее?

- Хорошее тоже.

- Да, степной конь. И скачет неизвестно куда... Мыржык закачал головой: нет, мол, знает. Сказал весело:

- В Россию.

То, что Маман зовет всех соединиться с русскими, знал Бегис. Однако зов этот был негромок и мало кого трогал. А вот что скачет уже на север Маман, узнал один только Мыржык. И от кого? Неужели от самого старика?

- Видел скачущего?- спросил Бегис, удивленный такой переменной событий.

- Не видел. Но с русскими якшается и визнает все про них. Война там, бьются который год.

- Ойбой! Кто с кем бьется? Русские-то под одним ханом ведь живут...

- С пришельцами бьются, - объяснил Мыржык. - На русских иноверцы нападают.

Хоть и далеко все это от Бегиса, однако чем-то тревожит его душу. Сразу не поймешь - чем. То ли близостью событий: русский аул почти что рядом, то ли отношением к России соплеменника своего - бия каракалпакского.

- Что же Маман, помочь хочет русским?- с беспокойством спросил Бегис.

- Нужна тигру помощь муравья! - усмехнулся Мыржык. - Не заметит, как задавит его лапой. Муравью бы помочь.

- Какая помощь, если борется тигр с тигром! Иноверцы небось тоже сильны...

- Никифор говорил: «Силен француз!»

Выдал свою тайну Мыржык. Не было наказа суфи появляться в русском ауле. Запрета, правда, тоже не было. Но поступают братья теперь только по велению кунградского хакима, его желания выполняются - не свои. А тут свое желание толкнуло Мыржыка на опрометчивый поступок.

Выдал тайну Мыржык и с испугом глянул на Бегиса: что брат скажет? Не разгневается ли?

- Был, значит, в русском ауле?- спросил Бегис. Не поверил вроде оброненному слову. Не хотел поверить.

- Конь переступил черту, проведенную богом, - попытался оправдаться Мыржык и весь вспыхнул, выдал себя. - Не заметил, как оказался у русских. Там ни колышка, ни жерди воткнутой нет. Земля и земля. Доехать до большой России можно, не узнав, что едешь по ней.

- Один твой конь переступил черту?- стал дознаваться Бегис.

- И Мамана.

- Он-то шел первым?

- Да.

Застлало огорчение глаза Бегиса. Ничего не видел он уже и видеть не хотел. Тронул коня, в степь погнал его, чтобы одному остаться, да остановил его Мыржык. Крикнул вслед:

- Видел в русском ауле быка счастья и богатства. Такими словами не только остановишь - с седла скинешь.

Оглянулся Бегис. Посмотрел ошалело на брата: что говорит? В своем ли уме?

- Да, нашего быка. Его Айдос подарил своему Али, а тот отдал как калым за дочь Гулимбет-соксанара.

- Не шути, Мыржык!

- Если б шутил...

Заскрипел зубами Бегис. Не было еще такого несчастья в семье Султангельды! Не было еще такого позора! Выгнать из загона священное животное! О Айдос, что ты творишь? Проклятия неба мало на твою голову!

- Вернем быка! - крикнул Бегис. Плеть ожгла коня, и тот взвился на дыбки, не зная, в какую сторону кинуться.

- Постой, Бегис! - преградил путь брату Мыржык. - Быка вернешь - счастья не вернешь. Отказался от своего счастья Айдос, отдал другим. Пусть теперь кусает пальцы, пусть ищет утерянное.

Не глупые слова произносил младший брат. Верно ведь: не украли быка завистливые люди, не увели без согласия хозяина. Сам Айдос отдал его, прогнал вроде бы.

Охладел чуточку Бегис. Поугасла злоба. Пламя, если на него вылить кумган воды, стихнет. Слова Мыржыка были тем кумганом воды, что погасил пламя злобы Бе-гиса. Он сказал грустно:

- Прощай, носитель счастья и богатства. Да покарает всевышний того, кто обрек тебя на гибель.

Братья поехали в степь. Она начиналась сразу за камышами. Позади оставались море и река. Впереди равнина, чуть холмистая, покрытая жухлой травой. По этой равнине им предстояло ехать не день и не два. Торопить коней тут нельзя было: на первой версте израсходуешь все силы, на остальные версты ничего не останется. Шагом, без плетки и понуканий, одолевается степь.

Подремывали на ходу кони, покачивались сонно в седлах степняки. Ничего вроде не слышат, ничего вроде не видят. Копыта коней сами находят тропу и идут по ней не сбиваясь.

- Скачет кто-то навстречу в красном халате. Все сразу очнулись и глянули в степь.

- Э-э, да это никак Доспан! - узнал джигит стремянного Айдоса.

- Доспан, - без радости подтвердил Мыржык. - Что ему надо в этих краях?

- Что-то надо, - хмуро произнес Бегис. - У плохого хозяина собака ищет еду вдали от дома.

Верно, навстречу, торопя коня, ехал Доспан. Он весело улыбался, приветствуя братьев старшего бия.

- Радуетя, глупец, будто увидел в наших хурджу-нах корм для себя, - сказал Бегис.

- Сейчас мы его накормим, - усмехнулся Мыржык. - Плетка моя давно не ходила по ослиной спине.

Слов бранных немало было брошено Доспану, но ни одно не долетело до него. А раз не долетело, то и не коснулось. Потому, приблизившись, он продолжал улыбаться приветливо. С улыбкой слез с

коня и с улыбкой подошел к братьям. Сердитые лица их должны были насторожить стремянного, но не насторожили. Он вроде не заметил ненависти во взгляде Бегиса.

- Мир вам! - сказал Доспан. - Светлой дороги и теплого крова.

- Наша-то дорога светлая, - ответил холодно Бегис. - Светла ли твоя, черноухий?

Черноухим назвал Бегис стремянного - ослом, значит. Есть ли обиднее слово для степняка! Но и его вроде бы не услышал Доспан. Ответил, по-прежнему улыбаясь:

- Светла, бий. По велению дедушки Айдоса еду оповестить всех аульчан об установлении в степи Дня взаимного уважения.

Ты слышишь, Мыржык? День взаимного уважения устанавливает наш братец..

- Ха-ха-ха! - притворно весело рассмеялся Мыржык. - День взаимного уважения. Ха-ха-ха!

- Вы смеетесь, бий, - заметил робко Доспан, - а ведь это прекрасно, люди станут уважать друг друга, заботиться друг о друге. Великий день установил дедушка Айдос.

- Начался этот день?- сдерживая накапливающую злость, спросил Бегис.

В новолуние начнется...

- Долго ждать. Начнем сегодня.

Бегис махнул джигитам, чтобы они ехали вперед, оставили его и Мыржыка одних: незачем им было слышать разговор биев с Доспаном.

Когда джигиты отъехали, Бегис сказал:

- Черноухий, жизнь твоя как эта пена на губах коня. Смахну плетью - и нет ее.

Перестал улыбаться Доспан. Догадался, что не для удовольствия взаимного затеяли братья разговор с ним. Слишком зло глядят. Слишком грубо спрашивают. И слова припасли для него самые унижительные. Сказал как мог спокойно:

- Моя жизнь не принадлежит вам, Бегис-бий. Она принадлежит Айдосу-хану.

- Хану?! - взъярился Бегис. - Повтори, несчастный!

- Великое имя произносится раз.

Бегис послал коня на Доспана, чтобы грудью сбить его. И сбил бы, да стремянный ухватил узду и осадил коня. Тот даже фыркнул испуганно и едва не осел на задние ноги.

- Прочь! - замахнулся на стремянного Бегис. - Прочь, черноухий!

Доспан отпустил узду, но с места не сошел. Трясущимися не то от обиды, не то от страха губами произнес:

- Вы должны не гневаться, а радоваться тому, что брат ваш хан.

Вмешался в перебранку злую Мыржык. Ему не терпелось сказать стремянному тоже что-то грубое, обидное:

- Не ты ли, пастух, сделал его ханом? Доспан поднял голову и гордо сказал:

- Айдос-бия объявил ханом правитель священной Хивы, великий Мухаммед Рахим-хан. Он надел на дедушку Айдоса ханский халат с золотым воротником...

Мгновение братья, будто потерявшие дар речи, молчали. Оскорбил их своим уверенным тоном Доспан. Убил наглостью своей. Посмел говорить с биями как с равными. Черная кость открывает рот. Надо заткнуть его, навсегда заткнуть. Но не сейчас, не сразу. Потом, когда все выпытают, когда вытянут из собачьего нутра черное сердце, когда увидят, что в нем скрыто. Тогда!

Мертвыми губами, словно крови в них не было уже и тепло иссякло, Бегис проговорил:

- И на тебя красный халат надел хан?

- Нет. Это подарок Кутлымурат-инаха.

- Предатели! - завопил Мыржык. - Продали за ничтожную подачку народ свой! Свободу степняков продали! У-у!!!

- Не за это, брат мой, - страшным, леденящим душу шепотом произнес Бегис. - Не за это.

- А за что? - заторопился Мыржык. Ему надо было поскорее вытянуть тайну, которая, он был уверен, скрыта где-то в сердце пастуха. - За что?

Не знал тайны Доспан и смолчал. За него ответил Бегис:

- Айдос оклеветал Туремурата-суфи, святого, чистого, как вода родника, человека, представил врагом Хивы, грязным завистником и черным изменником назвал его. Вот за что надел Мухаммед Рахим ханский халат на плечи Айдоса.

- Великий бог! - воздел руки к небу Мыржык. - И эти люди ходят по земле! Накажи их, всевышний!

- Всевышний далеко, - покачал сокрушенно головой Бегис, - да мы близко.

Он слез с коня и дал знак Мыржыку сделать то же. Будто кольцом охватили братья Доспана. Он мог бы отстраниться, прыгнуть в седло и ускакать. Но ускачешь ли в голой степи? Кони у братьев резвые - догонят. Да и рядом двадцать джигитов. Цепью раскинутся, возьмут как джейрана с лету, бросят на землю, свяжут.

Доспан не двинулся с места. Думал устоять, крепкими были у него ноги, да не устоял. Одним ударом Мыржык свалил Доспана на землю, в пыль, в жухлую траву. Придавил сапогом, как ящерицу, не вывернешься.

- Говори, что донес хану твой хозяин?

На груди, у самого горла был сапог. Задышаться стал Доспан.

- Не был я рядом с ханом... - прохрипел он.

- Не был с ханом, был с Айдосом? Что донес он хивинцу?

Мало что знал Доспан о разговоре старшего бия с правителем Хивы. И то, что знал, не было ни для кого тайной: назвал правитель Айдоса ханом каракалпаков, призвал объединить степняков под одним шатром, обещал построить город, снизил налог до двух тысяч золотых...

Хрипя и задыхаясь, поведал он сейчас все это братьям. Думал, правда погасит огонь злобы, искренность смягчит их сердца. Но не погасила. Иное хотели услышать братья. Предательство Айдоса - вот что им нужно было. Пусть солжет пастух, пусть в страхе оклеветает старшего бия, лишь бы утолилось их желание мести.

- Не то! - рычал Мыржык. Он захмелел в злобе и все давил сапогом на грудь стремянного. - Не то говоришь, проклятый!

Бегис, бледный, с напоенными неземным холодом глазами, смотрел на извивающегося под сапогом Доспана и ждал, когда тот затихнет. Он не верил в правду пастуха, но знал, что ничего другого нет у него и ничего другого он не скажет. Не сумеет сказать, потому что раб Айдоса. И скорее умрет, чем предаст господина. Так пусть же умрет. Умрет сейчас, под сапогом Мыржыка.

Слыша безмолвное повеление брата, Мыржык еще сильнее надавил грудь Доспана, и струйка крови, розовая как ранний тюльпан, сбежала с губ пастуха.

- Скажешь или умрешь, несчастный! - иступленно прорычал Мыржык. - Умрешь!

Доспан терял сознание. Были еще где-то внутри силы, и, как это случается в последний миг, они собрались воедино. Ясность, как вспышка молнии, пронзила мозг. Он понял, что умрет. И случится это

вот тут в степи, вдали от всех и всего, и не узнает никто, как погиб пастух Доспан и почему погиб. Айдос-бий на коне, а его стремянный под конем. Все наоборот получилось. А ведь уговаривались быть рядом, когда на коне и когда под конем.

Желание жить заставило Доспана сказать то, что не сказал бы никогда и что было мудрее всего мудрого. Он прошептал:

- Вы не убьете меня, Мыржык-ага... потому что у вас доброе сердце и вы любите своего великого брата Айдоса.

Шепот был едва слышный, а прозвучал как крик птицы. Тишина, что ли, была удивительная или слова удивительные, но услышали шепот и Бегис, и Мыржык. Старший с испугом глянул на младшего будто на чужого. Будто предал его Мыржык: сердце, оказывается, у него доброе и любовь в нем к Айдосу...

Младший тоже глянул на старшего. И тоже с испугом, будто виновен перед Бегисом. Правду ведь сказал Доспан, хотя сам Мыржык никогда никому не открывал своих чувств к Айдосу. А что добр, придумал это, наверное, пастух. Почему Мыржык должен быть добр? Кто заглядывал в его сердце?

Больно вдруг стало Мыржыку. Почему, неведомо. Душа, что ли, заболела? Дрогнула нога, ослабила тяжесть. Задыхал Доспан свободнее.

Убрать ногу, однако, не посмел Мыржык. Сдерживал его ожидающий взгляд Бегиса.

- В стремя его! - потребовал Бегис. Обрадовался Мыржык. Снималась вроде с него вина за то, что не умер Доспан. Коню назначено убить своего хозяина.

Братья подхватили обессиленного Доспана, поднесли к коню и стали вдевать его ногу в стремя. Голова его и руки лежали на земле и так должны были лежать, пока Бегис не снимет с коня узду и не погонит ударом плети испуганное животное в степь. Поволочется тогда тело пастуха по земле, скребя лицом и плечами песок, подскакивая на буграх и выбоинах, теряя жизнь вместе с кусками кожи и каплями крови. И мертвого уже пастуха будет волочить конь, и остановится лишь тогда, когда устанет и, повернув голову, увидит, что убил не врага своего, а друга.

Мыржык вдел наконец ногу Доспана в стремя так, чтобы носок сапога был вверху и держал надежно тело. Оставалось снять узду и погнать коня, да Бегис завозился с уздой. Руки его дрожали почему-то.

Хотел он смерти Доспана, но на глазах у брата, оказавшегося вдруг добрым, не хватало решимости совершить убийство.

Если бы сам конь вырвался и понес Доспана прочь, избавился бы тогда Бегис от необходимости убить пастуха. Но конь был смиренный, доверчивый и ждал терпеливо, когда снимут с него узду. Узда всегда нежеланна, всегда напоминает о неволе.

Завозился Бегис, а когда отстегнул под мордой ремень и потянул его, близкий топот остановил бия.

Скакал джигит. Махал отчаянно руками, кричал:

- Бий! Хивинский хан напал на Кунград. Великий суфи зовет на помощь.

До пастуха ли тут! Хотя он, проклятый, и скрыл намерение хана, но расплатиться с ним, видно, придется в другой раз.

На коней! Скорее к суфи, спасти его, если еще не поздно.

Братья влетели в седла, поскакали за джигитами, которые далеко ушли от места, где совершалась расправа над Доспаном. На ходу Бегис спросил испуганного гонца:

- Много ли нукеров под стенами Кунграда?

- Много, бий. И они уже вошли в город.

- Астапыралла! Успеем ли?

Бегис стал нахлестывать своего коня, будто мог конь птицей перенести его через степь к стенам Кунграда за какие-то мгновения. До Кунграда надо было скакать и скакать...

Доспан возвращался к жизни. Он открыл глаза и увидел весь мир перевернутым, потому что голова была внизу, а ноги вверху. Рядом оказалась не грива коня, а его копыта. И они словно приросли к земле. Чужая коня, что хозяин немощен, и ждал, когда к нему вернутся силы.

«Не убили все же меня братья старшего бия, - подумал Доспан. - Сжалились, видно». Он вслушался в голоса степи. Они были знакомыми и спокойными. Топот удалявшихся коней был слышен еще, но так далеко, так слабо, что едва различал его Доспан. Ему почудилось, что он давно здесь один и не вернутся братья, что надо выкарабкиваться из беды, в которую попал он по чужой воле.

Он подтянулся, цепляясь за собственную ногу, к стремени, потом к подпруге, ухватился за нее левой рукой, правой стал высвобождать сапог из железной петли. Не сразу удалось это сделать. Мучился и с сапогом, и с петлей. Взмок весь, напрягаясь, но сорвал все же с сапога стремя.

«Ойбой! - вздохнул облегченно Доспан. - Живому труднее, чем мертвому. О мертвом люди позаботятся, о живом заботься сам».

Стал раздумывать стреманный, куда податься. В свой аул? Пожаловаться на братьев старшего бия, открыть глаза хозяину: братья-то его недоброе задумали, сеют повсюду семена раздора, поднимают народ против хана будущего. Или в дальние аулы поехать, объявить День взаимного уважения, как велел бий. Дедушка Айдос надеется на людскую доброту, День взаимного уважения хочет сделать началом сближения родов, объединения всех каракалпаков.

Светлым должен быть этот день. Так считает старший бий, и так считает Доспан. Все улыбаются, говорят ДРУГ ДРУГУ приятные слова, угощают соседей, близких и дальних, вкусными блюдами.

Доспан обтер лицо рукой и увидел на ладони кровь. Не дурное ли это предзнаменование? Как бы и остальные степняки не начали День взаимного уважения с насилия и убийств... Подумал еще Доспан о том, что опечалится старший бий, узнав, как встретили День уважения его братья. И еще больше опечалится, увидев кровь на лице стреманного.

«Пусть не печалится, - решил Доспан. - И без того много причин у бия для боли сердечной. При себе оставлю и увиденное нынче, и услышанное. И кровь свою смою, и пыль стряхну».

Он вдел ногу в стремя, вскинулся в седло и поехал на север, в дальние аулы. Там еще не знали о Дне взаимного уважения. Доспан принесет им приказание великого Айдоса.

20

Не покидала душевная мука Айдоса. Птицею могучей сделал бия каракалпаков правитель Хивы. Лети над степью, скликай народ в ханство, собирай роды, объединяй силы под началом своим! Сделал птицей, беркутом сделал, а крыльев не дал. Как полетишь без крыльев, как зовьешься в небо?

Трудная дума у Айдоса. Как обрести крылья? Не все степняки признают старшего бия ханом. Над ханством каракалпакским смеются. Почему - не знает Айдос. Вот и старается узнать. Думает...

День-деньской он в юрте белой. Лежит ли, сидит ли - все мучается мыслью о крыльях.

Бегис и Мыржык - вот крылья! Все чаще называет он имена братьев. Разговаривает мысленно с ними, увещевает их, зовет

вернуться под родной кров. Никто не слышит этой мольбы и потому не откликается, потому не спешит утешить старшего бия, освободить его от муки душевной.

Что братья, они далеко! Степняки, живущие рядом, в ауле Айдоса, тоже не слышат сердца своего бия. Глухи стали, да и мало их. Один за одним покидают зимовку, уходят в сторону Кунграда, в аул Бегиса и Мыржыка.

Когда Айдос вернулся из Хивы в ханском халате, ждал одобрения степняков. Преклонения ждал. А они только халат похвалили, поцокали языками: «Япыр-май! Золотой воротник. Щедр Мухаммед Рахим-хан». Воротник золотой поразил их, а титул хана не поразил. Не заметили они, что бий старший поднялся на высшую ступень. Такую высокую, о которой и мечтать не мог никто в роду их.

Айдос хотел услышать: «Наш хан!»- не услышал. Хотел собрать степняков в одно ханство, а они разбежались. Главный аул опустел, будто после урагана или нашествия врагов. Он придумал День взаимного уважения. Сблизить надо было как-то степняков, угасить родовую вражду. Можно ли веками подозревать соседа в злом желании поджечь твою юрту или угнать твой скот? Гонцы Айдоса поскакали в аулы звать людей на праздник примирения. В новолуние он должен был начаться во всей степи.

Когда ждешь от людей доброты, не ограничивай самого себя одним ожиданием. Так учит мудрость. Айдос понял это, когда увидел, что гонцы его, помчавшиеся в далекие аулы, явно задерживались с возвращением. Отсчитывая часы до новолуния, старший бий поймал себя на том, что бегут они быстро и до назначенного срока осталось не так уж много. Ровно столько, сколько нужно для поездки в аул Бегиса и Мыржыка.

«Сам бог послал мне эту возможность примирения с братьями, - подумал Айдос. - Пусть взаимное уважение вернется в нашу семью».

Нелегко было старшему бию пойти на примирение с младшими. Но что не сделаешь ради святого дела мира! Без братьев нет у Айдоса крыльев, а без крыльев не взлетишь над степью.

Он велел оседлать своего доброго иноходца, рыжего с белыми ногами и белым лбом, надел ханский халат с золотым воротником, в руки взял плетъ, перевитую сплошь серебряными нитями, и отделанный серебром же кинжал. Сел на коня и поехал в аул Бегиса и Мыржыка. Путь был хоть и недалек, но солнце все же пробежало

полнеба, пока Айдос добрался до холма с двумя бийскими юртами на вершине. В дороге он не торопил коня. Когда думает седок и мысль его непроста, нужно ли пускать в ход плеть! Ровный шаг делает и мысль ровной.

«Молодому нужна опора, - рассуждал Айдос. - Как он поднимется на вершину, если под ногой не земля твердая, а песок сыпучий? Ханство каракалпакское разве не опора Бегису и Мыржыку? Стали бы визирями, правой и левой рукой моей...»

Рассуждая так, определял Айдос дорогу Бегиса и Мыржыка. «Поймут братья, что зову их не для укрепления малой семьи нашей, а для укрепления большой семьи каракалпаков, - пойдут за мной».

Перед самым холмом бий поднял глаза к небу и спросил у всевышнего благословения. Дело-то было святое: восстановление мира между братьями.

В ауле царила тишина. Хорошее начало для святого дела. Порадоваться бы надо было Айдосу, да не порадовался он. Насторожила его тишина. Разве день не время для трудов? Не под солнцем ли гнут спину аульчане на своих бахчах?

«Иная жизнь, оказывается, в ауле братьев», - решил Айдос. Успокоить хотел себя этой мыслью. Погнал коня на холм, к юртам Бегиса и Мыржыка.

Рыжий после долгого пути не сбавлял хода. Не взошел - вбежал на самую вершину и здесь у белой юрты остановился и заржал залиvisto.

Бегиса ждал Айдос. Средний брат, по обычаю, должен взять повод из рук старшего, помочь ему сойти с коня. Но не вышел средний брат и не взял повода коня. Не вышел и младший. Похолодело сердце Айдоса: опустили полог юрты своей перед старшим братом Бе-гис и Мыржык.

Значит, поворачивай рыжего, возвращайся в свой аул? Но гордость степняка не позволяет так просто принять отказ в гостеприимстве, уйти как побитому псу. Постоять надо, окинуть взглядом юрты хозяйские, аул, степь, разочароваться во всем, признать все недостойным твоего одобрения и твоего внимания и лишь потом повернуть коня или, не поворачивая, проехать прямо, вроде бы дело у тебя не в этом ауле, а в другом, дальнем, а ты только воспользовался удобной тропой.

Но лишь мгновение испытал обиду и горечь Айдос. Не успел он ни повернуть коня, ни погнать его вниз к подножию холма, как выбежала

из юрты Мыржыка сноха, красавица Кумар, и кинулась к ногам Айдосова коня.

Отлегло от сердца старшего бия. Значит, не опустили братья погоги своих юрт перед Айдосом, не отказали в гостеприимстве: не было их просто в ауле. И Кумар как хозяйка вышла встречать старшего бия. Слава аллаху, не испытал унижения Айдос!

Кумар коснулась лбом передних ног Айдосова коня, красный платок-жегде едва не упал с ее головы на копыта рыжего.

Айдос посмотрел пристально и с теплотой на сноху. Впервые видел Айдос ее так близко. Знал, что красива и что похожа на пери, знал, но не допускал, что красота ее столь необычайна и столь привлекательна. Когда, коснувшись лбом ног коня, она подняла глаза на Айдоса, он вздрогнул. Будто две ясные звезды метнули в него лучи свои и обожгли сердце.

Никогда не приближал к себе женщин, кроме матери своих детей, Айдос. Никогда не задерживал взгляда на степнячках юных и прекрасных: они были чужими женами или должны были стать чужими женами.

И Кумар была женой его брата. Но он смотрел на нее и не мог оторвать взгляда.

- Где мужчины?- спросил бий, скрывая волнение, которое как хмель полонило его.

- Ускакали в Кунград, бий-кайнага, - ответила Кумар.

Он хотел сказать ей: «Встань, женщина!»- и не сказал. Не мог приказывать ей, хотя всегда приказывал людям и считал это правом своим. Взглядом, однако, попросил подняться. Она поняла и легко вспорхнула. Взяла в руки повод, спросила:

- Дозволит ли хан услужить ему?

Хан! Кумар произнесла слово, которое Айдос так хотел услышать от степняков. Глаза его затуманились счастливой слезой. Что большее мог получить он в этом ауле!

- Услужишь, - сказал Айдос, - если отпустишь повод коня моего.

Обидное сказал, но так мягко и так ласково, что сноха улыбнулась. Просил ее кайнага, даже умолял освободить его из плена, в котором оказался, взглянув в глаза ее. Понимала она это. Потому и не отпустила, не освободила из плена.

- Пренебрегает хан гостеприимством братского крова, - вроде с обидой произнесла Кумар. Легкая грусть затенила ее лицо, и стало оттого оно еще прекрасней.

- Не следует в отсутствие хозяина переступать порог его дома, - ответил Айдос. - Разве ты не знаешь закон степи, сношенька?

- Вы не простой путник, - заметила Кумар. - Вы такой же хозяин здесь, как и ваши братья. И я не чужая женщина, а сестра ваша. Мы теперь одной крови, великий кайнага. Вознаградите мою преданность согласиём услужить вам.

«Умна! - восхитился Айдос. - У нее мудрость ханши. Не женой простого бия быть ей! Сама способна править родом, как бий».

- Говоришь, предана мне?- пылливо глянул в лицо снохи Айдос.

- Да, великий кайнага!

Лицо ее побледнело. Волнение пришло к ней, а может, страх: не хотела Кумар быть отвергнутой.

Айдос не отверг ее. Он спросил, сам волнуясь и страшаясь:

- Чем доказала свою преданность?

- Убила хивинца!

Он обмер, пораженный.

- Что говоришь, сношенька?! Ты защищала себя... Еще бледней стало прекрасное лицо Кумар. Глаза же горели на этом бледном лице как черное пламя. Волю вашу выполнила.

- Разве я приказывал тебе казнить нечестивца? - спросил он, несколько смущенный прямою женщиной.

- Нет, мой хан. Никто не приказывал.

Тогда почему же ты произносишь слова: «Ваша воля» ?

- Потому что хивинец знал тайну и мог погубить великое дело, начатое вами, кайнага. Так сказал мне Али.

Снова счастливая слеза вспыхнула в глазах Айдоса. Дочь степняка предана ему, своему народу предана. Благодарность богу лишь можно произнести. И бий сделал омовение лица.

Кумар поняла: бий принял ее жертву. Теперь они единомышленники и понесут вместе свою тайну.

- Али не солгал, - сказал Айдос. - Вместе с хивинцем летел сюда Азраил - ангел смерти.

- Я увидела его, - прошептала Кумар.

Ты хорошо видишь и хорошо слышишь, сношенька, - со значением произнес бий. - Счастливой тебе судьбы!

Он уедет теперь, решила Кумар. Не сойдет с коня, не скажет других слов, достойных ее красоты и ее верности, желанных слов. И она отпустила повод.

Застоялся рыжий, не терпелось ему взять шаг торопливый, понести хозяина прочь от этого скучного места, навстречу ветру понести.

Айдос тронул коня, направил через гребень на противоположный склон, на тропу, которая вела в Кунград.

Кумар вдруг вскрикнула испуганно:

- Там война, хан мой!

Конь остановился. Вздогнул Айдос, услышав крик Кумар.

- Какая война?- спросил он удивленный.

- Хива напала на Кунград. Бежал великий суфи в степь.

Не тревога, а злорадная улыбка легла на лицо Айдоса: настигла карающая рука проклятого суфи, виновника всех несчастий семьи Султаигельды! Пусть прольётся его черная кровь!

Но тут же он подумал о братьях. Глупые ягнята связали себя одной веревкой с кунградским хакимом. Веревка-то , может затянуться и задушить всех троих. Астапыралла! Как спасти Мыржыка и Бегиса? Больше всего он боялся почему-то за Мыржыка и назвал его имя первым. Юн слишком, наивен. Обманутый льстивыми словами суфи, пошел за счастьем, а найдет смерть.

- Давно ли ускакали братья?- спросил Айдос сноху.

- Вчера еще. Были в дальних аулах и заглянули домой лишь для того, чтобы сменить коней.

- С ними джигиты?

- Двадцать верховых.

Война-то идет давно, догадался Айдос. В дальние аулы ездят с джигитами братья. Не на свадьбы ездят, мечи обнажают перед степняками! Понуждают людей предавать старшего бия, его великое дело. Воюют против него. «О братья, братья! Смерти потребуем друг другу... А что, если суфи свернет в аул старшего бия? - встревожился Айдос. - Разнесет в отчаянии и злобе зимовку, сорвет юрты, вытопчет землянки, угонит скот... Не братьев, пожалуй, надо спасать, а собственный дом, главный аул каракалпаков».

Назад!

Однако на глазах у женщины повернет ли степняк коня на собственный след! Каким именем назовет она его? И Айдос, не оглянувшись, погнал рыжего прямо к Кунграду. Пусть видит Кумар бия,

скачущего за своими братьями. Пусть прижмет рукой испуганное сердце. Пусть вскрикнет: «Ой, кайнага! Там смерть, остановитесь!» Он не остановится. Будет гнать и гнать коня. И лишь за озером, за высокой стеной камыша, который скроет и коня, и всадника, свернет он влево, на юг. Обогнет заросли и снова свернет влево, пока не выедет его рыжий на старую тропу. По старой знакомой тропе помчится Айдос в родной аул.

Надо успеть домой, пока не запылали юрты, пока не раздался крик женщин: «Ой алла!» Когда упадет под мечом первый степняк и обагрится кровью земля предков, будет уже поздно.

21

Волчьей стаей носились по степи джигиты Туремурата-суфи. Изгнанные из кунградской берлоги, иссеченные мечами хивинцев, голодные и измотанные донельзя, они искали пристанища. Аула искали, где могли бы отдохнуть и насытиться, где бы кони их получили сноп клевера или горсть зерна. Люди и лошади валились с ног.

Трое суток не покидал седла вожак стаи Туремурат-суфи. И прежде был сухим - стал еще суше. И прежде был черным - стал еще чернее. Пальцы скрючились, держа повод, ноги онемели, упираясь в стремя, омертвел вроде бы суфи. И глаза полузакрыты. Спит или бодрствует - не поймешь. Застыл в полудреме какой-то. А ведь истерзали его горькие думы, но страдания на лице нет. Умел суфи спрятать в себе все. Кротость одну показывал, отчужденность от земного, суетного. Не правитель, не воин - святой.

Слева и справа ехали братья Бегис и Мыржык: берегли хакима, хотя он и мертвый не упал бы с коня. Нельзя было суфи упасть. На глазах у джигитов оказаться на земле - значит исчезнуть из этого мира. Пыль останется одна. А что пыль? Подхватит ее ветер, разнесет по степи, и забудут люди великого суфи.

Держаться в седле надо. До последнего держаться. Выжить, мстить недругам, унижить их, изгнать.

Первым желанием кунградского хакима было снести с ходу аул Айдоса. Правда, мало у суфи джигитов было, мало коней, но на аул Айдоса хватило бы. Показал бы всем, кто виновен в гибели справедливого кунградского царства. Показал бы всем степнякам, всем биям каракалпакским, как карает великий суфи врагов своих.

Однако, поразмыслив, решил, что не своими слабыми руками надо душить старшего бия, а руками степных биев, сильными руками. В ауле могли оказаться нукеры хана, и стычка с ними лишила бы суфи его последних воинов, а самого подставила бы под меч Хивы.

Вот и носился он по степи, отыскивая аул, где приняли бы его как друга, а джигитов - как воителей справедливости. Такой аул мог лежать только на краю земли каракалпакской, вне предела власти хивинского хана. Аул Орынбая или аул Мамана.

Бегис и Мыржык посоветовали повернуть за камышовыми зарослями к Орынбаю. Воинственный Орынбай Хиву почитать не желает. Поймет душу суфи, окажет ему помощь. Хотя на последнее особенно надеяться нельзя: не больно драчливы сейчас бии. Свернул суфи к Орынбаю.

Почуяли кони тепло аула, прибавили шаг. Дымок очагов далеко разносится по степи, за многие версты чувствуется он, голодные и усталые легко отличают его от запаха жухлой травы и пересохшего камыша.

- Не торопитесь! - приказал Бегис джигитам. - Придержите коней. Поверните копыя острием назад. Не с войной, а с миром едем...

Ты мудр, ангел мой, - одобрил повеление Бегиса суфи. - Напугав Орынбая, закроем перед собой дверь его юрты. Пусть видит в нас друзей этот воинственный бий.

Придержали джигиты шаг коней, повернули копыя острием назад. Все сделали, чтобы не напугать Орынбая, но напугали.

Заметив вдали летящее облако пыли, Орынбай велел сыну своему Даулетназару подняться на каменную башню, с которой азанчи призывал аульчан к молитве, и посмотреть, кто приближается к зимовке: не враги ли?

Давно не навещали Орынбая настоящие гости. Был Бегис недавно с двадцатью джигитами, так бий не посчитал его гостем. Посчитал гонцом, к тому же не от друга, а от недруга. Кунградский хаким не вызывал симпатии у Орынбая. Жил Орынбай на краю земли каракалпакской, дорога до него была длинна, и не хотел бий, чтобы она кем-либо укорачивалась. Укротить пытался было ее Бегис, но не дал Орынбай ему сделать это.

Но вот кто-то, однако, поднимая пыль, по ней двигался к аулу Орынбая.

- Что видишь?- спросил бий сына, когда тот взобрался на башню азанчи и, приложив ладонь к глазам, стал всматриваться в даль.

- Много верховых, - ответил сын. - И с оружием. Похоже, враги скачут.

- Айдосова стая, - встревожился Орынбай.

- Почему решил так, отец?

- Бегис говорил, что Айдос хочет силой объединить степняков. Ханство ему надобно.

- Есть ли у Айдоса сила?- усомнился Даулетназар. - Не видел я в его ауле вооруженных джигитов.

- И я не видел, да ведь он теперь друг хана, а что стоит Мухаммеду Рахиму послать Айдосу сто нукеров! Он и двести может послать, лишь бы подчинить себе всю степь. Бегис советовал вооружиться, дать джигитам мечи и копыя, чтоб защитили аул от Айдоса. Правильный был совет, да не воспользовались мы им, теперь сложим руки перед старшим бием. Бегис и оружие обещал...

- Ха, вот сам Бегис и скачет к нам! - крикнул сверху Даулетназар.

- Не Айдос, значит? - удивился Орынбай.

- Не Айдос. Похоже, Туремурат-суфи. Сморщенный суслик...

- Что говоришь?! - рассердился Орынбай. - Суслик этот может обратиться лисой, а то и волком. Зубы-то у него острые, а лапы загребушие. Слезай с башни, гони коня навстречу. Если со злом едут - попроси в срок выкуп собрать, если беглецы - проведи вокруг аула к Маману. Беглецов приютишь, потом хлопот не оберешься, погоня небось следом идет, посечет и виновных и невиновных. Гостей же зови в аул, день поживут - десятком баранов отделаемся.

Даулетназар слез с башни, прыгнул на коня и погнал его навстречу пыльному облаку.

Были уже хорошо видны всадники. Орынбай узнал и Бегиса, и Мыржыка, и самого Туремурата-суфи. Он верно походил на сморщенного суслика. Но от этого не стал менее опасным: в маленькой голове под белой чалмой таились страшные мысли. И этих мыслей боялся Орынбай. С чем он едет в аул? Что несет бию?

Мертвым казался суфи. И всадники, что двигались за ним словно за покойником, тоже были полуживыми. На каждом повязка, пропитанная кровью. Некоторые не сидели в седле, а лежали, обхватив руками шею коня.

«Ойбой! Какой вихрь перекрутил их?- подумал бий. - Какие камни упали им на головы? Похоже, что это беглецы и спасаются от кого-то. На самый край земли каракалпакской прибежали. Черный день настал для несчастного суфи...»

Горькая участь других мало беспокоила Орынбая. Опасался лишь, как бы на него самого не перекинулась чужая беда. И, вздыхая по утрате, которую понес суфи, бий подумал: не заставит ли кунградский хаким его, Орынбая, восполнить ее? С усталого своего коня переседет на Орынбаева резвого...

Глядя на приближающихся к аулу беглецов, он все больше и больше удивлялся хитрости суфи. Едва Даулетназар поравнялся с конем хакима, как двое джигитов спешили, сняли Орынбаева сына с седла и на руках поднесли к суфи. Тот что-то сказал, должно быть очень ласковое, протянул руку и коснулся ею лица юноши. Потом Даулетназара посадили на свободного коня, украшенного бархатной попоной и серебряной сбруей, повели за узду, как водят коня вельможи. Так, рядом с суфи, возвращался в аул Орынбаев сын.

«Что за почести?- недоумевал бий. - Великая лиса этот Туремурат-суфи! Теперь хоть ковер стели под ноги его коня...»

Но ковра не постелил. Крикнул аульчанам:

- Эй, выходите встречать! К нам пожаловал высокий гость.

Из юрт и шалашей повыскакивали люди. Не желание увидеть высокого гостя поторопило их - страх перед бием. Орынбай не любил нерасторопных. Для них у него была всегда наготове плеть.

Высокого гостя бий встретил на дороге за аулом. Ввел его в зимовку, к минарету. Лучшего места в ауле не было. Башней этой славилось селение Орынбая.

Люди тотчас окружили всадников, взяли поводья коней, помогли джигитам слезть с седел. Оружие их не трогали, хотя оно и гнуло плечи кунградских нукеров. Да и сами джигиты не допускали к мечам и копьям аульчан. Таков был приказ Бегиса. «Приехал к друзьям, а остерегайся их как врагов», - наставлял он их.

Суфи ввели, нет, внесли в юрту Орынбая. Ноги-то его не двигались после трехдневной скачки. Будто мертвого внесли. И положили около очага на курпачи и подушки. На подушках уже он открыл глаза и прошептал:

- Всевышний привел нас в эту обитель. Благодарим

Ему налили горячего чая, и первый глоток он выпил из рук Бегиса. Даулетназар протянул суфи разогретый хлеб, обильно смазанный маслом. Хлеб он взял сам. Стал жевать одними губами, высасывать из него масло.

Слаб был суфи и несчастен. Орынбай смотрел на него, как смотрят на уходящего из этого мира, не столько печалась, сколько радуясь тому, что сильные люди, стоящие над ним, уходят. Легче будет жить Орынбаю. Не придется поднимать голову, глядя на них. Останутся те, которые вровень и ниже его.

Но обманывал себя Орынбай.

Выпил чаю суфи, пожевал хлеб горячий, высосал масло из него. Перестал быть похожим на суслика. Открыл глаза, чистые, озаренные небом, глянул на Орынбая и сказал:

- Оказывается, у тебя есть сын - ангел Даулетназар! Дай бог, чтобы жизнь его была долгой и дела праведными...

Не знал Орынбай, что все юноши у суфи ангелы и что всем им он нарекает долгую жизнь. Теплом обдали эти слова душу бия. Радостно стало ему: любил своего сына Орынбай. Поклонился суфи и произнес тихо:

- Пусть ваши слова сбудутся...

Не услышал суфи сказанного хозяином и не увидел его благодарного поклона. Он спал уже, посапывая и похрапывая сладко.

Оберегал сон великого суфи Бегис. Сидел над ним, как кулик над птенцом. Бегиса-то и увидел суфи, когда проснулся. Не удивился, что молодой бий бодрствует после трехдневной скачки по степи, не спросил о самочувствии его, а приказал:

- Ангел мой, не проведать ли тебе наших джигитов?

- С ними Айтмурат Краснолицый, - ответил Бегис.

- Айтмурат хороший человек, но не военачальник.

- Повинуюсь, - понял Бегис желание суфи остаться наедине с Орынбаем. Встал, нацепил на пояс меч, вышел из юрты.

- Умный и догадливый джигит, - сказал суфи, когда дверь за Бегисом закрылась. - И брат его, Мыржык, тоже толковый джигит. Будь они в Кунграде, не одолели бы нас хивинцы... Возможно, не здесь находился бы я сейчас, а по дороге в Хиву. Не мы бежали бы, а хивинцы.

Орынбай молча слушал суфи, не зная, как относиться к его словам: одобрять или отвергать их. Мало верил он в силу братьев Айдоса. Вряд ли они защитили бы Кунград. А уж о преследовании хивинцев не могло

быть и речи. У нукеров хана ружья, а у джигитов хакима мечи и копья. В рукопашном бою они, возможно, и устояли бы против хивинцев, а в дальнем явно не удержались бы.

- Почему не спрашиваешь, бий, кто виновник нашего несчастья?- поднял глаза на Орынбая суфи.

Не спрашивал Орынбай, потому что не хотел узнать имя виновного. Назовет суфи имя, вроде бы покажет рукой: вот он, враг, бей его, Орынбай, уничтожай моего недруга! А зачем Орынбаю бить чужого врага, у него свои есть, для них кулаки беречь надо. Промолчал по тому Орынбай. Хочется гостю объявить имя врага, пусть объявит. Язык-то у него развязался и, должно быть, не скоро замолкнет.

- Все зло от Айдоса, - назвал недруга суфи. - Он виновник нашего несчастья. Натравил хана на Кунград, продал своих братьев за халат золотой...

«Ну, положим, ты не брат Айдосу, - подумал Орынбай. - Сам копаешь для него яму. Но натравил на Кун-град хивинцев, наверное, все же Айдос. Был у хана, сказал, кто противится власти Хивы. А суфи противился, не платил налога и других подбивал на то же. Свое царство кунградское хотел создать...»

- Все степняки рождены женщинами, - распаялся суфи, - а этот Айдос рожден сукой бездомной. Нет у него ничего человеческого, все собачье. И живет по- собачьи, и поступает по- собачьи. А кто хочет быть в родстве с псом? Только псы. Ушли от него Бегис и Мыржык, потому что люди. И нам не по дороге с Айдосом. Камнями и забить его надо, бешеного...

Голос суфи окреп в гневе. Слова ложились одно к одному, как камушки. Бросал их суфи яростно, и они громко щелкали, оглушая того, кто был рядом.

Оробел, слушая суфи, бий. Камушки, нет, не камушки, а уже камни падали на его голову... «Э-э, так он погонит меня бить Айдоса, - подумал ошарашенный бранными словами Орынбай. - Привязать бы его язык. Слишком злой он».

Сам Орынбай любил бросать камни. И тоже целил в голову, но не в доме хозяина и не для забавы. И злости у бия было не меньше, чем у этого суфи. В драке лютым становился и мог убить противника. Был бы противник. Но что лютовать, когда бой окончен и тебя самого прогнали из собственного дома!

Смотрел Орынбай на исходящего яростью суфи, и казался он бию ястребом с подбитыми крыльями. Клюет, царапает все, что перед ним. А перед ним-то трава да песок. И пожалел Орынбай то тепло, что отдал несчастному, пожалел мяса, которым насытил его. Несчастные всегда вызывали в Орынбае брезгливость, и, если приходилось поневоле прикасаться к ним, он отирал руки о полу чекпена или сплевывал. Запах мертвечины мешал ему жить.

«Замолчал бы! - раздраженно подумал бий. - Кому теперь нужны твои слова!»

Смолкнув неожиданно, суфи вздохнул. Веки его устало опустились, и почти незрячим он произнес:

- Однако нет у нас сил бросить камень. А если и соберем силы воедино и бросим камень в Айдоса, то попадем в хана хивинского. Породим ветер Хивы, и снесет этот ветер все живое в степи.

Не собирался открывать рта Орынбай, - пусть гость изливает горе свое, а тут, услышав о ветре Хивы, спросил:

- И нас сметет?

- И нас, - подтвердил суфи.

- Нечем разве защититься? Джигиты есть, мечи есть, кони есть...

Суфи грустно улыбнулся. Смешон этот воинственный Орынбай, размахивающий тупым мечом перед пушками хана.

- Что наша сотня коней! Жалкий ветерок против бури в тысячу коней, - сказал суфи. - Буран может остановить только буран.

- Откуда же ему взяться, бурану? Из Бухары.

- Япырмай! - обрадовался бий, будто в кромешной тьме увидел дорогу. - Ветер Бухары сильнее ветра Хивы. Бухара - ханство из ханств.

- В этом ханстве мы и найдем силу против Хивы, - назвал наконец суфи место, где должен родиться ветер мщения. Ему-то нужно было не защитить степняков от беды, а отомстить за собственное унижение. - Вместе отправимся к средоточию могущества и справедливости - эмиру бухарскому. Готовы ли, бий, в дальнюю дорогу?

Раздумывать было незачем Орынбаю. Сердцем он давно соединился с Бухарой и ждал только случая, чтобы протянуть к ней руки. Готов, великий суфи!

Жалость к этому несчастному беглецу и даже брезгливость, что жили только что в Орынбае и мешали с должным вниманием относиться к сказанному, вдруг сменились восхищением перед мудростью суфи. Бий готов был тут же сесть на коня и скакать в Бухару.

Однако скакать в Бухару было еще рано. Суфи остановил бия словами:

- Хорошо, если бы вместе с нами поехал Маман. Степь должна предстать перед очами светлейшего из светлейших хотя бы тремя правителями.

- Поедет, - заверил Орынбай. - Маман-бий не любит Хиву.

- Не любит... - задумчиво посмотрел куда-то в невидимое суфи, словно там был аул Мамана. - Не любит? Должен ненавидеть, должен проклясть и хана, и Айдоса!

Способен ли Маман проклясть хана и Айдоса, бий не знал. Не произносил Маман страшных слов. Мягко и рассудителен был. Но если суфи нужны страшные слова, пусть возьмет их.

- Проклянет! - твердо сказал Орынбай. Усомнился суфи в решительности Мамана. Дважды

посылал он Мыржыка к «русскому бию», и дважды тот вернулся ни с чем. Попытать третий раз счастья, что ли? Вместе с Мыржыком отправить Бегиса? Тот похитрее и потверже. Против мягкости твердость нужна.

- Где ангелы мои?- спросил суфи неведомо у кого. На Орынбая не посмотрел он, да и мог ли с просьбой своей обратиться к бию... Мог ли обидеть хозяина поручением, достойным лишь слуги. Таинственную силу вроде на помощь призвал. И она тотчас выполнила его желание.

В юрту вошли Бегис, Мыржык и Даулетназар. Сын Орынбая тоже стал ангелом суфи, услышал слова кунградского хакима.

«Святой, что ли?- удивился Орынбай. - Может, и настоящие ангелы с ним в родстве?»

- Мыржык, конь твой утомился в дороге, и ты измучился, - произнес суфи едва слышно, будто не конь нес молодого бия по степи, а сам хаким и сил осталось лишь столько, сколько нужно на эти несколько слов, обращенных к Мыржыку. Глаза полузакрытые смотрели на джигита с состраданием, грустно смотрели. Мог ли не воскликнуть Мыржык:

- Я весь в вашей воле, великий суфи!

- Знаю и все же не решаюсь приказывать тебе. Только просить, ангел мой!

Говорите, суфи!

- В третий раз придется съездить к Маману. В третий раз обратиться к его совести и мужеству. Настоящий сын своего народа не

может не откликнуться на мольбу народа, не может не встать на его защиту. Призови к этому Маман-бия.

Мыржык вскинул голову, желая, видимо, объяснить суфи, что призывал Мамана и что старания его не нашли отклика. Но не пожелал объяснения суфи. Продолжил начатое, повысив голос, и тем остановил порыв Мыржыка:

- Чтобы понял всю важность нашего обращения Маман, вместе с тобой поедет Бегис. Он подтвердит сказанное мною здесь, в юрте Орынбая, и напомним бию о быстро бегущем времени и о не слишком великом терпении нашем. На ожидание ответа нам дано лишь несколько дней... - Суфи медленно повернулся к Орын-баю и сказал:- Всякое дело, кроме смерти, надо выполнять, не откладывая на завтра. Пусть твои люди готовят коней в дорогу. Нам надо побыстрее добраться до Бухары.

- К утру кони будут готовы, суфи.

- Вот и хорошо. Два дела начнем сразу. А третье, - Туремурат-суфи глянул на сына Орынбая, - третье возложим на Даулетназара. Ангелочек соберет джигитов аула и раздаст им оружие. Мои парни научат их рубить головы. К нашему возвращению хочу видеть моего третьего ангела если не жузбаши, то хотя бы елик-баши...

- Будет выполнено, великий суфи, - гордо ответил Даулетназар.

- Верю, верю, ангел мой.

Слова как неожиданно возникли на губах суфи, так неожиданно и исчезли. Он склонил голову на подушку и сразу уснул. Ровный храп разнесся по юрте.

Джигиты осторожно поднялись с паласа и так же осторожно вышли. Остался один Орынбай.

Сумасшедший день выдался для мангытского бия. Было тихо, мирно в его ауле. Прилетела вдруг птица с подбитыми крыльями, раненая будто. Смерть настигала ее. Обогрелась, насытилась и простилась со смертью. Стала крепнуть на глазах, стала махать крыльями, кричать стала. Мала оказалась для нее юрта Орынбая. Поддай ей аул, степь всю поддай, весь мир.

«Вот ведь как бывает! - подумал Орынбай. - Приютишь несчастного - и рабом становишься: куда несчастье, туда и ты, на край земли уведет».

С этой нерадостной мыслью лег спать Орынбай. Долго ли спал, не заметил. Разбудил его суфи в полночь. Одеваться стал и принудил бия подняться с курпачи.

- Позавтракаем?- спросил гостя сонный Орынбай.

- Э-э, пустое, - дороге... Собирайся! ответил суфи. - Пища волка на дороге... Собирайся!

22

Миновал в этот день ветер смерти аул Айдоса. Прошел стороной и стих где-то в степи, а может, и за степью уже, в море или в горах.

Поблагодарил Айдос всевышнего за спасение, велел заколоть барашка и угостить безродных. Верил, что, помогая бедному, творит дело, угодное богу.

В тот день он был спокоен. И на следующий день не испытывал тревоги. На третий же покинула его безмятежность. Будто услышал он далекий топот копыт или учуял дым пожарищ. Стал выходить из юрты, вслушиваться в голоса степи, всматриваться в даль: не мчатся ли к аулу разбойные стаи, не поднимается ли в небо огонь пожарищ...

Вести из дальних аулов поступали неутешительные. Какой-то степняк рассказал, что в ауле Орынбая братья Айдоса собрали сотню джигитов и вооружили их. Сам Орынбай вместе с Туремуратом-суфи поскакал в Бухару за помощью.

Рассказывал и про Кунград. Разграбили город ханские нукеры, навьючили награбленным добром караваны и ушли в Хиву. Остались десятка два стражников, которым не терпится бросить город. Бражничают, курят дурманную траву.

Не утихомирил, значит, хан враждебные Айдосу племена, не погасил угли, а только разворошил их. Занялась теперь огнем степь, и тысячько нукеров не загасить пламя. Из дальних аулов оно перекинется сюда, к аулу Айдоса. Гореть зимовке старшего бия.

Палкой и плеткой хотел объединить степняков Айдос. Напугал тем Доспана, да зря напугал. Не оказалось у старшего бия ни палки, ни плети. Да если бы и оказались, не осуществил бы своего намерения. Враги вот и мечи в ход пустили, но не добились ничего. Рассекли только степь на сто кусков, а как теперь соединить их?

Обо всем этом думал Айдос, глядя тревожно вдаль. Сна почти не знал, выходил и ночью из юрты, всматривался в темноту, вслушивался в тишину. Все ждал, не донесет ли ветер топота коней.

Доспана посылал на холм совета. С высоты виднее, что делается в степи.

- Мой бий, - робко затеял разговор Доспан, - увидеть врага сможем, а сможем ли остановить его? Мало осталось в ауле джигитов. Правда, если наточим ножи сделаем копыя...

- Нет, Доспан, - возражал Айдос. - Если падем мы безоружными - победим врага, если падем с оружием - победит враг.

Мудрость бия была недоступна Доспану.

- Кто же признает победу павшего?- удивлялся стремянный, - Павший безмолвен^ потому что мертв, а живой безмолвен, потому что молчит от страха.

- Не у всех этот страх. Не все боятся нукеров, - объяснял Айдос помощнику. - Мы-то с тобой не склоним головы перед тем, кто с оружием. Отчего же другие склонят?

Потому что слабы, мой бий. Бежал ведь наш народ из Туркестана, когда поднялась на него сила...

- Нет, сынок, он бежал, не будучи слабым, а будучи сильным.

Как всегда, непонятно говорил бий. Надо бы принимать это непонятное, не ломать голову над загадками, да вот сам бий приказал спрашивать, доискиваться до истины. Сделал шаг, сделай и второй, чтобы ясно все стало.

- Сильные... и все же бежали?

- Разобщена была эта сила, Доспан. А соединить ее в одну великую не догадался никто...

- А можно соединить, мой бий?

Праздный был этот вопрос. Не раз задавал его бию стремянный, и не раз отвечал бий. Однако не сердился, услышав вновь, а даже радовался, что понуждает его Доспан говорить о великом деле, которому посвятил себя.

И сейчас загорелся Айдос, посветлел лицом, печаль и тревога исчезли вроде. Стал он рисовать перед Доспаном картину счастливой степи, умиротворенной, соединенной братской любовью.

- Соединимся в День взаимного уважения, сынок, - сказал Айдос. - Без мечей, без копий придут друг к другу степняки. С хлебом, с добрым словом...

Доспан вслед за бием представлял себе праздничную степь, устланную живым ковром весенних тюльпанов, оглашенную веселыми песнями. Недолго, однако, длилось это видение.

Все порывался Доспан рассказать бию о встрече с его братьями на степной дороге. А ведь надо было бы поведать бию правду. Не с улыбками принимают степняки известие об установлении Дня взаимного уважения. Великим обманом считают его. Не верят, что в степи может воцариться мир по желанию старшего бия. Да и желание ли это старшего бия? Может, ханская выдумка, ловушка коварной Хивы? Соберут людей, чтобы еще один налог содрать...

Так радовались и так печалились Айдос и Доспан, думая о грядущем, а глаза и уши их были настороже. Не миром жила степь, а войной, и каждый час могла стрястись беда.

В томительном ожидании прошла неделя, другая. Не вспыхивал огонь пожарищ, не раздавался топот коней, летящих к аулу. «Может, и минует аул несчастье...» - стал было думать Айдос. И тут несчастье свернуло к аулу Айдоса.

Лежал старший бий на ковре. Забылся, усталый, в короткой дреме. Вдруг вбежали в юрту сыновья бия, малыши Рза и Туре.

- Отец, всадники в степи!

Застонал Айдос: «Вот оно, несчастье!» Вскочил, бросился к двери, распахнул ее. Степь открылась перед ним. И вдали сотня верховых. Скачут к аулу, спешат.

Впереди Орынбай. Малахай лисий мечется на ветру рыжими отворотами, сенсеи, тулуп из крашеного меха, распахнут, и полы взлетают над крупом коня как крылья. Беркут - не всадник. И злой такой же. И беспощадный такой же.

Ждал Айдос Туремурата-суфи, хитрого, осторожного, богобоязненного, ждал братьев своих, оказавшихся в стане врага, но хитрее хитрого оказался Туремурат-суфи. Не прилетел сам и братьев старшего бия не послал. Кинул на главный аул джигитов Орынбая, давнего противника старшего бия. Не юзбаши своего, а недруга Айдоса. Бии вечно враждуют, вражда и ведет Орынбая.

«Несчастье!»- снова застонал Айдос.

Всадники приближались, словно не кони несли их, а быстрый ветер. Орынбай уже влетел в аул и неся по нему, размахивая плетью.

Айдос вышел на тропу перед своей юртой. На плечах его был чекпен, на голове - легкий кураш. В домашнем был бий, как и положено

всякому хозяину, принимающему гостя. Без плети в руках, без ножа на поясе. Ладони соединены на груди, словно собирается поклониться путнику, оказавшемуся в ауле.

Осадил коня перед старшим бием Орынбай. Удивил его вид Айдоса. Вместо того, чтобы ударить плетью «хана», как велел суфи, повалить наземь, истоптать копытами, он устоял на Айдоса большими рыбьими глазами, словно на ровном месте наткнулся на холм.

«Бей, топчи!» - звучало в ушах приказание суфи. Но он не бил, не топтал - ждал чего-то. Может, грубого слова Айдоса или усмешки оскорбительной? Но не услышал грубого слова, не увидел усмешки. Услышал совсем другие слова.

- Сойди с коня, Орынбай! - сказал Айдос. - Будь гостем.

Напугали Орынбая эти слова. Мир, значит? Покой? А он прилетел жечь и топтать, убивать прилетел. Как оправдается перед великим суфи, пославшим его начать войну со старшим бием?

- Не гость я тебе, Айдос. Слишком велика для тебя честь видеть Орынбая пешим. Через голову коня надо с тобой разговаривать...

- Что ж, если считаешь себя выше старшего бия, говори через голову коня.

«Нет, лучше ударить его плетью, чем словом, - подумал с досадой Орынбай. - Язык-то у Айдоса железный и наточен как нож. Ушибешься, обрежешься». Ушибиться же Орынбаю никак не хотелось, да еще при народе. Джигиты-то стояли табуном за спиной его...

Однако без разговора не обойтись. И Орынбай сказал:

- Выбирай, Айдос, новый арык. Брось Хиву, поворачивай к Бухаре. Прогнали мы ханских нукеров из Кунграда, как ящерицы от огня бежали. И хан скоро побежит. Перед силой Бухары не устоит никто - ни Мухаммед Рахим, ни его беки.

- Эх, Орынбай, Орынбай! - покачал головой Айдос. - К лицу ли знатному бию похвалиться победой над ящерицами! Тысяча джигитов одолела десять сонных нукеров. Ты и против меня одного привел сотню джигитов.

Плюнули будто в лицо Орынбаю. Взвыл в ярости бий:

- Шакал! Огрызаешься, а время твое отсчитано. Осталось только затянуть петлю. Красив будет хан каракалпаков с высунутым языком! Последний раз говорю: поворачивай свой арык в Бухару!

Айдос усмехнулся:

- Ты-то уже повернул?

- И я, и братья твои повернули. Большая река течет в Бухару.

- Что ж, не утоните в этой реке. Туремурат-суфи выплывет, он, как сухой кизяк, всегда наверху, а вы, как камни, окажетесь на дне.

- О-о! - задохнулся ужаленный в самое сердце Орынбай. - Позоришь имя великого суфи, святого человека равняешь с кизяком?!

Орынбай погнал коня на Айдоса, собираясь сбить его с ног, затоптать как ящерицу. Но не просто было сбить Айдоса. Выставил старший бий руку, вроде щитом заслонился. А рука у него была сильная, не только остановила коня, но и осадила, заставила присесть на задние ноги.

Растерялся Орынбай, заорал что было силы, позвал на помощь джигитов:

- Эй, гоните скот Айдоса!

Ждали верховые другого повеления своего юзбаши, а вот гнать скот у них намерения не было. Со скота ли надо начинать войну? Но если бий приказывает, пусть по его будет. Кинулись верховые к загону, подняли жерди, стали плетками выгонять скот в степь. Больше всех старался сам Орынбай. Плеть его проворно гуляла по головам и спинам коров. Скотина испуганно мычала, а Орынбай хохотал.

Стадо нехотя, но все же пошло из загона в степь. Джигиты окриками понукали животных.

Неожиданно дорогу джигитам преградили аульчане. Откуда они взялись, неведомо. Предводительствуемые Доспаном, они стали наседать на подручных Орынбая, оттесняя их назад, к загону. Кто посмелее и попроворнее, тот хватал джигитов за полы халатов и стаскивал с коней.

- Люди! - остановил аульчан Айдос. - Сыны мои, не троньте гостей. Это комары одной ночи. До утра лишь хватит им скотской крови. Днем при свете справедливости такие не живут. Пусть уйдут сытыми. Упорствуя, вы предадите огню зимовку, породите стон и плач матерей своих...

Аульчане отступились без желания, опустив руки, горячие еще от схватки с джигитами Орынбая. Доспан кусал досадливо губы: «Врагов пощадил бий. Не комары одной ночи прилетели в аул - волки».

Стадо вышло из аула и, подгоняемое джигитами Орынбая, направилось в степь. Там в дымке предвечерья растаяло оно, будто его и не было.

Где же хан? Где его могучая сила? Где меч, карающий отступников? О том Айдос спрашивал у себя. А у кого еще спросишь, если рядом только Доспан, доверчивый, наивный малый, способный разве что слушать, но никак не отвечать... Да и надо ли с кем-то советоваться, надо ли открывать кому-то тайные мысли свои? Рождены-то они сомнениями и отчаянием. Все отошли от него; если отойдет и хивинский хан, упадет Айдос в пропасть. Прежде зиндан стоял перед глазами, потом виселица, теперь - пропасть.

Высоко вроде бы забрался. Дух захватывало от высоты. Не подумал тогда, во дворце Мухаммед Рахим-хана, что тот, кто срывается с вершины, летит только вниз. Один лишь орел парит над вершиной, потому что у него крылья.

Нет крыльев у Айдоса. Потерял их вместе с братьями.

Последняя опора - хивинский хан! И надежда последняя.

Орынбай хвалился: «Прогнали мы ханских нукеров из Кунграда, как ящерицы от огня бежали... И хан скоро побежит».

Похвальба! А нукеров Хивы в самом деле нет в Кун-граде. Снова сидит там Туремурат-суфи. И зовется уже не хахимом, а ханом. Объявил кунградское ханство.

Бог мой! Черное солнце взошло над степью. И взошло не с того края, где всходило всегда. Все хотят его гибели. Он стал перебирать биев: кто еще поднимет на него руку? Орынбай поднял. Чей теперь черед? Кому захочется пожить с добром Айдоса?

Все захотят, видно. И сильные, и слабые. Вот только Маман, пожалуй, не явится сюда, не обнажит меч против старшего бия.

О Мамане стал думать Айдос. Прежде редко приходил на ум этот «русский бий». Каков он? Хорош, плох? Далеко больно поставил свой аул, на самом краю земли каракалпакской... Без надобности великой не поедешь туда, не узнаешь, как живет «русский бий», что творится в его ауле и за его аулом.

За Мамановым аулом другая земля и люди другие. Говорят, там и ветры другие и дуют не в ту сторону. Все с севера и с севера, не как здесь.

Повернули бы с юга, с Хивы. Может, и сам Маман оглянулся бы, посмотрел в степь: черное солнце увидел бы. Загорелось бы его сердце болью. Свои, степняки, гибнут. Помочь надо!

Решил Айдос донести до Мамана печаль свою и тревогу свою. Сел на коня. Посадил на коня и Доспана. Поскакали оба в дальний аул.

В тот день Маман-бий объезжал водоемы, отыскивал места, где рыба легла на зимовку и где удобнее было взять ее. Рыбой той кормился аул в холодное время, которую засушили или повялили осенью, и той, что добывалась подо льдом свежей.

Кому, как не бию, заботиться о пище для своих людей! К кому, как не к бию, обратятся люди за советом и помощью! Вот с рассвета и гонит бий коня к берегу, вместе со стариками ищет в заливах обильные зимовки рыбы.

Не в тот день и не в следующий повстречался с Маманом старший бий и его стрелянный. Лишь на третий добрались они до моря и у ледяного берега, среди снега и ветра, наткнулись на «русского бия». В тулупе, в ушанке, в лисьих рукавицах, он горой возвышался на своей низкорослой длинношерстой лошаденке.

- Айдос? - весело окликнул старшего бия Маман. - Гость издалека...

- Мир вам! - ответил Айдос также весело. Кони их сблизились, и бий обняли друг друга. Морозно было, ой как морозно, а на сердце у Айдоса потеплело. Горячая волна вдруг охватила душу, и он улыбнулся. Первый раз за долгое время улыбнулся.

«Проездом, - хотел сказать уже подготовленное заранее Айдос. - Сватал я тут у Гулимбет- соксанара дочь для сына Али. Так сын помер старший, теперь стану сватать девушку за младшего». Но не сказал Айдос задуманного, не смог сказать. Лгут разве, когда встречают доброго степняка! А старшему бию Маман добрым показался. Он и был таким.

Сказал правду Айдос:

- Посмотреть хочу, какое солнце светит на краю каракалпакской земли.

Маман кивнул понимающе:

- Белое...

По льду они проехали до заснеженных камышей, свернули на тропу, ведущую к аулу. Тропа была почти не видна. Поземка гуляла по степи - заносила и старые и свежие следы. Лошади шли, чувствуя тропу копытом.

Маману надо было объехать две-три лежки, опробовать лед за камышом, да не в обычае степняков оставлять гостя на дороге. Как ни объясняй, как ни винись перед ним, не поймет твоей нужды. Обидится,

уедет и уже больше никогда не переступит порога негостеприимной юрты.

Повел Маман старшего бия в аул. Дымы вились в морозном небе. А где дым, там очаг, там мясо или рыба в казане. Там сытная еда...

- Везде в степи сейчас холодно, а здесь, на краю, холоднее втрое, - сказал Айдос.

- Россия близко, - ответил Маман.

- Там-то всегда холодно?- спросил Айдос.

Не бывал в России Маман, не знал, что ответить. Зима там, наверно, холодная, как и здесь, а вот лето... бог его знает. Должно быть, летом тает снег. Никифор говорил, что русские сеют хлеб, а хлеб у них в снегу не растет. Значит, не всегда у них холодно, и зачем пугать Айдоса... Никого не хотел пугать Россией Маман. Дорога она ему была, на нее лишь надеялся.

- Не всегда холодно, - сказал Маман. - Все как у нас, а может, и теплее.

- Как у нас?- не поверил старший бий. - Там, слышал, зимой три шубы надевают.

Шубы, как и мороз, пугали Айдоса, и Маман убрал их, сказав твердо гостю:

- Одну.

«Кому, как не Маману, знать, сколько шуб надевают русские... И сколько снега там, знает лишь он. Пусть будет так», - думал Айдос. Не собирался старший бий ехать в Россию. Иной путь у него. Но чтобы закончить разговор о чужом и далеком, бросил последнее, родившееся в голове:

- Должно быть, крепки эти русские, если в мороз одной шубой обходятся...

Из русских Маман знал кузнеца Никифора и купца Тимофеева. Кузнец был крепок, верно, хотя и тощ. Сила играла в нем, пудовым молотом орудовал, как степняк плетью. Купец - тот пожирнее и потяжелее. Сила его неизвестна была Маману: в руках, кроме денег, купец ничего обычно не держал. Так что крепость русских людей проверить бию особо не на ком было. Однако согласился с Айдосом:

- Должно быть... Здешний кузнец Никифор крепок...

На том разговор о русских и иссяк бы, да случай понудил вернуться к нему.

Едва подъехали Маман и Айдос к аулу, как им навстречу кузнец Никифор и купец Тимофеев. Оба на одном коне: купец в седле, кузнец за седлом.

Поразился Маман. Обычно Тимофеев сидел на коне, а кузнец вел коня под уздцы, как при выезде хана. А тут оба рядом сидят.

Еще больше поразился он, когда Никифор слез с коня и, приветствуя бия, сказал:

- Хозяин мой, услышав про День взаимного уважения, хочет поклониться соседу своему бию Маману.

Забыл Маман о Дне взаимного уважения. Посчитал его, как и другие бии, пустой затеей, а пустое долго ли хранится в хурджуне памяти! Столько, сколько вода на песке. Кузнец повторил сказанное когда-то стремянным старшего бия и тем заставил смутиться Мамана. Русские, оказывается, не посчитали День уважения пустой затеей.

- Вот человек, который придумал День взаимного уважения! - сказал Маман и показал рукой на ехавшего рядом Айдоса.

- Хозяин! - крикнул Никифор. - Сам отец Дня уважения перед вами, старший бий каракалпаков Айдос.

Ветром будто сдуло с седла Тимофеева: жирный, грузный, а скатился как мяч и подкатился к коню Айдоса.

- Большой лишь человек может придумать такой День... Благодарность вам, великий бий.

Купец сдернул с головы богатую лисью шапку и низко поклонился Айдосу.

Не принято было у степняков обнажать голову при встрече с гостем, даже самым знатным. Но у русских другой обычай, и он понравился Айдосу. И то, что понравился, не скрыл старший бий. Ответил поклоном и приложил руку к сердцу. Сказал улыбаясь:

- Мы рады, что День уважения пришелся по душе русскому купцу. И русские, выходит, ценят добрые отношения между людьми?

Никифор, который переводил слова Тимофеева Айдосу и слова Айдоса Тимофееву, добавил от себя:

- Старший бий хочет дружбы с русскими. Слова понравились купцу, и он тотчас откликнулся на них:

- Скажи старшему бию, пусть приезжает в наш аул. Товара у нас всякого полно - одарим. Коня подкуем так, что копыта сами будут отскакивать от земли.

Поблагодарил Айдос за приглашение и пообещал как-нибудь посетить русский аул, а от подков отказался.

Конь мой капризный, подковы менять не любит. А нам не до капризов сейчас - путь обратный далек и труден.

- Жаль, - развел огорченно руками купец. - Двери наши и душа наша всегда открыты для отца Дня взаимного уважения.

Тимофеев еще раз низко поклонился, надел свою лисью шапку и вернулся к коню. Вместе с кузнецом они устроились на лошади - один в седле, другой за седлом - и поехали в русский аул.

Недолюбливал купца Маман и все, что тот говорил, отвергал. Если нельзя было отвергнуть - не все оказывалось злом, - просеивал сквозь густое сито своих сомнений и редкие крупинки, оставшиеся в руках, долго разглядывал. Просеял и то, что услышал сейчас. Крупное зернышко осталось на ладони - похвала Дню взаимного уважения. Понравился он купцу русскому и даже слова для него такого не пожалел: добрый!

Может, и добрый этот день... Мир и уважение кому не дороги! Степняки ценят тишину, если она не обманчива. Слух-то по степи пошел, что День взаимного уважения придумал не Айдос, а хан хивинский. А враг доброе не придумает, ради зла все затевает.

Сам Маман колеблется, принять или не принять День взаимного уважения, но все же, видно, не примет. Тоже считает День выдумкой хивинского хана.

В дороге не сказал этого Айдосу, да и дома не сказал бы: зачем обижать гостя... Но Айдос принудил, спросив:

- Оттого ли белое солнце на краю степи, что миром живут здесь соседи?

Спросил, когда уже слезли с коней, вошли в юрту, опустились на мягкую курпачу.

- Оттого, - ответил скупой на слова Маман.

- И оттого живет миром, что арык ваш никуда не течет?

- Наш никуда не течет.

Благо, выходит, в покое. Но покой не вечен. Налетит ветер, как налетел на аул Айдоса, и разметет все. Орынбаи и туремураты-суфи тем и живут, что разрушают мир. Так подумал и о том сказал Маману старший бий.

- Сегодня не течет, завтра, может, не будет течь, а послезавтра потечет. И туда, куда не хочет хозяин.

Маман погладил бороду: надо было ему собраться с мыслями, прежде чем ответить гостю, но все не то приходило на ум.

Сказал наспех:

- Сам не потечет.

Ну, это известно всякому: не потечет арык, начало и конец которого в ауле.

- Своей рукой не снимете запруду, - кивнул понимающе Айдос, - чужая рука попытается снять. Она хитра и ловка, чужая рука.

Наконец сказал Маман то, что собирался сказать еще в дороге, и сказал, не скываясь на слова:

- Пыталась черная рука снять запруду. Приезжал твой брат Мыржык. Только не от тебя приезжал, а от хакима кунградского. Просил помощи в борьбе с Хивой. Потом прискакали вместе Мыржык и Бегис. Сказал я им: «Нет у меня овцы, которую можно бросить между двумя грызущимися волками».

- Куда же они хотели направить твой арык, Маман-бий?- спросил Айдос.

- В Бухару.

Айдос знал, что к Бухаре Маман относится с симпатией. Не вмешивался эмир бухарский в дела дальних аулов, не донимал их частыми поборами. А кто не донимает поборами, тот и хорош.

- Бухара достойный соперник Хиве, - одобрительно отозвался о враждебном хану лагере Айдос. - В Бухаре и овца нашлась бы для замирения дерущихся волков.

- Наверное, нашлась бы, - согласился Маман. - Вернулся в Кунград Туремурат-суфи. Без помощи Бухары вряд ли снова открылись бы перед ним ворота Кунграда.

О распрях между правителями говорил Маман, а о своем арыке умалчивал. Пытались ведь Бегис и Мыржык повернуть его арык в Бухару. Что ж, повернули или нет?

- Орынбаев арык уже течет в Бухару, - окольным путем решил подойти к тайне Мамана старший бий.

- Давно течет, - подтвердил Маман.

- Не соединишься ли с ним, бий?

Что стоило Маману сказать: «Не соединюсь!» Или, назло Айдосу, бросить решительное: «Соединюсь!»... Но не сказал ни того, ни другого, а принялся потчевать гостя.

К тому же внесли жареную рыбу, и тут уже волей-неволей пришлось прервать нить разговора и заняться сазаном. Румяный, купающийся в жире, он так и просился в рот. Есть сазана и вести беседу нельзя. Так что не до разговоров было во время трапезы. Одно было желание и у хозяина, и у гостя: поскорее разделаться с сазаном и, утерев губы, вернуться к начатому. Может, не столь сильное у хозяина, как у гостя: Маману-то торопиться некуда, он дома. Сегодня ли произнесет свое «нет» или «да», завтра ли или через год - все едино. Айдосу же сию минуту узнать надо, куда повернет «русский бий», врагом его станет или другом. Узнать и тут же определить и свою судьбу. Время торопит Айдоса.

Поэтому, утерев губы, старший бий посмотрел на Мамана испытующе: мол, соединяешься с Орынбаем или не соединяешься? Помню сказанное до трапезы и жду ответа.

Не любил Маман путаных троп, не скрывался ни пешим, ни на коне в густых камышах, и если умолчал о своем намерении, то только из желания заставить гостя задуматься над тем, что сам творит и в какую сторону направляет собственный арык. Подумал, видно, Айдос о том, жуя сазана, а потому можно теперь и сказать прямо:

- Не соединюсь с Орынбаем. И с Туремуратом-суфи не соединюсь. Однако и с тобой не пойду к хивинскому хану.

Отлегло от сердца у Айдоса. «Не со мной Маман, но и не с моими врагами. Судьба народа все же дорога ему - не хочет лить кровь каракалпаков».

Рано, однако, успокоился Айдос. Непрост был хозяин. Спросил, испытующе глядя на гостя:

- Айдос-бий, может, отречетесь от Хивы, вступите на путь, завещанный нам предками?

Страшного потребовал Маман. Волею Хивы стал ханом старший бий, ее же волей рождается каракалпакское ханство.

- Отречься от Хивы, - сказал упавшим голосом Айдос, - это насыпать песок в глаза благодетелю своего народа. Ослепить его, того, кто взялся быть нашим поводырем. Солнце-то ведь черное над степью.

Понял Маман, что напрасно повторил сказанное в юрте совета: не волен в выборе пути старший бий. Аркан у него на шее. Сам его накинуд на себя или Хива накинудла, о том трудно судить, только крепко накинуд, и сорвать его не под силу никому. Все же пытался

Маман сорвать его. Упрямяство, что ли, выиграло или осмелел вдруг и наперекор решил идти и Айдосу, и Хиве, и Бухаре. Сказал он:

- Нам поводырь не нужен. У нас белое солнце. Сами видим дорогу и знаем, куда она ведет.

- Светила разные у нас, - сказал Айдос, - а ненастье одинаковое. В ненастье же поводырь нужен.

- Нет, - возразил Маман. - В ненастье поводырь не поможет, поможет бескорыстный друг - заслонит нас могучим крылом, смахнет темную завесу...

«Хива заслонит в ненастье своим могучим крылом», - хотел сказать Айдос и, не будь перед ним умного и прозорливого Мамана, сказал бы, назвал Хиву могучей, бескорыстной назвал бы, даже доброй.

Найдет ли народ наш такого бескорыстного друга?- неведомо кого спросил Айдос, должно быть самого себя, и задумался.

Маман, однако, понял, что к нему обращены слова гостя, и ответил:

- Народ давно нашел такого друга... Россия! - подсказал Айдос.

- Да, Россия.

Усомнился в искренности хозяина старший бий. Кто испытал бескорыстие и доброту России?

Бросил вроде бы повод Маману старший бий: веди коня, если сумеешь. Уверен был, не возьмет повод «русский бий». А он взял да и повел коня.

- Казахи! Испытали они и бескорыстность, и доброту русских. Не совершали русские набегов на казахскую степь, не грабили аулы, не обкладывали данью.

- Это пока нужды нет.

- Нет нужды и не будет. Велика и богата Россия, на что ей голые степи и голодные степняки! На что России наш сухой камыш или колючий янтак, когда у нее тучные поля и богатые леса! Хлеб-то в России не из проса и не из джугары, а из ржи и пшеницы. Пробовали мы хлеб русский.

Вел коня Маман. Смело вел. А когда в седле бий, остановишь ли его...

- Богат ли, беден ли хан, рука его тянется к чужому котлу, - попытался остановить Мамана старший бий. - Или русский хан без руки?

Не остановился Маман:

- Да не тянется он к нашему котлу. Не грабит малые народы. И татары, и мордва, и чуваша живут под крылом России. Не ссорясь друг с другом живут, не грызя горло соседа, не разоряя аулы братьев...

Выходило так, что под властью России воцарился бы мир и в семье старшего бия. На песню все же походили слова Мамана.

А старшему бию где жить? Что делать с его ханством, с его аулом, уже названным городом каракалпаков? Нет, не умеет Айдос брать в руки несуществующее. Он должен чувствовать под собой землю, когда идет, и стремя, когда садится на коня. Не воздух сжимать в кулаке, а ремённый повод, гнать скакуна не в голую степь, а к аулу.

- Добра Россия, - согласился Айдос. - Верю тебе, Маман, дедам нашим верю. Только далека эта доброта; пока до нее доскачешь, одной жизни не хватит и ста коней не хватит. А седина уже посеребрила бороду, к закату движется мое солнце.

- Пока не оседлал коня, дорога кажется бесконечной, - улыбнулся Маман. - Влезешь в седло - увидишь конец пути. Оседлай коня, Айдос-бий!

- Если оседлаю и увижу конец пути, то, вернувшись, увижу ли степь свою и своих степняков? Не развеет ли ветер вражды аулы и не положит ли в могилы самих каракалпаков? Добытую доброту куда деть-то? Святым камнем положить на могилу... Так ведь...

- О печальном думаешь, Айдос, - погрустнел Маман. - Весь народ не ляжет в могилу. Вражда, как и кровь, иссякает, зло не вечно.

- Верно, не вечно, но на одну жизнь его хватает. Жизнь-то коротка, дорогой Маман... Нужно успеть добыть доброту, пока не упал под ноги коню...

Понял Маман, что не оседлает коня Айдос, не поскачет на север, а раз не поскачет, то и уговаривать его незачем.

Отогрелись гости, подкрепились рыбой, побаловались чаем, теперь можно и отпустить их.

Айдос поблагодарил Мамана за угощение и за слова, сказанные гостем. Спросил:

- Не обижу ли хозяина, заглянув по пути в юрту Гулимбета-соксанара?

- Желание гостя - закон, - ответил Маман. - Любая юрта открыта для Айдос-бия. Счастлив будет степняк, в дом которого войдет старший бий каракалпаков.

- Калым за дочь его Першигуль уплачен, - пояснил Айдос, - а жених умер. Возьмем девушку для младшего сына Али.

- Куплена, значит, можно взять, - кивнул Маман. - Возвращать калым Гулимбет не захочет. Беден старик...

Не в юрте жил Гулимбет, Считающий просо, а в низкой мазанке, занесенной сплошь снегом. Снега было так много, что ни стен, ни окошек не видно - один сугроб, из которого вился живой пахучий дымок. По дымку путник и нашел мазанку Гулимбета и угадал, дома ли хозяин.

Дома был хозяин. Вся семья была дома. В темноте -оконце заснежено густо, лучик дневной не пробьется -Айдос не сразу разглядел лица людей.

- Мир дому вашему! - сказал Айдос.

- Мир! - повторил Доспан, тенью шедший за своим хозяином.

Женщины вскочили с паласа. Першигуль торопливо прикрыла рот углом красного платка, с которым не растаетя каракалпачка ни в каких случаях жизни.

Как ни тороплива, однако, была Першигуль, успел увидеть Айдос при свете очага лицо ее, скуластое чуточку, с пылающими румянцем щеками. Глаза широко поставленные, яркие и смелые. Увидел и поразился их красоте. Губы тоже заметил, пухлые, требовательные, смущающие не только юного, но и уже седеющего, как Айдос, степняка. Стройна была.

«Дорогая невеста, - подумал бий. - Носителя счастья и богатства за нее мало отдать». Но, мысленно произнеся имя быка, тут же поправил себя: «Носитель счастья - священный бык. Цепы ему нет. За него можно взять трех таких Першигуль».

Доспан тоже увидел дочь Гулимбета, прежде чем она заслонила губы и нос платком, и тоже поразился дерзкой красоте Першигуль. Конечно, красотой своей она не затмила Кумар. С нежной, прекрасной Кумар никто не мог сравниться. Никто не мог изгнать из сердца Доспана дочь Есенгельды, как не мог отнять у него серебряный кружочек, подаренный Кумар. Но дочь Гулимбета была все же хороша, и отвести от нее взгляд было трудно.

Гулимбет! - сказал Айдос хозяину дома, который стоял рядом. - Жив ли бык, носитель счастья и богатства, уплаченный тебе как главный калым?

- Жив, мой бий.

- Где он?

- В хлеву.

- В чьем хлеву?

- Моем.

- А где дочь твоя, Першигуль, за которую внесен калым?

- В моем доме.

- Верно, в твоём доме, - подтвердил Айдос. - А место её в доме Али.

- Да, да, - залепетал Гулимбет. - В доме Али, но сын его Жалий умер.

Не на могилу же вести Першигуль...

- Если не хочешь отдать дочь Али, то верни ему быка счастья.

Съезжился Гулимбет: из высокого превратился в низкого. Снизу просяще глянул на старшего бия.

- Разрешите оставить у себя быка, Айдос-бий. Нет у меня другого помощника, нет у меня другого богатства.

Айдос положил руку на согбенные плечи Гулимбета. С сочувствием сказал:

- Знаю. Однако к чести ли степняку утаивать чужое. Верни быка хозяину или отдай дочь за младшего сына Али, юного Омара. Приехал я к тебе не бием старшим, а сватом. Уразумел, о чем веду речь?

- Уразумел, мой бий.

- Подумай, Гулимбет!

Соксанар замахал руками. Считающий просо умел быстро определять, что ему выгодно и что невыгодно.

- Зачем думать! Бери дочь.

Першигуль и бровью не повела, услышав приговор отца. Будто не её судьбу решали, а чью-то другую. Будто спорили не о человеке, а о быке, том самом, что стоял в хлеву. Доспан, правда, заметил, как потускнел взгляд Першигуль, как жалостливо посмотрела она на Айдоса: не пощадил её старший бий - не спросил согласия у её сердца.

Благородный ты степняк, Гулимбет, - сказал Айдос. - Вознаградит тебя судьба, принесет тебе счастье священный бык.

«А мне счастье принесет ли? - прочел боль в глазах Першигуль встревоженный Доспан. - Выйдя из этой тьмы, попаду ли в светлую юрту? Или снова в тьму еще более непроглядную...»

Ему хотелось, чтобы Першигуль посмотрела на него, посоветовалась с ним. Он ободрил бы дочь Гулимбета хотя бы взглядом. Больше не дозволено ни здесь, в мазанке, ни на воле. Став снохой Али, она перестанет существовать для остальных степняков,

для Доспана тоже. Никогда больше они не встретятся. А если и встретятся, то платок заслонит Першигуль от Доспана. Ошибался Доспан. Не знал он, что судьба иначе решила, но не сейчас, а спустя время. А сейчас они расставались.

- Как только спадет мороз, - сказал бий Гулимбету, - отвезешь дочь в юрту Али.

- Повинуюсь, мой бий!

Гулимбет низко склонился, пропуская к двери старшего бия и его стремянного.

24

Прошли холода, весенний ветер стал снимать со степи белую шубу. Нелегко она снималась: обнажит склоны холмов, уберет холодный мех с низин, пар потянет в небо, а тут вдруг опять налетит стужа, насыплет снега, скует льдом родившиеся ручейки. Ненадолго, правда, только лишь на день, на два. Весна настырна, тороплива. Вцепилась в шубу, стягивает со степи. Ну, а как стянула, тут уж белому цвету конец. Зеленый пошел дружно, одел солнечные склоны холмов. Со склонов сбежал в низины, в степь.

В такое время летают над степью птицы: весть несут о рождении нового. Принесли весть такую и Айдосу. Правда, не птицы, а степняк на коне. Прискакал из аула Бегиса и Мыржыка и сказал:

- Суюнчи полагается с тебя, Айдос. Подарок за радостную весть.

Не любил того степняка старший бий, ненавидел. Степняком тем был Есенгельды, старая коварная лиса. Другого бы кого выбрала гонцом, доброго, желанного в ауле Айдоса, так нет, выбрала этого - недоброго и нежеланного. Однако радостную весть и от волка примешь, не только от лисы.

- За мной суюнчи, - ответил Айдос.

- У Мыржыка родился сын, - объявил Есенгельды.

Это была в самом деле радостная весть. Какой бий поскупится на добрые слова, услышав о рождении еще одного степняка.

- Поздравляю! - душевно произнес Айдос. - У вас появился внук, у меня племянник. Счастливые мы люди, корни нашего рода дают всходы. Когда опадут листья дедов и отцов, распустятся листья сыновей. Не прекратится жизнь степи...

- Да, да, светик мой! - засмеялся Есенгельды. Он был счастлив. И к злему сердцу приходит иногда радость, и злое сердце способно иногда сбрасывать с себя черное и облачатся в белое. - Не прекратится жизнь степи! - Потешив себя и Айдоса добрыми словами, старик тут же вынул из своего черного хурджуна слова злые и бросил их старшему бию: - У тополя листья опадают быстро, у чинары - медленно, потому что тополь стремится ввысь, а чинара - вширь. Под тополем нет людям ни тишины, ни тени; под чинарой - и тень, и покой. Когда упадут листья, тополь и чинара спросят себя: что мы сделали для ближних?

Говорил Есенгельды о деревьях, а намекал на людей. Тополем считал Айдоса. Старший бий стремился ввысь, рядом с ним не было покоя.

Тень и покой нужны на привале, - заметил Айдос с горечью. Радостная весть не свободной птицей прилетела к нему, а плененной: крылья хоть и не были подрезаны, но ноги спутаны ремешком, и конец ремешка держал в своей руке Есенгельды. Подергивал ремешок время от времени. - На привале можно нежиться в тени чинары. В пути же высокий тополь, как звезда, дорогу указывает.

- Листья у тополя, однако, рано опадают, - с наигранной грустью произнес Есенгельды и на Айдоса посмотрел как на обреченного: дескать, недолго тебе осталось носиться по степи. - А без листьев какую дорогу тополь укажет? В иной мир только...

Черенком плети своей показал на землю старик. Все готовили Айдосу могилу. Поторапливали старшего бия. Особенно старался Есенгельды, а ведь сам одной ногой стоял в той могиле.

- По весне листья не опадают, а распускаются, Есенгельды-бий, - отверг пророчество старика Айдос. - Видишь, степь оживает. Сыновей и внуков дарит нам. О смерти ли надо думать...

Смутился Есенгельды.

Верно, светик мой, - пролепетал он. - Сыновьям и внукам дарована жизнь, и пусть всевышний продлит ее. Мои же листья опадают, мне надо думать о смерти...

- Разве ты тополь?

Напугался Есенгельды. С собой сравнил его Айдос. Сообщником вроде назвал. Отречься надобно скорее от непутевого.

- Нет, нет! Какой я тополь. Боюсь высоты. У меня и конь-то маленький, и юрта стоит в низине.

- Значит, чинара?

- Может быть... - застенчиво произнес Есенгельды. Чинара дарила близким тень и покой, и эту тень, и этот покой прославлял старик.

- Нет, ты не чинара, ты тополь, - утвердил Айдос.

- Что ты, что ты, Айдос?! - взмолился Есенгельды. - Сказал же: боюсь высоты.

- Не боишься - завидуешь. Тополем хотел бы быть. Высоким тополем, чтобы с любого края степи видели тебя, шли к тебе, поклонялись тебе.

- Бог мой! - отшатнулся старик от Айдоса, как от безумного. - Смеешь обвинять меня в тщеславии, когда сам живешь им.

Смело посмотрел на Есенгельды Айдос, так смело, что заставил старика съежиться. Затряслась его жиденьякая бороденка, и он схватил ее рукой, прижал к груди.

- Живу! - признался Айдос. - И не страшусь высоты. А если по осени слетят с вершины листья, то не скоро упадут они на землю. Не скоро, Есенгельды-бий.

- Дай бог! - торопливо закивал головой старик. - Все в руках всевышнего: как он распорядится, так и будет.

Так и будет, - согласился Айдос. - Я еще успею погулять на тое, посмотреть на своего племянника, пожелать ему высоты. Слышишь, Есенгельды: высоты! Место детей и внуков Султангельды на вершине.

- Ойбой! - развел удивленно руками старик. - Вершина-то невелика.

- Уместимся.

Совсем задавил старика словами своими, уверенностью своей Айдос. И хоть не все из сказанного было тяжелым, Есенгельды согнулся и глядел лишь в ноги старшего бия. Не поднимая головы, сказал:

- Значит, будешь на тое?

- Буду.

Так я доложу братьям твоим. Обрадуются. Вместе-то вам быть лучше, чем врозь. Вместе вы, может, вершину и одолеете...

...Три дня висели над степью тучи; три дня умывал землю весенний дождь, то возникая, то затихая, а на четвертый очистилось небо и глянуло ясное солнце. И когда глянуло, увидели люди умытую степь, наряженную во все зеленое.

По этой зелени и ступали кони, неся своих всадников к аулу Бегиса и Мыржыка. Со всей степи несли, со всех земель несли: с казахской, туркменской, узбекской. Ехали бии, ехали хакимы, ехали беки, ехали визири, главы родов, хозяева аулов, правители городов. Устроитель тоя

Туремурат-суфи решил собрать цвет мира у подножия Мыржыкова холма. Пусть знают мусульмане, каков хан Кунграда! И сердце у него доброе, и рука щедрая!

Когда Айдос приехал в аул, вокруг холма уже гарцевали всадники. Было их немало, и каждый старался показать своего коня и свой наряд. Кони были кровные, наряды богатые. Рыжий иноходец старшего бия хоть и считался родовитым и унаследовал стать бедуинских предков, однако рядом с ахалтекинцами выглядел малорослым и нерезвым. Голову не держал высоко, повода не требовал. Спокоен был. А это ли не признак слабости! Скачку не выдержит, в козлодрании сдаст. Пенной изойдет на первом круге. Наряд у Айдоса тоже простой. Чекпен из верблюжьей шерсти. Крашенный, правда, и оторочен кожей, но чекпен всего лишь. Не больно красивый конь и не слишком приметный наряд сравнивали старшего бия с остальными биями, принизили вроде. А унижение первого всегда по душе остальным. Соперники ведь. Потому спокойно встретили бии и беки Айдоса, даже порадовались его скромности: угомонился, мол, старший бий, оставил свою затею с каракалпакским ханством. Кое-кто пожалел: был, дескать, орлом, а превратился в перепела. А судьба перепела какая? Прячься в зарослях джугары или проса, иначе попадешь на обед к ястребу...

Встретили спокойно Айдоса степняки и проводили взглядом до юрты Мыржыка. Никто не подъехал к старшему бию, никто не бросился к коню его, чтобы взять за узду и повести на холм.

«Не дорог я никому и не нужен никому», - подумал Айдос. Однако когда поднялся на холм, печаль его рассеялась. Из юрты выскочили оба брата и взяли за узду коня. И слова произнесли, радующие душу:

- Добро пожаловать, ажага.

- Хорошо ли чувствуете себя, ажага?

И это «ажага» - «милый брат» - звучало, пока Айдос слезал с коня, пока шел в юрту и пока устраивался на почетном месте. «Милый брат» - прежде так обращались к Айдосу и Бегис и Мыржык. А прежде было все светлым и мирным в их семье. Облачко темное не набегало на небо старшего бия.

Стало тепло на сердце у Айдоса, и он сказал:

- Послал бог Мыржыку сына. Пусть мирным и счастливым будет его путь.

Слова Айдоса тоже порадовали братьев. Пожелание мира вроде бы звало к примирению в семье Султангельды. Утомила Мыржыка вражда. И Вегис искал тишины.

- Счастье степняка в счастье народа, - добавил Есенгельды, на правах деда хозяйничавший в юрте. - Счастлив будет народ, счастливым будет и сын нашего Мыржыка.

- Спасибо, ажага, за доброе слово. Дай бог доброму слову сбыться, - сказал Мыржык.

- Сбудется, - заверил Айдос.

Чист был в своих желаниях старший бий. Не кривил душой, когда говорил о счастье для племянника. И все верили Айдосу, все, даже Есенгельды, этот всегда мутящий воду старец. Один Бегис не верил. Однажды надев на старшего бия чекпен лицемерия, он уже не мог снять его и все произносимое Айдосом принимал как ложь, как уловку врага. Все сделали омовение лица, завершая разговор о новорожденном и приобщая к людским желаниям волю неба. Без бога что сотворится?! И Бегис сделал омовение, но не горячей рукой, а холодной, равнодушной, чужой вроде.

- Соберем старейшин, - сказал Есенгельды, - назначим главного на тое.

Он вышел, чтобы позвать именитых степняков на совет, братья же стали потчевать Айдоса. Наливали ему чай, подавали хлеб и сладости. Мыржык улыбался: сдался все же старший брат младшим, склонил свою горделивую голову, опростоволосился. Теперь оставалось впрячь его в арбу Туремурата-суфи. Разными были братья и по-разному судили о происходящем. Сам же Айдос забылся в ту минуту и ни о чем не думал, кроме как о тишине, которая вдруг пала на семью Султангельды. Не больно любил он тишину, но сердце, уставшее от тревог, все искало ее.

Есенгельды привел старейшин, посадил их на паласе посреди юрты. Спросил:

- Великий той может ли быть великим, если нет на нем хозяина?

- Не может быть великим, - ответили старейшины.

- Так давайте изберем хозяина! Старейшины родов задумались. Ставить над собой кого-то не хотелось, а надо. Большой праздник без хозяина - не праздник, а толчея. Своевольничать гости начнут, обидят друг друга, перессорятся.

- Мы хотели бы видеть главным на тое нашего брата и нашего друга Айдос-бия, - сказал Есенгельды.

Вздрыгнул Айдос: не ожидал, что Есенгельды назовет его имя. Прошлое мешало старшему бию видеть в злом Есенгельды своего доброжелателя. От чистого ли сердца шли слова?

От чистого или не от чистого сердца, а произнеслись, и старейшины их приняли. Ответили дружно:

- И мы хотим видеть главным на тое Айдос-бия! Поверить в такое единодушие трудно было, однако Айдос поверил. Есенгельды поклонился ему, показывая этим, что все в юрте теперь его слуги и готовы повиноваться.

Спесь все-таки жила в Айдосе, только засыпала порой, и Есенгельды разбудил ее. Злой и хитрый старик. Со злым умыслом сделал это, наверное.

«Рано, выходит, я сложил руки, - подумал Айдос. - Степняки чтут меня, ценят и готовы повиноваться. Братья и те открыли свои сердца и свои объятия».

Он встал и произнес слова, которые произносят все распорядители праздника:

- Да поможет нам бог!

Однако произнес не как смиренный раб всевышнего, а как его соратник. Не на бога уповал, а на себя. И все поняли это и увидели в распорядителе тоя старшего бия и хана каракалпаков. Увидели и встревожились.

Однако менять решение нельзя, святое дело - совет. Старейшины родов, как и Есенгельды, склонили головы, принимая над собой власть Айдоса. Успокоили сердце мыслью: власть-то дается на день, на два. Можно потерпеть. Да и кто такой распорядитель тоя? Всего лишь распорядитель, хозяин же - Туремурат-суфи. Он устроил для Мыржыка праздник, он дал деньги, он дал скот, он и главный на тое. Айдос лишь тень великого суфи.

Ошиблись старейшины, посчитав Айдоса чьей-то тенью. Не умел быть тенью старший бий, он сам хотел излучать свет. И это увидели старейшины на другой день, когда начался праздник.

Утром, едва рассвело, Айдос спустился с холма уже не скромным бием в сером чекпене из верблюжьей шерсти, а ханом каракалпаков. Был одет он в красный халат с золотым воротником, подаренный ему Мухаммед Рахим-ханом. Огнем горел халат в лучах солнца, пламенел и рыжий конь, вспыхивала серебром насечка сбруи. Богатырем

сказочным казался Айдос. Достойным богатыря была и свита. Доспан в ярко-красном халате, два джигита в белых чапанах.

Народ у подножия холма смотрел на спускающегося по склону Айдоса с удивлением и восторгом. Бии и беки роптали:

- Он мечтает о ханстве, неугомонный. Халат-то правителя у него в хурджуне был.

Айдос спустился с вершины, остановил коня у бугра, где люди могли видеть главного бия, лишь подняв голову, а он смотрел на них сверху.

- С благословения бога начинаем праздник! - крикнул Айдос. Голос у него был громкий, могучий, густой. Слова раскатились по всей долине, и их услышали все.

- Начинаем! - откликнулась долина.

Арбы, на которых сидели нарядные девушки и молодухи, двинулись к широкой поляне у озера. За ними потянулись конные и пешие. Пестрый, живой поток, гудящий тысячами голосов, он тек от холма к озеру.

Айдос послал вдогонку этому потоку джигита на легком коне. Конь летел вдоль потока ровно птица, а джигит кричал:

- Люди, люди! Младенца нарекли Ерназаром! Ерназаром!

Народ смеялся и повторял:

- Ер-на- зар! Ер-на- зар!

У берега озера было сооружено возвышение из стволов джангиля. Отсюда главный распорядитель и старейшины должны были наблюдать за ходом состязаний, из которых и состоял, собственно, праздник.

Когда поток людской, окружив возвышение, стих и образовалась стена из сидящих и стоящих, к помосту подъехал Айдос, передал коня Доспану, поднялся на джангилевый настил. Степенно, с достоинством поднялся. Утреннее солнце снова воспламенило его красный халат и высветлило золото воротника. Хан, не бий, был на возвышении. И снова народ удивился, и снова зароптали бий. Но ропот их был неслышим в радостном гуле толпы.

Глашатаи объявили о начале скачки. С конских состязаний обычно начинался праздник в степи. Что может быть ярче и увлекательней этого зрелища! Степняк всю жизнь проводит в седле, в седле хочет видеть и героев праздника.

Обычно скачка шла по кругу, и таких кругов было тринадцать или пятнадцать. В этот раз кони подобрались молодые и пятнадцать кругов вряд ли прошли бы с должной резвостью. Владельцы скакунов пожелали ограничить состязание тринадцатю кругами и желание свое высказали Айдосу. Он молча выслушал их и вроде согласился. Дал распоряжение джигитам выстраивать коней у помоста. Но когда глашатаи объявили о порядке состязаний, владельцы скакунов обомлели. Айдос установил решающим кругом пятнадцатый.

- Э-э, сбивает наших коней с резвости, - заворчали бии. - Сдадут они на четырнадцатом круге...

Однако изменить порядок бии не могли. Решение главного считается законом, а закон и в степи вольной есть закон.

Один Кабул-бий не роптал. Его «боз яумыты», то есть «светло-серый туркмен», способен был пройти пятнадцать кругов. В постоянной погоне за лисами и зайцами охотник хорошо натренировал своего скакуна. Не роптали и гости - туркмены и казахи, их лошади побеждали на многих скачках, - почему бы не попытаться сорвать приз и на тое у каракалпаков... Гостей не беспокоило число кругов: тринадцать ли, пятнадцать; выносливый конь пройдет и двадцать. Ничего не случится, если установят двадцать. Противники сойдут на тринадцатом. Скачи себе в торжественном одиночестве к помосту. Бери верблюда, предназначенного победителю.

На черте у возвышения выстроились кони. Было их более двадцати. Все рослые, тонконогие, поджарые. Волнуются, просят повода, ждут не дождутся, когда взмахнет рукой главный и можно будет мчаться в степь. Больше, чем кони, волнуются их владельцы. В мыслях-то каждый видит себя победителем и накидывает собственную веревку на шею призового верблюда. Сами на коней они не садятся - тяжела ноша для скакуна, идущего пятнадцать кругов. В седлах мальчишки-малолетки, худые и низкорослые, едва видны их головы над лошадиными гривами. Но чувствуют владельцы себя сейчас на конях и будут чувствовать всадниками во все время скачки. Сжимать будут в кулак узду, упираться ногой в стремя, погонять и погонять коней, пока те не изойдут пеной и не обретут легкость птицы. Похудеют хозяева скакунов за эти полчаса, как сами кони похудели, и обольются потом не раз, и губы искусают в досаде и огорчении. Охрипнут, крича: «Лети! Спешу! Обгоняй!» И не одни владельцы охрипнут, охрипнут все

степняки, так как каждый хочет победы коню, полюбившемуся ему еще перед скачкой.

Наконец главный махнул рукой, и кони кинулись в степь ровной, несгибаемой цепью, будто огромную жердь, длиной в поваленный турангиль, протянули перед мордами скакунов, не давая им вырываться вперед. Так всегда бывает на первом круге: сил много, ноги легки, дыхание глубокое.

Но только на первом круге невидимая жердь сдерживает их, да и то не на полном. Вскоре линия начинает ломаться. С краю или в середине несколько голов оказываются за чертой. И вот уже не цепочка ровная летит по степи, а беспорядочная стайка. К концу первого круга стайка начинает вытягиваться, словно упругий ветер; пропуская передних всадников, отталкивает скачущих сзади, задерживает их. Не всех, правда, удастся ему задержать. Кое-кто одолевает прорыв и настигает ушедших вперед, сам норовит стать вожаком гонки.

Черный, с большой белой отметиной над холкой и потому названный Белолобым, не рвался вперед. Шел ровно, на одной скорости. Уверенно шел, и каждый, кто смотрел на него, догадывался, что сил у Белолобого много и что покажет он себя не на первом и не на втором круге, а на девятом или десятом. Держался рядом с ним Светло-серый Кабула. Мимо возвышения из джангилевых стволов, где сидели и стояли владельцы коней, Белолобый и Светло-серый прошли вместе. Светло-серый даже на полголовы обогнал Белолобого. Радость охватила Кабула. Он хоть и не улыбался, но глаза горели торжествующе. Конь его обходил лучше туркменского скакуна. Белолобый принадлежал знатному гостю, главе одного из туркменских родов, богатому человеку, любителю скачек, знатоку лошадей. Туркмен не выразил ни досады, ни растерянности. То ли не испытывал ничего, то ли умело скрывал свои чувства. Темно-бронзовое лицо его словно окаменело, ни один мускул не дрогнул, когда, оглушенный криками, Светло-серый вырвался вперед и уже не на полголовы, а на полкорпуса обогнал Белолобого.

Второй круг растянул стаю. Это была уже не одна стая, а три стаи. И между ними просветы шагов в тридцать - сорок. И чем дальше уходили от джангилевого помоста кони, тем шире становились просветы. На третьем круге оборвалась четвертая стайка, самая многочисленная. Молодые скакуны не выдерживали напряженной скачки, начали отставать. Поредела и передняя стайка. Всего три скакуна шли в ней:

Светлосерый, Белолобый и Пестропоясный. Последний принадлежал казахскому бию.

Кони были разные, и владельцы коней - тоже разные. Наверное, кони переняли характер хозяев своих, а от нрава коней что-то передалось их владельцам. Белолобый шел спокойно, уверенно набирая скорость, голова была поднята, как у джейрана. Светло-серый то рвался вперёд, отчаянно встряхивая челкой, то отставал, склонив голову, как бы загорался и остывал одновременно. Пестропоясный - тот метался из стороны в сторону, не зная, кого держаться: серого или вороного, и норовил коснуться их боком.

Хозяева вели себя почти так же. Туркмен следил за скачкой стаи, подняв голову и устремив взгляд в степь. Он не обращал внимания на выкрики соседей, не отвечал на вопросы, будто никого рядом не было. Прямо бронзовый истукан! Кабул-бий суетился, вскакивал, махал руками, готов был, кажется, прыгнуть с помоста и бежать за своим Светло-серым. Казах сидел, подобрав под себя ноги и покачиваясь из стороны в сторону, и постоянно повторял: «Не подведи. Не подведи». Когда Пестропоясный прижимался к вороному, хозяин его кивал одобрительно: «Молодец!» Когда касался боком серого, тоже кивал, и тоже одобрительно: «Молодец!»

Замыкался один круг, начинался следующий. Миновал десятый, одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый. Пестропоясный стал отставать. Видно, скачка в тринадцать кругов была для него пределом. Непосильную задачу задал нынче Айдос. Скакуны выдохлись. Четвертая стайка вообще рассеялась, третья и вторая отстали от первой на полверсты, не меньше. Первая разделилась. Рядом шли только Светло-серый и Белолобый. Пестропоясный уже не боролся с ними, глотал пыль из-под копыт чужих. Казах перестал кивать одобрительно, вздыхал лишь: «Эх! Эх...»

На четырнадцатом взмок и Светло-серый. С трудом удавалось ему идти рядом с вороным. Вытянул шею и сам вытянулся, ноздри широко раскрылись - ловят скупой воздух. Не приходило к коню второе дыхание.

Занервничал Кабул, заворчал: - На тринадцати кругах мы всегда побеждали. Айдос нарочно придумал пятнадцать кругов, чтобы сбить моего коня.

- Хороший конь и двадцать пройдет сухим, - ответил Айдос. - Обленились лошади степняков - не выезжают бии из аулов своих. На совет вас и то не вытянешь. Хозяин на курпаче нежится, конь в хлеву.

- Я-то всегда на коне, - обидчиво проворчал Кабул.

- Один ты. Остальные в седло влезают по праздникам, - кольнул биев Айдос. И верно, ездили они лишь на той, да и то в ближние аулы.

Хоть и измок Светло-серый, но шел рядом с туркменским скакуном. Тот не вырывался вперед, но и не сбавлял скорости, отмахивал версту за верстой. Тонкие ноги его, казалось, не касались земли, и весь он, как птица, летел по воздуху. Черная грива крылом распростерлась над лукой седла и почти закрывала собой маленького всадника. Прекрасным был туркменский скакун!

Люди восхищались Белолобым, но молча, однако, - чужой конь! А вот Светло- серого подбадривали- выкриками: «Обходи вороного!» Хвалили, обещали победу! И верили, что обойдет Светло-серый вороного.

Один Айдос не верил. И не хотел вроде, чтобы Светло-серый обошел Белолобого. Когда конь Кабула вырывался вперед или казалось, что вырывается, старший бий недовольно кусал губы, лицо его мрачнело. Он косился на гостя, стоявшего в своей неизменной позе бронзового истукана, пытался узнать: огорчается или нет тот неудачей? Но непроницаем был туркмен.

На пятнадцатом, последнем круге Светло-серый сдал: измок, изошел пеной. Гордость лишь держала его рядом с Белолобым. Не будь этого великого чувства, отстал бы, остановился на полпути. А он все еще неся, неведомо откуда добывая силы. И все же у самого помоста неумолимый Белолобый, словно сотворенный из одних жил и одного огня, легко вышел вперед. Светлосерый остался позади и, поняв, что побежден, сник разом. За помостом он перешел на рысь, а потом на шаг. Голова его опустилась, и он тихо и печально заржал.

А Белолобый скакал дальше, уже по шестнадцатому кругу, и, кажется, только теперь обрел настоящую резвость. Всадник все же придержал его и повернул к по мосту, где уже шумела толпа и один из джигитов подводил верблюда - награду победителю,

Туркмен сошел с джангилевого настила и, прежде чем принять награду, погладил нежно коня, только потом взял из рук джигита веревку, накинутую на шею верблюда, и привязал к жерди помоста.

- Благодарю каракалпаков за справедливость! - сказал туркмен, повернувшись к Айдосу. Сказал громко, так, что слышали все старейшины родов, все степняки, стоящие около джаигилевого возвышения.

- Степь жива справедливостью, - ответил Айдос.

- Пусть живет ваша степь! - произнес туркмен и впервые склонил голову.

Великие слова произнес. Порадовали они сердца степняков. Не часто им приходилось слышать такое, далеко не часто, и вот услышали. Не все, однако, порадовались. Кабул вроде уши заткнул ладонями: что похвала каракалпакам! Его коня не похвалили, верблюда не дали. Он шумел:

- Айдос подставил мне подножку, пустил коней на пятнадцать кругов. Не захотел, чтобы победителем вышел каракалпак.

Айдос попытался утихомирить Кабула:

- Что говоришь, недоумок?! Победа присуждена по справедливости. Ты хотел бы на тринадцатом круге побить гостя. А кто бьет гостя в собственном доме? Степняки не бьют.

- Я сам здесь гость, - надул губы охотник.

- Гость Мыржыка, а в степи ты хозяин.

Смолк Кабул, вроде устыдился сказанного, но ненадолго. Спустившись с помоста, стал натравливать степняков на старшего бия:

- Не любит свой народ, унижает степняков.

И натравливал всю дорогу, пока шли и ехали люди на новое место - поляну, где должны были показывать свою силу и ловкость борцы.

Люди по-разному понимали слова Кабула: кто соглашался и поддакивал, кто отвергал обвинение в злом умысле, кто пожимал плечами: поглядим, что дальше будет. Пожимавших плечами было больше всего. И до Кабула хулили старшего бия, недругом степняков называли, потому настороженно относились ко всему, что делал и что говорил Айдос. От недруга-то ничего хорошего ждать не приходится, только плохое.

С настороженностью народ шел и на поляну, где должны были бороться палваны, хотя о тайных намерениях старшего бия никто думать не хотел сейчас. Праздник ведь, веселиться надо...

Кольцом уселись на поляне любители борьбы. Уселись плотно друг к другу, но кольцо не замкнули, оставили место для главного на тое - Айдоса. Он и распорядитель нынче, он и судья.

Опустился на курпачу Айдос, велел начинать поединок. Силачи - палваны находились тут же в кругу и по знаку главного поднялись. Первыми должны были встретиться кунградец Тигр и жанадарьинец Атабек-палван. Оба - именитые борцы, гордость рода. Немолодые уже, но силы у них было еще много, и не всякий из юных палванов отваживался схватиться с ними на кругу. Противостоять им мог только Мыржык, но на празднике он был хозяином, а хозяину не к лицу показывать себя в игрище.

Встречи Тигра и Атабека ждали. Не схватывались еще знаменитые палваны, не сводила их на кругу судьба. Атабека стали уже забывать степняки. Сидит в своем дальнем ауле, не показывается на тоях. Вроде бы снял с себя палванский чапан, отказался от борьбы. Но выходило, что не отказался, если приехал сюда и сел в середину круга.

Ростом борцы были одинаковы. Но Тигр потоньше Атабека и погибче. Мускулы у него твердые, шея широкая, крепкая, руки гибкие. Прозвище «Тигр» ему не случайно дали. Он ходил на поляне чуть пригнувшись, кошачьей походкой. Глаза бросали быстрые взгляды то в одну, то в другую сторону: настороже был все время кунградец.

Атабек казался огромным неповоротливым пнем рядом с этой ловкой кошкой. Тело его обрюзгло, мышцы размякли, живот свисал на колени, как кобыз у музыканта. С таким животом не подпрыгнешь, не закутишься волчком вокруг противника.

Атабек, правда, и не собирался подпрыгивать и тем более крутиться. Он хотел поднять кошку над головой, положить ее на землю и придавить, чтоб не пискнула. Весом-то жанадарьинец был с хорошего быка, а может, и с молодого верблюда...

Встал Атабек посреди поляны, уперся тяжелыми ногами в землю, протянул руки: подходи, Тигр, бросайся на меня!

Тигр, однако, не глуп, чтобы бросаться на быка. Он разглядывал противника, выискивал место, в которое удобно вцепиться, но не находил его, - со всех сторон неуязвим жанадарьинец. А вцепиться все же надо было, и Тигр пошел навстречу вытянутым рукам, дал Атабеку взять себя, оторвать от земли.

Все оказалось для жанадарьинца простым. Ухватил «кошку», приподнял. Бросить осталось, да не удалось: ловок был кунградец и хитер. Когда приподнял его Атабек, он подсек ногу жанадарьинца - и тот, потеряв равновесие, грохнулся наземь.

- Э-эх! - вскрикнули жанадарьинцы досадливо. Их борец оплошал в первой же схватке, а это дурное начало.

Продолжение также не порадовало жанадарьинцев. С трудом поднял свое тяжелое тело Атабек. Тигр ждал терпеливо, не бросался на лежащего противника, и благородство кунградца оценили и зрители, и судья.

Обозленный неудачей, Атабек ровно взбешенный бык пошел навстречу Тигру, всем своим свирепым видом показывая, что не пощадит противника. Руки его, как две оглобли, то поднимались, то опускались. Этими руками он намеревался удавить кунградскую кошку.

Страшен был Атабек. Впору сдаться такому: лечь и признать себя побежденным. Тигр, должно быть, так и решил. Стоял, чуть пригнувшись, ждал, когда подойдет к нему вплотную жанадарьинец. Отступить-то было некуда - сзади кольцо людское.

Думали степняки, лучше сдаться, чем быть задавленным этим быком Атабеком. Но в последнюю перед трагическим концом секунду случилось невероятное. Когда Атабек ринулся на Тигра, намереваясь схватить его, тот, сжавшись в комок, юркнул у жанадарьинца под мышками и выскочил с другой стороны. Не удержался Атабек на ногах, плюхнулся на землю.

Теперь уже не только жанадарьинцы, все ахнули

- Ойбой!

Атабек готов был грызть землю зубами, так озлобила его вторая неудача. Он рычал, хлопал ладонями по земле.

Тигр же стоял спокойно и смотрел, как поднимается враг его, как мучается, собирая силы и волю для борьбы.

- Когда умерли корни, дерево падает без ветра, - сказал кто-то из степняков.

Да, Атабек падал без ветра. Гнев его был страшен, но причин-то для гнева не было.

В третий раз пошел в наступление жанадарьинец. Теперь он был осмотрителен, и глаза его следили за каждым движением Тигра.

Схватил все же кошку жанадарьинец. Бросок - и Тигр летит головой вниз. Теперь он должен упасть на спину, и останется лишь прижать его к земле. Но кошка есть кошка. Кунградец в воздухе переворачивается и падает на четвереньки. Вскакивает тут же, и снова начинается борьба.

Уже испытавший было радость победителя Атабек в новую схватку вступил растерянный и удивленный. Он никак не мог понять, почему

перед ним опять выросла кошачья рожа кунградца. И пока приходил в себя и настраивался, Тигр навалился на него и стал гнуть к земле.

Через силу, хрипя и сопя, вступил Атабек в борьбу. Ловил кунградца, но Тигр по-прежнему ловко выскальзывал из объятий жанадарьинца и, выскальзывая, подсекал Атабека. Раза три или четыре оказывался тот на земле. Не побежденный, но все же поверженный.

- Да, падает, как дерево без корней, - сокрушались степняки. - Слишком тяжелым стал Атабек.

Тяжел потому, что на тоях он стоит не перед противником, а перед котлом с мясом.

Долго кружили по поляне палваны, так долго, что можно было за это время истопить сало в казане, заложить в него рис и приготовить плов. Народ утомился, ожидая конца схватки. Измучились и борцы. Из носа Атабека шла кровь. Нет-нет да и утрется рукавом халата, размажет по лицу алую влагу. Тигр хоть и прыгал и проскакивал под руками жанадарьинца, но легкости прежней и у него не было.

Наконец Айдос поднялся с курпачи и произнес:

- Хватит!

Потерявшие контроль над собой, палваны не слышали главного.

- Остановитесь! - повторил Айдос. Теперь-то они услышали. И народ услышал. Айдос подошел к кунградцу, к этой ловкой кошке, и надел на него пояс победителя.

- Неправильно! - закричали жанадарьинцы.

- Правильно! - пытались перекричать их кунградцы.

Как всегда, стал бросать сухие ветки в костер спора Кабул-бий. Произнес торопливо:

- Правильно - неправильно, главное, чтобы победитель был не каракалпаком. Нет ничего противнее Айдосу, чем победа степняка.

Злые ветви бросал в огонь Кабул: ярко пылали они. Вскочил на ноги Мыржык:

- Я сам схвачусь с Тигром, докажу, на что способны степняки.

Айдос посмотрел на брата и усмехнулся:

- Доказал бы, живя в отцовском доме и черпая ложкой из скромного котла. На кунградских харчах отяжелел и стал подобен Атабеку.

Облился краской Мыржык. Верно, отяжелел, нет прежней ловкости. Не одолеть, пожалуй, Тигра, но желание-то есть. И пусть знают степняки, что готов постоять за них.

- Схвачусь!

Айдос махнул рукой, желая прекратить спор:

- Борьба была честной, и победил тот, кто ни разу не упал на землю. Если ты не самый сильный в степи, Тигр-палван, то самый ловкий.

Старший бий вернулся на свое место и дал знак второй паре борцов начинать схватку.

Народ будто бы успокоился. Прав или не прав главный, но приз выдан и возвернуть его нельзя.

Конечно, нехорошо обделять своих. Степняки кое на что способны, и Кабул-бий, сидя между биями и старейшинами родов, нашептывал то одному, то другому:

- Не любит свой народ Айдос. Не любит... Степняки покачивали головами, вроде соглашались.

Но неясно было им, с умыслом или без умысла старший бий потрафляет гостям. Будто по правилам велись состязания, и выигрывал достойный, хотя кое-что и казалось спорным.

Наивен и неосмотрителен был в тот день Айдос. Почудилось ему, что желание добра наполняет сердца всех степняков, что справедливость живет в каждом, кто приехал на той. Щедро раздавал он подарки гостям. Дорогой пояс вручил дагестанцу, выше всех взлетевшему на качелях. За веселую песню, что пропела вместе с девушками жена кузнеца Никифора, отдал ей большой, пылающий яркими красками платок. Русской женщине каракалпакский наряд! Не бывало такого еще. Не мусульманка ведь. Христианка, неверная! К ней и прикасаться-то грешно.

Совсем потерял голову Айдос на игрище, именуемом козлодранием. Любимое развлечение степняков собрало много народу. Гости поднялись на склон холма, чтобы лучше была видна долина, где верховые станут драть «козла», то есть вырывать друг у друга кокмар - козлиную шкуру, набитую травой. Айдос же и старейшины устроились на помосте почти в центре равнины. Отсюда начиналась игра, здесь лежал кокмар.

Желающих принять участие в козлодрании было, кажется, не меньше, чем зрителей. Молодым степнякам хотелось испытать счастье, помериться ловкостью и хитростью с опытными наездниками и смелость свою показать. Не всякий бросится в толпу всадников, где свистят плети, ржут кони, вопят истошно люди, где могут в азарте выбить наездника из седла, истоптать копытами. Смерть в этой игре не редкость.

По зову глашатаев наездники стянулись к помосту, сгрудились здесь, тесня молодых к возвышению, а пожилым открывая простор, чтобы, подхватив «козла», они могли помчаться в степь, начать игру. Пожилые-то знают, как это делается.

Айдос хотел уже бросить кокмар, но подъехали несколько джигитов и стали просить главного допустить к игре хозяина аула Бегиса.

- Без него какое козлодрание! Он самый ловкий.

Айдос посмотрел на старейшин: как они? Согласны, нет ли? Брата вводить в игру не имеет права главный. Пусть решит совет.

Казахский бий сказал за всех:

- Хороший джигит - украшение игры. «Украсит ли?»- подумал Айдос.
- Замутит воду, это верно. И награды потребует. Дам награду, люди обвинят в слабости. Не дам - обвинят в жестокости».

Так он подумал, но против старейшин пойти не посмел. Махнул рукой:

- Пусть выезжает Бегис.

Всадники нетерпеливо поглядывали на помост. Время было начинать игру. Чего тянет главный?

- Эй, соколы, держите! - весело крикнул Айдос и бросил в толпу кокмар.

Шкура описала полукруг, прежде чем коснулась чьей-то головы и чьей-то руки. Голова была у самого края, там, где крутились опытные игроки. Знал старший бий, куда бросать «козла».

Тотчас задвигалась толпа. Завизжали, завопили, заулюлюкали наездники. Десятки рук потянулись к той самой голове, которой коснулся кокмар. Каждому игроку хотелось завладеть «козлом». Но это было лишь желанием. Попробуй завладей! Наконец какой-то счастливчик, словно коршун, вцепился в шкуру, поддал коню сапогами, и тот вылетел из толпы, помчался в степь. Догоняй!

- Держи!

- Дави!

Это кричали те, кто упустил кокмар. А их было около сотни. Упустил его и Бегис. Но он знал секреты козлодрания, не поскакал следом, повернул коня вправо, будто отказался от преследования, а на самом деле пошел в обход счастливчика.

Кокмар оказался у Юсупджана, узбекского наездника, ловкого парня, знающего тайны игры не хуже Бегиса, а может быть, и лучше. В то время как все, подобно куриному выводку, бросились на одно-единое зернышко, на этот самый кокмар, и каждый старался овладеть им, Юсупджан повел игру на многих конях. Едва настиг его ближний джигит и протянул руку к «козлу», Юсупджан перебросил шкуру скакавшему слева парню, сородичу своему. Тот, поймав кокмар, метнулся в сторону. Стая преследователей проскакала мимо Юсупджана - не могли сразу повернуть коней всадники. Проскакав же, закружились растерянно. Никто не знал, куда ехать, за кем гнаться. А когда поняли, сородич Юсупджана был уже далеко.

Слишком далеко, конечно, здесь не ускачешь Кони у всех быстрые - нагонят. И вот нагнали. И потянули опять руки к «козлу». Но тут подвернулся третий сородич Юсупджана. На лету перехватил брошенную шкуру и помчался прочь от стаи. Теперь вправо. Все снова перемешалось, и закружились растерянно всадники. Однако зря поскакал вправо джигит. Там хоть и не близко, но все же был Бегис. На своем резвом иноходце он полетел навстречу парню. И минуты не прошло, как сравнялись всадники и сильный и решительный Бегис вырвал из рук парня «козла». Вырвал и помчался назад к помосту, намереваясь первым принести шкуру ста рейшинам, завершить игру и получить приз

Самонадеян был Бегис. Как ни резв был конь, как ни сильно желание победить, донести до помоста кокмар одному трудно. Не донес и молодой бий. Были рядом джигиты из его аула, мог бы перебросить им «козла», когда увидел, что настигают его казахские наездники. Но не перебросил, не захотел делить славу победителя с братьями. Вырвали у него казахи шкуру, повели сами игру, ушли от помоста.

В степи нагнали казахов парни Юсупджана. Началась такая борьба за кокмар, какой давно уже не видели степняки.

Игру вели две группы всадников - казахи и узбеки. Чаще всего «козел» попадал к джигитам Юсупджана. А когда попадал, вернуть обратно кокмар сразу не удавалось. Перебрасывали шкуру джигиты, обманывали преследователей, уходили в сторону. Между группами крутился на своем коне Бегис. Один играл, не хотел ни с кем делить удачи, если вдруг выпадет она ему, и ведь выпадала. Увлечутся джигиты Юсупджана, не заметят, что рядом чужой, бросят «козла», а

Бегис ястребом накинется на летящую шкуру, перехватит и стремглав кидается в степь. На добром коне думает донести «козла» до помоста.

Но добрые кони и у других степняков есть.

Редко одному всаднику удается победить в этой быстрой, запутанной и суровой игре. Редко. Уж и не помнят степняки, когда последний раз такое случилось. Давно очень. Без помощи товарищей, без взаимной выручки не прорвать кольца. Подсобят друзья - разорвет его, уйдет с «козлом».

Но Бегис надеялся лишь на себя и на своего лихого коня.

- Э-э, глупец! - осуждал брата Айдос. - Брось кокмар соседу, он вернет его тебе, когда сам окажется в окружении. Вместе-то вы и победите!

Не слышал старшего бия Бегис, а если бы и слышал, все равно не принял бы совет Айдоса - гордыня мешала. Не тот советчик для него Айдос. Отверг давно старшего бия Бегис и старшего брата отверг. Поступал по собственному уразумению. Пришло время слушать самого себя - так решил Бегис. И слушал во всем только себя. Надо бы по примеру узбекских и казахских наездников соединиться с кем-нибудь, вести игру втроем или хотя бы вдвоем. А как соединиться, если сердце говорит: «Покажи степи только свою ловкость, свое умение, свою смелость»... Сердце говорило, а руки не слушались. Не удерживали кокмар. Другие, более сильные, выхватывали у Бегиса «козла», едва только он овладевал им. И все же Бегис слушал свое сердце.

Как ястреб кружил и кружил он около кокмара. Наконец схватил добычу, вонзил пятки в бока коня, погнал прочь от стаи всадников. Путь к помосту был открыт, - кажется, наконец повезло молодому бию. Верховых нет ни сбоку, ни впереди, перекрыть дорогу некому, догнать лишь могут. Вся надежда на коня, на его быстрые ноги. Полетел чубарый, ветром степным полетел, не догнать никому.

«Победил! Я, Бегис, победил!»- шептал в упоении молодой бий. И хлестал, хлестал коня. Все хотел взять от него, даже то, чего невозможно было взять. И взял бы, не появившись вдруг перед самым помостом туркмен на свежем ахалтекинце. Возле стаи всадников его не было, не дрался он за «козла», выжидал, пока вырвется один и поскачет к помосту, и вот выждал.

Поскакал наперерез Бегису. Тот попытался было свернуть, обойти туркмена, но не простачок был джигит в огромной текинской папахе, гнаться за чубарым не стал, а оберегал помост. Не пускал молодого бия

к судьям. Влево, вправо подался Бегис - не помогло. Хоть назад поворачивай, да поздно: нагнала его стая всадников, окружила, и не заметил он, как вырвали из его рук «козла». Вырвали и понеслись опять в степь. «Козла» держал, кажется, все тот же Юсупджан.

- О-о! - застонал в отчаянии Бегис. - Нет мне удачи сегодня. Наваждение какое-то. - И стал проклинать Айдоса: - Все беды от него. Черную тень несчастья бросил на свой народ. Не видят люди радости с ним... Упал бы, ослеп бы, оглох бы!.. Избавил бы нас от своей тени...

Злые слова не дождь, не коснулись они Айдоса. Но чувствовал он, что брат кидает их не скупясь. И почудилось Айдосу, что смерти его желает Бегис. Тоска охватила старшего бия. Подумал: «Для того ли явились мы на этот свет, чтобы поразить друг друга копьями? Копья-то отец в наши руки не вкладывал. Зарекал нас не обнажать оружие против своих». И еще подумал: «Когда оказались копья вражды в наших руках? Раньше ведь их не было. О всевышний, неужели прольется кровь сыновей Султангельды?!» И под халатом, там, где сердце, стало вдруг горячо, и боль родилась под левой лопаткой. «Глядя мне в глаза, ударят братья? - спросил Айдос судьбу. - Или ударят сзади, в спину, и я только услышу удар, но не узнаю, кто нанес его: Мыржык или Бегис? Только бы не Мыржык». Не хотел Айдос думать о Мыржыке плохо. Не верил, что поднимет руку на него добрый Мыржык.

А игра продолжалась. Кружили всадники, рвали друг у друга «козла», кричали, визжали. Правда, крик был уже не такой громкий, как вначале. Время-то близилось к вечеру. Тень от холма ползла в степь, накрывала всадников. Приближалась пора заканчивать козлодрание.

Айдос уже считал, что пора бросить кокмар на помост. От шкуры, поди, ничего уже не осталось, растрепали ее игроки. Но не бросали наездники «козла». Никак не удавалось одному из них завладеть надежно кок-маром и принести его к ногам старейшин. А если так, то будут кружить они по степи, пока не зайдет солнце. А в темноте какая игра! Не случалось степнякам видеть козлодрание при свете звезд.

Вспыхнули костры на холме. Аул готовился к пиршеству. Какой праздник без обильного угощения! Какое веселье на пустой желудок! Сало уже легло на дно котлов, и потек пряный запах по склону холма в степь, где сидели и стояли гости.

Да, игра затянулась, и надо было кончать ее. Айдос хлопнул в ладоши.

Трое джигитов вскочили в седла, поскакали к играющим, заорали что было сил:

- Бросьте кокмар! Бросьте кокмар!

Распалось кольцо всадников, осадили игроки разгоряченных коней. «Козла», однако, не бросили. «Козел», истерзанный, разодранный, оставался в руках все у того же лихого джигита Юсупджана. Неведомо, на чем держались его ноги и хвост. Иначе и не могло быть, слишком долго тянулась игра.

Глашатаи окружили Юсупджана и направились к помосту.

Так, с истерзанным «козлом» на стремях, Юсупджан предстал перед старшим бием. Прискакали и остальные участники козлодрания. Те, кто держал кокмар несколько раз за время игры, протиснулись вперед к помосту. Они кричали, что победителя нет и что каждый владел кокмаром. «Продлите игру, - говорили они, - и Юсупджан потеряет шкуру». Протиснулся к помосту и Бегис. Он не кричал, но всем своим видом показывал, что тоже имеет право на награду, поскольку трижды вырывал «козла». Зло, требовательно смотрел Бегис на брата, будто говорил: «Отдай мне награду! Не гневи близкого. Не превращай меня в вечного врага твоего!»

Встретил взгляд Айдос. Ожег он его. Понял: уже враг ему Бегис - и враг вечный. И прольет кровь Айдоса. Ударит, глядя в лицо, не в спину.

- Победил умный джигит Юсупджан, - сказал громко Айдос. - В его руках кокмар был дольше, чем в руках других джигитов. Играл не один, соединил свои силы и свою ловкость с силой и ловкостью товарищей. В единении и победа! Слава Юсупджану!

Зашумели недовольно старейшины: не понравилось им решение Айдоса. Награда за дружбу! Так не бывает на козлодрании. Награждается доблесть одного. самого ловкого, самого быстрого называют победителем.

Один из старейшин сказал:

- Айдос-бий, ты поступаешь не так, как принято в степи. Народ не поймет тебя.

- Разве желание объединить людей чуждо степнякам?- спросил Айдос.

- Не чуждо, но в игре поощряется соперничество, а не дружба. Отмени свое решение, Айдос-бий!

- Нет! Победа присуждается объединившим силы. Пусть люди подумают об этом.

Всадники стали слезать с коней, отводить их к коновязи. Бегис не покидал седла. Он молчаливо смотрел на брата. Злой огонь, как прежде, горел в его глазах. «Теперь мы враги навечно! - говорил Бегис. - Я проклиная тебя! Хочу смерти твоей!»

Айдос услышал это молчаливое проклятие. Сердце его похолодело. Оно могло остановиться: брат проклял брата. Что страшнее для человека? Только смерть. Но и ее нарекал брату Бегис.

- Обратимся к всевышнему! - сказал Айдос. - Подошло время вечерней молитвы.

Теперь-то Бегис должен был сойти с коня, но не сошел. Повернул его и погнал в степь, вслед уходящему солнцу. Безумие или страх перед богом заставили его податься прочь от Айдоса.

Костры разгорались. Яркое пламя поднималось к вечернему небу и будто бы лизало его своим розовым языком.

Самый большой и самый яркий костер пылал на вершине холма. Он освещал широкую лужайку, покрытую густой весенней травой. Трава была тем ковром, на котором расселись гости после вечерней молитвы. Здесь им подадут угощение, здесь усладят слух легендами сказители. С кобызами, дутарами в руках поэты расположились у самого огня, ожидая начала состязания.

Сказочным казался холм, освещенный кострами. Словно огромный факел горел он в ночной степи, бросал причудливые тени на склон, на долину. Такой, должно быть, представала путникам степь в далекие времена, когда пировали предки и на священном холме жгли жертвенные костры. Герои дастанов начинали отсюда походы против врага, сюда возвращались после победы. Здесь, на вершине, пели девушки величальную смелым богатырям, сказители складывали дастаны о их верности и бесстрашии.

Далекое прошлое напоминал нынче праздник на высоком холме. Гудела вершина сотнями голосов, светился огонь, озаряя высокое небо. Пел кобыз, звенела домбра.

Царствовал на холме Айдос. Красный, ярче пламени костров, ханский халат его пылал, словно был соткан из живых лепестков майского тюльпана. Золотой воротник вспыхивал в отблесках огня. Могучий, красивый, молодой - что степняку пятьдесят лет! - Айдос привлекал к себе взоры всех: и тех, кто восхищался им, и тех, кто ненавидел его. Восхищались гости, ненавидели соплеменники, хозяева аула.

- Отцы, братья, сыновья! - сказал старший бий, успокаивая своим душевным словом степняков. - На этом холме родился человек. Он пришел в мир наш, и мы счастливы, что семья каракалпаков увеличилась. Может быть, ему уготована судьба великого степняка, который сотворит дело, завещанное нам предками. Объединит нас, построит город каракалпаков, созовет со всех земель наших соплеменников, поставит им юрты на этой доброй земле. Пусть всевышний даст ему силу богатыря, разум мудреца, долголетие чинары.

Сельчане вокруг костра закричали:

- Сто лет Ерназару! Тысячу лет Ерназару!

- Да, тысячу лет человеку, творящему великое дело, - повторил Айдос.

Лицо Мыржыка, что сидел рядом со сказителями, засветилось радостью. Хотели люди счастья его сыну. И брат, должно быть, хотел этого. Начал здравицу-то Айдос, подтолкнул гостей, бросил в праздничный костер охапку сухого янтака. Разгорелось пламя.

Бросил в праздничный костер янтака Айдос, верно. Однако он не был бы Айдосом, если бы не добавил в огонь и второй охапки, не для прославления младенца Ерназара предназначенной.

Айдос сказал:

Город каракалпаков - вот с чего начнется слава Ерназара и выполнение заветов предков. Пока будет расти сын Мыржыка, пусть растут и стены города.

Орынбай, этот переменчивый мангит, не замедлил бросить в старшего бия кусок сухого кизяка:

- О себе думаешь, Айдос.

- Нет, я думаю о вас, бии, о детях и внуках ваших. О тех думаю, чьи отцы век назад, в годину белых пятюк, когда джунгары согнали народы с родных мест, ушли в страну афганов или в Китай. Если захотят люди эти присоединиться к братьям своим, где они их найдут, где обретут родину?

- Каракалпакское ханство, что ли?- спросил, гнусава, Кабул. Не спросил - ужалил. Знал, что ханство - мечта Айдоса. В нее и впустил яд.

- Называй, как умеешь. Лучше назвать родиной, землей каракалпаков, - ответил Айдос. - А земля лежит вокруг города. Город вроде шапки нашей - кураша. Без кураша каракалпак - не каракалпак. Я думаю, и гостям, откуда бы ни прибыли, приятней остановиться не в

степи, а за стенами города. Расстелить коврик для молитвы не у куста джангиля, а у алтаря мечети. Встретить Ерназара, первенца Мыржыка, не на перекрестке дорог, а на пороге дома. Пусть же растет город караалпаков вместе с Ерназаром.

- Сто лет Ерназару! - снова крикнули гости. Тысячу лет Ерназару!

Путаться стали мысли Мыржыка. Говорил ли старший бий то, что следует говорить на празднике? Вроде славил сына его - и в то же время себя славил, дело свое. Люди кричали: «Сто лет Ерназару!», а выходило - тысячу лет городу караалпаков, ханству караалпакскому! «Зря избрали Айдоса главным на празднике», - подумал Мыржык. Устроил той Туремурат-суфи, а хозяйничал старший бий. Поворачивал степняков не в сторону кунградского ханства, а в сторону караалпакского ханства. Город суфи заменил степным городом. Это он только называет его домом Ерназара. Дом-то будет Айдоса.

Словами о ханстве караалпакском Айдос не насытился. Мало ему оказалось ханства. Заговорил о доброте людской. Хитро заговорил:

- Дом Ерназара будет гостеприимным домом. Слышали, дорогие, как утром плакал первенец. Плакал громко, потому что медленно съезжались мы на его праздник. Торопил гостей Ерназар. А когда начался той, замолчал. Мы спросили у отца малыша, славного степняка Мыржыка: что успокоило его сына? Он сказал: подарки гостей. Каждый из нас подарил первенцу люльку. Казахи - казахскую, туркмены - туркменскую, караалпаки - караалпакскую, узбеки - узбекскую, русские - русскую. Какая же из них пришлась по душе Ерназару? «Все», - ответил славный степняк Мыржык. Мать Ерназара, дочь мудрого Есенгельды, уважая гостей, дала возможность сыну своему подремать в каждой люльке. Вроде в наших руках спал малыш. В родных, добрых руках.

Не сразу уловили степняки, куда ведет их своими речами гладкими Айдос. Хороши были слова. Суть, однако, оказалась колючей. Звал-то старший бий опять в караалпакское ханство. И было это ханство по желанию Айдоса раем для людей.

- Пусть останутся наши руки добрыми, пока растет Ерназар. В добрых руках он и сам станет добрым. Праздник в честь него назовем Днем взаимного уважения. День станет неделей, неделя месяцем, месяц годом. Покой воцарится в нашей многострадальной степи.

Таковыми словами закончил свою речь Айдос. Удивил ими так, что онемели все, кто сидел вокруг костра. Дурманом вроде опоил их

старший бий. Что наплел? Покой в степи. Вечный покой. И это тогда, когда ножи у всех наточены, копыя заострены, арканы сплетены и руки чешутся - подрасться бы! Разорить соседа, угнать у него скот, как угнал у того же Айдоса разбойный Орынбай, спалить чужой аул. Род против рода борется с давних пор. Так предопределено с давних времен. Так предопределено судьбой, так завещано предками. А Айдос хочет покоя, устанавливает День взаимного уважения.

Остановить бы его, крикнуть: «Что дурманишь головы степнякам! Нет покоя на земле. И не нужен покой людям!» Да не кричится. Глупые степняки уши развесили, рты пооткрыли, пьют этот дурман, как молоко те лята. Гости тоже сосункам уподобились. Соглашаются с Айдосом, головами покачивают, языками поцокивают - довольны. Тут не остановишь Айдоса. А остановишь, так недругом прослывешь, возмутителем спокойствия.

Хочется биям отрезать язык Айдосу. Ой как хочется! Но никто нож не вынимает, даже разбойный Орынбай. Молчат бии, зло посапывают, лишь в мыслях укорачивают язык Айдосу.

Маман-бий, правда, такого и в мыслях не держит. Ему День взаимного уважения не в тягость. Пусть будет покой. Только не Айдос, не Хива, не Бухара, не Кунград установят его. Слабы, вероломны, эгоистичны они. Иная сила нужна...

И Маман-бий добавляет к сказанному Айдосом:

- Добры наши руки, верно, Айдос-бий. Но не всё мы можем сотворить ими ради блага степи. Пусть же сотворит это Ерназар: выполнит завещание предков наших. Тропа в Россию еще не заросла. Доброго коня и доброе седло Ерназару даст степь.

«Этот Маман-бий не умнее простых степняков, - подумали бии. - Дурман его хоть и не такой едкий, как у Айдоса, но все же дурман. Россия живет своей заботой, и нет ей дела до каракалпаков, и далека она. Доскачет ли Ерназар до нее - неизвестно. Мы-то не доскачем наверняка. Разговором же о России обидим Бухару, Хиву. Обидим великого суфи, устроившего этот праздник. Простит ли нам правитель Кунграда опрометчиво сказанное? Ой не простит! Потому остановить надо говорливого Мамана».

- Айдос-бий, правом главного восстанови порядок тоя, - сказал Кабул. - Лица гостей повернуты в сторону сказителей. Иные речи нам хочется услышать на празднике.

- Да, да, - поддержал Кабула Орынбай. - Это не холм совета биев, это холм Ерназара. Пусть звенят кобызы и дутары, пусть звучат песни! Уладим свои сердца словами прекрасными!

Вскипел Айдос:

- Есть ли слова прекраснее, чем слова, сказанные во славу своего народа, во славу родной земли! Ими надо услаждать сердца, дорогие бии. - Он повернулся к сказителям, державшим в руках кобызы и дутары: - Воспойте народ, воспойте землю родную, златоустые.

- Э-э, - проворчал Орынбай, - портит праздник нам этот Айдос.

И многие поняли его слова. Не давал Айдос биям погулять так, как душе хотелось. Норова показать не давал. Внутри-то у биев все бурлило, рвалось наружу, как в нагретом котле. А крышку Айдос придерживал.

«Все зло от него, - думал Орынбай. - Мало я сделал, что угнал его скот. Надо было аул спалить».

Запел первый сказитель. Кобыз каракалпака стонал, а сам каракалпак будто плакал. Над горькой долей степняка лил он слезы. Плакали степняки, жалея себя искренне. Лишь Айдос не плакал. Хмурый сидел, покусывая кончики усов и поглядывая исподлобья на певца. О народе пел поэт, да только безрадостной была эта песня. Нет и лучика надежды в ней.

Смолк сказитель. Не сразу остановились слезы степняков. Жалость к самим себе сладка по- своему, что прогонять ее, пусть потешит сердце...

Загремела домбра казаха. Весело загремела. Со слезами эта домбра была не в родстве. О героях повел рассказ сказитель. О тех, что сражались за справедливость, защищали свой народ, прославляли родную землю. Были они красивыми, молодыми. Юношей певец сравнивал с солнцем, девушек с луною. Цветами была покрыта степь, по которой скакали герои на сказочных конях. Звал певец на эти вольные просторы людей...

Забыли степняки о страданиях, вспыхнула радость в глазах. Хорошо, оказывается, в степи, ой как хорошо!

Едва смолкла домбра, Айдос поднялся со своей кур-пачи и подошел к сказителю.

- Мы полюбили ваш край! - сказал он душевно. - И людей ваших полюбили. Смелые, добрые люди. Песня ваша прославила народ казахский.

Сказал так Айдос и тем присудил победу казахскому певцу.

Доспан, стоявший за кругом и предупрежденный заранее старшим бием, подвел к певцу коня - тонконового, белогривого красавца. Сбруя на нем сверкала медной насечкой, новенькое седло поскрипывало доброй кожей. Не просто конь, а сказочный конь из песни, которую пропел сказитель.

Не увидели справедливости в поступке Айдоса степняки и вознегодовали. Не посчитались с тем, что у костра сидели гости, стали бранить старшего бия.

Орынбай потрясал кулаками:

- Несчастный! Ты говоришь о верности народу, а сам предаешь свой народ. Чем песня радости лучше песни печали? Каракалпак плачет, потому что ему больно за соплеменников: он душу свою открывает в слезах.

Кабул злорадствовал:

- Я говорил, он ненавидит нас. Говорил, а вы меня не слушали. Теперь увидели, каков этот защитник каракалпаков.

Весь день налетали на Айдоса вихри несчастья. Он чувствовал их, но не запахивал халат, не отстранялся. Что ветер степняку? Эка невидаль! Тишины-то никогда не бывает на просторе. А тут подул такой, что запахивать халат надо и подпоясываться, не то сорвет с плеч. Будто не весна, а осень. Да что осень! Зима!

- Братья, - сказал Айдос, - слезами спасем ли свой народ? Рыдая, оградим ли его от бед? Стоном укрепим ли силы и веру степняков? На что толкаете меня, братья? С кобызом ходить по аулам и жаловаться на горькую судьбу нашу, взывать к состраданию? Да, мы несчастны, мы обездолены, но несчастье не пыль, его не смоешь слезами. От него мы избавимся лишь желая счастья. Говорят ведь: желание - половина богатства. И тот, кто позовет к счастью, достоин не одного белогривого коня. Тысячи коней достоин. Звезд небесных. Самого солнца!

Высоко поднялся Айдос, восхваляя певца счастья, - не дотянешься. А надо бы дотянуться, сбросить с высоты старшего бия. Не певца хвалит, себя. Он, Айдос, зовет народ к счастью. У него желание объединить степняков. Значит, ему тысячу коней белогривых. Ему звезды. Ему солнце...

Ненавистны биям слова Айдоса, ненавистен сам Айдос.

- Много ты счастья добыл своим желанием?! - захохотал Орынбай. - Поделись с нами!

Ещан-бий взвизгнул:

- Отдай полханства!

Какой-то парень из задиристых, из свиты Орынбая, должно быть, подскочил к Айдосу и протянул руки к его лицу. Ударить хотел старшего бия или только поугатать - неведомо.

Обомлел Айдос: джигиты поднимают руку на бия, хана каракалпаков. «Кажется, я слишком мягок и добр, - подумал с болью Айдос. - Растопчут они меня нынче. Не копытами коней растопчут, сапогами своими, в навозе испачканными...»

Задиристый парень смотрел на Айдоса и цедил сквозь зубы:

- Где твоя совесть, Айдос-бий? Не позорь наш народ этим ханским чапаном! Не твори дела, угодные врагам степняков!

Напоил кто-то джигита настоем из черной травы. Напоил злобой до одурения. Безумство горело в его глазах, не погасить ничем.

- Прочь, ничтожество! - прорычал Айдос и ударил в лицо джигита могучим кулаком. Ударил так, как ударяют взбесившегося быка. А этот был не бык, телок всего лишь. И он отлетел в сторону, перевернулся несколько раз, прежде чем распластаться на траве и затихнуть.

Джигит затих, и бии затихли. Орынбай смотрел на Айдоса растерянно, Кабул испуганно, Ещан заискивающе, Маман восхищенно. Маману нравилась решительность старшего бия.

Айдос подошел к джигиту, пытавшемуся подняться с травы.

- Я ударил тебя не как хан каракалпаков, - сказал он. - Не как старший бий и не как главный на празднике. Я ударил тебя как сын Султангельды. Отец, умирая, завещал нам: кто осквернит сыновей и внуков моих своим прикосновением, не должен жить. Ты лишь хотел прикоснуться и потому жив. Понял, глупец?

Джигит безвольно кивнул.

Старший бий повернулся к гостям, которые все еще настороженно смотрели на главного, и произнес то, что произносят все распорядители праздников, когда гаснут вечерние костры и загораются ночные звезды:

- Мир этому дому, где звенит голос нового степняка! - Он сделал омовение лица. - Аминь!

Они ехали в ночную тьму, навстречу новой беде. Не знали они еще, что беда уже на пороге их аула и предотвратить ее они уже не смогут. Не знали и потому были спокойны, и неторопливо, как бывает в дороге,

когда и бодрствуешь вроде, и дремлешь, текла беседа. Слова вдруг вспархивали потревоженной птицей и так же вдруг исчезали.

Говорил больше Доспан. Накопился у него в чужом ауле целый хурджун впечатлений, и он ворошил их, вытаскивая по одному.

- Маман-бий хороший бий. - Это было первое. Айдос лениво ответил:

- Хороший.

- Кабул плохой бий. - Это было второе. И снова Айдос лениво ответил:

- Плохой.

- Орынбай совсем плохой бий. - Это было третье, последнее.

- Совсем плохой, - согласился Айдос.

С версту ехали молча. Задремали. Дурной сон, должно быть, привиделся Айдосу. Очнулся он вдруг и спросил Доспана:

- А что, сынок, тебя больше всего удивило нынче?

- Ха! - откликнулся охотно Доспан. - Удивило меня, мой бий, как ударили вы глупого джигита. Сильная у вас рука, мой бий.

Только-то?- разочарованно вздохнул Айдос. - А то, что недругов у нас много, не удивило тебя?

- Нет. Люди говорят, что вся степь против нас. Что же тут удивляться, мой бий...

- Когда все против одного, куда же деваться одному?- спросил грустно Айдос.

- А некуда ему деваться, мой бий. Он должен родиться снова, как Ерназар.

Не думая, видно, сказал стремянный.

«Таким, какой я есть, не примут меня степняки, - решил Айдос. - Каким же примут?»

Явившись снова в мир, как Ерназар, чей облик он мог бы принять? Чью душу взять? Стал Айдос перебирать биев. Не тех, кто нравился ему, а тех, кого принимали степняки. Вот, к примеру, Кабул. Лисье в нем что-то было. Не угадаешь, откуда появится и что сотворит. Ещан-бий - тот жалок. Как неразумный щенок, лает вместе с большими псами, когда они рядом. А уйдут - тут же прячется в свою нору. Орынбай, напротив, решителен. Смел даже, но переменчив. Сегодня пойдет за одним, завтра - за другим. Вот Маман-бий - тот постоянен, и постоянству его позавидуешь. Не изменит, не предаст.

Доведись Айдосу снова родиться, душу бы принял Мамана. Светла и добра она у него. И захотелось старшему бию походить на «русского бия». Представил на какое-то мгновение, что он Маман и едет в его тулупе по берегу Арала, с верными людьми едет, а впереди тянутся к небу тихие дымы «русского аула». И легко стало Айдосу, и покойно. Но тут же отмахнулся от наваждения: «Нет, нет! Не могу в этой тишине быть и не видеть цветущую степь, не скакать по ней, догоняя ветер, не рубить плетью стебли гулкого камыша».

- А нельзя родиться вновь?- спросил, будто очнувшись от сна, Айдос.

Доспан не сразу ответил. Потрудиться пришлось ему: нелегкий вопрос задал ему Айдос. А когда ответил, то еще больше огорчил бия:

- Можно, но тогда надо умереть.

«Вот ведь как рассудил пастух! - ужаснулся Айдос. - Места мне в этом мире нет. Айдос-бию, хану каракалпаков, нет места».

- Значит, все, что мы делали на тое, не примут степняки?

- От бия не примут, - пояснил стремянный.

- А от хана?

Доспан опять задумался и сказал:

- От хана примут.

- Разве хан разумнее бия?

- Нет, сильнее бия. Айдос невесело засмеялся:

- Выходит, мне вновь надо родиться, и родиться ханом.

- Да, мой бий.

«Пастух все же Доспан, - подумал Айдос. - Не видит он ничего, кроме стада, и не знает ничего, кроме посоха. Степь только та, что за тырлом, небо только то, что над тырлом».

- Всегда ли ханы рождаются во дворце?- спросил стремянного Айдос.

«Конечно, ханы рождаются во дворце, иначе зачем нужны дворцы, если младенцев будут держать на голой земле...»- подумал Доспан и сказал:

- Да, мой бий. Засмеялся весело Айдос.

- Сынок, великие ханы рождаются в юрте, дворцы же для себя они строят сами.

Не знал таких ханов Доспан. Мир-то его был прост и узок: то, что за тырлом, и то, что над тырлом. Но если дедушка Айдос говорит, значит, есть такие ханы.

И Доспан согласился:

- Да, мой бий, великие ханы рождаются в юрте... На том они и порешили. Иных слов у путников не было, и дальше они ехали молча.

25

Перед рассветом кони вдруг вошли в воду. Не в реку и не в озеро - не было на пути ни реки, ни озера. Копыта потонули в мокрой траве, такой мокрой, что зачавкала она, захлюпала. Брызги холодные полетели во все стороны.

- Беда! - крикнул Доспан.

Бий вздрогнул, как от удара плети.

- Что, сынок?

- Вода в степи.

Доспан спрыгнул с коня и попал сапогами в глубокую лужу, глубокую и широкую. Что она широкая, это он понял, когда прошел вперед и не увидел края ее. Сапоги утопали в воде уже по щиколотку. Дальше, наверное, было еще глубже.

- Пропал аул...

- Э-э, зачем лить слезы прежде времени! - рассердился Айдос. - Пospешим-ка лучше.

Доспан влез в седло, и они погнали коней. Не напрямик через воду, а в обход ее.

Слезы лить, верно, рано еще было: не затопило аул. Но старая насыпь, преграждавшая путь паводку, едва сдерживала напор. Прибавится воды пальца на два - и перекатитесь поток через гребень, зальет землянки и юрты, понесет в степь жалкое добро аульчан.

Бегали по аулу женщины, словно куры, спугнутые с насеста, кричали дети, мычал встревоженно скот. Животные лучше людей и раньше людей узнавали о приближении несчастья.

- Где мужчины?- спросил степнячек Айдос. Убирают юрты. Бежать пора.

- Глупые, далеко ли убежите от воды... Догонит быстрее коня. Аул спасать надо. Эй, степняки! -Он стал сзывать мужчин, подъезжая то к одной, то к другой юрте:- Все на дамбу! С лопатами, мотыгами, мешками.

На зов старшего бия выходили из юрт мужчины и тут же возвращались обратно. Айдос стал срывать пологи.

- Вы что, оглохли? Дамбу размоет, если не поднимем ее на ладонь.

- Не о дамбе, о себе надо... - отвечали ему. Рассвирепел Айдос: людское недомыслие выводило его из себя. Да и кого бы оно не вывело из себя в такую минуту! Вот-вот паводок перекинется через насыпь и пойдет крушить аул. Не бежать, а плыть тогда придется.

- На дамбу! - завопил неистово бий. - На дамбу, глупцы!

Он и другие слова произнес - покрепче и пообиднее.

Однако не торопились аульчане к дамбе.

- Скорее! - звал Айдос.

Как козы, потерявшие хлев, кружились степняки у юрт, то собирались идти к дамбе, то, передумав, возвращались обратно.

Айдос раскрутил плеть и кинулся на упрямых аульчан.

- Доспан! - крикнул бий. - Гони их на дамбу! Растерялся стремянный. Не приходилось ему поднимать руку на людей, да еще с плеткой.

- Гони!

Айдос, первым увидя рядом спину какого-то джигита, протянул по ней плетью, так протянул, что съезжился степняк, кинулся бежать в степь.

- Не туда! - зарычал Айдос. - На дамбу! Доспан только махал плеткой над головой, как змеей, и кричал:

- На дамбу! На дамбу!

Побежал наконец к дамбе один степняк. А если побежал один, побегут и остальные. А плетка все гуляет по спинам. Не устает рука старшего бия, хлещет страшными словами степняков Айдос. Стаей черной летят они над аулом. Куда от них спрячешься?

Потянулись наконец к дамбе люди с лопатами, мотыгами, мешками. Айдос лишь подгонял их:

- Скорее!

Женщины тоже пошли. Плача, причитая, но пошли и детишек повели.

Уже перед дамбой Айдос бросил свои злые слова на землю, растоптал их копытами коня, сказал душевно:

- Братья, если не спасем аул, не спасем себя. Сообща-то отстоим свой дом.

Вроде винился перед аульчанами и примирения искал. А они не видели вины бия. Плеть его была знакома им: не раз гуляла по спинам. Налог-то всегда собирался с помощью плетки. Коня не столько

хлестала, сколько степняков. Злой бий - это привычно и понятно, добрый бий - непривычно и непонятно. Потому, слушая сейчас ласковые слова Айдоса, степняки дивились перемене. Доверия, правда, к этим словам не было, но принимали их охотно. Хорошо, когда человек говорит тихо. Как ветерок весенний летят слова, не жалят, ласкают.

Не до ласки, однако, сейчас было. Несчастье нависло над аулом. А когда несчастье, осенний или весенний ветер - все одно. Спасать себя надо, детей и скот свой. Сообща спасать им никогда не доводилось. Чужое - оно далекое всегда. Что соседское горе, когда сам в беде! Кому протянешь прежде руку: сыну своему или сыну соседа? Своему сыну. Бий же требует, чтобы ты протянул прежде руку соседскому сыну. Станный бий! Глупый бий. Беда издали вроде и не беда. Бежали к дамбе аульчане, потому что гнала плеть, подгоняли слова, а прибежали, глянули через насыпь и обомлели. Вода-то доверху дошла. Вот-вот перекатится через гребень, хлынет, как дикий табун, на аул, сметет его.

И как много воды! Взгляд края не отметит. А она все прибывает и прибывает. Ветерок, тот самый ласковый весенний ветерок, трогает гладь, волны легкие гонит к дамбе. Страшно.

Повернуть бы назад, лететь что есть мочи к своим юртам и землянкам, спасать, что еще можно спасти!

И повернули бы, да стоял за спиной конь бия. На коне бий - не то ласковый, не то злой; в руках плеть, горячая, беспощадная.

- Бросайте на насыпь землю! - кричал бий. - Бросайте скорее!

Вот ведь как поворачивает судьба степняка: сам погибай, а выполняй волю бия.

- Ойбой! - шептали люди.

Кричать боялись. Даже плакать боялись. Вонзали лопаты и мотыги в землю податливую, сырую по весне землю, несли землю на дамбу, клали по гребню. Клали прежде туда, где насыпь ниже, где легче воде перекатиться. И стала расти дамба. Не очень быстро, правда, но росла. И вода, к счастью, поднималась медленнее, чем дамба. А потом и вовсе остановилась. Хоть дик и неистов вольный табун, но и он когда-то устает, иссякает его сила, гаснет злоба. Угасла она и в паводке.

Когда кидали землю на насыпь, зла и сильна была вода, людям обуздать ее нелегко было. Вдувались жилы на их руках, пот глаза застилал. А когда накидали земли достаточно, смирилась вроде вода, ласковой стала. По глади заискрились блики солнца - веселые, добрые.

И люди подобрели. Умылись в рыжей, мутной воде, попили ее.

Айдос сказал:

- Спасибо, братья! Спасибо, сестры! Аул родной спасли вы.

И только что битые плетью бия, униженные было его бранью, степняки заулыбались светло, будто ничего и не было, а если и было, то так давно, что забыто все уже и изгнано из сердца. Так бы и ушли в аул, довольные собой. Но добавил к сказанному еще несколько слов Айдос-бий - таких, что удивили и смутили степняков. Сказал он:

- Спасибо, что спасли город каракалпаков! Стоять ему теперь тысячу лет...

Город, оказывается, они спасли. Что за город? Видеть не видели, слышать не слышали про город каракалпаков. Знают они: есть Бухара, есть Хива, есть, наконец, Кунград, а каракалпакского города нет. Бий, однако, называл его, вроде бы стоял он уже где-то рядом. Неужели их аул превратился в город? Где же его стены? Хоть и не на холме были степняки, а на дамбе всего лишь, но и с насыпи аул как на ладони. Те же юрты, те же мазанки, те же землянки. Даже сарай и загоны для овец те же.

Чудной бий! Непонятный бий!

Когда людям говорят: «Ешьте хлеб, пейте воду, гоните скот, хороните мертвых», - все понятно и все ясно сердцу, и оно бьется ровно. Но скажут: «Не пей воду, не хорони мертвых», - и сожмется сердце или вовсе остановится. Спасать несуществующий город - это все равно что не хоронить мертвых. Безумство какое-то!

Удивленные, с недоумением и опаской поглядывая на старшего бия, пошли степняки в аул. В тот самый аул, что назван был теперь городом.

Доспан сказал, когда вместе с Айдосом поехал за аульчанами:

- Глухи люди к словам вашим, мой бий. Утром им привычнее молитва. Крик азанчи они хорошо слышат.

Айдос и сам понимал, что не трогают аульчан его слова и желания его далеки от желаний степняков. Не ищут они ни ханства, ни города ханского. Им бы только не умереть с голоду, детей своих раньше времени не положить в могилу. Потому Айдос ответил стремянному, как отвечал самому себе:

- Что привычно для них, то ярмом зовется. И если не снимет с них Айдос-бий это ярмо, ходить будут в нем до скончания века.

- Должно быть, не трет ярмо им шею, - сказал До-спан. Не замечал он у волов ран на коже. В удобное ярмо волы влезают охотно, как человек в чапан.

Трет, - отверг объяснение стремянного Айдос. - Только привыкли, огрубела кожа, не чувствует ни дерева, ни железа.

- А если не чувствует, значит, хорошо им, - настаивал на своем Доспан.

Айдос усмехнулся осуждающе:

Тебе-то хорошо было босому и нагому?

- Хорошо, - вдруг признался стремянный. Признался и огорошил признанием своим бия: прошлое, выходит, лучше настоящего.

Остановил коня Айдос, глянул на помощника своего как на помешанного: что несет? Нарочно, что ли, противоречит бию? Дразнит его, как дразнят пса, желая услышать его лай?

- Хорошо... - повторил Айдос, сдерживая вскипающую злость. - Почему же хорошо?

- Да потому, что босого не замечают, не завидуют его сапогам с бычьей подошвой, его чекпену из крашеной шерсти, его лисьему малахаю. У босоногого отнять нечего. Он друг всем, и ему все друзья.

- Ну, если завидуют чекпену стремянного, то зависть к золототканому халату бия во сто крат сильнее. Так, сын мой?

Так, дедушка-бий.

- Ярма, значит, снимать не надо. Ярму-то кто завидует...

Хотел сдержать злость бий, а не смог. Вспыхивали гневом глаза, насупились, как у филина, брови. Так бы, кажется, и испепелил взглядом своим огненным стремянного Айдоса.

Робость охватила Доспана. Пожалел он, что пошел наперекор бию, однако отступать не умел. Упрямство сидело в нем и порой показывало свои острые рожки. Вот и сейчас они выглянули:

- Верблюжий чекпен на теле, золототканый на душе. Его как снимешь?

- Э-э! - поразился услышанному Айдос. - А ты не прост, сынок.

Конь, остановленный бием, нетерпеливо подергивал повод: на пороге дома для чего, мол, задерживаться? Пегий Доспана тоже беспокойно водил ушами, лоя привычные звуки аула: манили они его.

Тронул коня Айдос. Прежде чем тронуть, сказал стремянному:

- Пася скот, человек пасет и мысли свои. Так, что ли?

Сказал стремянному, а обратился-то к себе, к своему сердцу, которое все томилось сомнениями и тревогами. Есть ли мудрость в словах юного Доспана? И его ли это мудрость? Не отца ли, слепого Жаксылыка? Тот в темноте вечной думой тешил себя. Мрак чем осветишь? Мыслью только.

И еще спросил себя Айдос, погоняя и без того торопящегося коня: «Сумею ли снять золототканый халат с души своей? В халате ханском примут ли меня степняки? »

Спросил и стал ждать ответа сердца. Не ответило оно Айдосу, хотя и было всегда послушным. И понял Айдос: сердцу-то хорошо в золототканом халате. Ханское дорого ему. «Прав, значит, Доспан: не снимешь ни с души, ни с плеч ханский халат... Не Мухаммед Рахим, видно, надел его на меня, а сам всевышний».

26

Не снял с себя золототканый халат Айдос, не смог снять. Да и Мухаммед Рахим-хан не позволил бы скинуть с плеч то, что было им подарено. А дарил правитель Хивы с умыслом: в парче-то сердце степняка изменится, податливым и угодливым станет. Не дикими порывами тешить себя будет, а тихим и сладостным томлением.

Ждал этой перемены Мухаммед Рахим-хан долгие месяцы. Посыльные хана, рыща по степи каракалпакской, не находили следов перемен в желаниях и намерениях Айдоса. Не находили и честно признавались в том правителю священной Хивы. Решил хан, что мало для старшего бия халата, хоть и с золотым воротом он.

Еще спала вода весенняя и подсохли тропы степные, в ауле Айдоса появились люди хана: двое на конях, двое на ослах. Те, что на конях, одетые в дорогие халаты, объявили старшему бию:

- По велению великого хана на твоей земле, Айдос бий, должен быть возведен город. Помнишь ли ты обе щание Мухаммеда Рахима и его визиря Кутлымурат инаха?

- Всевышний не отнял у меня памяти. Живу надеждой повелителя правоверных. Да пошлет ему аллах многих лет жизни!

Айдос дважды поднялся и дважды присел, приветствуя дорогих гостей.

Джигиты во главе с Доспаном помогли посланцам хана спешиться и ввели их в бийскую юрту.

Пока гости устраивались на паласах и курпачах, Айдос объяснял сбежавшимся аульчанам:

- На нашей земле будет город. Радуйтесь, родные! - И первым поднимал руки, размахивал ими, смеялся громко и весело. - Радуйтесь, родные!

Люди тоже смеялись, тоже поднимали руки, хотя не знали, что за город должен быть на их земле, и счастье ли это - иметь свой город?

- Идите и расскажите всем: строится город каракалпаков! Скачите в аулы, в ближние и дальние, кричите на всю степь: наш город! Наш город! Тысячу лет быть ему, городу!

Весь день и всю ночь он повторял это: «Наш город!» Потчюя гостей, советуясь с ними о ширине и высоте стен крепости, размере дворца и главной мечети, он вслух или про себя произносил: «Наш город!» Да и поправлял зодчих, когда они упустили это слово, называя будущую столицу каракалпаков просто городом. Старшему из гостей подсказывал, повторяя его мысль и добавляя свое «наш». Когда тот сказал: «В городе будет двое ворот: одни в сторону Хивы, южные, другие в сторону Жанадарьи, северные», - Айдос повторил:

- В нашем городе будет двое ворот. Через одни будем впускать караваны из хивинского ханства, через другие - из русского и казахского ханства.

Когда старший зодчий сказал: «Мечеть поставим у южных ворот, чтобы гости-мусульмане видели, где им совершить утренний и вечерний намаз», - Айдос повторил:

- Нашу мечеть поставим у южных ворот.

Так он утверждал будущее - как свое, как общее, и хотел, чтобы поняли это посланцы великого хана и там, в Хиве, внушили повелителю: «Не считай новый город просто городом, подвластным хивинскому ханству, считай вольным городом каракалпаков. Называй его городом степняков, городом Айдоса, а не городом Мухаммед Рахим-хана».

Ночью Айдос мечтал. Строил мысленно стены крепости, дворец строил. И радостная это была работа. Стены-то возводились легко, мгновения какие-то нужны были всего лишь, чтобы поднять минарет или поставить купол на мечеть, голубой как небо, купол с золотым месяцем на маковке. Ночи хватило и на перестройку города. Не все нравилось из сотворенного Айдосу. Сделав поначалу улицы прямыми, он в полночь повел их кольцами вокруг дворца, а сам дворец поставил

на насыпной холм. С балконов дворца теперь был виден город, а из любого дома - дворец.

Бессонная ночь не утомила Айдоса. Творя радостное, разве устанешь! Утром он вышел к гостям свежий, помолодевший, веселый, будто в самом деле построил город, мечту свою осуществил.

- Наш бий так радостен, - сказал старший зодчий, будто на плечи его опустилась птица счастья.

- Опустилась, опустилась, - ответил смеясь Айдос. - И послал ее великий Мухаммед Рахим-хан, сдержав слово, данное бедным степнякам.

Старший зодчий не слишком, видно, чтит хана и не больно восторгался его человеческими достоинствами, потому что не закивал одобрительно, выслушав похвалу в адрес Мухаммед Рахим-хана, и счел нужным добавить к имени правителя Хивы имя его визиря.

- Помнят о вас, достойнейший Айдос-бий, Мухаммед Рахим-хан и его правая рука Кутлымурат-инах.

- О, Кутлымурат-инах - яркая звезда на небе священной Хивы! - понял гостя Айдос. - Да будут его дни долгими, а путь в этом мире светлым!

Обменявшись любезностями, на которые последнее время Айдос стал великим мастером, гости направились в юрту совета.

- Где будем строить город?- спросил хозяина старший зодчий.

Такого вопроса, признаться, всерьез не задавал себе Айдос. Он вообще не очень-то задумывался о месте столицы каракалпаков. Потрепав растерянно бороду, он стал прикидывать, где действительно мог бы быть город... Это не юрта, которую ставь где хочешь и переноси куда хочешь. Стены городские кладутся навечно.

- Не посоветоваться ли вам со стариками?- предложил старший зодчий. - Уходящие из жизни больше знают о ней, чем входящие в нее.

Айдос позвал Доспана:

- Сынок, собери седобородых. Пусть идут в юрту совета. А тех, кто не сможет добраться, посади на осла и доставь сюда.

Доспан вскочил в седло и помчался в аул.

Пока гости проглатывали горячие баурсаки, приготовленные еще на рассвете женой Айдоса, - всякое дело, как известно, надо начинать на полный желудок, а чем лучше его наполнить, как не облитыми в скоромном масле галушками! - стремянный обскакал аул и вытащил из юрт и мазанок стариков. Вытащил и погнал их на холм, в юрту совета.

Осла нагружать не пришлось. Собственными ногами обошлись седобородые, даже палки с собой никто не взял: и на склоне жизни полны сил степняки.

- Родные мои! - обратился к старикам Айдос, когда седобородые вошли в юрту и самый последний из них опустил на палас. - Богу угодно, чтобы появился на свет город каракалпаков. Повелитель правоверных великий Мухаммед Рахим-хан прислал к нам своих мастеров, искуснейших из искусных, мудрейших из мудрых, прозорливейших из прозорливых, и наказал украсить степь башнями цитадели, минаретами мечети, стенами дворца. Готовые приступить к славному делу, зодчие спрашивают: где бы мы хотели видеть свой город? Подумаем же вместе, родные, и ответим мастерам.

Всякие задачи решали на своем веку седобородые: и большие и малые, и легкие и трудные, и умные и глупые, а такой задачи решать не приходилось. Потому сложили руки на коленях и стали думать: где поставить город каракалпаков?

- На берегу Арала, - предложил кто-то из стариков. - Есть там песчаная коса, вдается далеко в море, не подступится к городу враг, а если и подступится, так только с суши. С суши короткую стену и поставим.

- Нет, - сказал другой старик, - у переправы через Аму, где сто лет ходят караваны, поднимать город надо. Ни один купец не минует его базара.

- Э-э, - усмехнулся третий, - караваны пользуются переправой не в одном месте, а в четырех местах. Городские стены возведем в одном месте, а купцы пройдут в другом. Значит, надо строить четыре города.

За третьим стариком пожелал высказать свое суждение четвертый, за четвертым пятый, за пятым шестой. А всего в юрте оказалось двенадцать седобородых. Бороды у них были короткие, языки же длинные, а длинный язык опасен не только в сплетнях и пересудах, на совете он тоже опасен. Затянулся бы до полудня спор о том, где лучше стоять городу каракалпаков, не вмешайся в разговор долговязый Кадырберген. Очередь его была последней, потому что сидел он с самого края. Но уж таков был нрав неполноправного бия - никак не мог смириться с потерей власти в ауле и нет-нет да и показывал себя главным среди почетных степняков.

Сказал долговязый Кадырберген:

- Объявили мастера, что в городе должно быть двое ворот. Одни открываются на север, другие на юг. В одни входят караваны из Хивинского ханства, в другие из русского или из казахского. А если входят, то и выйти должны. Кое-что оставят у нас, кое-что возьмут и отправятся дальше в Хиву или к Жанадарье.

Слушали старики и дивились разумности того, что произносил Кадырберген. Оказывается, долговязому степняку многое виднее и все понятнее, чем остальным степнякам. Правда, о том, что караван в одни ворота входит, а из других выходит, и они догадывались, но догадка-то его была не просто догадкой, - за ней следовала та самая мудрость, которая всех удивила и обрадовала.

- Где делает привал караванщик?- спросил Кадырберген у стариков и сам ответил: - На половине пути. И верблюд устает, и караванбаши устает. Значит, милые мои, город с двумя воротами должен стоять посредине, между Хивой и Жанадарьей.

Нет, этот неполноправный бий, долговязый Кадырберген, в самом деле хорошо все видел. Напрасно не сделал его своим советником хан Елтузер-инах. Сделал бы, не помер бы так рано и не оставил бы после себя казну пустой.

- А где находится половина пути между Хивой и Жанадарьей?- снова спросил стариков Кадырберген и снова за них ответил:- В нашем ауле. В том самом месте, где мы с вами сидим.

- Ха! -воскликнули седобородые. - Ведь верно, наш аул - это пуповина каракалпакской земли. Сам бог избрал подножие холма для аула Айдоса. Пусть город встанет на месте юрт и мазанок.

Айдос тоже воскликнул:

- Ха!

Ему-то город мнился иногда именно на этом месте, у своенравного Кок-Узяка, злого по весне и доброго по осени, подле холма, с которого видна вся степь чуть ли не до самого Арала.

Осталось сказать «Ха!» зодчим. Если не всем четверем, то хотя бы одному - старшему. И он, наверное, сказал бы, да высокая ученость не позволила ему так по-простецки повторить вслед за неучеными слово одобрения. Он должен был посмотреть аул и подумать. Посмотреть не как гость, а как зодчий.

Он поднялся с ковра и пошел к выходу.

- Желание почтенных аульчан ценно, как золото, но истинность золота определяет ювелир, - сказал он.~ Глянем на землю, которая должна принять камень городских стен.

Старики поспешили вслед за старшим зодчим на склон холма и здесь остановились, молчаливые и торжественные. Им хотелось услышать подтверждение тому, что сказано было Кадырбергенем. Услышать то самое «Ха!», без которого не положат зодчие на землю камень. И немножко боязно было: а вдруг непригодна их земля родная для возведения на ней дворцов и мечетей, для великих строений не предназначена?

Не сразу покинула седобородых тревога. Долго думал старший зодчий. Мысль его текла, как песок с бархана, потревоженный легким ветром: то тронется, то замрет. Видно, мастера, создающие все на тысячу лет, и в думах не умели торопиться.

Не выдержал Айдос, сказал, горячась:

- Вон та поляна будто создана для ступеней дворца. По ней легко восходить к резным дверям ханских покоев. А на той высоте минарет будет виден из всех далей нашей земли. Голос азанчи услышат и в ауле Мыржыка, и в ауле Мамана. Рядом с минаретом встанет медресе, и через год-другой выйдут из его келий просвещенные пастыри нашего народа и понесут в степь славу и мудрость великого пророка.

Айдос двигал рукой то в одну, то в другую сторону, будто пускал стрелы, и они летели и падали там, где должны были возникнуть дома, рынок, караван-сарай. Он строил город, как делал это в бессонную ночь, и строил торопливо, радостно. Перед глазами аульчан возникали стены, улицы, арыки, хаузы. И не только перед глазами аульчан...

- Земля эта примет камни стен, - сказал старший зодчий, но сказал так, будто собирался строить не дворец, а загон для скота, будто отвешивал на весах не халву, а обыкновенный песок.

Ну да как сказал, так сказал. Признал землю каракалпакскую пригодной для создания на ней города, а это главное. Ученые люди, видно, всегда говорят о прекрасном скучным голосом.

- Да благословит вас всевышний на великий труд! - произнес проникновенно Айдос-бий. - Пусть каждый камень на этой земле лежит тысячу лет! Пусть буря не покачает его, а дождь не размочит! Положим сегодня этот камень, как вы прикажете, усто, и тем начнем дело, угодное богу.

Айдос сотворил омовение, и вслед за ним сотворили то же и остальные.

Старший зодчий сказал:

- Прежде чем класть камень, нужно очертить границу города. Для этого достаньте тысячу кулашей веревки и пятьсот кольев. Нарубите их высотой в два локтя, шириной в пол-ладони.

Напугались аульчане. Если для обмера только требуется тысяча кулашей веревок - а кулаш это не шаг воробья и не размах его крыльев, это размах рук человеческих, - то сколько понадобится камней? Тысячу тысяч. Боже праведный!

Однако делать нечего. Взялись строить город, о ногах и о спине не думай.

- Веревка и колья будут завтра, - пообещал Айдос. - Камень же первый надо положить сегодня. Великий мастер, глазом прикиньте место и укажите перстом: здесь!

Зодчий улыбнулся. Наивным показалось ему желание бия. Колдовское было что-то в этой почти детской затее. Вроде ворожил бий на песке: будет или не будет город. Положат камень сейчас, значит, будет. Хочет увидеть цитадель сейчас. Глаза его горят какой-то неземной страстью, радостью ожидания горят. Умрет, если не положат камень. Так пусть положат.

Старший зодчий протянул руку и показал на тропу, что вела из аула на тырло Доспаново. Здесь должны были стать южные ворота, Хивинские ворота. Зодчий вкладывал в свое решение особенный смысл. К Хиве, владычице этих земель, обращались створки будущих ворот, и камень говорил об этом.

Не угадали мысль зодчего старики, не угадал этого и сам Айдос. Ему необходимо было место для камня, а какое оно и куда глядит - не интересовало вовсе.

На склоне холма лежал огромный валун. Десятки рук ухватились за него, столкнули с места и покатали вниз. Воинственными возгласами сопровождали старики этот спуск, будто не город закладывать собирались, а шли в наступление против невидимого противника.

Камню не давали остановиться. И когда склон кончился и легло впереди ровное место, камень все равно катился и катился.

- Здесь?- спросил зодчего Айдос.

Зодчие стояли на холме и наблюдали с веселыми улыбками за игрой бия. Затея с камнем казалась им всего лишь детской игрой взрослых степняков.

- Здесь, - ответил старший.

- Притопчите траву! - приказал степнякам Айдос. - А лучше вырвите ее с корнем.

Старики бросились выполнять распоряжение старшего бия. В какие-то минуты было очищено место шириной в два кулаша и длиной в три кулаша. Траву сложили стожком у обочины тропы: пройдет вечером скот, полакомится.

- Да благословит нас бог! - сказал Айдос. Старики снова ухватились за камень. Перекатили

его на очищенное от травы место и, покрутив, установили так, как велел старший бий: узким краем на юг, широким на север.

- Кол дайте! - потребовал Айдос.

Кола не было. Не было обычной палки, которая сгодилась бы для дела.

- Принеси свой посох! - обратился Айдос к стремянному. Знал старший бий, что хранит Доспан пастуший посох.

Замешкался Доспан. Не хотелось ему расставаться с тем, что было дорого сердцу.

- Неси!

Побежал Доспан в свою мазанку и через какую-то минуту вернулся с посохом.

- Втыкай рядом с камнем!

Воткнул Доспан посох в землю. Не без труда воткнул: земля-то у тропы твердая, прибитая копытами. Но приняла все же она посох пастуший: чувствовала, что не простои это посох, что суждено ему стать отметиной великого дела.

Айдос снял с себя поясной платок, развернул, привязал уголком к посоху, и ветер тотчас подхватил цветной шелк, заиграл с ним, как с крылом птицы. И весело вился он над степью.

Всего лишь камень положил Айдос на краю своего аула, и стук-то камня был негромок, но степь этот стук услышала и заволновалась:

- Айдос строит город каракалпаков. Удивились степняки: ханство, что ли, будет? Слова,

оказывается, не просто произносились Айдосом. За ними дело началось - и какое дело! - невиданное.

Прежде чем долететь до дальних аулов, новость заглянула в Кунград, в ханский город Туремурата-суфи. И заглянула странным образом - из Хивы.

В этот день в Кунграде был базар. По пятницам там всегда собирался торговый люд из ближних аулов и кишлаков. Везли в Кунград всякую всячину. Народу собиралось тьма-тьмушая, не протолкаться ни пешему, ни конному. Уважаемый человек пускал впереди себя толкальчиков, которые, сидя на ослах или лошадях, пробивали хозяину дорогу криками: «Берегись! Берегись!» И не только криками - мордами ослов и лошадей, кулаками, если надо - плетью тяжелой расчищали путь.

Сквозь такую толпу и с такими же криками пробиралась свита Туремурата-суфи к городским воротам. Толкальчиков у него было больше, чем у самого знатного кунградца. Он ведь считал себя ханом, а хан не хан, если впереди и сзади его меньше тридцати сопровождающих. Эти тридцать джигитов хором орали: «Берегись!»- и хлопали зазевавшихся кунградцев плетками по головам.

- Дорогу хану!

- Дорогу великому суфи.

В белоснежной чалме, как и подобает воину ислама, на белом коне, как и подобает правителю города, Туре-мурат плыл над толпой, и она шарахалась в разные стороны, уступая дорогу мудрейшему из мудрых, могущественнейшему из могущественных. Так именовался теперь правитель Кунграда.

За воротами базарного люда поубавилось, а аскеров - вооруженных джигитов - прибавилось. Они сновали по дороге, осматривали идущих в город, дознавались, откуда те прибыли и какой товар несут. После нападения на Кунград хивинского войска Туремурат-суфи утроил бдительность. Всех, кто появлялся у стен города, обыскивали, допрашивали и, если путник вызывал подозрение, сажали в зиндан. Боялся суфи лазутчиков Мухаммед Рахим-хана. Боялся нового нашествия хивинцев.

Вдоль дороги, через каждую тысячу шагов, стояли двое-трое стражников. Их кони паслись рядом. И если случалась опасность, один

из стражников вскакивал тогда в седло и неся в город поднимать тревогу.

Туремурат-суфи лично проверял посты, выезжая утром на дорогу, ведущую к Хиве. Во время таких поездок правитель знакомился и с ходом военных занятий. В трех верстах от Кунграда Бегис готовил джигитов к будущим сражениям. Война-то должна была вот-вот начаться. Не успокоился хивинский хан на том, что разорил Кунград и заставил суфи прятаться в дальних степных аулах. Жив был Туремурат, а живой враг и из пепла восстанет. Значит, надо убить его.

Первый же пост объявил правителю, что ночью джигиты задержали человека, скакавшего в Кунград, и нашли у него в хурджуне камышинку, заклеенную с двух сторон тыквенной корой. Что внутри камышинки, стражники не знали, но думали, что она не пуста.

Туремурат-суфи разломал камышинку и убедился, что она действительно не пуста. В камышинку был вложен листок бумаги, исписанный сверху донизу мелкими буквами.

Написано на бумаге было вот что:

«Душа моя, Туремурат!

Тревога, которая должна родиться в твоём сердце при виде этого письма, пусть уляжется. Не с черной мыслью я обращаюсь к тебе, а с светлой. Не грозит тебе опасность со стороны Хивы. Хан собирается в поход, только не на Кунград, а на каракалпакские и казахские аулы. Хочет усмирить их и переселить на эту сторону горы Борши, сделать дикие табуны степняков, грызущихся между собой, покорными, накинуть на них узду. Взнузданный конь, сам знаешь, удобен и в упряжке, и под седлом. С этой целью решил хан поставить город между Хивой и Жанадарьей как защиту от северных недругов Хорезма. Город уже заложен и назван именем Айдоса - Айдос-кала. Станет этот город и защитой от тебя, дорогой Туремурат. Видит хан, что ты собираешь вокруг себя этих безродных и беспутных степных коней, ханство создаешь степное, и спешит опередить тебя. Не дай осуществиться этому. Будь первым. Кто выступает первым, того надо догонять. Конь же твой резв, душа моя, нет ему равного на всей земле междуречья, отпусти повод, дай ему волю.

Приснился мне сон, душа моя. На вершине могучей чинары сидел ты в парчовом халате победителя. Под твоими ногами распластался мир с его степями, морями, реками, с его городами, аулами, с его

дворцами, мечетями. И мне было радостно за тебя, твое величие наполнило мое сердце гордостью. Находиться у ног великого брата - счастье.

Дай сбыться этому сну, душа моя. Поторопи коня удачи своей, зажги звезду счастья!

Твой брат по крови Ходжамурат».

Суфи прочел письмо, свернул его и спрятал за поясной платок.

- Кто видел эту бумагу?- спросил он стражников. Их было двое: один тощий и чернолицый, будто его неделю держали над дымным костром; второй - тоже темнолицый; но его, должно быть, держали всего один день, и лицо не успело как следует почернеть.

- Я не видел, - ответил чернолицый. - Клянусь. Он приложил острие копья ко лбу и тем выразил свою готовность принять смерть, если слова его окажутся лживыми.

- И я не видел, - поклялся второй стражник. - А увидел бы, так не прочел. Меня выгнали из школы за то, что «алиф»- первую букву алфавита - назвал палочкой.

Туремурат-суфи поднял глаза к небу, спрашивая совета бога: верить или не верить стражникам? Всевышний всегда охотно откликнулся на просьбу суфи и сейчас торопливо откликнулся. Но сам суфи не торопился с ответом. Ему нужно было, чтобы слуги его и слуги всевышнего видели, сколь трудна и сколь торжественна встреча с богом и как высок их правитель, поднимающийся мыслью до божьей обители.

- А где человек, доставивший письмо?- спросил Туремурат-суфи стражников, когда разговор с богом окончился и взгляд правителя вернулся на землю. - Где конь его?

- Конь пасется, а человек лежит в кустах связанный.

- Развяжите, посадите на коня и отправьте туда, откуда явился. Скажите: правитель Кунграда благодарит его за добрую весть и жертвует золотой. - Суфи вынул из поясного платка монету и бросил на дорогу. Монета подпрыгнула несколько раз, прежде чем чернолицый накрыл ее рукой и поднял. - Голова утаившего мой подарок гонца покатится по земле так же, как эта монета, - строго предупредил суфи и погнал коня в долину, где шли военные учения.

Издали, уже видел он, как по широкой поляне носятся его нукеры, как рубят лозу, воткнутую в землю. Рубить учил их Бегис. С обнаженной саблей он гарцевал на иноходце и время от времени подлетал к лозе, срезал ее одним взмахом, показывая джигитам и свое умение, и свою ловкость. В числе нукеров был Мыржык. Его сразу узнал суфи по могучим плечам и высокому росту. Узнал, но не обрадовался. Подумал с досадой: «Прибыл, а меня не навестил. Не показал себя благодетелю своему, не поклонился до земли, не поцеловал полу халата моего. Счастье-то свое получил из моих рук, той-то сыграл на мои деньги!»

Досада еще горше стала, когда от отряда нукеров отделился один лишь Бегис и поскакал навстречу суфи. Мыржык будто не увидел правителя: как был в общей цепи, так и остался, не тронул повод, не показал своего желания погнать коня вслед за братом.

«Безумец! - мысленно обругал Мыржыка суфи. - Тебе ли восставать против меня! Петушок! Если и клюнешь, то только сапог мой. Сапогом я тебя и придавлю».

Мысль была обидчива, зла была мысль, но лицо суфи озарилось приветливой улыбкой. В глазах - смирение и доброта!

- Ангел мой! - произнес он, когда подъехал к нему на горячем коне Бегис. - Успешно ли идут учения? Старательны ли джигиты?

- Успешно, великий суфи! - ответил Бегис и приложил ладонь к сердцу. Так приветствовали в Кунграде старших по положению и возрасту. - Джигиты достигли умения беркута бросаться на добычу и разить ее одним ударом.

- Беркуты! - покачал одобрительно головой суфи. - Это хорошо, ангел мой. Беркуты могут высоко летать, быстро летать.

- И далеко, - добавил довольный Бегис.

- Далеко пока не надо, - усмехнулся Туремурат-суфи. - Город Айдоса в одном дне пути от нас.

- Я не ослышался, великий правитель, город Айдоса?

- Не ослышался, ангел мой. В степи заложен город Айдоса-кала.

Бегис всплеснул удивленно руками:

- Боже праведный, небо видело все это и не обрушило на дерзких строителей гром и молнии, не испепелило город огнем!

Ты слишком нетерпелив, ангел мой. Все, что должно было сделать небо, всевышний повелел сделать нам с тобой.

- Мы готовы. Ничто не устоит перед смелостью моих джигитов. Прикажи, великий воитель, за веру беркуты полетят на Айдос-калу и разгромят ее. Головы врагов сложим у ног твоих.

Суфи сделал печальное лицо, как бы сожалел о том, что именно ему придется принимать решение о походе против Айдоса и именно ему уготована тяжелая роль судьи чужих судеб. Головы опять-таки покатытся к его не прикоснувшимся к крови живого существа ногам.

- Что велено богом, то должен исполнить раб его, - оправдывая не сотворенное еще, произнес скорбно суфи. - А мы - рабы божьи.

- Дело, угодное богу, свято, мой повелитель! - согласился Бегис. Сожаления или грусти в голосе его не было. Войну с братом он не считал позорной или несправедливой. Ненависть заглушала все.

Суфи, однако, счел нужным доиграть до конца роль скорбящего. И когда время игры истекло, он спросил Бегис уже другим тоном:

- Вижу в рядах нукеров ангела моего, Мыржыка. Раскрывает ли он силу свою и храбрость, учась воинскому делу?

- Раскрывает, великий суфи. Он самый выносливый, самый старательный, самый сильный.

- Сможет ли он положить голову врага своего к ногам моим?

Хитроумен был в плетении узоров словесных суфи. Не всякий и не сразу мог уловить суть. Бегис же уловил сразу. А уловив, опешил. Не простого врага имел в виду правитель - Айдоса! И голову-то его должен был положить к ногам кунградца Мыржык, любимец Айдоса.

Опешить-то опешил Бегис, но тянуть с ответом нельзя было. Молчащий думает. А если думает, значит, колеблется. И он сказал:

- Положит.

Посмотрел суфи в глаза военачальнику своему: правдив ли? Знал, что самый лютей враг - это враг единоутробный, враг до последнего издыхания. Только враг ли Айдосу Мыржык? Есть ли из-за чего враждовать им? Бегису надобен «трон» старшего брата. А Мыржыку что? Ни в ханы, ни в военачальники он не годен. Ему ковер борца всего лишь нужен, и то пока молод. Потом затяжелеет, заленится, в обнимку с котлом дни проводить станет, от масла и сала губы не ототрет.

Верить Бегису, однако, надо было. Не поверишь Бегису - не поверишь и Мыржыку. Усомнишься в преданности воина, казнишь его мысленно еще до начала похода, в походе уже не будет нукера - в первом же бою перейдет на сторону врага,

- Похвально, - холодно одобрил сказанное Беги-сом суфи. - Я рад, что у меня такие воины. Не одни ворота крепостей откроют они.

Туремурат хотел уехать, но помешал степняк, кинувшийся прямо в ноги коня суфи: маленький человечек с большой головой и большими ушами.

- Великий правитель! - взмолился человечек. - Дай мне коня.

Можно было отшвырнуть большеголового носком сапога, можно было раздавить его копытами белого арабского скакуна, но суфи не сделал ни того, ни другого. Догадался: не враг это. Усмехнулся:

- А зачем тебе конь, человек?

- О великий правитель, мне нужен конь, чтобы доскакать до аула Айдоса и взять там девушку.

Редко смеялся суфи, а тут рассмеялся весело. Ты хочешь жениться?

- Каждый человек хочет жениться, великий правитель, - тоже смеясь ответил большеголовый.

У ног арабского скакуна суфи копошилось что-то похожее на длиннорукую обезьяну. Когда она смеялась, огромные зубы, кажется, вылезали изо рта, и видел их лишь суфи.

- Разве в ауле Айдоса есть девушки?- пожал плечами суфи. - Там, наверное, и старух уже не осталось. Все покинули беспутного бия.

- Есть, есть, - замахала своими длинными руками обезьяна. - Айдос согнал в аул девушек со всей степи. Лучших красавиц не сыщешь. Одна краше другой.

- Откуда ты узнал про девушек?- спросил суфи. Бегис вмешался в разговор правителя с большеголовым человечком.

- Это Жандулла-гурре, Осленок, - объяснил он. - Мы посылали его разведать, есть ли в аулах люди Айдоса, не собирает ли джигитов, а он встретил девушек, едущих в главный аул.

- Сколько их?- оживился суфи.

- Должно быть сорок, как в поэме «Кырк кыз», - сказал Бегис.

- Сорок девушек - это богатство, и не малое... - задумался Туремурат-суфи. - Ты хорошую весть принес, Осленок... Будет у тебя конь. Быстрый конь, как птица...

- Благодарю, великий правитель! Благодарю... Губами своими Жандулла Осленок стал целовать ноги коня, а потом потянулся и к полам халата суфи. Тот брезгливо оттолкнул его:

- Ступай и жди коня...

Почти на четвереньках - настоящая обезьяна! - Жандулла побежал на поляну к стоявшим там цепочкой нукерам.

- Ему надо дать коня, - сказал суфи, когда Жандулла откатился на порядочное расстояние. - Он будет преданным воином.

- У нас не хватает лошадей, правитель, - отклонил повеление суфи Бегис. - Половина джигитов пешие. С ними не полетишь ни к далекому, ни к близкому аулу.

- Коней нам дадут девушки, - загадочно произнес суфи.

- Сложность вашей мысли недоступна простому смертному, - заметил с раздражением Бегис. - Поясните, правитель!

- Мы возьмем девушек у Айдоса и привезем в Кунград. Не пугайся, ангел мой. Не о наложницах я думаю, грех правоверному мусульманину расточать силы свои на безумства с юными гуриями. Всякой из них уготовано в жизни свое семейное ложе. Мы лишь получим за девушек калым. Хороший калым. Теперь мысль моя стала доступна тебе, ангел мой?

- Почти.

- Слава аллаху! Сотню быстроногих коней дадут нам прекрасные пери. Сорок девушек - сто коней, неплохо ведь, ангел мой! Скажи, неплохо?

- Неплохо, правитель, - мрачно повторил Бегис. Судьба юных степнячек не радовала его.

- И одного коня ты отдашь этому Жандулле Осленку. Он принес дорогую весть.

- Но Жандулла хотел иметь жену.

- Ха, не смей меня, ангел мой. Нужна ли Осленку женщина!

Суфи повернул своего серого скакуна, желая покинуть место военных учений.

- Доброго пути вам, учитель! - сказал Бегис.

- А вам добрых дел! - ответил суфи. - Не уставайте, ангелы мои!

Вроде бы хорошее говорил братьям Туремурат-суфи, а тепла не почувствовал в его словах Бегис. А если не было в словах тепла, то не было его и в сердце. Добрые слова-то идут от сердца.

- Не устанем в стараниях своих, - заверил суфи Бегис.

- Ты, ангел мой, не устанешь, знаю. Не устанет ли второй ангел мой, Мыржык? Ему и сто шагов, отделяющих нукера от правителя, не под силу оказались.

Хлестнул суфи Мыржыка - и Бегиса хлестнул, не удержался. Неблагодарными оказались братья. Сколько сделал для них суфи, а на щедрость его ответить не смогли. Мыржык даже не поприветствовал правителя, когда тот остановил коня у поляны.

- Молод Мыржык, - попытался оправдать дурной поступок брата Бегис. - Молод и неразумен.

Суфи осуждающе покачал головой:

- Мы терпеливы. Наступит день возмужания, надеемся, ангел мой.

Бегис стыдливо опустил голову, признавая тем свою и Мыржыка вину перед правителем.

Когда Туремурат-суфи отъехал и пыль от копыт его коня и коней телохранителей улеглась, Бегис вернулся к цепи джигитов. Он был зол, и злость горела в его глазах.

- Ленивые бараны! - крикнул он. - В седла! Не щадить ни себя, ни коней! Учиться убивать врага с одного удара сабли! Вперед!

Как вспугнутая стая птиц полетели джигиты к лозяку на краю поляны. Один Мыржык оставался на месте.

- Чего ждешь?- рявкнул на брата Бегис. - Преданностью надо расплачиваться за счастье свое. - И Бегис ударил Мыржыкова коня плетью.

- Стой! - схватил руку брата Мыржык. - Не своего коня хлещешь.

- Здесь все кони суфи. И все люди суфи, - сказал Бегис. - Или забыл, кто подарил тебе и коня, и халат, и саблю? Кто устроил той в честь сына твоего Ерназара... Кто?

- Прикуси язык, Бегис!

- Язык я прикушу, но знай: не у меня ты в долгу, а у правителя.

- Что же, мне теперь в ногах у суфи валяться? - свирепея как загнанный в яму волк, прошипел Мыржык.

- Может, не валяться, а полу его халата целовать надо.

- Ойбой! - ужаснулся Мыржык. - Я и отцу-то полу халата не целовал.

- Отец наш не был ханом, - скривил брезгливо рот Бегис. - А суфи хан, хотя и не названный. Хан кунградского ханства, каракалпакский хан. Наш хан.

- Пусть он трижды хан. Пусть хан, но не мой. Понял?

- Ничтожество! - засмеялся каким-то глумливым смехом Бегис. - Овца в хлеву Айдоса, кошма у порога его юрты, о которую вытирают ноги...

Он хотел еще что-то сказать - гадкое, опоганивающее душу брата, но не посмел. Мыржык схватился за рукоять сабли и рванул ее из ножен.

- Убить решил?- с вызовом спросил Бегис брата. - Убей! Хотя не меня надо было бы убить, а того, кто держал тебя в хлеву, кто вытирал сапоги о твой халат.

Мыржык вдвинул саблю обратно в ножны, ударил пятками коня и погнал его прочь с поляны. На дороге уже Бегис догнал брата:

- погоди, Мыржык!

Коня своего не придержал младший брат. Ехал, как прежде, ровным шагом.

- Мы выбрали дорогу суфи, и поздно с нее свора чивать, да и нет у нас другой дороги...

Мыржык молчал. Гнев еще не угас в нем. Что бы ни говорил старший брат, все отвергалось сердцем юного бия.

- Рядом с суфи, - продолжил Бегис, - человек вырастает. Он не заслоняет его от солнца, не угнетает своей тенью. Я военачальник, ты станешь еликбаши - пятидесятником. Закончится поход, и в ханстве суфи мы будем первыми людьми.

- Какой поход?- сорвалось с языка Мыржыка. Бегис сразу ухватился за слово, оброненное братом:

- Поход в степь Кунград объединит всех каракалпаков. Наш народ обретет единство и счастье. Но наш долг помочь суфи в этом великом деле.

- А как же каракалпакское ханство Айдоса? Он уже и город строит, и имя ему дал?- спросил Мыржык.

Бегис потянул повод и заставил своего коня приблизиться к коню Мыржыка. Нога к ноге ехали они теперь. Наклонясь к уху брата, Бегис зашептал:

- Джигиты разнесут Айдос-калу, пепел останется от проклятого богом города. А головы его защитников бросят к ногам суфи.

С испугом посмотрел на брата Мыржык: в своем ли тот уме? Айдос-кала - место, где они оба родились. Защитники его - друзья их детства. Над головами близких людей заносит меч Бегис. Кровь прольется братская.

- И голову Айдоса?- дрожащими от волнения губами спросил Мыржык.

- И голову Айдоса, - со злорадством ответил Бегис.

Бог праведный! Сжалось страхом и болью сердце Мыржыка. Убить брата! Это ли завещал им отец, когда покидал их, отправляясь в иной мир!

- Голову Айдоса... - повторил Мыржык, все еще не веря словам Бегиса.

- Да... И бросишь ее к ногам суфи ты...

- Нет! - чуть не закричал Мыржык.

Бегис положил ладонь на рукоять Мыржыковой сабли:

- И этой вот саблей.

Мыржык отбросил ладонь. Нервно, торопливо отбросил - чужой, ненавистной была она ему:

- Я не слышал твоих слов, Бегис. Так я повторю.

- Не надо.

Мыржык дернул повод, заставляя коня своего отойти к обочине, и сказал:

- Расстанемся здесь, Бегис...

Конь его, будто чуя недоброе, тронул рысью, понес хозяина в степь. Не к Кунграду, а к аулу Мыржыка.

- Расстанемся, чтобы встретиться?- крикнул вдогонку Бегис.

Не сразу ответил Мыржык, лишь спустя время, когда конь унес его шагов на сто и дорога, и сама поляна остались позади:

- Как скажет бог...

Первый камень в основание городской стены степняки клали, радуясь и торжествуя. И второй, и третий камни легли под веселые возгласы: «Тысячу лет городу Айдоса!» А вот камень десятый и сотый уже не радовал степняков. Тяжелыми становились они, и счет их оказался бесконечен. Проку же от них, казалось, не было никакого. Не просо это, не пшеница. Не даст камень зеленого ростка, не поднимет стебель, не нальет колоса. По осени не соберешь урожай, не насытишь желудок.

А настоящие семена проса и пшеницы, дыни и тыквы лежали в юрте, ждали, когда их бросят в рыхлую землю. Ждали заботливой руки хозяина, а хозяин на городской стене, и руки его укладывают камни в стену.

Бросили бы бесполезное дело степняки, пошли бы в поле - там весеннее солнце и весенний ветер. А не пускает в поле степняков Айдос, гонит мужчин на городскую стену. Гонит и словом, и плетью.

Этим же словом и этой же плетью собирает налог хану. Говорит: «Выполнил обещание правитель Хивы - заложил город каракалпаков, выполним и мы обещанное - уплатим хану две тысячи золотых». А две тысячи тилля - это четыре тысячи коров и восемь тысяч овец, потому на золотой можно купить две коровы и четырех овец. Это река пота и слез. Стоит ли город всего этого? Ой не стоит! Да и кому нужен город? Одному Айдосу. А коровы и овцы всем нужны. Степняк без скота - это не степняк, это трава без корней: сохнет под солнцем, катится под ветром. Аул-то настоящий узнают по дыму очагов, по мычанию коров. Чем громче мычанье, тем богаче аул.

Мало Айдосу двух тысяч тилля, собирает еще и девушек - сорок юных красавиц. Будто научить хочет их какому-то ремеслу. Только не обманешь степняков. Для ремесла не красота глаз нужна и не гибкость стана, а зоркость глаз и проворность рук. Ткать ковер, вышивать по шелку может и косая, и горбатая. А тут тянут на аркане стройных и яснооких, луноликих тянут, красота которых соперничает с красотой звезд.

Пытались степняки усостыжить бия: «Отдавая самое дорогое Хиве, не бросаем ли и честь свою под копыта ханского коня? Затопчет он ее».

- Плоть затопчешь, душу не затопчешь, - отвечал Айдос. - А самое дорогое у степняка - душа. Душа наша - вместилище чести.

И еще говорил Айдос:

Честь надо беречь. Обещанное человеку ли, богу ли исполняй как молитву. Немолящийся творит грех несмыываемый.

Предостерегал Айдос степняков от свершения греха - требовал выполнения обещанного. А обещанное было или не было, кто знал. Обещание за степняков давал Айдос, выполнять же должны были аульчане. Иногда и сами, не подумав, открывали рты, бросали слово, равное клятве. Думали, подхватит его ветер, унесет в степь, сгинет слово, как былинка сухая, да не пропадало слово - оказывалось оно в хурджуна бия; умел он ловить сказанное, умел прятать, и, когда приходило время, вынимал его из хурджуна памяти и показывал степняку.

Так вышло с Гулиббетом, считающим просо. Согласился отдать дочь свою Першигуль за сына Али, а не отдал. Считал слово легким,

снежинкой считал. Минет зима, наступит весна, растает снежинка, незачем будет везти дочь в аул Айдоса. Айдос же камешком посчитал слово. Положил в свой хурджун. Поднялось вечернее солнце, зазеленела степь, напомнил Айдос Гулимбету о данном слове. Не тихо - громко напомнил. Так громко, что зазвенело в ушах Гулимбет- соксанара. Посадил он Першигуль за седло и поскакал в аул Айдоса.

- Вот дочь моя, - сказал Гулимбет. - За мертвого отдаю.

- Есть в юрте Али и живые, - ответил бий. - Выполняя обещанное, снимаешь грех с души своей.

- Со своей души грех сниму, сниму ли грех с души другого...

Не назвал Гулимбет имени Айдоса.

А зря не назвал, остановил бы беду, что шла за его конем, за Першигуль, в аул Айдоса. Ну да что винить бедного степняка, он стебель просяной в руках жнеца: захочет - срежет, не захочет - оставит жить и расти, наливаясь колосом. Но подумал все же, и то благо. Мудр был бедный степняк.

Уехал Гулимбет, оставив Першигуль в юрте Али. Назвал Али невесту старшего сына невестой младшего сына, тринадцатилетнего Омара.

- Твоим мужем будет, - сказал Али. - Слушай его, исполняй его волю. Дели с ним еду и постель.

Али хотел счастья сыну. Оставил его с молодой женой в юрте, сам со старухой переселился в мазанку, что сделана была еще прошлым летом, когда собрался женить бедного Жалия.

Ушел Али, а беда, что шла за конем Гулимбета, за Першигуль шла, заняла его место в юрте.

Весна уже допевала свои последние песни в степи. Они всегда безумные, всегда томят душу степняка. Томили они и душу Першигуль. Ехала-то она сюда со сладкой думой о радости женской. Женой хотела стать, матерью. Время пришло испытать счастье любимой, желанной.

Кто знает, почему начинает бродить хмель в юном теле... Однако рано начинает он бродить, и нелегко совладать юной степнячке с ним. Мучается она, безумеет.

Першигуль-то и так задержалась в невестах, а тут весна с ее дурманными ветрами, тут играет дьявол, что сидит в сердце каждой степнячки и ждет не дождется часа своего. Час-то этот - вечер звездный, темная степь, тяжелый полог, закрывающий вход в юрту. Терпкий запах трав отцветающих.

Омару всего тринадцать лет. Не видит он звезд на небе, не слышит шелеста любовного ночи, не чует запаха отцветающих трав. Ничего не видит, ничего не слышит. Спит Омар, как дитя, раскинув руки и сладко причмокивая губами. Ребенок, не мужчина. Ему не ласкать жадно груди женщины, а пить из них молоко материнское.

Мучилась всю ночь Першигуль, металась на курпаче прохладной, как на горячем песке, ящерицей извивалась - жгла ее тьма, душил бес желаний.

Утром Омар встал свежий и веселый, Першигуль -усталая и злая. С ненавистью глядела на мужа. Глаза так и жгли Омара, испепелить готовы были глупого мальчишку.

Али зашел в юрту, чтобы поприветствовать молодых, пожелать им доброго дня, а не смог сделать ни того, ни другого. Ненавистный взгляд невестки остановил его. Он все понял и, опустив полог, вернулся в свою мазанку.

- Старая, - сказал Али жене, - рано Айдос сосватал нашему сыну Першигуль. Мал несмышленьш Омар.

- Ха, - засмеялась жена. - Все были малыми и несмышленьшами. Подрастет - поумнеет.

- Станет ли ждать Першигуль, когда подрастет и поумнеет Омар... В полном цвету она. Не сотворила бы греха какого, не опозорила дом наш.

- Что же, отпустить ее, что ли?- махнула рукой жена. - Калым-то заплачен, бык счастья и богатства у Гулимбета.

- Эх, этот бык счастья и богатства не приносит никому ни счастья, ни богатства, - вздохнул Али.

- Раньше времени надеваешь на себя чапан печали, - покачала головой жена. - Поторопи Омара, чтобы рос и умнел быстрее. Пусть Перишгуль научит его чему надо...

«Что ж, неглупый совет», - решил Али и вышел во двор поговорить с сыном.

Омар в это время чистил загон скотский. Чистил с удовольствием. Любил мальчик возиться с лопатой и метлой: после смерти брата старшего хозяйство-то все теперь было на нем.

- Сынок, - тихо окликнул мальчика Али. - Сынок мой единственный!

- Что, отец?

- Где Першигуль?

- В юрте.

Грустная она что-то сегодня. Не обидел ли ты ее чем-либо?

- Нет, не обидел, отец. Я и словом с ней еще не обмолвился.

- Не обмолвился... - задумался Али. - Хорошо ли молчать, когда рядом жена? Может, нужно что ей...

- Коли нужно, пусть спросит. Язык-то у нее есть. В своем ауле, говорят, она рта не закрывала, стрекотала целый день как сорока.

- А у нас молчит. С чего бы это, сынок? Омар недоуменно пожал плечами.

- На новом месте все молчат.

- Ночь-то как прошла? Не будил тебя никто?

- Нет. Меня разбудить нелегко, сам знаешь.

- Знаю. А зря беспмятно спишь. Не телок ведь.

- Как умею.

Али наклонился к уху сына и прошептал:

- Скажи Першигуль, пусть разбудит тебя ночью.

- Зачем?- удивился Омар.

- Это она знает.

Посмотрел непонимающе на отца Омар.

- Хорошо, отец. Скажу.

Сказал ли, нет ли Омар Першигуль, чтобы будила его ночью, но сон его был прерван в самый сладкий момент, когда припухшие губы его открылись и в юрте раздался тихий храп.

- Омар! - взволнованно и нетерпеливо прошептала Першигуль. - Проснись, Омар!

Нелегко было разбудить мальчишку. Крепко держал его в своих цепких лапах сон. Не то что слово, шепотом произнесенное, гром оглушительный не заставил бы Омара проснуться. Однако Першигуль была настойчива.

- Омар! - уже громко произнесла она. - Омар! Рука ее ухватила плечо Омара, а была рука Першигуль крепкой: если тронет - синяк останется. Ухватила и принялась трясти, словно дерево, на котором созрели плоды шелковицы.

- О-ох! - застонал Омар, вырываясь с трудом из объятий сна.

- Проснись же, Омар.

- Ну, проснулся. Что тебе?- спросил Омар, все еще борясь со сном. Без желания борясь, по понуждению лишь.

- Велел разбудить тебя ночью...

- Велел, - вспомнил Омар.

- Вот и разбудила.

- А зачем?- Он сладко зевнул, ожидая, что скажет ему Першигуль.

- Разве отец не сказал тебе - зачем?

- Нет. Ты будишь, ты и должна знать.

Растерянная, она посмотрела на мужа. В неверном свете звезд, что пробивался сквозь обнаженный каркас юрты, вырисовывалось его сонное лицо, спокойное, как у младенца. Дрема снова уводила его в свое царство.

Заплакала Першигуль.

Поняла, что ожидания ее напрасными были, что ночь, эта ли, другая ли, не принесет ей радости. Не станет она матерью в юрте Омара, счастья женского не узнает.

Ночь весенняя не больно коротка. Сколько слез надо уронить на подушку постылую, прежде чем погаснет последняя звезда! А последняя звезда, как известно, Зухра, звезда любви, она вовсе не гаснет, сверкает в лучах восходящего солнца, встречает день. До самого дня и проплакала Першигуль.

Плачущую ее и увидел Али, заглянувший в юрту, чтобы поприветствовать молодых. Слезы лучше слов все сказали свекру. Мрачнее вчерашнего вернулся он в мазанку, печальнее вчерашнего сказал жене:

- Не умнеет Омар, не становится телок быком. Махнула равнодушно рукой старая - глупой была жена Али.

- За один-то день и цыпленок не становится петухом. Придет время - закукарекает на весь аул.

Может, и не глупа была старая? Верно ведь говорила... Что один день, что одна ночь! Сотни дней нужны.

Глупо ли, умно ли говорила старая, только не сняла она печали с сердца Али.

- Плачет невестка-то, - сказал он жене.

- Поплачет и перестанет. Слезы ночные к утру высыхают. Да и доля наша женская такая - плакать. Лишь бы муж об этом не ведал. Поговори с Першигуль, пусть побережет покой Омара.

Сама бы сказала это Першигуль, уберегла бы и невестку, и Али от несчастья. А поленилась, что ли, или загордилась, не захотела признанием слабости сына унизить себя перед дочерью непутевого Гулимбет- со-ксанара.

Стал Али искать минуту, чтобы передать Першигуль совет жены. Ночью не войдешь в юрту: не входят степняки в дом молодых после заката солнца, днем невестка хлопотала по хозяйству, крутилась возле Омара. Зачем крутилась - непонятно. Отправил сына как-то в камыши, чтобы нарезал стеблей сухих для очага, так Першигуль пошла следом: то ли думала помочь мужу, то ли собиралась проверить, сонлив ли и днем Омар. Проверила не проверила, в камыши-то никто не заглядывает, но глаза не просушила. Так со слезами и вернулась в аул.

Решил Али выманить невестку из юрты ночью. Спит ведь беспмятно Омар, не услышит ни зова Али, ни слов его, обращенных к Першигуль.

Но не пришлось выманивать. Першигуль сама в полночь вышла из юрты. Вышла и села на брошенное у входа старое бревно, думая о чем-то, ожидая чего-то, зовя мыслью кого-то.

Тихо, чтобы не напугать Першигуль, подошел к бревну Али. Напрасно, однако, он таился. Не напугалась невестка, когда увидела свекра, и не вскрикнула, не кинулась в юрту. Вроде бы знала, что подойдет он к ней, спросит, отчего не спит, отчего слезы роняет.

- Першигуль, - прошептал Али, - хорошо ли женщине проводить ночь не в юрте мужа... Остынет постель-то...

Подняла голову Першигуль, глянула на свекра, и, хоть темно было, понял Али, что взгляд ее был недобрый. Ненавистью горели глаза, и огонь этот почувствовал Али.

- А нет мужа у меня, - ответила невестка.

- Что мелешь, глупая? Мой сын - муж твой. Першигуль зло усмехнулась:

- Ваш сын, да не Омар.

Холодом зимним обдало Али. На что намекала негодница? Вспомнила то, что не дозволено вспоминать. К камню могильному прикоснулась.

- Вырвать бы язык тебе, нет у меня другого сына. Теперь нет, а был. За него сватали меня, за Жалия. Он мой муж.

Да, прикоснулась к могильному камню Першигуль. И не только прикоснулась, опрокинуть решила его, в могилу Жалия заглянуть.

- Опомнись, Першигуль! - взмолился Али. - Что взял бог, того не вернешь.

- Не нужен богу Жалий. Не звал он жениха моего. Вы толкнули Жалия в могилу.

Безумная! Что говорила? Что бросала в лицо Али? Убийцей назвала.

Сжался весь Али, маленьким стал. В мгновение одно в стебель камышовый превратился, закачался от ветра слов невесткиных, вот-вот согнется, упадет наземь.

- Верните мне Жалия! - со слезами кинулась к свекру Першигудь.

Он отстранился от нее, как от прокаженной. И грудь заслонил ладонями, словно невестка могла осквернить его своим прикосновением.

- Ты что?! - прошептал Али. - Как же я верну... В земле Жалий.

- О-о! - застонала Першигудь. - Мертвый дом. Что же делать здесь?

Она стянула с головы жегде и, простоволосая, пошла прочь от юрты, в степь пошла, в темень непроглядную.

- Першигудь! - хотел остановить ее Али. Но негромко, должно быть, окликнул или ветер отнес оклик в другую сторону.

Не услышала невестка, а может, и услышала, да не остановилась. Не нужна была ей просьба свекра. И был ли теперь Али свекром Першигудь? Нет, не был. Ушла она из юрты мужа, разорвала нить, что связывала ее с домом Али. Тонка была, видно, нить эта, паутинка всего лишь.

Утром, когда зажглась заря и поднялись со своих кошм, циновок и курпачей аульчане, Айдос вышел из юрты, чтобы встретить солнце. Каждое утро он встречал солнце, соблюдая этот обычай как закон рода. Ясное утро - ясный день.

Солнце, однако, он не увидел. Увидел женщину, что шла из степи к бийской юрте. Она была простоволоса, жегде, как красная птица, взмахивала крыльями на ее плече.

- Что тебе, женщина?- спросил Айдос, едва дошла она до загона и устало прислонилась к жердям. Подол платья ее был мокр от росы, ноги исхлестаны весенней травой, и сама казалась истерзанной не то усталостью, не то мукой душевной.

- Я Першигудь, - глотая слезы, ответила женщина. - Дочь Гулимбет-соксанара.

Лицо Айдоса стало темным, как туча осенняя.

- Невестка Али, жена Омара, - поправил он женщину. Теперь он узнал в ней Першигудь, и гнев вспыхнул в его душе. Женщина, забывшая имя мужа, достойна лишь осуждения.

- У меня нет свекра, как нет и мужа, - сказала Першигудь.

Он зло взглянул на женщину, и та торопливо закрыла лицо жегде.

- Омар прогнал тебя как беспутную?- спросил Айдос.

- Сама ушла. Не стану я матерью в его постели. Ребенок еще Омар.

- Отданная по закону в жены должна быть в юрте мужа. Лишь он вправе расстаться с женщиной, за которую отдал калым. Она раба его, - объяснил Айдос.

- Законный муж мой Жалий. Юрта его - могила. Что же, мне лечь с ним в землю? Рассуди, бий, где мне быть... на земле или под землей.

Айдос онемел от гнева: женщина посмела давать советы старшему бию, попирала закон, установленный предками.

- Не бий рассудит, а бог.

Он вошел в хлев, где работал Доспан, и сказал джигиту:

- Эта девушка совершила непростительное, она достойна смерти. Уведи ее к берегу Кок-Узяка и убей.

Будто обрушилось вдруг небо на голову Доспана, таким страшным и неожиданным был приказ старшего бия. Испуганными, непонимающими глазами смотрел стремянный на своего повелителя. Можно ли верить сказанному?

- Иди и убей! - повторил Айдос. Приходилось верить. В тумане каком-то, плохо соображая, что делает, Доспан со скребком, которым чистил коня, пошел к двери.

- Нож возьми! - напомнил Айдос. Стремянный вернулся, снял со стены нож, сунул за голенище сапога.

- Не спугни женщину, пообещай проводить в аул Мамана.

Доспан кивнул. Вышел, покачиваясь от дурноты. Ноги не слушались, вялыми стали, будто кровь схлынула.

Он не разобрал поначалу, кто стоит у изгороди. Уже рядом рассмотрел: Першигуль! Та Першигуль, которую зимой видел в юрте Гулимбета. Боже мой! Юную Першигуль надо убить. За что?

Он вспомнил отсветы очага на красивом лице Гу-лимбетовой дочери, пламя в ее глазах, таких удивительных, обжигающих душу своей смелостью. Глянула она тогда на Доспана и заставила смутиться, залиться краской. Радость и надежду какую-то подарила своим взглядом.

Однако убить приказано Першигуль. Такова воля старшего бия.

- Пойдем, - холодно сказал Доспан. Першигуль прижалась к жердям изгороди, будто искала у них защиты.

- Куда?

- Провожу за аул, пока люди еще спят. Нельзя им видеть тебя такую.

Оторвалась нехотя от изгороди Першигуль. Не поверила, что с добрым намерением подошел к ней помощник бия. Что-то страшное, непонятное было в его облике, и эта непонятность пугала, заставляла холодеть сердце. Но она все же повиновалась, пошла за стремянным к берегу Кок-Узяка, к зарослям камыша.

- Как звать-то тебя?- спросила тихо Першигуль.

- Доспаном, - ответил он. Ответил и тут же поругал себя: зачем сказал? Умирая, женщина унесет с собой и имя его. И станет оно известным богу. А бог покарает несчастного Доспана, хоть и не виноват он, и не по своей воле предает смерти юную душу.

- Доспан, - снова тихо произнесла Першигуль, - куда же ты ведешь меня? Аул Мамана в другой стороне.

Аул Мамана, верно, был в другой стороне. Не туда шли они, куда обещал Доспан. Не один, значит, грех брал он на себя, собираясь убить девушку. Ложь - это ведь тоже грех. Его зачтут на небе, отправляя стремянного в преисподнюю. «Пропал я, - подумал Доспан. - И так виноват, и этак виноват. Против бога не пойдешь, и против бия не пойдешь. Казнит меня бий за неповиновение».

- Мы пройдем вдоль берега Кок-Узяка и свернем к Маманову аулу, - опять солгал Доспан.

Она почуяла ложь, но не остановилась и не замедлила шага. Говорят же: обреченный на смерть заяц выбегает на дорогу. Навстречу смерти шла и Першигуль, шла, не противясь.

Они выбрались на дамбу и остановились. Над головой было пламенеющее заревом небо, под ногами тихая вода, розовая, словно окрашенная кровью. Все напоминало о смерти.

Доспан подумал: «Не пролью ее кровь. Столкну в воду. Утонет, значит, так угодно судьбе, выплывет -так угодно богу».

Он посмотрел на Першигуль, и решимость его исчезла. «За что лишать ее жизни? Красива, молода, здорова. Отец такую невестку хотел иметь. Коня на скаку остановит, аркан не хуже джигита накинёт на быка. В седле не дрогнет, не покачнется».

Поняла Першигуль, что сомнения закралась в душу Доспана, и сказала:

- Зря водишь меня вокруг аула. Если велено тебе убить меня, не дожидайся дня: при солнце я стану еще красивой.

- Молчи, Першигуль! - робко остановил ее Доспан. - Ты сотворила непрощаемое, и нет тебе места на земле...

- А где же мое место?

- Не знаю. Может, на небе...

- Если бий прогоняет меня с земли, значит, и бог прогонит с неба. Не убивай меня, Доспан!

- Я не волен решать твою судьбу. Бий решил. Ему одному ведомо, где быть нарушительнице закона степи. Раб лишь выполняет волю господина.

Першигуль стянула с плеча жегде и протянула До- спану:

- Возьми платок и отдай старшему бию. Доспан протестующе поднял руку:

- Зачем?

- Скажешь, что убил меня. Платок-то с живой степнячки не снимают, только с мертвой.

- А ты?

- Я уйду. Уйду куда глаза глядят. Приютят меня если не туркмены, так казахи, если не казахи, так узбеки. И русские, поди, имеют сердце, не оставят за порогом живого человека... К ним пойду, в русский аул...

- Ты спасешься, а я погибну? Не простит мне бий обмана...

- А не узнает бий о твоём обмане. Мертвой будет считать меня.

- Бий не узнает, а бог?

- Бог простит тебя... Видишь, встает солнце. Оно несет мне жизнь. Небо не хочет видеть Першигуль мертвой... Прощай, Доспан.

Она бросила Доспану платок и сбежала с насыпи.

Опешил стремянный. Не ожидал он такой решимости от девушки. Убить ее не мог, но и отпустить не мог. Как же отпустишь ту, что приговорена бием к смерти. Он вытащил нож из- за голенища и кинулся следом за Першигуль. Напугать ее, что ли, хотел или действительно намеревался все же убить? Но ни того, ни другого не случилось. Споткнулся и рухнул наземь стремянный, на нож рухнул, что держал в руке. Не судьба была, видно, умереть и ему. Нож выскользнул из руки и отскочил в сторону.

Ахнула Першигуль. Почудилось девушке, будто наткнулся Доспан на белое лезвие, сердцем наткнулся. Подбежала к нему, наклонилась над несчастным.

- Астапыралла!

Жив был Доспан. Поднял голову, сказал:

- Не уходи, Першигуль.

Жаль стало Першигуль стремянного. Так жаль, что она опустилась рядом с ним на траву, обняла его голову.

- Нельзя мне остаться, Доспан. Не ты убьешь меня, так другой убьет. Камнями закидают Першигуль аульчане. Ты же сам сказал: нет мне места на земле.

- Сказал. И мне нет теперь места. Уйду к туркменам или казахам.

- Нельзя тебе уйти! Степняка, оставившего родину, называют женщиной. Достойно ли это джигита?

Задумался Доспан. Позор-то хуже смерти. Проклянут его степняки. Бий объявит стремянного изменником. Растопчет мазанку его копытами коней, чтобы и память о нем стерлась.

- Дорога твоя жизнь, Першигуль. Не одна душа погибнет, сохраняя ее, - вздохнул горько Доспан. - Однако живи!

Он отстранил девичью руку, что лежала на его плече: прощался вроде бы с Першигуль. Надо было ей подняться после этого и уйти, а не поднялась.

- Как же ты?- спросила она с грустью и тревогой.

- Не знаю...

- Накажет ведь бий.

- Если угодно богу, то и накажет. А ты иди, Першигуль, пока не поднялось солнце и люди не увидели тебя.

Она не сдвинулась с места. Уже поднялось, Доспан...

Приговорил к смерти Першигуль старший бий, а вины всей не узнал. Половину лишь сотворенного передала бию дочь Гулимбет-соксанара. Вторая половина осталась у Али. Добыть вторую и решил Айдос. Сел на коня и поехал к юрте своего бывшего помощника.

Подъехал, окликнул хозяина. Вышла из мазанки жена его. Склонилась перед бием, сказала:

- Нет Али. Еще ночью ушел из дома.

- Куда ушел-то?

- В сторону тугаев.

- Сказал зачем?

- Не сказал. Должно быть, за хворостом, веревку с собой взял.

Удивился Айдос: кто же ночью за хворостом ходит! В тугаях ночью тьма непроглядная. Там и днем-то сумерки, ветви солнце заслоняют. Не

за другим ли чем пошел Али ночью в заросли? Страшная мысль мелькнула в голове Айдоса.

- Ночью, говоришь, ушел?

- В полночь, поди... - ответила жена Али. - Пора бы набрать хворосту и вернуться.

«Глупая женщина, - подумал бий. - Хворост ждет. Об очаге ли надо тревожиться?»

Он хлестнул коня и поскакал к зарослям джангиля.

Солнце уже поднималось, и тропа, идущая от аула к тугаям, была хорошо видна. Чистая тропа. Не заметил на ней Айдос ни вязанки хвороста, ни камня, ни потерянного аульчанином беспечным кавуша, ни самого аульчанина не заметил. До самых зарослей пробежал, взглядом бий - пусто.

В стороне от тропы возвышался холмик - могила Жалия. Холмик насыпал сам Айдос и потому хорошо помнил, где могила сына Али и какова она высотой. Сейчас ему показалось, что ниже стоял холмик: то ли дожди весенние прибили землю, то ли сама могила осела. И еще показалось, сдвинут камень с холмика, будто кто-то пытался освободить мертвого.

Недобрым предзнаменованием посчитал Айдос при-мнившееся ему на пути, и, чтобы избавиться от пугающей сердце мысли, он поторопил коня, ударил его и плетью и пятками. Пронес конь бия мимо могилы Жалия, осталась она в стороне, позади осталась, а вот предчувствие недоброе не покинуло Айдоса. С тревожным сердцем влетел он в заросли и тут прямо у тропы увидел то, чего боялся увидеть.

На ветви старого турангиля висел Али. Веревка, которую он взял в мазанке, стянула намертво его шею. Мертвый он казался маленьким и жалким, не похожим на себя.

- Великий бог! - прошептал Айдос. - День мертвых, что ли, нынче...

Он подъехал к Али и тронул его руку. Холодна была рука и тверда, словно тот сук, на котором висел мертвец. Давно, должно быть, простился с жизнью бедный Али. Два ворона с соседнего деревца поглядывали с любопытством на труп, ожидая своего часа.

Айдос вынул нож и перерезал веревку. Труп качнулся, всплеснул руками и упал на траву. Не навзничь упал, а сел вроде сначала, а потом повалился на бок.

«Почему так худ Али? Какой недуг иссушил его? - подумал бий. - Тоска по Жалию, что ли?»

Верно, с того дня, как похоронили Жалия, не находил себе места Али. И чернеть стал с того дня.

Однако почему нынче влез в петлю? Першигуль поторопила или всевышний позвал? О себе не подумал Айдос, не вспомнил, что насильно привел в дом Али дочь Гулиμβета. А что Жалия убил отец из-за старшего бия, не знал. Винил близких и неблизких, себя же обходил.

Слез с коня Айдос и наклонился над мертвым Али. Наклонился и тут заметил рядом с мертвым телом крошечный холмик земли, свежей, не присохшей еще и не примятой. Ночью или перед рассветом, должно быть, насыпан был. И насыпан прямо под веткой турангиля, на которой висел Али.

«С могилы Жалия, верно, - решил бий. - Не померещилось мне, что могила осела и камень сдвинут... Умереть хотел, бедняга, рядом с сыном, засыпать себя той же землей. Да мертвыми руками как засыплешь!»

Муторно стало на душе Айдоса: тайну какую-то, и страшную тайну, почуял он.

«Жизнь и смерть степняков не одной волей бия определена, оказывается, - подумал Айдос. - Рядом со мной делают, что велю, вдали от меня - что велит душа».

Он поднял тело Али, перекинул через седло, взял за повод коня и повел его в степь, к могиле Жалия.

Ни Доспан, ни Першигуль не заметили, как подъехал старший бий. Конь Айдоса стоял над ними.

- Несчастные! - сказал бий. - Вы оба достойны смерти.

Першигуль замерла, и глаза ее уставились на бия: смелость и решительность горели в ее взгляде. Она готова была принять смерть.

Доспан схватил ее за руку и бросил под копыта бие-ва коня, а сам пал ниц.

- Благослови нас, великий бий! - прошептал он. - Першигуль жена моя.

- Вместо смерти благословение?- покачал головой бий. - Грешников может простить только небо.

- Небо простило нас, - сказал Доспан.

С удивлением посмотрел на Доспана и Першигуль старший бий. С удивлением, потому что не просили они пощады, не плакали, не скребли в отчаянии руками землю. Требовали счастья. Счастья, которое

нужно каждому степняку и которого нет в этом мире. Глупые, юные сердца.

- Если простило небо, небо и благословит вас... Он хотел повернуть коня и уехать прочь. Что другое освободило бы его от тех чувств, которые родились в душе, незнакомых чувств, пугающих своей противоречивостью! И злоба, и нежность перемешались. Долг требовал: убей грешников, пролей кровь нарушителей закона степи, не прощай вероломства. Раб, восставший против господина, должен погибнуть, чтоб неповадно было остальным рабам. Воля бия - лишать жизни или дарить ее степняку. Доспан же самовольно присвоил себе права старшего в роду: ненависть заменил любовью, смерть - жизнью. Перерезать горло такому рабу следует.

Этого требовал закон степи. Сердце же просило другого: пусть живет Доспан - молодой, сильный, смелый. Пусть живет и эта грешница, красавица Першигуль. Пусть будет семья, успех и родятся дети.

И рассудил Айдос: «Если я отниму у них жизнь -возвеличу закон степи, малого добыюсь. Если дарую жизнь - возвеличу старшего бия, себя возвеличу, многого добыюсь».

Доспан помог восторжествовать жизни, сказав:

- Небо далеко, бий близко. Волю неба люди узнают не скоро, волю бия - сразу.

Улыбнулся Айдос. Понравились ему слова стремянного: возвеличивали они старшего бия.

- Встаньте! - сказал он. - Встаньте и поднимите руки.

Доспан и Першигуль поднялись и простерли руки к бию. Счастья просили у него. И Айдос подарил им его, произнеся:

- Пусть дорога вашей жизни будет светлой! Аминь, дети мои!

- Аминь!.. Аминь, отец наш...

Разные ветры дули в спину Мыржыка, и он не знал, какой из них попутный.

Дул ветер со стороны Кунграда, дул со стороны Айдос-калы, из казахского ханства, из аула Орынбая. И были ветры то ласковыми, то злыми, то теплыми, то холодными.

Бегис звал к Туремурату-суфи, справедливейшему из справедливых, благороднейшему из благородных, добрейшему из добрейших.

«Вернись в Кунград, брат мой! - писал Бегис. - Не будь упрямым. Поклонись Туремурату-суфи, поцелуй полу его халата, и он простит тебя. Не считай позором склонить голову перед сильным и мудрым. Вспомни, что сказал тебе однажды Маман: «Мы народ, привыкший к услужению». Верно сказал. Нет у нас другого пути, кроме пути услужения. Не проживем мы и дня, не целуя чужой подол. Попугай дорог не тем, что красив, а тем, что повторяет слова человека. Перенимая мудрость великого суфи, и сами возвеличимся. Возвращайся, брат мой, не рви нити дружбы. Поторопись, пока не оборвалась эта нить. Седлай коня и скачи в Кунград».

Ласковый ветер вроде бы дул из Кунграда, но не грел он Мыржыка. Холодком веяло от слов Бегиса, угроза таилась в них.

Из аула Айдоса ветер нес, как ночной гонец, неожиданности, которые порой удивляли, а порой пугали. Необъяснимым было то, что творилось в Айдос-кале. И мучила эта необъяснимость. Сорок девушек собрал старший брат, закрыл в юрте совета биев. Собрал будто бы для обучения ремеслу, но почему самых красивых выбрал и почему сорок? Сорок красавиц ждал хан хивинский. Роптали степняки, обман чуяли в словах и поступках бия. Недовольны были люди и затеей бийской со строительством города. Строили стены и проклинали Айдоса. Город-то ни к чему степнякам, как ни к чему и День взаимного уважения. Кланяться врагам, потчевать недругов - противно это обычаям степи. Смерть Али тоже не приняли аульчане как проявление воли бога и обвиняли Айдоса, что плохо обошелся со своим верным слугой, не перенес тот несправедливости господской.

Тревогу нес ветер из аула старшего брата. Плохо было людям рядом с Айдосом. А если людям плохо, хорошо ли младшему брату бия? Тоже плохо. Мучился младший брат.

Иными были вести, доходившие до Мыржыка из аула Орынбая. Приняв опеку Бухары, разбойный бий вроде бы угомонился. Перестал беспокоить соседей, дружбу завел с Аманом и казахскими биями, а про кун-градского правителя, кажется, забыл. Не слал ему подарки, приветы даже не слал. Поразился такой перемене разбойного бия Мыржык. Задумался: не затевает ли что Орьябай? Не отыскивает ли

тропу на север? Дружба-то с казахами не проста. Без корысти Орынбай ни перед кем свою лисью шапку не снимет.

Совсем странными были вести из Маманова аула. «Русский бий» отрекся от каракалпакских биев, глупцами и трусами назвал их, предателями великого дела предков. «Забыли завещанное дедами, - сказал он. - А у того, кто ходит с тропы отцов, путь короткий». Сам Маман будто бы собирался встать на эту тропу. Люди грустно покачивали головами, слыша о желании Маман-бия. Не верили в удачу «русского бия».

Но Мыржык поверил и захотел убедиться, верны ли слухи, блуждающие как ветер по степи. Увидеть хотел Мамана, перед тем как тот отправится в сказочный путь к русскому хану.

Погнал своего коня Мыржык к берегам Жанадарьи.

Ветер вроде попутный был или так лишь казалось? Жена-то Мыржыка, умная Кумар, советовала ему ехать в аул кайнаги, к Айдос-бию.

- Все ветры переменчивы, кроме одного, что летит к очагу родителей, - говорила она.

- Очаг моих родителей в другом мире, - ответил Мыржык. - Туда, верно, и надо скакать. Слишком много зла на земле. От зла и ушел Али, накинув на шею аркан.

- Неведомо, от зла человеческого или от добра человеческого ушел Али. Зло не творится в ауле кайнаги.

- Зло ли, добро ли творит Айдос, худо людям под его властью. У него и хорошее оборачивается плохим.

- О мой господин, не будь на свете плохого, не узнали бы люди, что такое хорошее, - заметила Кумар. Ей хотелось как-то обелить перед мужем старшего бия. Поступки Айдоса она всегда одобряла.

- Вот, вкусив плохого, и пойду искать хорошее, - сказал твердо Мыржык. - Может, найду.

Гнал своего коня младший бий, торопил, намереваясь застать Мамана в ауле. Казалось ему: если уйдет он на север, то уйдет, не узнав о мыслях и желаниях Мыржыка.

И застал-таки Мамана. Уже подковали коней «русского бия», наполнили хурджуны подарками, навьючили на верблюдов то, что надо есть и пить в пути.

- Вовремя прибыл, братец! - обрадовался Ма~ ман. - Караван наш невелик, а в гости надо ехать, стуча не четырьмя копытами. Один бий -

один род, два бия - целое племя. Степью всей поедем. Не устал конь твой?

- Не устал, - ответил Мыржык.

- А сам?

- Для джигита сто верст - не дорога.

- Значит, поедешь к казахам искать защиты от недругов наших?

Задумался Мыржык. Не у казахов видел он себя обеспокоенным судьбой степи, не к ним торопился. Мамана-то он считал русским бием, не казахским. Однако казахские юрты стоят к России ближе, чем каракалпакские. И Мыржык согласился:

- Поеду.

Он слез с коня, подошел к Маману, и они обнялись как братья,

- Маман-ага, среди казахов живут русские? - спросил Мыржык, когда хозяин ввел его в юрту, усадил на кошмы и стал потчевать чаем.

- Есть несколько аулов, где стоят мазанки русских. Небогатые мазанки, но с окнами для солнца. Любят русские свет дня.

- Свет дня любят, а соседей любят ли?- поинтересовался у хозяина Мыржык.

- Любят ли, кто знает?.. Живут мирно. В чужой дом без спросу не входят, чужой скот не угоняют, на чужих жен не зарятся.

Мирный народ - это хорошо. Это было по душе Мыржыку: не нападают на соседей русские, на казахов не нападают. Ну а если на казахов не нападают, значит, и на каракалпаков не нападут, степняки ведь. Только непонятно, почему не нападают. Бедно живут, сам хозяин сказал: мазанки у них небогатые.

- Выходит, не как мы эти русские, - заключил Мыржык. - Не завидуют тени другого...

Маман сомневался в том, что русские бескорыстны. Трудно было себе представить народ, который не знает ни зависти, ни ревности. Ангелы на небе и те, поди, обгоняют друг друга, летя на зов божий.

У какого очага нет человека, что не тянул бы к себе горячие угли... Грешна ведь земля...

- Вот как... - огорчился Мыржык. Ему хотелось, чтобы жил где-то народ, чистый в своих помыслах, добрый в своих поступках.

- Однако грех-то, как и навоз коровий, не ко всем пристаёт. К Никифору вот не пристал.

О кузнеце слышал уже Мыржык от того же Мамана. Добрый он человек - видно это. Только доброта-то его в ветхой одежде, и сам он в

путах железных, как конь, шага не сделает по собственной воле. Цепь же от пут в руках купца. Что проку от доброты Никифоровой! За стены мазанки она не выходит.

Те Никифоровы, что в казахских аулах, тоже под купцами живут? - полюбопытствовал Мыржык.

- Нет, те вольные... От хозяев своих в степи наши ушли. Здесь, говорят, дышать легче.

«Вот ведь как, - подумал Мыржык, - им легко дышать в нашей степи, нам в своей - трудно. Странно-устроен этот мир и непонятно».

Но он захотел, однако, понять.

- Что же нам искать? Земля-то наша вольная.

- Вольная для пришлых, - объяснил Маман. - Сами-то мы как перепел в траве: только из-под куста выглянешь, тут и хватит тебя ястреб.

- Ястребов сами одолеть не можем?- спросил с грустью Мыржык.

- Ха, на ястреба нужен не перепел, а беркут. Не вырастают, но рождаются. Родились же у Султангельды три сына, чем не орлы...

- Вырастут еще, - сказал он не совсем уверенно, хотя и с запальчивостью.

- Вырастут, дай бог! - кивнул Маман. - Только пока вырастут беркуты, ястребы всех перепелов переведут. Торопиться поэтому надо, братец мой Мыржык. С рассветом в путь!

- За беркутами, значит?

- За беркутами.

- Что ж, - вздохнул Мыржык. - Пусть наша дорога будет светлой...

30

Не день, не два и не месяц даже готовился старший бий ко Дню взаимного уважения, год почти. Зима миновала, весна пролетела, лето загорелось, и, когда лишь жар августовский стал спадать, решил наконец Айдос на великое дело - объявил по всем аулам время проведения праздника - первую неделю осени.

Степняки думали, обещаниями кончится биева затея. Поговорит, пошумит и успокоится. А вот ошиблись. Разлетелись гонцы по степи и заторопили аульчан.

- День взаимного уважения близится. Имеющие уши, слушайте, имеющие язык, передайте соседу: взойдет три раза солнце, на

четвертый - начнется праздник. Каждый должен встретить его добрыми делами. Доброе дело и есть взаимное уважение.

Переглядывались степняки, слушая гонцов. Что за прихоть бийская? Сроду не требовал никто, кроме бога, добрых дел. Бог по ним душу взвешивал, судил, кого в рай, кого в преисподнюю. Бию-то зачем добрые дела? Да и сколько их надобно, чтобы заслужить одобрение старшего бия?

Глашатаи поясняли:

- Отдай долг соседу!

- Собери дастархан!

- Пригласи в гости недруга своего.

Забудь слово «ты», говори слово «вы».

- Поклонись старшему.

- Не поднимай руку на младшего.

- Улыбайся, встречая путника, кто бы он ни был - бедный, богатый, хромой, кривой, мужчина или женщина, пеший или конный.

- Считай чужого братом.

И половины сказанного трудно было запомнить, а уж выполнить - и того меньше. Отдай долг соседу! Легко сказать, взять-то где? И дастархан собрать не из чего. Звать же гостей к пустому котлу - стыдно. Засмеют потом те же соседи.

Ну, поклониться старшему можно, улыбнуться путнику - тоже. А вот вечное «ты» заменить новым «вы» нельзя. Язык-то привык «ты» с детства.

Неладное задумал бий, глупое. Ходили на двух ногах, теперь надо ходить на одной. Далеко ли ускачешь на одной ноге?

Старики утешали молодых:

- Один лишь день всего на одной ноге прыгать придется. Забудется День взаимного уважения, как забывается укус летнего комара.

Молодые смеялись:

- Пусть продлится День взаимного уважения. Плохо ли ходить в гости и слушать добрые слова хозяев.

Немолодые и нестарые хмурились:

- Велики наши долги, и самый большой долг хану хивинскому. Не потребует ли бий этот долг в День взаимного уважения?

Всякое думали и всякое говорили степняки. Вроде бы хороший праздник установил старший бий, а на душу он не ложится. Невесело что-то было от этих добрых пожеланий Айдоса.

Однако душа что птица. Ее из одной клетки в другую пересадить можно. Будет ли петь в другой клетке, неведомо. Жить, поди, будет. Перепел живет и в рукаве халата.

Трижды поднималось над степью осеннее солнце. В сентябре какие рассветы? Вымокнет все от росы, напьется земля досыта влаги холодной, а солнце только-только начинает избавляться от ночной дремы. Скот охрипнет, просясь из хлевов на волю, а света еще нет. Свет лишь зарождается на краю степи.

Таким поздним было и утро четвертого дня, Дня взаимного уважения. Поздним было пробуждение степняков. Не торопились люди встретить праздник, установленный Айдосом. Сами не торопились, и бий их не торопили. Биям-то вообще ни к чему были эти затеи правителя Айдос-калы. Возвеличивая себя, старший бий принижал остальных старейшин родов, а кому хочется равного себе видеть высоким, а тем более - босоногих, стоящих рядом с тобой. Ведь всякого степняка надо теперь называть на «вы» и приглашать в гости, стелить перед босоногим дорогой палас.

Поэтому поднимались с постели бии ворча, почесывая затылки и кляня Айдоса и его затею. А уж выглядывать из юрт вовсе не торопились.

В одном лишь ауле поднялись люди затемно, в ауле Айдоса. Затемно выгнали скот на пастбище, очистили сараи и загоны, подмели землю возле юрт и мазанок. Сами юрты прибрали еще с вечера. Айдос ходил по аулу, заставлял работать, готовиться к празднику. Нерадивых ругал, хлестал плетью. Праздник доброты устанавливался с помощью зла человеческого. Иначе не получалось.

С рассветом аульчаны вышли из юрт и мазанок, стали кланяться друг другу, произносить слова, которых прежде не произносили:

- Сарымбет-ага, здоровы ли вы, радостны ли, спокойны ли?

И сосед, Сарымбет-кривой, или Сарымбет-худой, или Сарымбет-глухой, отвечал:

- Спасибо, Айтмурат-ага! Сами здоровы ли, спокойны ли, радостны ли? Пусть бог пошлет вам благополучие, а семье вашей счастье.

Как песня звучало все это и как песня радовало душу.

Айдос в нарядном халате, том самом красном с золотым воротом, что подарил ему хивинский хан, ходил по аулу, тоже кланялся людям, справлялся о их здоровье, произносил добрые слова. Стариков он обнимал, хлопал легонько по спине в знак особого уважения. Называл

их отцами, старшими братьями. Женщинам и детям дарил подарки: кому платок, кому монету, кому сладости. Следил за тем, чтобы платья были чистыми, руки вымытыми.

- Дорогие мои, - говорил он ласково, - жить нужно в мире, любя и уважая друг друга.

Многие забывали произносить в ответ благодарное «мой бий» или «дедушка-бий», и тогда Айдос мягко поправлял:

- Я ведь тоже ваш сосед, и обращаться ко мне нужно уважительно. Говорите «вы», как говорю вам я.

Девушки, что жили в юрте совета, едва поднялось солнце, запели песню, славящую родную степь. В нарядной одежде с ярко-красными жегде на головах они походили на весенние тюльпаны, хотя степь, которую они славил, была уже не весенняя, зеленый ковер свой она заменила желто-золотым.

Юноши глаз не сводили с красавиц: все сорок девушек были настоящими пери степи. А можно ли проехать или пройти мимо пери, не испытав волнения сердца, не поискав ее ответного взгляда? Найти-то его, правда, мало кому удавалось: делом были заняты сорок красавиц - очищали от коробочек хлопок, впервые уродившийся на земле каракалпаков. Но кое-кто из счастливиц все же достаивался ответного взгляда, лукавого, манящего. Тосковали по джигитам эти небесные создания.

Айдос поднялся на холм совета и отсюда стал наблюдать за тем, что творилось в ауле. Боялся он, как бы не нарушил кто порядка, установленного им в День взаимного уважения. Утро началось хорошо. Хорошим ли будет полдень? В полдень-то люди должны отдавать долги. А рассчитаться с ближним или дальним соседом - это не одарить его улыбкой.

Поднялось солнце - выше некуда. Время расстилать дастархан на земле, угощаться чем бог послал.

Степняки, что работали на возведении городской стены, вынули из торбочек своих лепешки, зачерпнули из котлов просяной похлебки, жидкой, но пахнувшей кунжутным маслом и луком, вкусно пахнувшей. Позвали к дастархану Айдоса, правителя будущего города, старейшину рода.

В иной день, будний день, не позвали бы, не посмели бы предложить старшему бию похлебку из проса и лука, а в праздник

взаимного уважения посмели позвать. Сам бий приказал угощать друг друга тем, что бог послал.

Спустился Айдос с холма, поклонился степнякам и тем принял вроде приглашение. Но прежде чем сесть на циновку и зачерпнуть из котла просяной суп, спросил:

- Есть ли среди вас должники, обещал ли кто соседу ковш муки или ведро зерна?

- Нет, - ответили степняки. - Никому мы не задолжали, и нам никто не задолжал.

- Чиста, значит, совесть ваша, и можете вы спокойно отломить лепешку и положить в рот. А я не могу - долг у меня.

Удивились степняки. Какой может быть долг у старшего бия? Долг хивинскому хану? Так хивинскому хану все должны. Да и не долг это. Не брали ничего у Мухаммед Рахим-хана степняки. Платят они за то, что живут на земле, за то, что видят небо, дышат воздухом. Оказалось, однако, долг Айдоса иной. И не хану должен, а степняку простому. Объяснил Айдос-бий:

- Обещал я Доспану, сыну Жаксылыка, заплатить за верную службу его, а не заплатил еще.

Не знали степняки, обещал бий помощнику своему заплатить за службу или не обещал. Чем и когда заплатить, тоже не знали, но закивали головами, подтверждая сказанное Айдосом.

- В День взаимного уважения плачу долг, - объявил старший бий. - Отдаю Доспану малую юрту, в которой жили мы с братьями, будучи малыми.

Доспан, стоявший у стены городской и державший на поводу коней - своего и биева, в радостном изумлении раскрыл глаза.

- Слышишь, Доспан?- крикнули степняки.

- Слышу, - ответил стрелянный. - Слышу и благодарю дедушку-бия. Пусть доброта его не иссякнет, силы умножатся. Тысячу лет великому бию каракалпаков!

- Тысячу лет! - повторили степняки.

- Спасибо за добрые слова, сынок! - сказал Ай-дос. - Славить меня, однако, не за что. Я уплатил лишь долг, который обязан уплатить в этот день каждый.

Сказав это, Айдос обмакнул кусок лепешки в просяную похлебку и отправил в рот, аппетитно почмокивая. Сидевшие вокруг котла степняки должны были понять, что бий доволен их угощением и не

отделяет себя от простых людей. Многого должны были понять у котла степняки, и главное, что добр и справедлив их бий. Если и гневается на аульчан, и наказывает их жестоко, то по необходимости лишь: виноваты перед старшим бием степняки, перед ханом виноваты, перед богом.

Поняли, не поняли аульчане, кто разберет? Да и надо ли разбирать? Увидели бия добрым и справедливым. Запомнят, расскажут близким и знакомым. Степь узнает. А степь велика. Из- за степи солнце всходит, за степь и заходит.

Мирно, с добрыми улыбками сидели вокруг котла степняки. Так бы мирно и закончили полуденную трапезу, да не суждено было. Из аула донеслись злые крики:

- Где справедливость? Где взаимное уважение?

Не должны были звучать в этот день громкие голоса, а тем паче злые.

Вскочил Айдос с циновки, на которой сидел, прыгнул в седло и помчался в аул. Доспан - следом.

У юрты аульного богатея Сарыбай стояла толпа степняков. Они-то громко и зло выкрикивали:

- Где справедливость? Где взаимное уважение?

Айдос осадил коня у юрты.

- Что случилось, почтенные?

Появление бия несколько охладило гневный пыл аульчан. Не ждали\ши бия. Сами намеревались добиться справедливости. Однако раз прискакал старший бий, пусть поможет аульчанам. День-то взаимного уважения он установил.

- Бай не хочет платить долг! - объявил один из бойких на язык аульчан.

- А должен?

- Должен. Мы работали на него, а плату не получили.

Рукою плети Айдос постучал по каркасу юрты.

- Эй, Сарыбай, выйдите к людям! - попросил он вежливо хозяина. Обратился к нему на «вы», хотя наглый Сарыбай этого не заслуживал. Жадным псом был Сарыбай, а не человеком.

Вышел Сарыбай, злой, надменный. Процедил сквозь зубы:

- Слушаю, мой бий.

- Да не меня надо слушать, а этих почтенных людей. Они требуют возвращения долга. Должны вы им за работу?

Сарыбай пожал плечами: может, и должен, не помнит. Стал бормотать бессвязно:

- Пусть оставят меня в покое в День взаимного уважения. Человек должен радоваться нынче. Завтра-послезавтра рассчитаюсь с теми, кому должен.

Он повернулся, чтобы исчезнуть снова за пологом своей юрты. Не учел, однако, решимости бия отстоять справедливость.

- Держите его! - крикнул аульчанам Айдос. Двое здоровых парней схватили Сарыбая, сжали так в огромных руках своих, что он замяукал жалостливо:

- Расплачусь завтра...

- Сегодня! - сказал Айдос.

- Не помню... кому что должен...

- Джигиты, привяжите его к арбе, пусть вспоминает.

Тотчас нашлась веревка, накинули ее на руки Сары-бая, прикрутили их к колесам арбы.

- Ну, Сарыбай, кому что должны?- спросил Айдос.

- Не помню, - промяукал Сарыбай.

- А ну, почтенные, напомниме Сарыбаю, что кому должен.

Аульчане закричали:

- Пуд джугары!

- Два батмана проса!

- Четверть пуда конопли!

- Козленка!

- Хорошо, - кивнул Айдос. - Называя величину долга, не забыли ли вы, уважаемые, что на плечах ваших сидят ангелы смерти и сверяют сказанное с истиной? Не ошиблись ли, дорогие братья? Не преувеличили величину долга?

- Нет, не преувеличили.

Тогда пусть Доспан и Кадырберген откроют амбар и отдадут людям то, что должен был отдать Сарыбай. Эй, сестра! - позвал жену Сарыбая бий. - Принесите ключи от амбара!

Жена Сарыбая, полная маленькая женщина, пряча лицо в жегде, вышла из юрты со связкой ключей: на дверях амбара висел не один замок. Открыла амбар и сказала, улыбаясь лукаво:

- Каинларым! Милые юноши! Не будьте слишком щедрыми, раздавая чужое добро. Совесть дающего должна быть равна совести берущего.

Кадырберген и Доспан стали насыпать зерно в платки аульчан.

- Кадырберген! - завизжал Сарыбай. - Не тем кепшиком меришь просо. Бери кепшик поменьше... Не ту козу отдаешь, Доспан. Там в хлеву козленок...

Не послушал Кадырберген бая, не сменил большой ковш на малый, не отвязал Доспан козленка, отвязал козу.

- Выросла та козочка, которую обещал Сарыбай, - посмеялся он. - За полгода бычок превращается в быка, а телочка - в корову. Счастье Сарыбая, что не пообещал он верблюжонка...

Аульчане, получив долг, стали расходиться по своим мазанкам и землянкам. Сарыбай провожал их жалобными стонами:

- Ограбили... Разорили...

Жена Сарыбая смеялась злорадно:

- Чужое добро не добро. На обмане не разбогатеете...

Айдос тоже отъехал от юрты Сарыбая. Прощаясь с женой хозяина, он сказал:

- Сестра, если Сарыбай до вечера не вспомнит, кому что должен, не развязывайте ему руки. Если до завтра не вспомнит, свяжите ему и ноги. Я пришлю на рассвете Кадырбергена помочь вам.

Он уехал, веря, что Сарыбай вспомнит долг тотчас, едва утихнут копыта биева коня. На закате солнца думал навестить бая, проверить, выполнен ли его наказ, одумался ли Сарыбай...

Не знал Айдос, что через час какой-то померкнет солнце в глазах его. Судьба не предупреждает о беде, шепчет добрые слова до самого последнего шага, до самого края пропасти.

Так шептала она и Айдосу, когда он ехал через аул, мимо юрт, в которых расстилались дастарханы, мимо очагов, поднимающих к небу синие дымки жизни. Она шептала свои добрые слова и тогда, когда со стороны тугаев застучали копыта резвых коней и пролетела к аулу стая хищных воронов.

Айдос услышал тревожный топот, находясь у юрты совета, где девушки, закончив дела, пели песню о женской доле, грустную песню. Будто угадывали близкий печальный час свой.

Айдос оглянулся, но поздно оглянулся, не успел и руку поднять, чтобы защитит себя от удара. Последнее, что он увидел, это

искаженное злой гримасой лицо всадника и тяжелую палицу, занесенную над собой. И лучи солнца, закатного солнца, бьющие прямо в глаза.

31

Когда Айдос открыл глаза, перед ним уже стояла тьма. Над осенней степью царила ночь, безлунная, глухая. Звезды и те были задержаны пологом облаков, низко висевших над землей.

Стонал кто-то рядом. Стонал тихо, как стонут уже уставшие от боли.

- Доспан! - позвал Айдос.

- Я, дедушка-бий.

- Худо тебе?

- Худо, дедушка-бий... Но бог добр, сберег нам жизнь. А боль пройдет, как прошел и час несчастья.

- Ты прав, сынок. Не дано врагам сгубить наши души. Слава всевышнему!

Стал соображать бий, где они с Доспаном находятся и почему видно лишь небо и не видна степь.

- А как пало несчастье на нас?- спросил Айдос. Когда мы ехали от юрты Сарыбая к юрте совета,

на аул налетели нукеры Туремурата-суфи.

- Много их было?

- Полсотни, наверное. Возглавлял стаю ваш брат - Бегис-бий.

- Он велел убить нас?

Доспан помедлил с ответом. Не хотелось ему говорить правду старшему бию, но и не сказать не мог. Истину-то, если не стремянный, другой кто откроет, и, помедлив, сказал все же:

- Велел он отправить вас дорогой смерти, а на пороге царства Азраила остановить. Чтобы вкусили вы горечь расставания с этим миром, лишь вкусили, но не расстались с ним... Орел, увидевший смерть, перестает быть орлом.

Так сказал Бегис?

- Так, мой бий.

- А какие слова произнес для тебя, Доспан?

- Худые, мой бий. Крикнул нукерам: «Это караку-лак, тень тигра. Сбросьте его с седла, и так сбросьте, чтобы не смог никогда снова сесть

в седло...» Кажется, приказание Бегиса нукеры выполнили... - Доспан тяжело застонал.

- Крепись, сынок. Не знает великой истины Бегис. Орлы, увидевшие смерть, не перестают быть орлами, они взлетают еще выше, глаза их становятся еще зорче, когти еще острее. Они мстят обидчикам.

Стало светать, и Айдос увидел, что вместе со своим помощником лежит в яме у городской стены. Из этой ямы выбирали землю для изготовления глиняных кирпичей.

«И все-то продумали жестокие люди, - вздохнул Айдос - Злая мысль неистощима».

- Выберемся мы из этой ямы?- спросил измученный страданием Доспан.

- Сами не выберемся, - ответил Айдос. - Руки и ноги наши связаны. Кто-нибудь поможет.

- Не крикнуть ли нам?- предложил Доспан.

- Нет.

Не мог старший бий унизить себя мольбой о помощи. Даже само желание избавиться от мучений ценой чьих-то усилий казалось ему постыдным. Упавшего с коня главу рода может поднять лишь помощник его или другой глава рода. Простой степняк, сострадая, лишь оскорбит бия.

Спасение пришло, когда солнце поднялось высоко.

Топот коня раздался где-то около полудня. Степняк, должно быть, ехал за стеной и мог миновать яму, в которой лежали Айдос и его стреманный.

Бедняга Доспан не стерпел, крикнул:

- Мы здесь!

Тише! - хотел остановить помощника Айдос, но было поздно уже. Всадник услышал зов и свернул к яме.

Это был Кадырберген, человек, старавшийся всюду поспеть, во все сунуть свой крючковатый нос, всем оказать содействие. Сюда, правда, он не поспел, сутки целые почти лежали в яме Айдос и его помощник. Но кто знает, торопился Кадырберген или нет. Может, и торопился, да тропа его поиска была длинной и лежала совсем в другой стороне аула,

Кадырберген остановил коня у края ямы и перегнулся через седло. Крикнул испуганно:

- Бий-ага!

Узнал?- грустно ответил Айдос. - Не слишком, значит, нас изуродовали, если за десять шагов можно разобрать, где голова бия, а где дорожный камень. Спустись, Кадырберген, и развяжи веревки, которыми опутали нас добрые люди.

- Разбойники, душегубы! - проворчал Кадырберген.

Он слез с коня и прыгнул в яму. Ухватился за веревки, стараясь распутать их.

«Хорошо, что Кадырберген нашел нас, - подумал Айдос. - Хоть и не полноправный бий, а все же бий. Не черная кость, не простолюдин».

Веревки были туго связаны, и распутать их Кадыр-бергену никак не удавалось.

- Негодяи! - ругался он. - Намочили узлы, зубами рвать придется...

Айдос усмехнулся:

- Не для твоих зубов эти узлы, брат Кадырберген. Волчьи тут зубы нужны, Туремурат-суфи бы справился с ними.

- Верно, Айдос, - согласился Кадырберген, продолжая мучиться над веревками. - Зубы у суфи волчьи, да и норы такой же.

- А против волков, как и против узлов, сила наша ничто. Здесь нож нужен.

- Не ношу я ножа, Айдос, - признался Кадырберген.

- Напрасно. Время настало, выходя из юрты, класть за пояс нож... Вынь у меня из ножен кинжал. С ним сподручнее будет воевать с узлами.

- Ой, не люблю я острое железо, - скривился старик.

- Полюби, Кадырберген. Без него нам не обойтись теперь. Слишком много волков развелось в степи.

- Ойбой! - вздохнул старик. - Овец всех переведут.

Без охоты вынул он из ножен кинжал Айдоса и, разрезав веревки, освободил старшего бия и его помощника. Растер им руки и ноги, онемевшие за ночь.

- Спасибо, брат Кадырберген. Без тебя мы бы тут в самом деле стали добычей серых. Связанный степняк что овца, ему и помолиться не дадут перед смертью. А кинжал возьми себе. Всем аульчанам скажи, чтобы из юрт не выходили безоружными. Понял ты меня, Кадырберген?

- Понял.

Айдос встал и расправил плечи. Силы вроде бы вернулись к нему, и он улыбнулся, довольный тем, что все обошлось так и можно снова сесть на коня. А на коне он бий, властелин степи.

Теперь, Кадырберген, расскажи, что произошло в ауле?

- О бий-ага, - печальным голосом начал свой рассказ Кадырберген, - слов не найду для выражения гнева своего и горечи своей. Воры увели в Кунград сорок твоих девушек. Каждый нукер взял одну, а кому не досталась красавица, перекинул через седло овцу из твоей отары...

- Еще что сотворили люди Туремурата-суфи? - кусая губы от злости, спросил Айдос.

Кадырберген недоуменно пожал плечами: разве мало того, что похитили девушек? Это ведь не телки, не ягнята, которых можно купить в соседнем или дальнем ауле. Это гордость степи, потеряв которую слезы лить надо: красавицы-то не родятся как просо в поле.

- Еще, - продолжая недоумевать, произнес Кадырберген, - накинули на тебя аркан и бросили в яму.

- Ну, это мы сами видели, - отмахнулся от старого бия Айдос. - Аульчан не тронули?

- Не тронули, - оживился Кадырберген. Аульчане сами воров гнали до Амударьи и одного наглеца сбросили в реку.

- Кого?

- Жандуллу Осленка. Думаю, погиб он, вода-то была низкая, а берег высокий.

- Думаешь или знаешь?

- Видел... Гнал-то Жандуллу я, - признался не без гордости старый бий. - Хотел отнять у него девушку, да не успел, сорвались оба с крутизны.

- Вай! - сорвалось с губ Айдоса досадливое восклицание. - Девушка-то какая?

- Из аула Мамана... Русская...

- Аллах великий! Горлицу белокрылую сгубили...

- Не я, не я, - испуганно замахал руками Кадырберген. - Я отнять хотел.

- Не ты, - успокоил старика Айдос. - Волки разве водятся в нашем ауле? Кунградцы сгубили. Суфи взял на себя великий грех. С него и спросит всевышний.

- Спросит, - охотно согласился Кадырберген. - Только девушек уже не будет. Продавать собирается красавиц кунградский правитель.

- Что?! - заскрежетал зубами Айдос. - Разве степнячки скот, который выводят на рынок?.. Не бывать такому! - Старший бий повернулся к стремянному, все еще лежащему на земле:- Доспан!

- Слушаю, мой бий, - громко и бодро хотел ответить Доспан, но боль помешала, и ответил тихо и жалостливо.

- Собери силы, - потребовал Айдос.

- Много ли их нужно, мой бий?

- Больше, чем даровано тебе судьбой.

- О-о, - простонал Доспан, напрягся и встал на ноги. Стряхнул с чекпена грязь.

- Найди коней наших, оседлай, приведи сюда, - приказал Айдос. - Мы поскачем в Хиву, - объяснил он уже не Доспану, а Кадырбергену, - Если поможет бог, даст нам нукеров хан. Накажем мы Туремурата-суфи, освободим девушек.

- Пусть поможет бог! - поднял молитвенно руки Кадырберген. - Греха на нас нет. Грех на Туремурате-суфи. Его должно покарать небо.

- Без меня правь аулом, - передал Айдос свою бийскую власть старому Кадырбергену. - Собери джигитов, дай каждому кинжал, палку покрепче и подлиннее, научи бить воров не по спине, а по голове, чтобы забыли дорогу в наш аул...

- Раньше бы надо дать им палки, - робко заметил Кадырберген. - Изгородь ставят прежде, чем ушел из загона скот.

Сжал с досады бий пальцы. Так сжал, что захрустели громко суставы. Поняли Кадырберген и Доспан: свирепеет Айдос, убьет себя в отчаянии.

Однако не убил, а сказал:

- Кинжал надо выхватывать из- за пояса тогда, когда горло врага близко.

- Далеك Туремурат-суфи, - покачал головой Кадырберген. - Ой как далеk!

- Сделаем шаг, чтобы стал ближе... Веди коней, Доспан!

В степи лето кончается быстро. Не успели пожелтеть травы за Жанадарьей, как подули холодные ветры и небо затянулось облаками. Они шли с моря и несли то дождь, то снег. Снег таял у земли. Ночами,

правда, собирались пуховые шапки на гребнях холмов, но утром снимало их солнце, лизнув первым лучом.

Но снег и дождь - это пустое, недолог ни тот, ни другой ранней осенью. Худо, когда задует северный ветер, задует не на час и не на два, а на день, а то и на неделю. Путнику, если в лицо бьет ветер, лучше слезть с коня, укрыться за холмом или в камышах и переждать. Не даст ветер коню идти, а главное, с пути своротит. Гнет, гнет шею какой-нибудь вороной или буланый и не заметит, как сойдет с тропы. В спину ветер осенний - это хорошо. Гонит и коня, и всадника, торопит к аулу, к юрте, к теплomu хлеву.

В спину дул ветер Маману и Мыржыку. С севера ехали, а ветер как раз северный, попутный. Все гонит на юг: и коней, и людей, и перекаати-поле, и пушистые головки сухого камыша.

Долго гостили бии на казахской земле, долго пробивали тропу к сердцам северных соседей, долго присматривались к тому, как живут они, прислушивались к словам, которые произносят, встречая и провожая гостей. Все хотелось узнать Маману и Мыржыку: миром ли дышат степняки-казахи, не лежит ли у них за пазухой камень вражды и насилия?

Смотрели на соседей, себя показывали. Мыржык почти в каждом большом ауле выходил на круг, схватывался с именитыми казахскими палванами. Сила и ловкость Мыржыка восхищали хозяев. Подарки дорогие бросались к его ногам. Сам хан казахский отдал каракалпакскому богатырю своего коня, резвого коня, хотя и неказистого на вид, длинношерстого и длинногривого, с большой головой и короткими ногами.

Конь этот и заменил все, что думали получить от хана Маман и Мыржык.

- Добрый конь, - всю дорогу повторял Маман, - но лучше бы хан дал доброе и твердое слово, что поможет нам в трудный час.

- Говорил же добрые слова, - оправдывал хана Мыржык.

- Не добрые, а красивые. А красивое слово - гусиный пух, подует ветер - улетит на край степи, не отыщешь.

- Пусть пух, - согласился Мыржык. - Но летит-то он на наш край степи. Говорил же хан, что дорог ему мир каракалпакских аулов, что считает нас братьями своими и в обиду не даст.

- Из этих слов щит не выкуешь, частоколом копий они не станут, в острые мечи не обратятся. Пух есть пух. Не дай бог, чтобы напали на нас

нукеры кунградского правителя, нукеры Хивы или нукеры Бухары. Охрипнем, зовя на помощь. Крик наш скорее до бога дойдет, чем до хана казахского.

Наверное, прав был Маман: малое пообещал гостям хан казахский. Но и малое ныне дорого. Кто из соседей считает нас братьями, кто обиду нашу как свою примет? Нет таких соседей. Это и сказал «русскому бию» Мыржык.

- Если все кричат - умри, а один кричит - живи, не затыкать же этому одному рот.

- Не затыкать, - согласился Маман. - Но и слушать одним ухом, чтобы другое ловило топот разбойных копыт коней. Настороже надо быть каракалпаку.

Грустно стало Мыржыку от этих слов «русского бия». Что же, так всю жизнь и прятаться в норе, ровно суслик? А он, Мыржык, поставил юрту на высоком холме, на виду у всех, ему и спрятаться негде. Да и не хочет он прятаться. Хочет жить свободно, как велено законом степи.

- Если не верить казахскому хану, - удивился Мыржык, - то какому верить? Да и есть ли такой хан, что не обманет?

- Есть, - ответил Маман. - Русский хан не обманет. Но до него дорога длиннее, чем до казахского. И не скоро, видно, мы изберем эту дорогу, нет у нас единства ни в желаниях, ни в поступках. Разбежавшееся по степи стадо уже не стадо. На стадо, сам знаешь, волк не накидывается, на одну корову бросается смело и загрызает ее. Наши бии уподобились такой корове из разбежавшегося стада. Сколько их уже стало добычей волков и сколько еще станет...

«Верно ведь, - подумал Мыржык, - нападают волки на аулы, и пришлые волки, и свои». И кто знает, цел ли тот аул, из которого выехали они с Маманом месяц назад.

Печальную весть путники услышали у берега моря. Пастух, что гнал стадо, рассказал о нападении нукеров кунградского правителя на аул Айдоса. Самого Айдоса убили, а девушек угнали в Кунград.

Заторопили коней своих усталых Маман и Мыржык, погнали к юртам, стоявшим на краю русского селения, к дому кузнеца Никифора погнали. Сестра его жены была в числе сорока девушек, отобранных Айдосом для обучения ремеслу.

- Брат Никифор! - обратился Маман к кузнецу, который сидел у порога своей мазанки печальный и почерневший более прежнего. - Правда ли, что Ксения попала в руки Туремурата-суфи?

- Правда, Маман-бий, - со слезами в голосе ответил Никифор. - Однако не в руки проклятого суфи, а его нукера. Утонули оба...

Гнев загорелся в сердце Мыржыка. Черное дело сотворил Туремурат-суфи, и ничем нельзя оправдать содеянное. Конечно, брат Айдос своими глупыми затеями навлек беду, но не он же напал на Кунград, а Кунград напал на Айдос-калу. Бог знает, какая судьба ждет бедных девушек. Не ради того чтобы полюбоваться их красотой, суфи пленил их.

- Успеем ли предотвратить беду?- сказал Маману молодой бий.

- Что задумал?- встревожился Маман.

- Скакать в Кунград выручать девушек. Гоже ли степняку мириться со злом, творимым самозванным ханом.

- Светло твое сердце, Мыржык, - покачал головой «русский бий». - Великий пример подаешь ты нам, вдвое больше тебя прожившим. Но последовать ему не позволяет разум наш. Не разузнав, как сотворено зло и во имя чего, можно ли гнать коней за тысячу верст? Небось с пустыми руками не войти в покои Туремурата-суфи. Каждому псу у каждой двери надо бросить кусок мяса, а самому правителю - целого барана, да еще набитого серебряными монетами. А где бараны, где серебро?

- Я и не пойду с пустыми руками, - смело сказал Мыржык и показал на кинжал, висевший у него на поясе.

- Ха! - усмехнулся Маман. - С ним ты войдешь, а выйдешь ли? Люди суфи умеют снимать с гостя голову его кинжалом.

- Что же теперь, Маман-ага, молча смотреть, как глумятся над нашими сестрами?

Маман ласково тронул плечо Мыржыка, желая успокоить молодого бия.

- Нет, не молча. Вызнаем все у людей, решим, что взять с собой - барана серебряного или кинжал стальной, - и поедем к кунградскому правителю. А там всевышний решит - жить нам или умереть.

- Верно говорит Маман-бий, - поддержал бия кузнец Никифор. - Простотой не вынешь из пасти волка добычу.

Маман и Мыржык поехали в аул. Дорога не дальняя, с версту, не больше, а по времени вышло, будто сто верст одолели. На каждом шагу бия останавливали люди и торопливо рассказывали про несчастье, павшее на аул Айдоса. Каждый рассказывал по- своему, и каждого надо

было выслушать. Прервешь или отмахнешься -обидишь аульчанина, врагом станешь.

За эту версту, отделявшую русский аул Никифора от русского аула Мамана, узнали бии, что напали на Айдос-калу пятьдесят нукеров, каждый перекинул через седло по одной девушке, а кому не досталась девушка, тот захватил овцу. Взяли красавиц, чтобы продать в Хорасан за большие деньги. Говорят, в Хорасане женщины дороже: молодая да красивая стоит десять золотых, а каракалпачек берут за пятьдесят. Любят купцы степных пери.

Встретился биям и Гулимбет- соксанар. Он тоже было начал про хорасанских купцов, но тут же перешел на своего быка - носителя счастья.

Маман отвернулся от Гулимбета: недостойным показалось ему в такую минуту упоминание о скотине. Беда коснулась людей, если не можешь сказать о них -молчи. Мыржык же не отвернулся от соксанара. Не о простом быке вел речь бедный старик, о священном для семьи Султангельды животном, которое почиталось и отцом, и сыновьями долгие годы и с которыми связывали молодые бии все свои надежды.

- Сам он покинул этот мир или сгубил его кто по злобе или зависти?- спросил Мыржык.

Обрадовался Гулимбет, что нашелся человек, откликнувшийся на его горе.

- И не сам, и не по злобе чужой. Мороз виноват, поскользнулся рогатый на льду и упал, а подняться уже не смог. Подняли мы его уже мертвого. Старый бык -что старый человек, ему падать нельзя.

«Это он от обиды умер, - решил Мыржык. - Прогнал его Айдос из отцовского загона, разорвал цепь, что соединяла семью нашу с надеждой на счастье и богатство. Отомстила судьба Айдосу, все потерял, и собственную жизнь сберег ли, неведомо».

Слезы накатились на глаза Мыржыка. Жаль стало ему и братьев, и себя, и сына своего Ерназара. Что ждет их в грядущем? Не поведет ли этот рогатый за собой в иной мир и весь род Султангельды?

- Разорен я, - продолжал сокрушаться Гулимбет. - И кожу, и мясо никто не хочет брать, говорят: мясо старое и жилистое, а кожа дырявая и гнилая. Бог мой, а я ведь молодую дочь обменял на этого старого быка!

Требуй доплаты, - сердито бросил Маман.

- Да с кого требовать, когда Али повесился, а сын его малолеток, - развел руками Гулимбет.

- Не с Али надо требовать, - посоветовал Мыржык. - Дочь-то твою взял в жены Доспан, стремянный Айдоса. С него и причитается.

- Ойбой! - поразился Гулимбет. - Пошла Перши-гуль гулять по юртам. В какой остановится, один бог знает...

- Глуп твой язык, - раздраженно сказал Маман. - Потрудился бы лучше руками, они умнее, может, что и сотворят путное.

Когда кони донесли Мамана и Мыржыка до биевой юрты, было уже сумеречно, а на ночь глядя в дальний путь пускаться непривычно степняку. Поэтому Маман сказал:

- Надо бы успеть захватить девушек, пока не продал их правитель Кунграда хорасанским купцам, да в темень кони идут медленно. Утром можно пустить их вскачь. Как решишь, брат Мыржык?

- Я бы утра не ждал.

- Негоже старому идти тропой молодого, но сердце и старого, и молодого горит одним желанием. Будь по-твоему, Мыржык, поедем в ночь. Только сменим коней, возьмем в юрте то, что сможет согдиться при встрече с Туремуратом-суфи.

Они слезли с коней, пошли в юрту, где их ждал ужин.

- Женщина, - сказал жене Маман, - накорми нас так, чтобы не упасть с седла в дороге.

- Не отдохнете разве?- встревожилась жена.

- Нет, - ответил Маман. - Только поедим и помолимся. Не до отдыха нам нынче.

Едва стемнело, Маман и Мыржык снова влезли в седла и погнали коней по невидимой в ночи тропе в сторону Кунграда.

За удачный набег на аул Айдоса правитель Кунграда наградил Бегиса шубой из черного каракуля. Сам набросил ее на плечи джигита, сказав при этом:

- Доблесть твоя, ангел мой, заслуживает похвалы, слов на которую я найти не в силах. Но бог дарует мне такие слова, и ты их услышишь. Наша победа над аулом нечестивца Айдоса не последняя - первая лишь, ангел мой.

Польщенный похвалой, Бегис наклонился и поцеловал полу халата великого суфи.

- Преданный раб ваш, правитель. Прикажите - и меч наш обрушится на головы врагов Кунграда.

- Верю, ангел мой. А теперь отбери коней, которых пригнали хорасанцы в обмен на степных красавиц.

Не скажи этого суфи, пребывал бы Бегис в радости целый день, а может, и всю жизнь, а вот сказал и омрачил тем душу молодого бия.

Кони-то хоть и огненной крови были и ничем не уступали туркменским скакунам ни в красоте, ни в резвости, однако были только кони. И на них меняли сестер Бегиса, прекрасных степнячек. Людей меняли на животных. Слышал Бегис от самого суфи, и не один раз, что девушки нужны для важного дела - увеличения казны ханства кунградского. Слышал, но не задумывался над сказанным. Далекими были от молодого бия желания суфи. Но вот сбылись они, и понял Бегис, что черное дело сотворено. Как-то степняки отнесутся к нему теперь, к бию рода кунград, сыну славного Султан-гельды? Отнять у отцов дочерей и отдать на потеху хо-расанцам! Бог милостивый, простишь ли ты это Бегису?

Омрачилась душа молодого бия. Не смог скрыть он чувств своих, и заметил это правитель.

- Во имя великого, что богом призваны мы осуществить, - сказал суфи, - красота женщины должна быть принесена в жертву: воин на коне нам нужнее, чем женщина в постели. Иди, ангел мой, и подбери коней для своих воинов.

Не посветлело на душе Бегиса: мудро решил все Туремурат-суфи, но и мудрость не всегда несет свет и радость. Нехотя пошел молодой бий смотреть коней.

- Я помогу тебе, - сказал суфи. Нельзя было оставлять бия одного в такую минуту.

Кони оказались и верно чудные, один краше другого. Не стояли на месте, пританцовывали, перебирая своими тонкими, как стебли камыша, ногами, гнули шеи, как лебеди, поводили чуткими ушами, как джейраны. Сказочные кони!

Посмотрел на скакунов Бегис и забыл про все. Руки протянул к золотым гривам, словно дитя к степному цветку, стал гладить шелковистый волос.

- Возьми себе любого, - шепнул суфи. - Лихому воину нужен и лихой конь.

Разгорелись глаза Бегиса: какого выбрать? Все хороши, всех бы оседлать одним бийским седлом.

Хорасанские купцы, что стояли рядом, ловкие в торговых делах, скупые на деньги и не скупые на слова, видя растерянность молодого бия, принялись расхваливать коней.

- Э-э, что трогаешь гриву, дорогой, тронь ноги. Птица жива крыльями, конь - ногами. Храбрец, оседлавший коня нашего, взлетит над степью как сокол. Бери белого...

- Ха, зачем трогать ноги, - перебивал первого купца второй. - Тронь грудь. В груди коня сердце. Сердце несет скакуна. Бери только темно-серого. У темно-серого сердце льва...

- Ничего не надо трогать, - перебивал второго купца третий. - Смотри в глаза коню. Огонь дива в глазах вороного. А див - не сильнее ли, не быстрее ли, не хитрее ли всего живого на свете? Бери вороного, дорогой.

Туремурат-суфи улыбался, глядя на ловких хора-санцев, расхваливавших коней. Улыбался и восторженному свету в очах Бегиса, только что пугавших суфи своей грустью. Кони очаровали молодого бия, а очарованный, он становился ручным, как глупый телок.

- Эй, конюх! -махнул властной рукой суфи. - Оседлай утром белого и темно-серого. Белого подашь мне, темно-серого - ангелу моему, Бегису. И будешь так повторять каждое утро.

- Слушаюсь, великий хан! - ответил, раболепно сгибаясь перед суфи, конюх.

- Можно было бы оседлать и вороного для второго ангела моего, - покачал головой суфи. - Но второй ангел мой не захотел быть в свите скромного правителя Кунграда. Да простит ему бог!

Когда суфи и Бегис возвращались во дворец, молодой бий сказал правителю:

- Мир этот еще не видел такого щедрого, такого чистосердечного, такого заботливого хана, как вы, великий суфи.

Ждал этой благодарности от молодого бия суфи, ждал и принял ее радуясь, но в глазах не появилось и тени удовольствия. Смежил веки суфи, показал этим, что смущен и растерян. Прошептал устало:

- Недостоин я этих похвал, ангел мой. Но желал бы достичь совершенства, и душа моя стремится к этому.

На тропинке, ведущей ко дворцу, правителя догнал слуга:

- Великий хан, прибыли бии из дальнего и ближнего аулов. Просят пустить их к вам.

- Кто такие?

- Маман-бий и Мыржык-бий.

Вытянулось лицо суфи. Не те имена назвал слуга, которые хотел бы услышать правитель, совсем не те.

- Долгим был путь биев?- спросил суфи.

- Долгим, великий хан. Едва в седлах держатся, кони с ног падают.

- Бедные, - вздохнул сочувственно правитель. - Пусть отдохнут. Думаю, недели хватит, чтобы вернулись к ним силы.

- Повинуюсь, великий хан, - сказал слуга и, пятась, стал возвращаться к городским воротам.

- погоди, ангел мой! -остановил его суфи. - Прикажи купцам хорасанским этой же ночью покинуть Кунград.

Слуга исчез, а суфи и Бегис продолжали путь ко дворцу.

- Неблагодарный брат твой, - сказал сердито суфи, - хочет вернуть Айдосу девушек. Для того и гнал коня, не разбирая дороги.

- Не знаю, - ответил смущенно Бегис, будто винился перед правителем за неразумный поступок брата. - Вряд ли Мыржык переметнулся в лагерь Айдоса.

- Может, и не переметнулся, но дело творит, угодное нечестивцу Айдосу. И Мамана подбил на неблагоприятный поступок. Жаль, что разошлись наши пути. Жаль, ангел мой.

Во дворце Туремурата-суфи ждал Айтмурат Краснолицый. Он тоже, видно, гнал коня, не разбирая дороги. Лицо обожжено морозом и ветром, левая рука перевязана окровавленной тряпкой.

- Что с тобой, Айтмурат?- спросил испуганно суфи.

Краснолицый мог застонать, мог трясущимися от усталости губами прошептать что-то жалобное, но не застонал, а молча протянул правителю письмо.

- Говори! - приказал суфи.

Распечатывать тростинкой письмо, нести его к светильнику и копаться глазами в чужих строчках было долгим делом, а терпение у суфи невеликое. Сейчас, сию секунду, он должен узнать, что за беда стряслась.

- Великий хан, вы приказали Асан-бию переселиться к Кунграду. Позавчера аул стал сниматься с зимовки, первые семьи уже навьючили

верблюдов и тронулись в путь. В это время на аул напали хивинцы во главе с Айдосом.

- С кем? - взвизгнул суфи.

- С нечестивцем Айдосом, - поправился Айтмурат. Суфи повернулся к Бегису. Лицо правителя было черно от злости.

- Ангел мой, ты же говорил, что Айдос убит и брошен в яму.

Бегис съезжился под гневным взглядом правителя.

- Брошен в яму, великий хан.

- Что же, он воскрес? Или не умирал?

- Джигиты бросили его бесчувственным, - объяснил Бегис. Он знал, что Айдос не убит, сам приказывал отправить брата в царство Азраила, но остановить у порога.

- Змею не бросают оглушенной, - процедил сквозь зубы суфи. - Ей отрывают голову, ангел мой.

Туремурат вскрыл письмо и подошел к светильнику. Первые же строки привели его в бешенство.

- Все прочь! - крикнул он Бегису и Айтмурату. - И никого не пускать ко мне.

Бегис и Айтмурат, словно мыши, пугливо юркнули в дверь и затихли за порогом. Гнев суфи был страшен.

Оставшись один, Туремурат приблизил письмо к самому светильнику и торопливыми глазами стал читать.

Письмо было из Хивы, от брата. Время от времени он сообщал правителю Кунграда о новостях дворцовой жизни, о настроениях и намерениях Мухаммед Рахим-хана. Иногда новости радовали суфи, иногда огорчали. На этот раз привели в отчаяние. Хан готовил большое войско для войны с Кунградом. Поход должен был начаться ранней весной, и первый удар хана собирался нанести аулам, принявшим власть Туремурата-суфи. Во главе войска правитель Хивы поставил Айдоса.

«Очень разгневался хан, - писал хивинец, - когда узнал, что ты, Туремурат, пленил сорок девушек, предназначенных для дворцового гарема. Опрометчиво поступил ты, и исправить ошибку уже нельзя, так как девушки уже проданы хорасанцам и вернуть их не может даже могущественный хан.

Поторопился ты, ангел мой, и с переселением аула Асан-бия. Аул-то хивинский, и хан приказал всех, кто снялся с зимовки, убить и головы несчастных посадить на шесты, а шесты эти поставить вдоль дороги от

аула Асан-бия до Кунграда. Кто поедет этой дорогой, узнает, чем кончилось переселение степняков в город Турему-рата-суфи. Наказать аульчан, предавших Хиву, хан поручил тому же Айдосу. С его нукерами я и посылаю это письмо. Будь осторожен, ангел мой, не вступайся за степняков Асан-бия. Станет аул ловушкой для тебя и твоих джигитов. Окружат вас хивинцы и перебьют всех до одного. Стерпи обиду, пережди порыв ветра хивинского, собери силы для весенней встречи с ханом. У Мухаммед Рахим-хана сейчас конница в восемьсот мечей, пеших аскеров пятьсот. Пусть у тебя будет столько же. Не силой одолеешь глупого хивинца, а умом и хитростью. Мудрости тебе не занимать, тем более - ловкости. Обведешь вокруг пальца Мухаммед Рахима и самого загонишь в ловушку. Верю в победу твою, ангел мой. Готовься к весне, думай, собирай силы!»

Порвать на сто частей хотел суфи проклятое письмо. Черную весть принесло оно из Хивы. А нужна ли сейчас черная весть новоявленному хану Кунграда? Поднялся на высоту желанную, крылья широко расправил, впору лететь бы, так ноги спутаны хивинской веревкой. Собирай силы, готовься к войне, ищи золото. Без золота не достанешь коней, не добудешь оружия, сапоги джигитам не купишь, не накормишь их. Золото, где взять золото?

Суфи должен был порвать письмо на сто частей, порвать и бросить в огонь очага, что теплился в середине мехмонханы, но не порвал и не бросил. Не умел суфи выражать свои чувства ни грубыми поступками, ни громкими словами. Разъяренный, он складывал руки на груди, словно собирался молиться, смеживал веки до того, что лишь тоненькая, в ниточку, щель оставалась, свет через нее едва проникал, и так, смиренный, спящий будто, он застывал на минуту, на часы. Общался с богом, думалось людям, удалялся в чертоги всевышнего. И нельзя было помешать этому общению, нельзя было нарушить священный покой суфи.

Прильнув ухом к двери, вслушивался в тишину мехмонханы Айтмурат Краснолицый. Пытался уловить какие-нибудь звуки и стоявший рядом Бегис. Но ничто не проникало сквозь резную дверь. Так, затаясь, они могли бы прождать вечность, не раздайся вдруг тихий стон суфи:

- Ангелы мои...

Айтмурат и Бегис поняли, что их зовет правитель, и снова бесшумно, как мыши, проскользнули в мех-монхану.

Правитель стоял у светильника, руки его были сложены на груди, глаза полузакрыты.

- Бегис, ангел мой, прочти это послание, - голосом больного произнес суфи.

Бегис подошел к светильнику и взял из рук суфи письмо, но читать сразу не решился: мало ли что таилось в черных строчках, не поджидала ли его беда?

Читай, ангел мой. Брат твой совершил предательство и натравил хана хивинского на людей рода кунград.

Торопливо Бегис пробежал по строчкам, отыскивая слова, говорящие о предательстве Айдоса, но не нашел их. Сообщалось в письме, что брат лишь намеревался отомстить суфи за подлый набег. Однако надо было найти такие слова, чтобы угодить правителю, и Бегис их придумал.

- Великое предательство! - подтвердил он. - Люди рода кунград погибли от руки старейшины этого рода. Зло из зол.

- Не погибнут, - уже твердо сказал суфи. - Бог поможет нам предотвратить зло из зол. Сколько мечей в коннице хана хивинского?

- Восемьсот, - ответил Бегис. - Так написано здесь.

- У нас будет тысяча. И ты их соберешь, ангел мой. Вздрыгнул Бегис. Испугало его желание правителя.

Всего лишь двести нукеров собрал молодой бий. Нет коней, нет оружия. Не бог же подарит все это?

Воля ваша, великий суфи, - опустив покорно голову, произнес Бегис.

- Моя воля, твои заботы, ангел мой.

- До весны, может, и соберем, - неуверенно произнес молодой бий.

- Соберем до весны, а для аулов степных они уже собраны. Пусть все знают - в Кунграде тысяча нукеров. Эй, Айтмурат, позови Мамана и Мыржыка. Объявим им наше желание выступить против Хивы войском в десять сотен мечей.

Айтмурат поклонился суфи:

- О повелитель, биям обещана милость видеть вас лишь через неделю.

- Кто обещал?

- Вы, мудрейший из мудрых, справедливейший из справедливых.

- Если я, то мне и дозволено взять свое обещание обратно. Беги зови Мамана и Мыржыка.

Пяťясь, Айтмурат распахнул спиной дверь и скрылся за нею.

- Не рано ли, великий суфи, мы трубим выступление. Разбудим тигра в его логове, - сказал Бегис, когда шаги Айтмурата стихли.

- Для того и трубим. Проснется, вылезет из логова, пойдет бродить по степи. А в степи, сам знаешь, как ловят тигра - ставят на него капкан.

- Большой капкан нужен, - усомнился в мудрости суфи молодой бий.

- Зачем большой, хватит четырех. На каждую лапу по капкану. Одну вытянет - другая застрянет. Пока будет возиться с капканами, умный охотник накинёт на полосатого аркан и затянет петлю.

Хитрая тактика суфи была не совсем понятна Беги-су. Хотел молодой бий сказать об этом суфи, но остановил себя. Не на тигра собирался охотиться правитель Кунграда - на хана хивинского, а на ханов, может, и ставят капканы, да еще на все четыре лапы.

- Четыре капкана - хитро. Из них хану не вырваться, - сказал он.

- Верно, ангел мой. Один капкан поставим в Айдос-кале. - Суфи лукаво глянул на молодого бия: как отнесется Бегис к его затее?

Стал кое-что понимать Бегис. Капканы - это ловушки для нукеров хана. Подожжет суфи большой аул, кинутся туда джигиты Мухаммед Рахим-хана, а в это время вспыхнет огонь совсем в другой стороне. И туда бросит нукеров правитель Хивы. Так разорвется на части конница в восемьсот мечей, и каждую часть уничтожит в равном бою мудрый суфи.

- Пусть первый капкан будет в Айдос-кале, - согласился Бегис.

- А последний в Кунграде, - заключил суфи. Ему очень понравилась собственная хитрость, и он уже видел затягивающуюся на шее хана петлю.

Вбежал Айтмурат Краснолицый и затараторил:

- Ушли... Ушли бий. Нет их в Кунграде.

- Что городишь, глупец! Как могли уйти из города Маман и Мыржык, когда я велел им ждать неделю. Проверил ли караван-сарай, чайханы?

- Все проверил, повелитель. Нет биев. Люди видели, как они проехали главные ворота и повернули в степь.

Суфи опять взъярился. Как посмели ничтожные бий пренебречь гостеприимством кунградского хана?! Догнать глупцов, вернуть в город, заставить целовать полы его халата. Но не догонишь ведь, не вернешь. Да и может ли правитель Кунграда принудить к повиновению вольных степняков? Не может. Не подошло еще время властвовать ему безраздельно над каракалпакскими племенами.

Суфи опустил на ковер, прислонил голову к подставке светильника, сказал устало: Почему ушли?

Айтмурат знал, почему ушли бий. Расспросил он о том, кто сидел или стоял рядом со степняками. Передать же услышанное правителю не решался. Бог знает, как он отнесется к сообщению. Письмо-то из Хивы его взбесило.

- Кто поймет этих степняков?- уклонился от прямого ответа Краснолицый. - Тропы их намерений неведомы...

- Глупцам неведомы. А я не держу глупцов во дворце своем, - сказал ядовито суфи. - С хорасанцами они разговаривали?

Заколебался Айтмурат: признаться или не признаться правителю в том, что знает. Подумав, признался:

- Разговаривали... Даже хотели выкупить двух девушек, которые из аула Мамана.

- На что выкупить? Золота нет ни у Мамана, ни у Мыржыка, - скривил насмешливо рот суфи.

- Потому, видно, и не выкупили. Да хорасанцам и не нужно золото. Живым товаром промышляют. Ради степных красавиц шли сюда тысячу верст.

- Глуп ты, однако, Айтмурат, - вздохнул огорченно суфи. - Зря я держу тебя во дворце. Не понял, почему ушли из Кунграда бий...

- Понял, - опустил виновато голову Краснолицый. - Робость прилепила язык к небу.

Теперь отлепился пугливый язык твой?

- Отлепился, великий хан.

- Так говори!

- Бии, подобно хорасанцам, торопились сюда ради девушек. Не успели к торгу, вернулись назад. Вот истина.

Задумался суфи, но не над услышанным. И без Краснолицего было ясно, что заставило биев покинуть Кунград. Другое беспокоило правителя: какую весть понесут в степь Маман и Мыржык? Выходило, что недобрую, порочащую кунградского хана. А хотел суфи сделать биев глашатаями своих грядущих побед, вложить им в уста великую ложь о своем могуществе. Не для себя он придумал тысячу нукеров - для степняков доверчивых.

Догнать биев... - произнес суфи. Негромко произнес и не приказывая, а размышляя вроде, советуясь с самим собой.

Айтмурат застыл в ожидании: если повторит суфи эти два слова, то надо кинуться за Маманом и Мыржы-ком, настичь их в степи и повернуть назад к Кунграду. Недалеко, должно быть, отъехали бии от города на своих усталых лошаденках.

Но не повторил суфи этих слов. Ни взглядом, ни жестом не потребовал, чтобы Айтмурат погнался за би-ями, уснул будто. Веки смежились, и голова склонилась на грудь. Удалился неожиданно для своих подопечных великий суфи, и ничто не могло вернуть его к ним. Как и в прошлый раз, он беседовал с богом.

Бежали минуты, долгие, томительные. Ноги заныли у Бегиса; челюсть свою лошадиную свернул, зеваючи, Краснолицый. Ждали оба, когда проснется правитель, выразит то, что хотел выразить, отправляясь в царство сна.

И дождались. Очнулся суфи. Поглядел удивленно на стоявших Айтмурата и Бегиса, спросил:

- Почему вы здесь?

- Ждем вашего повеления, великий хан, - ответил Краснолицый.

- Разве я не послал вас за биями?

Айтмурат смущенно переступил с ноги на ногу. Язык опять прилип к гортани.

Краснолицего выручил Бегис, сказав:

- Нет, повелитель!

- Ты находчив, ангел мой. Всевышний предостерег меня от торопливого шага. Бии вернутся сами, когда вразумит их бог. Аминь!

- Аминь! - повторил Бегис.

- А теперь, ангел мой, поднеси это письмо к светильнику, и пусть огонь проглотит все черные слова, собранные в нем. И поклянись на петле, что никогда не читал их и само письмо никогда не попадало тебе в руки.

Покинув Кунград, огорченные Маман и Мыржык подались на север. С плохими вестями нигде не ждут степняка, тем более в родном ауле. Вот почему несколько раз они останавливались на развилке, не зная, куда свернуть.

Мыржыку-то легче было возвращаться домой, из его аула Айдос не брал девушек. Жена, конечно, повздыхает, поплачет, жаль все же

сестер, попавших в руки хо-расанских купцов. Но что слезы сочувствия? Прольются и сгинут в песке.

Маману вот худо. Сам отдал девушек Айдосу, сам проводил в Айдоскалу. Что скажет теперь их отцам и матерям? Чем утешит? В глаза бедным глянуть стыдно. Какой же ты бии, если дочерей аула спасти не смог.

У берега Аму встретился биям Орынбай. Он ехал в Кунград, его девушек тоже захватили нукеры суфи. Собирался Орынбай выручить их, выкупить, если потребуется.

- Э-э, опоздал, сосед, - сказал Маман разбойному Орынбаю. - Ушли наши сестры в Хорасан. Обменял их суфи на коней чистокровных.

- Поворачивать назад, что ли?- спросил зло Орынбай. - Зачем только хлестал своего иноходца...

- Лучше повернуть, - посоветовал Мыржык. Молодой бии был не в чести у Орынбая, и Айдоса ненавидел он, и, если случалось встретить их в дороге, сворачивал в другую сторону. Потому не глянул он на Мыржыка и не услышал его слов. Ждал, что ответит Маман.

Тот сказал:

- Можно и не поворачивать назад. Ночью здесь пройдет караван хорасанцев. Выждем темноты и нападём на купцов, отберем девушек.

Глаза Орынбая полезли на лоб. Любил он разбойничать, разорял аулы соседей, но это же степняков аулы, тут хорасанские купцы. Понимает ли Маман, что советует? У них небось ружья, да и мечами владеют, как мясники ножом. Копья, говорят, мечут на сорок шагов, и грудь врага для них все равно что дынная корка -пробивают насквозь. Не понимает Маман, на что подстрекает Орынбая.

- Сколько купцов-то?- на всякий случай спросил бий.

- Сколько купцов, не знаю, - ответил Маман. - Но верблюдов в караване тридцать пять, и коней более десяти.

- Ойбой! - замахал своими огромными лапами Орынбай. - Войско целое. Неизвестно, кто кого пленит, мы их или они нас. А мне переселяться в Хорасан не хочется что-то. В собственном ауле веселее и спокойнее, и ярмо на мою шею пока не надели.

Маман покачал раздумчиво головой:

- Ярма пока на нашей шее, верно, нет. Нахмурил брови Орынбай:

- Или надевают уже? Говори! В Кунграде слышал что-нибудь?

- Многое слышал. Напали хивинцы на аул Асан-бия. Не хотят, чтобы люди его переселились в Кунград. Кто снимется с зимовки, того на шест и, как турангиль, посадят вдоль кунградской дороги.

- Бог милостивый! - ужаснулся Орынбай. - Это, выходит, всех, кто переселяется в Кунград, на кол? Меня суфи тоже зовет к себе, место даже выбрал для аула.

- Он каждого степняка зовет, - встрял в разговор Мыржык.

На этот раз Орынбай решил ответить брату ненавистного Айдоса и ответом своим уколоть Мыржыка:

- И суфи зовет, и эмир зовет, и хан зовет. И громче всех - этот изменник Айдос. Черное семя породил Султангельды. Прорастает оно злом для нашей великой степи. И некому выдернуть ядовитый сорняк с чистого поля.

Стрела, пущенная Орынбаем, была ядовита и ужалила Мыржыка. Боль свою он скрыл, но ведь не последняя это стрела разбойного Орынбая. Во второй будет больше яда - и сможет ли стерпеть ее Мыржык?

- Дом мой близок, - сказал он. - Не хотят ли бии переночевать в нем?

- Нет, нет, - грубо отверг приглашение Орынбай. - Не умею отдыхать в чужих юртах.

- Благодарю, брат мой, - мягко отклонил просьбу юного бия Маман. - Поторопимся в родные места, там ждут нас бедные аульчане. Надо утешить их.

Маман бы свернул в аул Мыржыка, задержался там до утра, поговорил с молодым бием, посоветовался, но и с Орынбаем поговорить надо и посоветоваться. С Орынбаем-то разговор труднее и совет важнее. Война вот-вот начнется, и как поведет себя сосед, необходимо знать Маману. Вместе выступят против врага или порознь? И будут ли выступать? Может, побегут под защиту одного из ханов?

- Настало беспокойное время, - сказал Маман, когда бии распрощались с Мыржыком и свернули на свою тропу. - Того и гляди налетит ветер несчастья. Вернусь домой, начну собирать нукеров. Без защиты пропадем.

Не зная еще, куда клонит «русский бий», Орынбай на всякий случай поддакнул:

- Без защиты нельзя. На ханов надейся, а сам точи саблю, подковывай коня.

Тоже так думаю. Хан казахский хоть и обещал помочь, да придет ли она в нужный час?

- Придет, когда наши кости орлы обглодают. Вроде бы Орынбай соглашался с Маманом, и тот решил открыться перед соседом:

- Нукерам юзбаши нужен. Станешь во главе нашего войска, Орынбай?

Заулыбался злой Орынбай. По сердцу ему пришлось предложение Мамана.

- Сочту за честь. Дадите сотню нукеров, поведу за собой, не дадите - сяду на коня как простой воин. Биться буду, такая доля моя.

Биться будет Орынбай, не сомневался в этом Маман, но вот только за кого? Переменчивое сердце у разбойного бия: сегодня за Туремурата-суфи сражается, завтра за казахского хана, послезавтра за эмира бухарского.

- В чей стан поведешь наших нукеров?- спросил Маман, прямо спросил, не стал кружить вокруг котла, желая достать баурсак покрупнее.

- Я против Айдоса. Он вместилище всех бед.

- Однако не он выкрал сорок девушек и продал их хорасанским купцам.

- Ха, что девушки. Их доля такая - быть проданными.

Прикусил досадливо ус свой Маман. Не понравилась ему откровенность Орынбая. Старая дружба с суфи мешала разбойному бию увидеть истинного врага степняков,

- Уничтожив Айдоса, избавишь ли степь от вечных бед?

- Не избавлю, да и никто не избавит, зато напьюсь крови ненавистного мне Айдоса. Ханом каракалпаков решил стать, сделаю его ханом царства Азраила.

Опустил голову Маман. Разбойный бий лишь кровь искал, а чья кровь прольется, не тревожило его.

Заметил Орынбай, что недоволен его словами Маман, спросил:

- Скажи свою правду: тебе-то кто ненавистен?

- Кунградский правитель. Была бы сила, нынче бы напал на него.

- Астапыралла! - развел руками Орынбай. - Прямой ты, однако, человек, Маман, и от своих слов не откажешься. За это и уважаю тебя. Но силу тебе бог не даст. И молить будем бога, чтоб не дал. Всех нас растопчешь, и Айдоса растопчешь, и суфи великого посадишь на аркан, как собаку кусачую.

Захотал Орынбай, раскатился по степи его громовой голос. Смutil этот смех Мамана, напугал даже. Ты что, Орынбай?

- Ха-ха! И я такой же, как ты, Маман. Дай мне силу, растопчу всех биев, и тебя первого. Не нужен мне умный сосед. Пожгу аулы, уведу красавиц, продам хорасанцам за хороших коней...

«Дьявол! - подумал Маман. - Нельзя ему давать нукеров. Заплачет степь под его мечом».

Что же нам делать, Орынбай?- упавшим голосом спросил разбойного бия Маман. - Как защитит детей степи?

- О них ли надо думать, Маман-ага? О себе думать надо. Я пойду к эмиру Бухары. У кого больше силы, чем у эмира? А ты иди к своим казахам или русским. Не меняй дороги, сосед. Старая дорога самая верная.

35

Зима в Хиве холодная, но недолгая. Прилетят снежные бураны, накроют город белой кошмой и умчатся в пустыню. Полежит белая кошма неделю, другую, солнце начинает сворачивать ее, сначала ту, что на крышах и минаретах, потом ту, что во дворах, серую от пыли и песка. И если не наведается еще один северный ветер и не застелет город новой кошмой, так и кончится зима. И вместо белых кошм появятся ковры зеленые и красные. Любит весенняя трава земляные крыши Хивы, а уж о маках малиновых и говорить нечего. Крыши домов и сараев - их излюбленное место.

Еще с зимы начала готовиться к походу в каракалпакские степи Хива. Ковали хивинцы в кузницах мечи, отливали в горнах дробь и картечь. Мухаммед Рахим-хан по примеру эмира Бухары купил пушки и ружья у иноземных купцов. Немного, правда, - всего несколько пушек и с полсотни ружей. Но для Кунграда и степных аулов этого достаточно. Кроме Туремурата-суфи кто мог выставить настоящее войско против Хивы? Никто. У степняков копыта и сабли, да и саблей-то не всякий степняк мог владеть.

К тому времени, когда солнце начало сворачивать белые кошмы, звон железа в кузнях смолк. Отбили молоты жало мечей, отгремела дробь в шлифовочных котлах. Копыта коней сверкали новыми подковами.

Отмучился ожиданием похода Айдос. Ожидание всегда томительно. Один день его - и тот труден, а тут недели и месяцы пришлось ждать, думая и спрашивая сердце: так ли все, как тебе хотелось? Мысль, она на все находит ответ, сердце - не на все и не всегда. Не давало ответа сердце, и было оно печальным, и билось тревожно.

Свежая рана обиды наполняла Айдоса болью и гневом, и он готов был еще осенью вцепиться в горло Туремурата-суфи. Да что вцепиться в горло - перегрызть его, напиться крови вражьей. Тогда бы и поход оказался ко времени. Но зажила рана, поутихла боль, и гнев стал не таким неистовым, как прежде. А убивать без гнева, даже врагов, трудно. Понимал это Айдос и терзался сомнением: а надо ли убивать?

О братьях думал бий. Искал тропу к примирению, и казалось ему, что такая тропа есть, надо только ступить на нее, пройти несколько шагов и обнять братьев, и первым обязательно Мыржыка. Потом Бегиса. Ведь не может же вечно держать свое сердце в неволе вражды Бегис. Спадут пути, забьется оно прежней радостью.

Светлой была дума о братьях. Но в Кунграде, как и в Хиве, точилось оружие. Война близилась, и встретиться братья могли лишь на поле боя.

Метался во сне Айдос. Виделась ему та самая яма, в которую бросил его Бегис. Виделась собственная кровь и кровь братьев.

Он просыпался измученный. И боялся снова уснуть, боялся этих страшных видений. Сидел на курпаче, сжимая голову, унимая боль. Устал Айдос, почернел. Больным казался бий. И все недоумевали: что с ханом каракалпаков?

И Доспан не знал, что с его господином, а спросить не смел. Господина не спрашивают о его недуге, лишь тревожатся и молятся богу, чтобы небо послало исцеление.

Когда Мухаммед Рахим-хан объявил день выступления, Айдос попытался воспротивиться: рано, дескать, степь еще под покровом зимы. Оттянуть хотел роковой час. Хан удивился и сказал Айдосу:

Ты торопил нас, теперь медлишь. Мои нукеры - мусульмане, и они должны вернуться из похода к середине марта. Праздник навруза победители встретят в священной Хиве. Или ты не хочешь нашей победы, Айдос-бий?

- Хочу, великий хан.

В первых числах марта войско Мухаммеда Рахим-хана выступило из Хивы. Это произошло на рассвете. Город спал. На крышах еще белела зимняя кошма, и вдоль улиц несли холодный ветер.

Хан велел начать поход от Итан-калы, и конницу провели по улицам, мимо дворца, чтобы повелитель мог увидеть своих нукеров, услышать топот копыт, ощутить мощь своего войска.

Айдос ехал впереди сотен как мингбаши. Так повелел Мухаммед Рахим-хан. Степной бий должен покорить степь, завоевать право называться ханом каракалпаков.

На Айдосе был красный халат с золототканым воротником, на голове чалма, в руках плеть, украшенная серебром и лазурью. Гордо восседал на своем ахалтекинце Айдос. Старался быть величественным и грозным. Да и надо быть величественным, когда едешь во главе войска хивинского! Нет никому дела до того, что чувствует и думает каракалпак, едущий убивать каракалпаков.

- Доверяю тебе то, - сказал, напутствуя Айдоса, Мухаммед Рахим-хан, - что должен сделать сам хан. Пойми это и оцени.

Понял Айдос, но не оценил. Сказанное ханом было соткано из лицемерия. Не делил Мухаммед Рахим свою власть с каракалпакским бием. Гончим псом сделал он Айдоса в своей охоте на степную дичь. И если охота будет удачной, наденет на гончую золотой ошейник и посадит на цепь. Да что посадит! Был уже на цепи Айдос. Незримой, но ощутимой. Сжимал ошейник горло, и трудно было дышать. Жить было трудно Айдосу. Но утешал он себя тем, что жизнь эта дарована ханом священной Хивы. Не правителем Кунграда, ничтожным из ничтожных, шакалом в обличье суфи, не грязным Орынбаем, бием разбойных, не глупым Кабулом, трусливым степным зайцем, а великой Хивой.

Утешал себя этим Айдос и потому надел на себя мысленно золотой ошейник. В нем и ехал мимо дворца Мухаммед Рахим-хана. «Золото возвышает человека», - думалось ему. Но за старой крепостной стеной, почти развалившейся, размытой дождями и рассыпанной ветрами, когда войско вышло на степную дорогу, почувствовал Айдос, что ошейник-то его не золотой, а самый дешевый, железный ошейник. И цепь от него держит в руках не Мухаммед Рахим-хан, правитель великой Хивы, а приближенный хана - сотник Мухамеджан-бек, которого приставил к Айдосу советником сам правитель, сказав: «Будет он тебе опорой, бий каракалпаков, защитой верной в трудный час».

Не правой и не левой рукой Айдоса стал этот молодой холеный завсегдадай дворцовых пиршеств и увеселений, а головой старшего бия. Ехал он рядом с Айдосом, но казалось, что едет впереди, и не за старшим бием движутся послушно нукеры, а за Мухамеджаном. Его команду слушают, ему повинуются. Не предупредил воинов хан, что назначает военачальником Айдоса, самим же воинам и не нужен был такой военачальник. Им достаточно было одного Мухамеджан-бека.

Шли нукеры в Кунград, как приказал хан. Однако перед Амударьей не свернули они на запад, а устремились на север, к переправе через реку.

«Туда ли мы идем?»- хотел спросить бека Айдос, но не спросил. Красноречивым был взгляд Мухамеджана, обращенный к бию: «Не открывай рта, глупец, не утруждай свои ничтожные мозги. За тебя уже сказали, за тебя подумали. Иди, куда ведут, и не вздумай упрячиться».

Потом, когда нукеры переправлялись через Дарью на лодках и каюках и задавать вопрос, зачем это делается, было ни к чему, бек решил объяснить Айдосу причину изменения плана наступления:

- Сначала искореним в степи дух Кунграда, а потом ударим по Туремурату-суфи. Вез степи он ничто. Он сам упадет без степи.

Мудрый ход придумал хан. Степь можно покорить малой кровью. На каждый аул достаточно пятидесяти нукеров, да что пятидесяти - десяти хватит. Безоружные степняки склонят головы, увидев единственного нукера с обнаженной саблей. Остальным будут целовать полы халатов. А у Айдоса триста верховых, и вооружены они не только саблями. Ниц падет степь перед таким войском. Мудрый ход придумал хан. Вот только что предназначено в нем Айдосу? Роль гончей? Если так, то науськивать будет Мухамеджан-бек старшего бия на своих соплеменников, заставит грызть их, рвать зубами. «О боже праведный! - молился бий. - Тяжелую долю выбрал ты для меня».

Почувствовать же эту долю пришлось Айдосу в первом же степном ауле. Боялся он тропы, которой шел, боялся встречи с братьями. Но все же шел. Понуждал красный халат, надетый ханом, понуждала честь минг-баши.

Аул был небольшой, десятка три юрт и мазанок. Несколько коров бродило по равнине, выискивая сухую траву; грелись на солнце мартовском овцы - тощие после зимней бескормицы. У мазанок стояли люди - тоже тощие, как и овцы.

Мухамеджан-бек задержал сотню у въезда в аул, крикнул:

- Эй, бий!

В ауле должен был находиться старейшина, и его требовал к себе военачальник. Лучше бы, конечно, мирно войти в селение и поговорить с жителями, узнать, кого они считают своим ханом. Но входить в селение противника во время войны нельзя. Не допускают подобного действия правила похода. Земля аула - вражеская земля. Бог знает что ждет на ней нукера.

Из белой юрты вышел старичок, сутулый от природы или согнутый недугом, маленький и тоненький. В руках у него была палка; опираясь на нее, он заковылял на край аула, где стояло войско.

Не знал старичок, что это войско хивинского хана, потому не повязал на голову чалму, как принято в Хиве, а надел кураш, который обычно носят каракалпаки. Впрочем, аульчане никогда не расстаются со своим черным меховым колпаком.

Долго шел к беку старичок: с палкой не поспешишь, не поскачешь. Надо было сесть на коня, да был ли конь у этого жалкого бия? Поди, во всем селении не было настоящих коней. Наконец дошел старичок до бека и, дойдя, поклонился ему. И так, склонившись, произнес приветствие:

- Мир вам, великий воин.

Увидел старейшина и Айдоса, но понял, что главный тут не бий каракалпаков, а этот сотник, перепоясанный ремнями и увешанный оружием.

- И вам мир, уважаемый, - ответил бек.

- Пожалуйте в аул, - показал руками на селение старейшина. - Гостем будете.

Бек сделал строгое лицо и голосом холодным и жестоким произнес:

- Прежде чем войти в аул, мы должны узнать - враги или друзья нас там ждут...

- Друзья, друзья! - заверил бека старичок.

- Для нас друзья лишь те, кто пребывает под владычеством нашего хана.

- Ваш хан - наш хан, - ответил старейшина. Хитрым оказался старик - нашел что сказать беку.

Но не прост был бек, хитрому слову не поверил. Стал допытываться:

- А кто наш хан?

Забегали растерянно и испуганно глазенки бия. Теперь-то пришлось глянуть и на Айдоса и спросить у него: кто его хан? Или сам уже хан?

Не помогла хитрость старичку. Не ответил Айдос ни словом, ни взглядом. Да и как ответишь, когда на тебя смотрят и нукеры, и сам бек. Догадался Айдос, однако: не ему, старшему бию, служит старейшина, не его чтут старшим аульчане. И пожалел их. Так кто же наш хан?

- Владыка мира, правитель Хивы, - пролепетал старичок.

- Друзья знают имя и достоинства хана?

Не знал имени хивинского хана бий. Он вообще мало что знал о великих мира сего. Время приглушило любопытство его, а без желания узнать разве что-нибудь узнаешь? Прошное бы сберечь, а приобретать новое ни к чему. Не возьмешь с собой это новое в могилу.

- Назови, великий бек, и мы повторим, - сказал старик.

- Назовем, - злобно прошипел бек. - Назовем и заставим повторить!

- Он повернулся к конным джигитам и скомандовал: - Развернуться цепью и двумя крылами обойти аул!

Вздрогнул Айдос при словах команды. Война начиналась. И так просто, и так неожиданно. Он не видел надобности в налете на селение. Старейшина не знал имени хивинского хана. Но что из того! Не знает бий имени и других ханов. Темный человек, дикий человек. Просветлишь ли его разум огнем и мечом?

Сотня стала разворачиваться цепью, охватывая аул с двух сторон. Бек тронул коня и направился к белевшей посреди селения юрте бия. Самого бия погнал впереди коня. Как пленного, как вора.

«Зачем это?»- спросил Айдос себя. У кого мог он спросить еще во вражьем стане? Вражий стан - войско хана. Оно делало все во вред старшему бию, во вред тому, чем жило его сердце.

Он тоже тронул коня и тоже направил его к белой юрте старейшины. «Дорогой гибели своей иду, - мелькнула черная мысль в голове Айдоса. - И шаг роковой сделан не сегодня...»

Доспан посмотрел на старшего бия со страхом. Неужели не остановится его господин? Неужели вынет меч из ножен перед этими бедными людьми, что прижались к своим юртам?

Не остановился Айдос, и кинжал вынул, правда не сразу. Но все же вынул. И кровь пролил.

«Не бий, не главный бий каракалпаков мой господин, - решил Доспан. - Он нукер хана хивинского». Решил, и горечь отчаяния пришла

к нему. Увидел он господина своего в крови и себя в крови. Не на коне увидел, под конем.

Бек между тем пригнал старейшину к бийской юрте и остановился у входа.

- Сколько семей в твоём ауле, бий?- спросил бек. Снова забегали пугливо глазки старичка, снова замешкался с ответом.

- Немного.

Хитрил старикашка. Истина, видно, иной была, да не откроешь ее перед беком. Гнев вызовет истина у ханского слуги.

- Сколько же все-таки? Тридцать семей...

Оплошал старый. Не след было называть число. Глазом окинул бек селение и догадался, что аул вдвое больше. А тут еще нукеры, жвав кольцо, согнали людей к белой юрте.

Еликбаши, бородатый, толстый хивинец, сказал беку:

- Половина мазанок пусты, да еще насчитали девять брошенных очагов. Пепел на земле есть, а юрт нет. Сняты юрты.

«Откочевали», - догадался бек. Повернулся к старику, ткнул в его грудь рукоятью плетки:

- Куда откочевали?

Несильно ткнул, ягненок и тот не покачнулся бы, а старик упал. Нарочно, видно, упал, чтобы на земле оказаться и ухватить костлявыми руками ноги бекова коня.

- Великий бек, пощади! Глаза-то мои плохо видят, уши плохо слышат, не знаю, куда откочевали аульчане...

- Не знаешь, несчастный?- прорычал бек. - Какой же ты бий, если не видишь и не слышишь, что творят люди?

- Не бий я, прах всего лишь, песчинка на копытах твоего коня. Пощади.

Бек задумался. Надо было бы наказать бия за лукавство: покрывал он своих аульчан, притворялся немощным. А тот, кто покрывает враждебные действия своих подопечных, не творит ли зло хану? И, подумав, бек решил:

- Нужны ли человеку глаза, которые не видят? Нужны ли уши, которые не слышат?

Заплакал старик. Омыв слезами скупыми стал бекова коня.

- Пощади... Пощади...

Кровь сошла с лица Айдоса, глаза погасли. Жизнь будто покинула старшего бия. «Всевышний, - шептал он похолодевшими губами, - это

ли торжество справедливости? Ослепив старика, ослепим ли истинных врагов хана. Старик-то на нас руку не поднимает».

Лишился бы глаз старик и ушей лишился бы, да спас его другой аульчанин, своей нерасторопностью спас. Пригнали нукеры степняка, покинувшего аул час назад и успевшего уйти со своим верблюдом всего лишь за ближний холм.

- Куда вел верблюда?- спросил бек невысокого, коренастого степняка, не старого, но и не молодого уже, семейного, должно быть, потому что на верблюде была навьючена люлька.

- В Кунград, - смело ответил степняк.

«Этому головы не сносить, - подумал Айдос. - К врагу хана шел. И к моему врагу...»

- Почему в Кунград, а не в Айдос-калу?- поинтересовался, ехидно улыбаясь, бек. - В Айдос-калу ближе.

Прямой был человек этот степняк. Не стал утаивать своих намерений, сказал:

- Айдос-кала хоть и ближе, но солнце туда не заглядывает. Ночь там вечная. Айдос-бий народ свой предал, накинул на него аркан неволи и бесправия, сделал его рабом других народов... Зачем же идти в Айдос-калу...

Еще ехиднее стала улыбка бека. Радовался он словам, брошенным в лицо Айдосу, злым, несправедливым словам. И казалось ему, что слов этих сказано мало. Горстка жалкая всего лишь набралась, а беку нужен был целый хурджун. И он спросил степняка:

- Знаешь ли, несчастный, что Айдос-бий главный бий каракалпаков?

- Знаю.

- Знаешь ли, что великий хан хивинский назначил его своим наместником на этой земле?

- Знаю.

- И все же называешь предателем.

- Да, он предатель.

- Великий бий, - повернулся к Айдосу бек, - человек этот бросил камень унижения в хана и его наместника. Назвал он правление Хивы вечной ночью. По закону ханства плохое слово должно быть возвращено тому, кто его произнес, и возвращено тотчас же. Великий бий, накажите обидчика. Неспособный разумно пользоваться своим языком должен лишиться его.

Бог спас старейшину аула - молитву Айдоса услышал, что ли?- но спасти упрямого степняка не смог. Не пожелал спасти или молитвы не услышал? Да и как мог услышать, если Айдос не успел произнести ее...

Нукеры схватили упрямого степняка и заломили ему руки за спину. Он должен был закричать, взвыть от страха: язык-то рвут у живого, а живой может ли расстаться с тем, что делает его человеком. Не приведи всевышний расстаться кому-либо с языком!

Нукеры ждали палача. Ждали Айдоса. Его оскорбил степняк, ему приказал бек расправиться с обидчиком.

Не слушались ноги, не слушались руки старшего бия. Надо было слезть с коня, а как слезть, если онемело все. Айдос глянул на Доспана: «Помоги, сынок!»

Стремянный слетел с седла, подскочил к бию, под ставил под его сапог спину свою. Крепкую, верную спину.

- Мой бий, слезайте!

Зачем Айдосу его спина? Ему плечо нужно. Ему руки Доспана нужны. Пусть снимут бия с коня.

Догадался Доспан и потянул Айдоса с седла. Опустил бережно на землю.

Земля вернула силы бию. Теперь он мог сам подойти к упрямому и глупому степняку. Мог вынуть из ножен кинжал, вырвать из злого рта язык и отрубить его.

Для другой цели предназначался кинжал. Для другого случая точил его Доспан. Точил и приговаривал: «Защити нас от врагов, пролей кровь недругов!» А вышло, не защищал он от врагов, а проливал кровь братьев.

- Проклинаю тебя, Айдос! - крикнул упрямый степняк и плюнул в лицо бию.

Несчастный! Надо ли было множить свою вину? Надо ли было гневить бия? Полоснули страшные слова Айдоса как плеть. Взъярился он, захмелел злобой. Шагнул к степняку, поднял его и мгновенно, будто срезал молодые побеги камыша, отхватил кинжалом левое и правое ухо.

Кровь хлынула на лицо упрянца, закричал он.

На нетвердых ногах вернулся Айдос к коню, сел в седло и погнал своего иноходца.

Стая в триста нукеров летела по степи, захватывая то один, то другой аул на день, на ночь, а то и того меньше.

Далеко бы в степь залетела стая нукеров, утверждая имя хана хивинского, не попадись ей по пути гонец из Айдос-калы - неполноправный бий Кадырберген.

- Айдос-ага! - поднял руки Кадырберген, останавливая стаю. - Плохая весть! Туремурат-суфи ведет войско в двести всадников на Айдос-калу.

Плохая весть. До утверждения ли имени хана в других аулах, когда собственный в опасности? Айдос повернул иноходца на запад, к берегу Кок-Узяка.

Э-э, зачем?- воспротивился было Мухамеджан-бек. Однако повел нукеров вслед за старшим бием.

Стая прилетела в Айдос-калу на исходе дня. Не было кунградских джигитов ни в ауле, ни возле него. Не подошло, видно, войско суфи к Кок-Узяку. А может, и не собиралось подходить, поугал только суфи степняков, погрозился напасть на аул Айдоса, а сам сидел в своем Кунграде и попивал чаек? Попивал и посмеивался.

По душе пришлась эта тишина Мухамеджан-беку. Сабли вынимать из ножен кому хочется? Тем более против кунградцев. Не овцы это, собранные в отару, не трусливые бродяги, севшие на коней. Нукеры суфи хорошо знают ратное дело и меч не опускают, пока не слетит голова с плеч противника. Знал это бек и не торопился встретиться с воинами Туремурата-суфи. Потому выбрал дорогу не в Кунград, а в мирные степные аулы.

Ну, если беку хивинскому была по душе мирная картина, то Айдосу тем более. Он посветлел весь, расцвел, увидя аул свой целым и невредимым. Сердце, томившееся тревогой долгие дни, забилося ровно и легко. «Мой дом, - прошептал он, - дом моего отца, дом братьев моих. Пусть будет он домом и для сыновей моих. Не уйду отсюда. Умру здесь, защищая его».

Аульчане, увидя своего бия, поспешили навстречу. И в руках у каждого была лепешка. Айдоса ли встречали степняки так радушно или триста хивинских нукеров, кто знает? Но старшему бию верилось, что его. И он приложил руку к сердцу, как делают хивинцы, благодаря аульчан и восхищаясь ими.

«Любят своего бия, верны ему, - подумал Айдос. - А я так мало для них сделал. Хотел сделать много, да не сумел. Бог поможет, сделаю больше».

Бек и воины приняли от аульчан хлеб- соль. Радовались: ни в одном ауле их не встречали так.

Бек ввел сотню в аул, остановил около юрты бия и велел нукерам спешиться. Сам же остался в седле.

- Львы Хорезма! - поднял он копьё, обращаясь к нукерам и аульчанам, что собрались поглазеть на хивинских воинов и узнать новости. - Ваш путь - путь славы. На своих мечях вы несете победу великому хану. Но не одними мечами добывается победа. Мы вошли в город друзей Хивы, а сердца друзей побеждают добротой. Стены Айдос-калы подняты лишь на один локоть. Надо поднять их на десять локтей, чтобы сделались они неприступными, чтобы враг не потревожил покой друзей наших. Говорят, кунградское войско уже вышло к Кок-Узюку. Намерены кунградцы разорить Айдос-калу, пленить друзей Хивы. Пока движется Туремурат-суфи, поспешим поднять стены, преградим ему путь. А когда он подойдет к городу, встретим его копьями и мечами. Покажем, на что способны доблестные хивинцы. Слава великому Мухаммед Рахим-хану!

- Слава! - ответили воины.

Бек распустил нукеров, а шестерым еликбаши приказал установить посты на краю аула.

- Кунградцы еще далеко, - сказал он, - но лазутчики суфи могут оказаться близко. Хитрый враг пускает впереди себя гончую.

Нукеры разбрелись по юртам и мазанкам, еликбаши повели постовых на край аула. В Айдос-кале снова стало тихо, как будто не прибыли триста всадников и не переменялось ничто в жизни аульчан.

Теперь и нам пора отдохнуть! - отодвинул полог белой юрты Айдос, приглашая бека к дастархану.

Хоть и не ждали в тот вечер гостей, скатерть была расстелена, и на ней красовались подносы с жареным мясом. Успели джигиты заколоть барашка и, пока бек произносил речь перед своими нукерами, разделали тушу, бросили в раскаленный котел. На большом огне не только молодое, но и старое мясо быстро доходит! За какие-нибудь полчаса изжарилась нежная баранина, и ее положили на подносы.

Бек сел на почетное место и почувствовал себя хозяином. Развалившись на подушках, стал подшучивать над Айдосом.

- Проскакал я полстепи и не понял, на чем держится каракалпакское ханство?- улыбаясь сказал он.

Айдос, не уловив подвоха, принялся было растолковывать сотнику, что к чему. Но не слушал хозяина гость, у него был готов ответ, и, едва смолк бий, он произнес его:

- Я думаю, каракалпакское ханство держится на ваших плечах.

- Если нельзя опереться на силу Хивы, - ответил с обидой в голосе Айдос, - пусть степняки обопрутся на мои плечи.

Насмешливая улыбка исчезла с лица бека. Ему показалось, что в ответе Айдоса таится вызов Хиве.

- А вы смелей, бий! - заметил гость.

Чтобы уйти от опасных слов, которые бек бросил хозяину, и бросил с умыслом, Айдос сделал вид, что озабочен нарушением этикета. Торопливо пододвинул гостю блюдо с мясом:

- Ешьте, дорогой бек. Барашек вкусен, пока не застыло сало.

Бек ухватил баранью ляжку и вгрызся в нее зубами. Мясо было сочным, сало пряным. Весь день мечтал сотник о вкусной еде и отдыхе. Но голод мучил его, оказывается, меньше, чем желание выговориться перед старшим бием.

- И у братьев ваших, говорят, такие же могучие плечи?- спросил, не спеша пережевывая мясо, бек.

Айдос досадливо поморщился.

- Весь наш род крепкий.

- А что, если степняки захотят опереться на плечи ваших братьев?- как и прежде, насмешливо улыбаясь, спросил бек.

- Обопрутся на плечи моих братьев, значит, изменят Хиве. Братья служат Туремурату-суфи, врагу вашему.

- И вашему... - добавил бек.

- Я стал его врагом, когда признал хана хивинского.

- А прежде были друзьями?

- Друзьями не были, но и не были врагами... Мухамеджан-бек учуял в ответе старшего бия скрытую досаду: из- за Хивы, мол, нарушился покой степи. Дознаться решил бек, так ли это. Спросил:

- Сожалеете?

- Этому нет места в моем сердце.

Наверное, не было места сожалению в сердце Айдоса. Хиву-то он избрал сразу, без колебаний, и совсем не потому, что хотел противопоставить аул свой Кунграду. Но все же что-то досадное

родилось при этом разделе степи на два враждебных лагеря. Сказав твердо беку, что нет места сожалению, бий все же грустно вздохнул:

- Семья, однако, распалась.

«Вот она, трещина на могучем сердце», - обрадовался бек, будто не о горе человеческом узнал, а о павшем вдруг с неба счастье.

- Распалась, - закивал он головой. - На разных берегах оказались братья, а посередине река вражды. Огненная река... Не переплывешь, вброд не перейдешь...

Айдос опять вздохнул.

- Верно сказали, бек, огненная река. Вброд не перейдешь, не встретишься...

Вытянул наконец хивинец из Айдоса что хотел.

- Да, да... Трудно встретиться... А ведь придется... Встрепенулся Айдос, как беркут, которого коснулась стрела охотника.

- Зачем же?- испуганно спросил он.

- Чтобы оружием решить спор. Кунградскими джигитами командует Бегис, брат ваш. И он, а не суфи, ведет сюда войско.

- Бог даст, не доведет, - высказал наивную надежду Айдос. - Узнает, что здесь стоит конница хана, и вернется назад.

- У нас триста мечей, у него - тысяча. Триста против тысячи все равно что ястреб против беркута.

Издевался над старшим бием хивинец, что ли?

- Откуда взялась тысяча мечей?- удивился Айдос. - На тысячу джигитов нужна тысяча коней. Со всей степи не соберешь столько.

- Лазутчики сообщили, - пояснил бек. - Да и в аулах, где мы останавливались, люди называли тысячу.

- Обман! - махнул рукой Айдос. - Хитрость суфи. Держит кошку, а кричит, что это тигр.

- Была бы кошка, так вы сами ее придушили бы, не просили бы помощи хана. Помощь-то вам была нужна, чтобы одолеть тигра.

Сердиться стал Айдос. Морочит его бек, пугает Кун-градом. Оставить, видно, хочет бия одного.

- Не кошка и не тигр у суфи, волк всего лишь, - произнес он. - А на волка хватит трехсот нукеров.

Этим сравнением бий унизил гостя. Выходит, против волков воюет войско хивинское? Доблестное войско великого хана словно гончая рыщет по степи?

- Для чего триста нукеров?- съязвил бек. - Хватит одного. Человек с такими, как у вас, плечами, думаю, справится с волком.

Почувствовал бий, что так и до разрыва недалеко. А нужен ли старшему бию разрыв? Нужна ли стычка с военачальником? Возьмет тот своих нукеров и уйдет в Хиву.

- Великий бек, - сказал примирительно Айдос, - я не искушен в ратном деле, хотя дважды участвовал в походах хана. Если вы слышали о кунградском тигре, значит, он существует. Построим стену в десять локтей, через нее не перепрыгнет ни тигр, ни лев. Не возьмет нас за стеной правитель Кунграда.

За разговором гость и хозяин опустошили два подноса. Нежной была баранина, так и таяла во рту, так и проскальзывала в желудок. Покончив с мясом, гость принялся за чай.

Чай у степняков напиток умиротворения. За чаем не спорят, за чаем говорят друг другу приятные вещи.

Начал с приятного и Айдос, сказав:

- Доброта ваша, бек, беспредельна. Поднимут нукеры стены города, высечем имя ваше на воротах, смотрящих в Хиву.

- Спасибо, бий, - склонил голову гость.

- Подарим вам коня чистой крови.

- Спасибо, бий...

- Цветами усыпем вашу дорогу от Айдос-калы до Хивы.

- Спасибо...

Много бы еще приятного сказал Айдос гостю за пиалой чая, но тому было достаточно и этих трех обещаний. Да и не для приятных слов он затеял разговор со степным бием.

- Все это я приму с благодарностью, - остановил хозяина бек, - если доживу до мирного дня и если в тот день увижу вас живым и невредимым, бий. Мы пришли в степь воевать, а судьба воина во власти неба. Как решит бог, так и будет.

У Айдоса защемило сердце. Что это бек все о смерти да о смерти говорит? Ведь ради жизни бия и его степняков пришли сюда сотни хивинцев.

- Да, все во власти неба. Небо посылает смерть, небо дарует и жизнь. - Айдос все же хотел утвердить жизнь. Последним поставил это слово.

Гость упрямо поменял слова местами:

- Сохраняя свою жизнь, обрекаем другого на смерть. - Не для игры гость поменял слова местами и будто подводил хозяина к черте,

которая и судьбу его собственную определит. Спросил, глядя в глаза Айдо- су:- Что выберете, бий, жизнь или смерть братьев своих, когда мечи ваши столкнутся в бою?

Спросил о том сейчас, в юрте бия, за пиалой чая, а собирался спросить, наверное, много раньше, когда только сели на коней и выехали из северных ворот Итан-калы. И всю дорогу, должно быть, мучился желанием узнать, поднимет ли старший бий меч над головой братьев. И не один бек, видно, мучился этим желанием. Хан, поди, тоже гадал, куда повернет Айдос в решающую минуту, сохранит ли верность Хиве?

- Меч сам изберет смерть или жизнь, - уклончиво ответил бий. Не мог он так легко решить судьбу братьев своих.

- Меч в руке, а рука подчиняется сердцу, - отбросил неопределенность бек. Ему надо было узнать, что в сердце Айдоса.

- Сердце мое человеческое, - сказал Айдос, и боль была в сказанном.

- Слабое или сильное?- полюбопытствовал бек. - У слабого оно слабое...

Лез в душу Айдоса этот неугомонный сотник. Уже все, кажется, узнал, до всего добрался. Остановиться бы пора, передохнуть бы дать бию, уставшему от дум печальных.

- О бек, вы молоды, - сказал Айдос. - А молодости многое неведомо. Сердце может быть и слабым, и - сильным...

- В бою оно должно быть только сильным, - настаивал сотник.

Мука исказила лицо бия.

- И будет сильным... - произнес он. - Меня не пощадят, и я не пощажу. Меч обнаженный все решит. Только меч...

Мирно спали в ту ночь и Айдос, и Мухамеджан-бек. И аул спал. Что тревожиться степнякам, когда в селении стоит войско хана и в каждой юрте сладко храпят пять-шесть нукеров. Постовые тоже не больно старались. Обойдут раз-другой стену городскую да, прислонясь к камню, смежат веки. А как веко опустилось, тут и дрема. Одни дозорные бодрствовали, мерили дорогу от холма до аула и от аула до холма. Но тихо было.

Однако обманчивая была эта тишина. И если бы дозорные берег Кок-Узяка проверили, то услышали бы необычный шелест камыша.

Беспокойно шумели заросли, словно раздвигал их кто-то плечом или грудью, подминал под ноги. Перед самым рассветом ярко вспыхнул огонь на берегу. Огромный сноп камыша, сухого, выстоявшегося за зиму, загорелся и осветил берег, и холм, и аул. Не сам загорелся, чьей-то злой рукой был зажжен. А когда пламя взвилось к небу, берег огласился криком сотен глоток:

- Ур-р! Бей!

Джигиты Туремурата-суфи летели на аул Айдоса, чтобы растоптать его, сжечь, развеять прах по ветру. И ханских нукеров изничтожить, и самого бека порубить. От крика, а может, и от топота проснулись постовые, застучали в сигнальные барабаны. Прискакали в аул перепуганные насмерть дозорные.

- Враг напал! - кричали они. Айдос первым выскочил из юрты.

- Поднимайте джигитов! - приказал он. - Всех на городскую стену.

Бек замешкался. Не мог сотник предстать перед нукерами в ночном белье, безоружным. А когда оделся и вышел, воины уже бежали к стене.

- На коней! - скомандовал бек.

- К чему на коней?-остановил его Айдос. - В темноте конные не разберут, кто свой, кто чужой. Пусть кунградцы пойдут к аулу, здесь мы их встретим пулями.

Однако люди, услышав сотника, повернули назад, к коновязи, и часть джигитов показалась на конях, но часть все еще была пешей. И пеших Айдос повел к городской стене, за укрытие, наставляя:

- Не торопитесь стрелять, львы Хорезма! Пули - не зерна джугары, не бросайте их на землю. Каждая должна найти кунградца.

Топот конницы приближался. Он походил на шум града в степи, когда небо посылает вместо дождя ледяные камни и они зло лупят траву и песок.

Первая цепь кунградцев выскочила из темноты и понеслась к аулу. Джигиты вопили: «Бей!»- и размахивали саблями.

Огонь от снопов камыша был еще ярок и освещал спины кунградцев. Защитники аула хорошо различали силуэты людей и коней, и можно было брать на прицел любого.

- Стреляйте! - крикнул Айдос.

Грохнули выстрелы. Звук их потонул в топоте копыт. Но пули нашли свои жертвы. Пять или шесть кунградцев вылетели из седел.

У стены показалась вторая цепь кунградцев.

Айдос повторил команду:

- Стреляйте!

Опять грохнули ружья. И опять упали пять или шесть всадников, и эта цепь прервалась. Закружились на месте джигиты, не зная, продолжать атаку или возвращаться к берегу канала.

Тут из ворот выскочил со своей сотней Мухамеджан-бек. На добрых, свежих конях хивинцы быстро настигли кунградцев и принялись рубить их саблями. Степь огласилась криками.

Короткой была схватка. Кунградцы дрогнули под натиском хивинцев и кинулись прочь. Они уже не кричали: «Ур-р! Бей!», а молили о пощаде: «Алла!» Но Мухамеджан-бек не решился преследовать врагов. То ли побоялся засады, то ли не надеялся на своих джигитов: против пятидесяти кунградцев они были орлами, но будут ли орлами против сотни? Да и сотня ли таится в камышах? Ведь недаром суфи хвалились тысячью.

Бросив вслед кунградцам десятки обидных слов, хивинцы вернулись в аул под восторженные возгласы аульчан.

Айдос тоже хвалил хивинцев, но на сердце у него была тревога. Не прогнали от Айдос-калы врага, а отогнали только. Отполз он к берегу Кок-Узяка, укрылся в камышах и зализывает рану. Передохнет и снова бросится на аул. Не с пятьюдесятью нукерами бросится уже - со всей тысячью.

- Потеряли мы кого-нибудь?- спросил Айдос бека.

- Пятнадцать джигитов, - ответил тот.

Был хмур бек. Победа тоже не казалась ему победой.

- Дорого обошлась нам эта ночь, - посочувствовал сотнику и себе Айдос.

- День обойдется еще дороже. Дозорные наши поймали кунградского лазутчика. Говорят, у суфи восемьсот мечей и ждет он еще двести. Идут к нему люди со всей степи...

«Со всей степи, - мысленно повторил Айдос. - Загорелась, значит, степь. Кто породил огонь - я или Туремурат-суфи, неизвестно. Но гонит ветер пламя к моему аулу...»

По сухой траве огонь бежит как сайгак спугнутый, не глядя, и к горам, и к морю, и к пескам черным.

Гнал ветер пламя войны не к одному аулу Айдоса.

Боялись огня безумного степняка - огня войны. Снялись с зимовки и ушли в тихое безветренное место. Ушли и русские. Купец Тимофеев свернул свое нехитрое торговое дело и подался морем на север. Хотел взять с собой и кузнеца Никифора, но тот заупрямился: привык к степи, со степняками породнился вроде. «Неволить не стану, - сказал Тимофеев, - живи со своими караалпаками». Но поселок разрушил и кузюно забрал с собой, даже молотка не оставил Никифору.

Кто уйти не смог - земля ли держала, вода ли держала, - тот взялся за оружие. Взялся за оружие и Маман-бий. «Защищать будете дом свой! - сказал своим джигитам. - Ввязываться в чужую драку не надо, но если воры полезут в наши юрты, живыми их оттуда не выпускайте!» Сказал это он, когда конница хивинская переправилась через Амударью и начала громить караалпакские аулы.

Понял Маман, что не пойдут хивинцы на Кунград, а двинутся в глубь степи, и мало кто из биев сможет устоять перед нукерами Мухаммед Рахим-хана. Слабы бий, безоружны, да и в одиночку даже сильный не справится с тремя сотнями хивинцев.

Джигиты Мамана умели драться. Обучил их тому сам бий и казахские нукеры. Себя не жалел и парней не жалел. С утра до вечера гонял на пустыре за аулом. Сколько лозы порубили, сколько снопов камышовых попротыкали копьями! Могли теперь и не только снопы протыкать, и не только лозу рубить.

Ждал Маман появления хивинцев, а прискакали нукеры Орынбая. Горластые, злые, нетерпеливые, как и их бий.

Когда Орынбай седлат чубарого коня, значит, затевает что-то разбойное. На чубаром он и прискакал к Маману.

Какая забота привела тебя в мой аул, Орынбай?- спросил Маман.

- Забота о благополучии нашем, брат Маман. Горит степь, и огонь приближается к Жанадарье.

Догадался Маман, о каком он огне говорит. Хивинцы, видно, идут на дальние аулы. Однако догадку решил проверить и любопытствовал:

- Кто зажег-то степь?

- Кто? Известно кто, проклятый Айдос. Разрушил очаг рода, прогнал братьев, вот искры полетели по всей степи.

- Ну, это дело старое, - успокоился Маман. - Вернутся братья - погаснет пламя.

Рано, однако, успокоился «русский бий». Не о том пламени говорил Орынбай.

- Бой был вчера у Айдос-калы, - тревожно и вместе с тем радостно сообщил Орынбай. - Хивинцев и кунградцев полегло десятка три. Туремурат-суфи окружил аул и теперь будет добывать Айдоса. У суфи восемьсот мечей. На мелкие куски разрубит хана каракалпакского.

«Как попали хивинцы в Айдос-калу? - удивился Маман. - Их дорога вроде лежала на Жанадарью. Сюда должны были прийти, в дальние аулы». Удивился, но допытываться у Орынбая, почему так произошло, не стал. Должно быть, загнал хивинцев в аул Айдоса правитель Кунграда. Спросил про другое, более важное для себя:

Спешишь на помощь суфи, брат Орынбай?

- Ха, ему моя помощь не нужна, - рассмеялся разбойный бий. - Он без меня добьет Айдоса. А вот разделить аул я ему помогу.

Он повернулся к своим нукерам и крикнул:

- Эй, джигиты, кто возьмет половину аула Айдоса? Разгульные, веселые нукеры, похожие не на воинов, а на разбойников, дружно ответили:

Мы возьмем половину аула Айдоса!

- Слышишь, Маман? Половина аула наша... - Орынбай перегнулся через седло и тихо, для ушей одного лишь Мамана, добавил: - Если присоединишься к нам, возьмешь вторую половину. А? Согласен?

Не ожидал Маман такого предложения разбойного бия. Прежде-то он о своих разбойных задумках соседа не оповещал и добычу делить с ним не собирался. Или подобрел Орынбай, или на собственные силы не надеялся и искал сообщника.

- Надо подумать, - ответил растерянный Маман. Отказать разбойнику бию так вот сразу он не решался. Бог знает, как поведет себя старший сосед.

- Думай, Маман, только не долго. Пока огонь горит, надо успеть выгнать скот из хлева.

Гикнул Орынбай озорно, хлестнул своего чубарого и помчался в степь, а за ним ринулась беспорядочным табуном шумная стая джигитов. Огласилась округа криком и топотом.

«Сожгут, растащат аул Айдоса, - подумал Маман. - Пришло время разбоя и огня. И опалит оно всех...»

Зарядили весенние дожди, долгие, обильные. Неделями не выходили из юрт степняки, и как выйдешь, если воды в степи по шиколотку, не на плоту же плыть. Небо, должно быть, расплачивалось с землей за не слишком снежную зиму, и расплачивалось сторицей.

Степняки не обижались на небо. Богатые дожди, богатая весна. Травы рано пойдут и поздно поблекнут. Долго будет земля поить их: сама напилась вдосталь, щедро и отдавать станет.

В такую весну, когда все рано пробуждается к жизни, душа степняка радуется: обильным будет урожай. Готовь мешки для проса, джугары, пшеницы. Готовь чаны для масла. На сочной траве подберут буренки, поспевайте только, степнячки, выдаивать своих пеструх и сбивать масло...

Да, радуется в такую весну душа степняка.

И в эту весну полагалось радоваться степнякам. Да не радовались они. Тревогой жили. Разбой шел по степи, а он кого не напугает...

Напугал разбой и степняков аула Мыржыка. В один из дней весенних поднялись аульчане на холм, тронули полог бийской юрты, спросили:

- Вий, что делать будем? Скоро время сева. Самого бия разбойный ветер пока не коснулся: не входили в его юрту нукеры хивинского хана и джигиты правителя Кунграда. Не понял поэтому Мыржык, о чем спрашивают его люди.

- Делайте то, что делали в прошлую весну. Замахали руками аульчане.

- В прошлую весну сеяли джугару и просо. Осенью джугару и просо собрали. Что соберем нынче?

Загадку загадывали аульчане Мыржыку. Но не было озорного огня в их глазах. Не по себе стало молодому бию.

- Соберете, что посеете.

- Нет, бий, посеем-то мы просо, а соберем слезы. Проскачут по полю нашему разбойные кони, потопчут все.

Не слышал еще Мыржык топота разбойных коней.

- Доскачут ли до нас?- засомневался он. Еще отчаяннее замахали руками степняки.

- Доскакали уже. У Сарымбета-кривого коня отобрали, у Ашила угнали овец. Сотня Орынбая ночами кружит за озером. А волк не приходит зря к аулу.

- Орынбай, что ли, отобрал корову у Сарымбета-кривого?

- Нет, не Орынбай - нукеры кунградского правителя.

Бог мой, не Бегис ли занялся разбоем, к собственному брату посылая людей с ножами и арканами? До чего дожила степь!

- И овец угнал Туремурат-суфи?- спросил Мыржык у аульчан. Имя брата он произнести не посмел.

- Овец угнали хивинцы.

Не сразу отозвался Мыржык. С тех пор как вернулся из Кунграда, не желал он никого видеть, слышать ни о чем не хотел. Опротивела ему степь, бии вероломные опротивели. Сыном своим был лишь занят, о нем думал, о его судьбе печальной: не в ту годину родился Ерназар. Несчастье одно посеяло небо, на земле ненависть и зло царят.

- Орынбай, значит, к черным делам непричастен?.. Не он овец угнал и отнял корову?- произнес он.

- Пока не отнял, - зашумели аульчане. - Но грозитя Орынбай сжечь аул, забрать скот. Девушек грозитя увести в Хорасан, обменять на кровных коней. И еще грозитя...

Тут аульчане запнулись. О главной угрозе Орынбая побоялись сказать бию. Страшной, видно, была она.

Догадался Мыржык, почему замолкли степняки: касалась, должно быть, угроза молодого бия и его семьи.

- Не закрывайте рты, не досказав главного, - потребовал он. - Чем еще грозитя Орынбай?

Самый смелый из аульчан, пастух Омар, передал угрозу Орынбая:

- Трех братьев привязать к хвостам коней и лицом вниз проташить по степи от Маман-шенгеле до Жана-дарьи, чтобы и косточек сыновей Султангельды не осталось.

Выслушал Мыржык пастуха, не изменился в лице, будто не о смерти говорил Омар, а о делах житейских, которые требуют внимания бия. Другое занимало Мыржыка - его собственная судьба, судьба семьи Султангельды. Великого хотели добиться братья, врагами стали друг другу из- за этого, а вышло мелкое, ничтожное и унижительное. Последний бродяга мог теперь плюнуть в лицо братьям, пнуть ногой их, как пинают бездомных псов. И верно, нет у них дома. Аул отца окружен кунградцами и падет не сегодня завтра. Пепел от родного очага развеет степной ветер. Забудут люди о семье Султангельды, затопчут его могильный холм.

«Нужно ли дальше идти по тропе, что зовется жизнью? - подумал Мыржык. - Не лучше ли набросить на себя петлю, как Али, и оставить этот мир, в котором одна несправедливость?»

Видели аульчане - думает бий. И помешать нельзя.

Сарымбет-кривой, у которого кунградцы корову отняли, крикнул все же:

- А не взять ли нам в руки мечи?!

- Да, да, - поддержали Сарымбета остальные аульчане. - Надо взять мечи. Стонами да слезами не защитим себя.

Мыржык с любопытством посмотрел на своих аульчан. Спросил:

- А сколько нас? Одолеем Орынбая? Задумались степняки и уже не так уверенно ответили бию:

- Бог даст, одолеем.

- Без всевышнего не обойдется, - заметил Мыржык. - Всевышний нам поможет. Но мечи, однако, нужны. К нашим тридцати еще бы пятьдесят соседских добавить.

- Э-э, откочевали соседи.

- Куда?

- Кто в Кунград, кто за Жанадарью к казахам. Мыржык прикинул:

- Кунградцы не друзья нам. Казахи - друзья. Не попросить ли помощи у казахов?

Теперь задумались аульчане: никогда еще не звали каракалпаки на помощь казахов. К своим биям всегда обращались. Свои ближе, надежнее вроде. Да и далеко живут казахи. Не день и не два до них скакать. А по весенней степи, под дождем и все четыре дня уйдут на дорогу.

Долго раздумывали аульчане и сказали:

- Скачи, бий, к Жанадарье.

Казахов все же не назвали. Побоялись назвать чужих.

- К Маман-бию скачи. Маман-бий степнякам не враг.

Мыржык и сам хотел выбрать Мамана, да побоялся, как бы не воспротивились степняки. Бог знает, что на душе у аульчан.

- Воля ваша, - сказал Мыржык и поклонился аульчанам. Легче стало у него на сердце. Отогнал вроде мысль о смерти. - Поскачу к Маман-бию. А вы готовьте мечи.

Степняки пошли вниз, к подножию холма, в свой аул. Мыржык вернулся в юрту.

Кумар встретила мужа за пологом. Стояла, должно быть, все это время и слушала, что говорили аульчане. Господин мой, - прошептала Кумар, - святое дело замыслили вы.

На руках у Кумар был сын, маленький Ерназар, дорогое Мыржыку существо. Он принял его от матери, посветлевший и радостный, и сказал:

- Женщина, которой понятна мудрость воинов, сама может стать воином.

Вспыхнула, польщенная похвалой, прекрасная Кумар.

- Если разрешит мой господин.

Свои слова он произнес в шутку и хотел услышать шутливое в ответ, а услышал серьезное.

«Или пришло время и женщинам брать в руки оружие? - спросил он себя. - Кумар-то не знает, какое время пришло для степняков. Не видела еще огня войны, что пылает в степи».

А Кумар знала, Кумар видела. Сердцем матери угадывала, откуда крадется смерть.

- Пришло время, - сказала она.

Он посмотрел на жену с удивлением. В самом ли деле Кумар способна взять в руки меч и копье? Ведь не имя делает воина воином, а мужественное сердце. И вдруг вспомнил: ненавистного хивинца убила-то Ку-мар, нежная, прекрасная Кумар.

Восхищение и страх охватили Мыржыка.

- Дам тебе меч, - сказал Мыржык. - Оставлю вместо себя бием аула.

Кумар опустила на колени и поцеловала полу его чекпена, как воин целует полу ханского халата перед походом.

- Благодарю, мой господин.

- Послушаются ли тебя аульчане? - засомневался Мыржык. - Я не видел сотника-женщину. И они, наверное, не видели.

- Не видели, но слышали дастан «Кырк кыз». Разве не женщины защитили свой народ? Разве не они прогнали врагов родной земли?

«Да, ты могла бы быть героиней этого дастана, - подумал Мыржык. - Ты прекрасна, Кумар!» Подумал, но не произнес этого вслух. Не хотел возвышать жену. К лицу ли бию смотреть на женщину снизу вверх, а не иначе?

- Женщины защитили, верно, - повторил Мыржык слова жены. - И ты защитишь свой аул, сына своего. Верю, Кумар. А я потороплюсь к

Жанадарье за помощью. Пяти лун не пройдет, как вернусь с джигитами Мамана. Разобьем войско кунградское.

Кумар поднялась, произнесла, глядя в глаза ему: Там брат ваш.

- Что из того?- спросил он.

- Хорошо ли поднимать меч на брата?- объяснила сказанное Кумар.

- Не я поднял, они подняли, - с раздражением ответил Мыржык.

- Бий-кайнага не поднимал меча на вас, - заметила Кумар. - Он никогда не поднимет его на братьев...

Мыржыка сердила эта похвала жены в адрес Айдоса. Вечно защищала она старшего бия.

- Помолчи, жена! - повысил голос Мыржык. - Что ты смыслишь в мужских делах! Сердца наши закрыты, и что в них - только богу известно.

Грустными стали прекрасные глаза Кумар.

- Я попрошу бога открыть твое сердце, - сказала она. - Мать он услышит.

Вовсе рассердился Мыржык:

- Не гневи всевышнего! До нас ли ему, когда мир залит слезами боли и отчаяния.

- До нас, -уверенно ответила Кумар. - Вражда трех братьев и породила эти слезы боли и отчаяния. Помиритесь, сыны Султангельды! Люди простят...

Люди простят! Ново было это для Мыржыка. Неужели степняки осуждают своих биев? В мысли и дела их вмешиваются? Не лжет ли Кумар, не ради ли собственной прихоти затевает разговор о мире между братьями? Ей-то мир нужен, а Туремурату-суфи, а хану хивинскому нужен ли?

- Говоришь, люди простят?

- Да, мой повелитель! - с надеждой посмотрела на мужа Кумар. - Простят...

- Ха, послушают ли людей Айдос и Бегис, сядут ли за добрый дастархан? Сядут ли рядом Мухаммед Рахим-хан и Туремурат-суфи?

Она не знала, сядут ли правители Хивы и Кунграда за дастархан и разломают ли лепешку дружбы. Кто читает мысли правителей?

Глупая. Скорее сойдутся Аму и Сыр, чем суфи и Мухаммед Рахим-хан. Вместе им не быть на земле.

- Значит, не против братьев встаете вы, повелитель мой?

- Нет, против суфи проклятого. Против этого кун-градского волка.

Молодой бий был в гневе. Глаза его горели пламенем мести, и, как батыр перед схваткой, Мыржык собрался весь. Брови сошлись на переносице, губы сжались.

Таким не знала мужа Кумар. «Должно быть, неистов он в бою, - подумала она. - Не дай бог встретиться братьям на ратном поле».

Она взяла из рук Мыржыка сына, чтобы положить малыша в колыбель, и спросила мужа:

- На той стороне Жанадарьи не будете? Правый берег Жанадарьи ему не нужен был. Ведь к Маману он собирался, а не к казахам и не к русским.

- В этот раз не буду, - ответил он.

- А в другой?

- В другой перееду.

- Возьмите тогда сына с собой.

Удивляла нынче своего мужа Кумар. И твердостью, и решительностью, и мудростью удивляла. И тайной какой-то.

- Зачем сына-то? Мал еще. В седле не удержится... Она улыбнулась, показала свои ясные жемчужинки зубов.

- К тому разу подрастет. А седло ему обошью бархатом. Настоящим джигитом будет на коне.

Не понял жену Мыржык. Ни седло, ни стремена, ни бархат не объясняли тайну. Повторил сказанное:

- Зачем сына-то?

- Вы же к русским поедете. Хотели вместе с Маман-бием дойти до русского царя, передать ему желание народа нашего быть братом России. Или передумали, повелитель мой?

Такое передумать нельзя. Что говоришь?

- Если не передумали, то седло Ерназару обошью бархатом...

- Зачем?- в третий раз спросил Мыржык. Чтобы увидели русские будущее наше. Не кончается на нас народ каракалпакский, живет и будет жить в детях наших...

Широко открыл глаза свои Мыржык.

Ты не дочь Есенгельды! - произнес он растерянно. - Ты дочь самой степи...

- Я дочь каракалпака... - ответила Кумар. Он тронул рукой нежное лицо Кумар.

- Я возьму с собой сына, покажу его русским...

- Покажите, повелитель мой.

Жесткая рука Мыржыка коснулась и Ерназара, но он не проснулся, не вздрогнул. Понял, должно быть, что это рука отца.

Кумар сказала:

- Он будет красивым и сильным. Его полюбят люди.

- Да, да, - заулыбался Мыржык. - Мой сын будет красивым и сильным. Он внук Султангельды.

И еще попросила Кумар:

- Когда решите вернуться домой, оставьте Ерназара в России.

Загадки следовали одна за другой, и ни одну из них не мог сам отгадать Мыржык. Не отгадал и эту. А надо было отгадать. Тревогу вселила она в сердце бия.

Испуганный, он устался на жену:

- Зачем?

- Пусть русские воспитают Ерназара. Кроме силы и красоты ему нужны доброта и мудрость...

Опять была права Кумар, но правота ее больно отозвалась в бие: сердце-то у него не каменное, сжалось оно. Однако боль минует, знал это Мыржык. Сказал потому:

- Будь по-твоему, женщина...

39

Сказывают: лег волк у заячьей норы и стал ждать, когда отощает косою и вылезет наружу, в пасть серому. И дождался ведь...

Без еды долго не продержишься. Почти разорили аул Айдоса триста нукеров да триста коней. Скоро самих аульчан съедят и косточки обгложут.

Что разорили хивинцы аул, видно даже по дымам. Все меньше и меньше их в весеннем небе. А если мало дымов, значит, и мало очагов. Без очага же не сготовишь ни тураму, ни байсабайлу. О жареной баранине с луком и говорить нечего. Перевелись бараны в ауле,

По ночам нукеры выезжают в степь поохотиться на заблудших овец и коров. Но сколько коров может заблудиться в степи! Хорошо, если одна. А то ведь и ни одной. Однако нукеры возвращались с охоты не пустыми, гнали впереди себя скотину рогатую. Смотрел на это дело Айдос и вздыхал горестно. Разбой чинили хивинцы. Отнимали у степняков их добро. Черную славу грабителей добывали себе воины хана.

Хотя одни ли воины хана грабят несчастных степняков. Нукеры кунградского правителя собирают дань с аульчан таким же способом. Только делают это не ночью, а днем и объявляют грабеж подношением подарка великому суфи.

Да, голодным волком залег в камышах Туремурат-суфи и ждет, когда вылезет из своей норы Айдос. Вылезет и попадет в его лапы, цепкие, беспощадные.

Волчья ненависть жила в суфи, хотя повадки у него были лисьими. Лисья была и душа правителя Кунграда: коварная, лживая, лицемерная. Хитрил он, не хотел открыто броситься на Айдос-калу.

- Сами сдадутся, - говорил он своим сотникам. - У них только сил осталось, что поднять руки и просить пощады.

- Для того чтобы сдались горожане, надо войти в город, - отвечал Бегис, глава кунградского войска.

- Ангел мой, ты прав. Для того чтобы пленить горожан, надо войти в город. Пусть брат твой откроет нам ворота Айдос-калы. - Говоря это, суфи смотрел на Бегиса такими чистыми глазами, будто просил не об измене старшего бия своему народу, а о простой услуге одного брата другому. - Пусть откроет ворота! - повторил он.

Бегиса передергивало от этого лицемерия суфи, который знал, какая высокая стена вражды стоит между сыновьями Султангельды, и притворился, что не знает.

- Айдос не откроет ворота.

- Да, да, - лицемерно сокрушался суфи. - Он упрям, нам известно это. Но, ангел мой, упрямство можно сломить, открыв заблуждающемуся истину.

- Кто же откроет истину Айдосу, великий правитель?

Ты, ангел мой. Ты...

Ханжество суфи не имело предела. Бегис впал в отчаяние.

- Или у меня есть крылья, чтобы полететь в аул и спуститься на юрту Айдоса?- спрашивал он.

Суфи закатил глаза к небу и от имени всевышнего, творящего чудо, изрек:

- Есть, ангел мой...

Цепенел в недоумении Бегис. Он должен был верить суфи. Должен был чувствовать за своими плечами крылья.

- Но не надо так далеко лететь, ангел мой, - успокоил молодого бия суфи. - Ты опустишься возле той рощи и поговоришь с братом.

- Я-то выеду к роще, - говорил Бегис, - но выедет ли Айдос?

- Не тревожься! Как только Айдос увидит тебя, он тотчас поспешит навстречу. Давно старший бий не приветствовал младшего, давно брат ищет брата и томится в одиночестве...

Коварен великий суфи. Души человеческие опутывает сетью, и не вырваться им из нее.

- Ну, выедет мне навстречу Айдос, - согласился молодой бий. - Однако не глуп он, возьмет с собой полсотни хивинцев, отрежут они мне язык, едва начну излагать истину.

- Не отрежут, ангел мой. Мы будем рядом. Роща-то густа и велика. И мечи наши быстры, сам знаешь...

Большую войну суфи хотел свести к поединку двух братьев. Понял Бегис, что не аул старшего бия нужен ему, а старший бий. Выйдет Айдос из аула, покинут его и хивинцы. Им ведь приказано защищать хана каракалпакского, а не самих каракалпаков.

- А если Айдос не примет истину?- спрашивал Бегис.

- Не примет истину - примет меч. Прикажи нукерам, ангел мой, хорошо наточить его...

...Когда раздались призывы к послеобеденной молитве и все воины хана опустились на землю, чтобы совершить омовение, в аул влетел дозорный и закричал:

- Со стороны Кок-Узяка приближается всадник!

Мухамеджан-бек должен был скомандовать: «В седло!» Но не скомандовал. Не знал, что за всадник приближается к Айдос-кале. Бек спросил дозорного:

- Кунградец?

- Да, мой бек. Мингбаши Бегис.

Не поверил сотник. Пошел к городской стене, поднялся на нее, посмотрел в степь.

Со стороны Кок-Узяка, верно, ехал всадник. И был это Бегис-бий. А то, что он мингбаши, говорила одежда его, яркая, богатая, говорил конь - хорасанский скакун чистой крови. Такого коня не было ни у Айдоса, ни у самого Мухамеджан-бека.

«Хорош конь, хорош всадник, - подумал бек. - Оба не дрогнут в бою».

Всадник проехал к джангилевым зарослям, остановил коня и посмотрел с вызовом в сторону аула.

Бек спустился со стены и побежал к юрте Айдоса. По пути крикнул нукерам:

- На коней! - Теперь можно было приводить сотни в боевой порядок. - Без шума только, - предупредил он пятидесятников. - Ведите людей к воротам, укройтесь за стенами.

Айдосу бек сказал:

- Там ваш брат. Может, он пришел с миром, а может, с войной. Докажите, что вы воин хана и слава Хорезма - ваша слава.

Он помог Айдосу подпоясать ремень, подал ему меч и копье.

- Враг наш коварен. За Бегисом роща, а в роще кунградцы. Не поворачивайтесь спиной к зарослям. Люди суфи умеют бросать ножи на тридцать шагов. Ваши плечи - хорошая мишень для этого.

Старшего бия била лихорадка. Озноб мешал ему говорить, губы дрожали, будто стоял нагой на зимнем ветру. Поэтому он не открывал рта. Кивал лишь головой, соглашаясь с беком.

Бек заметил волнение Айдоса и сказал:

- Стыдитесь, бий. Малодушие равно измене. Если дрогнет ваша рука в схватке, моя рука не дрогнет. Хан назначил меня судьей и палачом изменников, кем бы они ни были. Знайте это, Айдос!

Снова ничего не ответил старший бий. Вложил меч в ножны и вышел из юрты.

Доспан уже ждал хозяина и держал под уздцы оседланного коня. И он был взволнован. Чувствовал стремянный, что черный час наступил в жизни его господина и что смерть от него так же близка, как близка была для Доспана, когда он встретил в степи биевых братьев.

Айдос вскинулся в седло и сделал это легко, как если бы был совсем юным. Вдел ловко правую ногу в стремя, проверил его. Остался доволен и стремянем, и конем, и самим собой. Сказал Доспану:

- Помнишь, сынок, наш уговор?

- Помню, бий! - ответил Доспан. - «Быть рядом, когда на коне и когда под конем».

- Сейчас забудь его, Доспан. Я должен быть один. Доспан кивнул. Глаза жгла горячая слеза, и он убрал ее, смежив веки.

Бий послал коня, и тот ходко пошел прочь от юрты. Мухамеджанбек поспешил следом, но Айдос остановил его:

- До сегодняшнего дня я обходился без вас, бек. Обойдусь и нынче. Оставьте меня!

Конь вынес Айдоса за ворота.

Безлюдно было в степи, лишь возле рощи, у одинокого ветвистого джангиля, маячил всадник.

Радостное до упоения и грустное до слез прошлое встало перед глазами бия. Таким встает детство, всегда желанное и всегда невозвратимое.

Впору было остановить коня, повернуть назад, в аул, и сказать беку: «Казни меня, сын Хорезма! Я не мог предать свой род, я предал хана». Но не остановил коня Айдос. Погнал его. Словно ветер полетел тот к одинокому джангилю.

Хотел крикнуть: «Здравствуй, брат!» Обнять хотел его, прижать к груди по-отцовски: ведь остался старший бий главой семьи, главой рода, а они, младшие братья, вроде сыновей. А вот не крикнул так. Крикнул иначе:

- Умри, Бегис!

Но что крик? Только крик. Не вынул меча из ножен Айдос, не занес над Бегисом. Не отрубил ему голову.

Осадил коня. Сказал, тихо сказал, чтобы в роще не услышали:

- Смерти ждешь? Бегис ответил:

- Как и ты, Айдос.

- Значит, нет у нас иной доли! Только смерть! Только смерть...

День был тихий. До того тихий, что ветви джангиля, еще голые по весне, не качались и трава степная не колыхалась. И в этой тишине слышно было, как тяжело дышат братья, как стучат их сердца.

- Смерть-то наша кому нужна?- спросил Айдос.

- Моя смерть нужна тебе.

- Нет, Бегис. Мне не нужна твоя смерть. Я хочу жизни своим братьям, а недруги наши посылают тебя под мой меч.

- Как и тебя послал на мое копые Мухамеджан-бек.

- Выходит, смерть сыновей Султангельды нужна лишь недругам нашим?

Бегис недобро усмехнулся:

- Если Мухамеджан-бек тебе недруг, зачем же служишь ему, Айдос? Поверни коня в рощу, там встретят тебя как друга.

Не копыем, не мечом - словом ударил Бегис брата. Заныло сердце старшего бия.

- Вот для чего ты вызвал меня в степь, коварный! Он выхватил меч и кинулся к Бегису. Тот, защищаясь, выставил вперед копые.

Конь Бегис невольно попятился назад, и меч, скользя по древку копья, уткнулся в стремя Айдоса.

- Умри! - закричал в ярости бий. И снова замахнулся мечом.

Но Бегис был уже недосыгаем; несколько шагов отделяло братьев друг от друга - и достать младшего было нельзя.

- Ну, убей! - в опьянении каком-то прошептал Бегис. - Убей брата, ты палач нашей семьи, палач рода всего. Народ ненавидит тебя, проклял народ Айдоса!

Ранил словом старшего бия Бегис. И как ранил! Содрогнулся Айдос, закачался в седле.

«Народ проклял меня! За что? Не я ли хочу счастья и мира степнякам? Не моими ли руками поднимается город каракалпаков? Не на себя ли принял я все стрелы, пущенные врагами в народ мой? Нет! Люди не прокляли меня. Лжет Бегис. Лжет лицемерный суфи! Лгут недруги!»

Собрал силы Айдос, преодолел минутную слабость. Поднял меч и послал коня вперед, на брата.

- Все-таки ты умрешь!

Защищаясь копьем, Бегис опять отступил. Его темно-серый скакун, почуяв, что не собирается нападать его хозяин, а лишь защищается, повернул за джангиль, стал уходить от врага.

Начался хоровод вокруг джангиля. Смертный хоровод. Бегис уходил, Айдос догонял его. Они кричали друг другу: «Умри!» Но не настигал брата Айдос, не дотягивался мечом до его плеча. И Бегис не останавливал коня, не встречал старшего бия копьем, не пронзал острием его грудь.

Не вытерпел суфи, затаившийся со своими джигитами в роще, крикнул:

- Ангел мой! Проткни Айдоса, он стоит ста нукеров.

Мучился нетерпением и Мухамеджан-бек. Рычал на стене Айдос-калы:

- Руби Бегиса! Пролей его черную кровь!

А Бегис и Айдос все кружили вокруг джангиля, все грозились уничтожить друг друга, но не уничтожали.

- Вперед! - приказал своим джигитам Туремурат-суфи. - Убейте Айдоса вы, если не может этого сделать мой ангел.

Вынеслись из зарослей кунградцы, помчались к джангилю.

- Э-э! - испугался Мухамеджан-бек. - Придется выручать Айдоса. А ну, львы Хорезма, покажите этим собакам, как наточены ваши мечи!

И сам прыгнул в седло и поскакал впереди сотни.

Не успели кунградцы ни полонить, ни убить Айдоса. Увидели хивинцев, мчащихся с обнаженными мечами, страшных в своей стремительности и решимости, и повернули в сторону камышей.

Бегис повернул своего скакуна, поддал ему под бока и полетел следом за кунградцами.

Прокатилась лава мимо Айдоса, прокатилась с гиком и ревом. Оглушенный топотом коней, потрясенный встречей с братом, он не двигался. Перед глазами был какой-то туман, и сердце стыло в холоде.

Очнулся Айдос, когда все стихло и лишь одинокий конь Мухамеджан-бека выстукивал копытами спокойную дробь: сотник возвращался после погони в Айдос-калу. Увидев бия, хивинец остановился.

- Вам плохо?- спросил он.

Подумалось бию, что сотник сочувствует ему, понимает, как тяжело поднять руку на брата. Но далек был от сочувствия бек. Он издевался над бием. И насмешка выдала его:

- Вы слабы, Айдос... А слабый может ли быть ханом? Если только у зайцев или овец...

40

Вернулся волк в свое логово зализывать раны. Стонал Туремурат-суфи:

- Оплошал мой ангел. Оплошал... - Не от боли стонал суфи. Досада жгла его сердце. - Великие дела задумали, а не свершились они.

Молчал пристыженный Бегис. Что тут скажешь, чем утетишь суфи? Отступили кунградцы, побежали как глупые трусливые овцы. А могли бы отбить атаку, рассеять хивинцев, порубить их.

Однако не за побег кунградцев осудил суфи своего первого сотника, а за малодушие. Сказал, осуждающе покачивая головой:

- Был рядом с Айдосом и не проткнул его копьём. Страшное обвинение высказал суфи: предал вроде

бы правителя Кунграда Бегис, сохранил жизнь его злейшему врагу. Надо было оправдаться, и ответил Бегис:

- Великий хан, я хотел полонить Айдоса и живым бросить к ногам вашим, чтобы целовал поганый полу халата светлейшего из светлых...

Не принял оправдания Бегиса суфи:

- Я скромнен в своих желаниях, мой ангел. Прикосновения и мертвых губ к полам моего халата было бы достаточно.

Произнес это суфи скорбным голосом и на лице своем изобразил печаль: нелегко, мол, жить слуге бога, нелегко творить дело, угодное всевышнему, и совсем уж нелегко не находить поддержки у близких своих.

Озабоченный грустным исходом военных дел, суфи обратился за советом к богу. Сложил на коленях руки, закрыл глаза. И тут же оказался в царстве всевышнего. Бегис видел и не видел правителя. Вроде бы он находился рядом, и в то же время его не было.

Страшновато становилось Бегису в минуты общения правителя с небом. Затаив дыхание, он замирал, боясь чем-либо нарушить таинственный переход души в иной мир. Что там видит суфи? Что он слышит?

Возвращение суфи на землю тоже пугало Бегиса. «Найдет ли душа тело? - тревожно думал Бегис. - Найдет ли сердце обитель свою?» И когда находила душа место, где ей предназначено быть, и суфи открывал глаза, молодой бий успокаивался. «Слава аллаху! - шептал он. - Суфи снова с нами...»

Но надо ли было славить аллаха за возвращение правителя на землю? Приносил с собой суфи всегда новые испытания и мучения для Бегиса и его воинов. Вот и сейчас, вернувшись, правитель объявил:

- Ангел мой, всевышний повелевает не жалеть сил наших в борьбе с вероломным врагом. Он благословляет нас на подвиг во имя торжества святого дела. Город Айдоса не должен стоять в степи.

Новое нападение на Айдос-калу - вот что означали слова суфи. И повелевает совершить его сам бог. А Бегис раб бога, раб неба. Рабу и выполнять веление всевышнего.

И, как молитву, Бегис повторил слова суфи:

- Город Айдоса не должен стоять в степи. Не должен...

Лицо правителя посветлело: желание неба услышано, голосу всевышнего внял раб его.

Ты захватишь его, ангел мой. Ты изгонишь из Айдос-калы самого Айдоса, - стал диктовать суфи. - А когда изгонишь, отсечешь ему голову...

Безумным огнем загорелись глаза Бегиса. Он принимал слова суфи как слова бога. Несчастный! Душу его полонил лицемерный правитель и, полонив, творил с нею что хотел.

- Брошу мертвого к ногам вашим, великий хан, - дрожащим от волнения голосом произнес клятву Бегис.

- Нет, нет, - поднял предостерегающе руки суфи. - Слишком длинную дорогу придется пройти тебе для этого, ангел мой.

Таинственность сказанного еще больше взволновала молодого бия. Ему показалось, что суфи прощается с ним.

- Я пройду, какой бы длинной и долгой она ни была.

Долгий путь, ангел мой, утомляет сердце, ноша становится тяжелой, мысли грустными. Надень голову Айдоса на высокий шест, а шест вбей посреди аула, чтобы все степняки видели конец изменника. Так поступили хивинцы с жителями аула Асана, так поступим мы с теми, кто ушел от нас.

- Значит, никогда он не преклонится перед вами?- с сожалением спросил Бегис.

- Он преклонится перед тобой, ангел мой. Ты ли не тень моя, не половина сердца моего?

- Смею ли верить в такое?

Все это слышал не раз молодой бий. Не раз призывал суфи стереть с лица земли город Айдоса. Не раз требовал смерти старшего бия, не раз именовал Бегиса тенью своей. И всегда слова казались новыми, и всегда заставляли Бегиса вздрагивать и плакать. И сейчас на глаза молодого бия набежали слезы.

- К чему призываете, то и сотворим, - сказал он, молитвенно сложив руки. - Куда поведете, туда и пойдём...

Суфи знал: слова молодого бия от сердца и каждое - клятва в верности. Он выслушал их со вниманием, хотя произносились они тоже не в первый раз, а, выслушав, поправил Бегиса:

- Куда ты поведешь...

Ослышался, что ли, молодой бий? Место свое суфи уступает ему - место хана. Колена Бегиса стали сгибаться, и он уже валился к ногам правителя, чтобы поцеловать полы его халата, но другие слова суфи остановили его:

- Этой ночью исчезну я, ангел мой. Но джигиты не должны знать, что правитель Кунграда покинул войско. Для них я тут, в этом шатре. Ясна ли тебе мысль моя, Бегис?

- Ясна, - не совсем уверенно отвечал Бегис.

Не понимал он: зачем покидает суфи войско и почему этой ночью? Щенком беспомощным и слепым почувствовал себя: куда идти, что делать? Оказывается, суфи был и головой его, и поводырем.

- Если ясна, - довольный тем, что запутал молодого бия, произнес суфи, - то готовь джигитов к последнему наступлению на Айдос-калу. Последнему, ангел мой, потому что за копытами ваших коней не останется и следа от проклятого богом селения.

- Как велите, хан мой! - упавшим голосом ответил Бегис.

- Не как велю я, а как велит бог, - поднял глаза к нему суфи. - Мы лишь рабы всевышнего.

- Как велит бог, - поправился Бегис.

«Он оставляет меня одного, - ужаснулся молодой бий. - Одного против Айдоса и хана хивинского».

В запасе у суфи всегда были утешительные слова, и он бросил их молодому бию, как милостыню:

- Айдос-кала падет тогда, когда падет Айдос. Запомни это, ангел мой. Еще раз вымани брата из города. И не промахнись!

«Но как? Как выманить еще раз Айдоса из города? - с немым вопросом уставился на суфи молодой бий. - Дважды в один и тот же капкан степной кот лапу не сует».

- Айдоса не выманить, он не поверит! - растерянно развел руками Бегис.

- Поверит. Он не так далеко смотрит, чтобы заметить руку, бросающую на него аркан.

- Аркан-то заметит?

- Аркан заметит, но он будет оплетен золотой нитью. А золото, ангел мой, кого не приманит?

Устал от загадок суфи Бегис и, чтобы избавиться от них поскорей, спросил:

- Чья это рука и кто оплетет аркан золотой нитью?

- Не ко мне, ангел мой, ты обратил свое любопытство. Спроси бога, он мудрее нас, рабов своих...

Пылает пожар в степи, грызутся бий, как волки, и нет, кажется, ничего важнее и страшнее этой грызни. Звенят день и ночь мечи, стонет, кричит, плачет степь.

Пощадить бы аллаху землю, погасить бы страсти человеческие, но небо равнодушно смотрит, как горит огонь междоусобицы, как мучаются степняки, и лишь отсчитывает дни, нанизывая их на цепочку времени.

Жизнь человеческая - тоже цепочка, только малая. И на нее тоже нанизываются дни. Лишнего дня не набросит небо, как бы ни молили его, как бы ни задабривали дарами.

Не набросило лишнего дня небо и на цепочку жизни Есенгельды, тестя Мыржыка. А ведь просил он бога продлить его путь в этом мире. Но в назначенный час явился Азраил, ангел смерти, и взял душу бедного Есенгельды.

Смерть старейшины рода - вот что способно остановить войну. Исстари предки, державшие в руках меч или копье, складывали оружие и шли хоронить старейшину, забыв о междоусобицах. Несли его тело, касаясь локтями друг друга.

Могла бы помирить смерть Есенгельды врагов, да, видно, не в тот час он умер, не в то время отдал богу душу. Опустили бий мечи и копья, сложили только на мгновения какие-то, чтобы решить, кого отправить в аул Есенгельды на похороны старейшины. Сами ехать не хотели. Боялись оставить зимовку без присмотра: недруг-то рядом, ты из аула, а он в твой аул.

Айдос послал на похороны Есенгельды жену свою Айшу, Туремуратсуфи - Айтмурата Краснолицего, Маман - брата жены. Орынбай никого не послал и сам не поехал. Из биев поспешил в аул Есенгельды один Мыржык. Да и то не поспешил бы, не будь Есенгельды тестем ему.

Вот так попрали бий обычаи племени, забыв то, что завещано было предками. Время жестокое пришло, огонь сжег доброту в сердцах степняков и лишь зло оставил.

Когда несли тело Есенгельды к степному кургану, Орынбай налетел со своей сотней на аул Мыржыка. Угнать скот хотел и угнал бы, не встретить его аульчане копьями да мечами, не подними Кумар на защиту селения мужчин и женщин. Был повешен у ее юрты железный обод, по нему ударила камнем Кумар, едва вдали показались всадники.

Повернул Орынбай назад и, возвращаясь, ругал женщин: «Конец степи, воины и жегде нарядились, косы отпустили!»

Налетала сотня Орынбая на разные аулы, грабила всех, но чаще всего наведывалась в Айдос-калу. Раненый бык манит зверя. Запах крови разносится по степи: и сбегаются отовсюду шакалы на пиршество. Сами повалить быка они не могут, его валит волк, а вот урвать от добычи шакалы способны. Кружат, повизгивают, пощелкивают алчно зубами, ожидая, когда насытится серый и можно будет вцепиться в бычий хребет. Живого еще растаскивают по кускам.

Раненым быком считал Айдоса разбойный Орынбай. Кружил возле аула старшего бия, вглядывался, принюхивался, не пахнет ли кровью.

Время от времени наведывался разбойный бий в камыши. Проверял, сидит ли там волк степи - правитель Кунграда. Подсчитывал глазами лазутчиков, много ли у него джигитов: не убавилось ли, не прибавилось ли? Что тридцать голов снесли хивинцы, знал - следил за стычкой у рощи. Не больно смело вели себя кунградцы. Могли потерять и пятьдесят голов. И все же кроме кунградцев кто мог еще повалить этого быка Айдоса? Никто. Потому, думалось, Орынбаю, пусть стараются кунградцы, пусть моят голодом этого хана каракалпакского, а Орынбай подождет. Его время наступит. Надо лишь держаться около Айдос-калы, зорко следить за волком и быком.

Маман-бий тоже посылал к Кок-Узяку своих джигитов. Дознаться хотел: кто с кем воюет? Брат ли с братом или правитель с правителем? Если брат с братом, их помирить можно. Если хан с ханом - о мире не заикайся. Сообщали джигиты разное. По-разному судили люди. Одни говорили, что из-за ненависти младших к старшему идет борьба. Другие же, пробравшиеся в камыши и в Айдос-калу, склонны были винить в кровопролитии ханов. Говорили: «Не сам Бегис идет на Айдоса, а толкает его Туремурат-суфи».

Маман и сам считал, что виноваты во всем ханы. Но вот донесся до него слух, что покинул камыши правитель Куиграда, вышел вроде из войны, мира хочет; Бегис же, говорили, остался на берегу Кок-Узяка драться с Айдосом до конца.

Забеспокоился Маман. Не в ханах, выходит, дело, - в кровной вражде. Но как унять эту вражду? Самому поехать к Айдосу, убедить его помириться с Бегисом? Уговорить простить младшего брата за содеянное по глупости. Молодость ведь неразумна. Но послушает ли его старший бий? Поймут ли бескорыстность Маманова шага? Бии-то все ищут выгоду для себя, о покое степи мало думают. Со стороны бы кто дал совет Айдосу, тогда, пожалуй, старший бий задумался бы.

Решив так, оседлал коня Маман и поехал к казахам. Он и до того намеревался вместе с Мыржыком поклониться соседям, рассказать о своих бедах. Но Мыржык хоронил тестя, и теперь ехать надо было одному. Может, это и к лучшему было. Мог молодой бий горячностью своей насторожить соседей, а к чему настороженность в таком деле? Здесь спокойствие нужно, доверительность и доброта.

Далеко в степь казахскую не стал забираться Маман. Жил за Жанадарьей Седет-керей - известный бий Малого жуза, старейшина рода, к нему и свернул Маман. Невелик был ростом казахский бий, по пояс Маману всего лишь, лицом - дитя, сединой - старик. Да Ата-бий, как называли главу рода казахи, и был стариком. Годы свои не считал, но набежало их, наверное, около ста. Прежде, в молодости, высоким и сильным был бий, время высушило его, рост поубавило, но не поубавило время мудрости, памяти не отняло. Умнейшим считался в казахской степи Ата-бий. А ум не бесценное ли богатство, не россыпь ли золотая? За зернышками золотыми и приходили к Ата-бию степняки.

Старик встретил Мамана как друга. А другу откажешь ли в помощи? Подумав, решил Ата-бий:

- Поедем, Маман, к вашему Айдосу. Разбудим словом доброту его сердца. Братство не в доброте ли?

Усадили старика на одногорбого верблюда.

Сын Ата-бия, Айтуган-батыр, оседлал чалого скакуна, крупного, сильного, другой бы не понес пятипудово-го джигита, взял за повод верблюда.

- Маман, - сказал Ата-бий, - ты знаешь, где стоит Айдос-када, показывай дорогу. И не ошибись.

Когда-то Ата-бий видел на празднестве Айдоса, молодого, красивого, могучего. Как молодой турангиль, расправивший ветви, поднимался ввысь сын Султан-гельды. И светлую дорогу нарек ему казахский бий. Великую дорогу.

«Споткнулся, что ли, Айдос или свернул с верного пути? - думал Ата-бий, покачиваясь на своем одногорбом верблюде. - А если свернул, заметил ли ошибку? Понял ли, что идет не той тропой, что прежде?»

Издали и трудное кажется легким, черное в дымке дня светлеет. К простому подготовил себя Ата-бий. А когда приблизился, не увидел простого, увидел сложное. Черное увидел вместо светлого.

Стена окружала Айдос-калу. По стене ходили нукеры, сверкали на солнце их мечи.

Остановил своего скакуна Айтуган-батыр. За скакуном остановился и одногорбый верблюд.

- В город нас не пустят, - сказал Маман. - Нукеры стреляют во всякого, идущего к воротам.

- Мы не воины, мы идем с миром, - ответил Ата-бий. Он вынул из-за пазухи два белых платка и подал их Маману и Айтуган-батыру. - Поднимите выше, пусть видят нукеры доброту наших намерений.

Белый цвет испокон веков служил людям защитой. Послужил защитой и сейчас. Не вспыхнул огонь, не раздались выстрелы на городской стене, хотя нукеры и держали ружья наготове и приказано им было не подпускать чужих менее чем на сто шагов.

Навстречу казахскому бию выехали из ворот два всадника.

- Кто вы и что вам нужно?- спросил первый всадник, приблизившись к путникам. Это был Доспан, и узнал он Мамана! Но, по правилам войны, не должен был признаться в этом.

Маман-бий обиделся и сказал недовольно:

- Сынок, открой глаза, если не можешь открыть сердце. Мы доброжелатели бия твоего, и имя наше ему известно.

Смутился Доспан. Верно ведь, известно имя «русского бия», и глупо прикидываться слепым и беспамятным.

- Бий-ага, я знаю вас, - стал оправдываться стремянный. - Знаю и за честь считаю говорить с вами. Но Мухамеджан-бек вас не знает, и ему вы должны дать ответ!

- Нам не нужен твой Мухамеджан-бек! - бросил со своего верблюда старик. - Нам нужен Айдос, старший бий каракалпаков. С ним хочет говорить отец - бий казахов, - добавил Маман.

Доспан повернул коня и поскакал в аул, именуемый теперь городом. Второй всадник остался стеречь путников.

Немного времени требовалось на то, чтобы доскакать Доспану до юрты Айдоса, передать ему просьбу казахского бия и вместе со старшим бием вернуться назад. Тропа-то с версту, не больше, хороший конь одолеет ее за мгновение. А ждали гости час целый. Успел за это время Ата-бий два раза уснуть и два раза проснуться, Маман-бий - переседлать коня своего, а Айтуган-батыр - накормить верблюда и сам поест. На дастархан в Айдос-кале он не рассчитывал. Да и можно ли было рассчитывать на дастархан, когда и в город-то путников не хотели пускать.

Переседывая коня, Маман подумал, что нелегко, видно, старшему бию выйти из собственной юрты. Держит его хивинский бек в городе, как вола в загоне, без пастуха на волю не выпускает, а если и выпустит одного, то только на длинном аркане.

Наконец Айдос и Доспан выехали за стены города. К казахскому бию, однако, близко не подъехали. В десяти шагах от бия остановил своего коня Айдос и произнес приветствие, принятое у степняков:

- Салом алейкум, отец!

- Ваалейкум ассалом, сынок! - ответил бий. Если б не видел Айдос, как открывается рот старика, не поверил бы, что это им произнесены слова, - так громко и так бодро они прозвучали. Велик бог, вложивший могучую силу в крошечное существо, похожее на дитя, убеленное сединами.

- С чем пожаловали, отец?- спросил Айдос казахского бия. К Маману и Айтуган-батыру не повернул головы, будто их не было и кони их не стояли на земле Айдоса.

- Пожаловали с намерением узнать, нужна ли наша помощь старшему бию каракалпаков, - ответил Ата-бий. - Время-то неспокойное, злые ветры летят над степью.

Посмотрел на старика Айдос, посмотрел на Мамана и Айтугана: что замыслили, чью стрелу несут в колчане?

- Ведомо ли отцу-бию, какие ветры летят на Айдос-калу?- спросил Айдос.

- С Кок-Узяка, сын мой. Брат твой Бегис поднял меч вражды и ненависти.

- Не ветер это, отец, ветерок. Ветер истинный летит из Кунграда, из змеиноного логова.

- Из Кунграда?! - засомневался старик. - Шепчут степные тропы: запахнуты ворота Кунграда, укрылся за ними суфи и молитву предпочел войне.

Слышал этот шепот Айдос, доносили ему лазутчики, что ушел из камышей Туремурат-суфи, да не поверил старший бий.

- Если и ушел, если и укрылся за стенами Кунграда, - рассудил Айдос, - то не ради молитвы. Не может суфи молитву предпочесть войне. Война - молитва Туремурата-суфи. Бог-то его - коварство.

Старичок на одногорбом верблюде оценил мудрость Айдоса: далеко видел старший бий каракалпаков.

- В твоих словах истина, сын мой. Но и то истина, что Айдос-кале угрожают мечи Бегиса. Суфи далеко, Бегис близко, и мечи ваши скрещены. Разведите их, опустите руки - мир и тишина наступят в степи.

Погрустнел Айдос. Невозможного требовал казахский бий. Хотел развязать один узел, а узлов была тысяча.

- Не наши мечи в наших руках, отец, - сказал старший бий. - Бросим их - поднимут другие.

- Поднимут не поднимут, кто знает... Ты все же брось, сын мой. Смирение угодно богу.

Старичок уже не требовал, просил. И голос его стал тихим и душевным. Должен был откликнуться на него Айдос. Тишина кому не дорога! А не откликнулся.

- Бросить чужой меч, отец, - предать того, кто дал его тебе! - воскликнул Айдос. - Достойно ли это степняка? Достойно ли это бия? Сына, предавшего отца, изгоняют из аула. Где преклоню я голову, изгнанный с родной земли, отец?

Поразился старичок. Узел-то не развязывался. Попробовал разрубить его:

- За Жанадарьей преклонишь голову, сын мой. Там братья твои, степняки.

Зря замахнулся Ата-бий. Разрубить не разрубил узел, а Айдоса ранил. Сердце его закричало от боли.

- На чужой земле?! - От гнева готов был сбросить с верблюда старика Айдос. - Не помочь мне пришли вы, а погубить меня! Дело мое великое похоронить у этого холма! Побойтесь всевышнего, отец! - крикнул он.

Не пуглив был старик. Что пугаться в сто лет, когда на небе уже видишь себя. Но гневный крик Айдоса напугал его. Напугал и Маман-бия, и богатыря Айтугана, и верблюда одногорбого напугал. Тот, не ожидая понукания, повернул прочь от Айдос-калы и зашагал торопливо в степь. Кони пошли следом.

- Нет, нет, не угасишь пламени, - сказал старик. - На пепле только стихнет оно. А пепел - это смерть.

Отнесли к степному кургану тело Есенгельды, положили в землю, насыпали холмик, придавили камнем. Не стало еще одного бия. Ушел в иной мир давний недруг Айдоса. И зло должно было уйти вместе с ним. А не ушло. Осталось зло в ауле вероломного Есенгельды. Упало, как зерно джугары, в землю, проросло и стало набирать силу.

Не все дети наследуют нрав отца, не к каждому переходит частица души его. Кумар ничего не взяла вроде бы от родителя, а сын же, Елгельды, повторил отца. Не во всем, правда, все перенять невозможно, слишком большим был хурджун грехов Есенгельды. Но кое-что малое пришлось ему впору. И главным в этом малом оказалось тщеславие. Юный Елгельды возмечтал стать, как и отец, мехремом - советником хана. Ханский двор манил его, и, слушая рассказы отца о пиршествах, приемах знатных гостей во дворце, он мысленно уже видел себя, нарядно одетого, в свите правителя. Отцовский халат не раз оказывался на узких плечах юного Елгельды. Чем старше он становился, тем чаще превращался в придворного. И игра эта не надоедала юноше. Она была его любимой игрой.

Пока Есенгельды ходил в мехремах хивинских, всем хивинским жил и сын его. Идеалом мудрости и справедливости считался властитель Хорезма Абдулгазихан. И не было желания более высокого, чем желание увидеть хана, тронуть подол его золототканого халата. Не вечным оказался, однако, Абдулгазихан. Пришел его последний день - обезглавили хана. И, обезглавив хана, обезглавили как бы его советников. Лишился своего сана и Есенгельды.

Обида поселилась в сердце бия. Несправедливым посчитал он решение людей изгнать его из дворца. Возможно, и было это несправедливым - очень преданно служил Хиве Есенгельды, неутомимым волом был, псом надежным. Обида сродни ненависти. Чем восхищался прежде бий, то стал охаивать; что поднимал к небу, то кидал в пропасть. Меркла звезда Хивы для него, быстро меркла. Но не мог, однако, жить Есенгельды без света звезд. И не только он. Сын тоже занемог печалью, горечью унижения занемог. Бесцельной начала казаться ему собственная жизнь. Спасая себя, спасая сына, принялся искать другую звезду Есенгельды. Взор его обратился к могущественной Бухаре, средоточию святости и мудрости Востока. Стал восхвалять Есенгельды эмира, восхищаться его двором, его визирями. Угасшие было глаза сына снова вспыхнули огнем надежды.

Снова начал он свою игру и мысленно набрасывал на свои плечи парчовый халат верховного визиря.

Прекрасна Бухара, но далека. Не добраться до нее ни Есенгельды, ни сыну его. А если и доберутся, не найдется им места у трона эмира. Степняки не становятся бухарскими сановниками. Понимал это Есенгельды. Ближе и доступнее был Кунград. Правитель Кунграда Туремурат-суфи давно превзошел умом всех ханов. Степные племена тянулись к нему, защиты и помощи искали, отдавали себя под власть великого суфи.

Отдал себя под власть будущего хана и Есенгельды. Поверил, что суфи станет ханом. Советник же хану всегда понадобится. Тем более такой, как Есенгельды: дальнзоркий, умный, лицемерный. О хитрости же и говорить нечего: самого шайтана обведет вокруг пальца Есенгельды.

Приметил суфи Есенгельды и пообещал взять советником, если сам ханом станет. И тем подогревал мечту честолюбивого Есенгельды. До самой смерти заставил его служить себе, носить старое немощное тело по степи, быть и соглядатаем, и глашатаем, и наушником. И все ради халата мехрема, бархатного халата с золотым воротом.

Умирая, Есенгельды спросил сына:

- Стал ли Туремурат-суфи ханом?

- Стал ханом, - ответил Елгельды.

- Слава всевышнему, услышал молитву мою...

- Поздно, однако, услышал, - заметил сын.

- Для меня поздно, для тебя в самый раз, - вздохнул удовлетворенно Есенгельды. - Обещанное отцу передается сыну. Станешь советником кунградского хана.

Пообещал Есенгельды сыну: станешь советником. А вот как стать - не растолковал. Не успел. В тот же день до заката солнца отнесли бездыханное тело бывшего мехрема к кургану и опустили в землю.

Плакал Елгельды не только от жалости, но и от отчаяния плакал. Локти кусал, скреб пальцами песок, как пес очумевший. «Отец! Дорога-то где в мехремство? Где?»

И на могиле о том спрашивал, и в юрте, и в степи, когда поехал отыскивать след Туремурата-суфи. Сделать советником Елгельды мог ведь только суфи. Один он.

След привел Елгельды на берег Кок-Узяка, в камышовые заросли. В камышах стояли шатры кунградских нукеров. «Если нукеры здесь, -

рассудил юноша, - то здесь должен быть и правитель». Поэтому он направил коня к самому большому шатру.

Не дошел, однако, конь до самого большого шатра. Дозорные схватили сына Есенгельды, стянули с седла и поволокли к старшему сотнику.

- Мне нужен великий хан! - кричал Елгельды. - Меня послал к нему отец.

- Всех в дорогу посылают отцы, но не все доходят до назначенного места, - ответили смеясь нукеры. Из шатра выглянул Бегис.

- Ойбой! - удивился он. - Никак Елгельды?

- Да, - чуть не плача от страха и боли, признался юноша. - Я Елгельды, сын мехрема Есенгельды.

- Был Есенгельды мехремом, - кивнул Бегис, - однако нет теперь ни мехрема, ни самого Есенгельды. Зачем пришел в камыши?

- Ищу хана великого Кунграда. Бегис усмехнулся:

- Пусть осуществится твое желание. Люди, отпустите этого джигита, он пришел с добрыми намерениями.

Нукеры отпустили Елгельды, не упустив случая дать ему хорошего пинка пониже спины.

- Войди в шатер, обладатель добрых намерений! Тернистой оказалась дорога к великому хану.

И боль, и унижение испытал Елгельды, прежде чем оказался у порога жилища кунградского правителя, странного порога, ничем не похожего на дворцовый. Да и за порогом не оказалось ничего, напоминающего покои великого хана.

- Опустись на курпачу! - холодно произнес Бегис. - Ковров здесь нет, мы в походе. Здесь ничего нет, кроме оружия.

Елгельды кивнул понимающе и сел на пыльную курпачу.

Ты умеешь владеть оружием?- спросил Бегис.

- Нет, - чистосердечно признался юноша. - Отец не готовил из меня воина.

Бегис тоже опустился на курпачу и подвернул под себя ноги. Глаза его с любопытством уставились на Елгельды.

- Кого же готовил из тебя отец?

Ему хотелось узнать, на что годен этот бледный, узкоплечий юноша. Если не воин, то кто же он? В горящей степи без меча обойдешься ли?

- Слугой хана, - ответил Елгельды. Постеснялся сказать: «мехремом». Глупцом посчитал бы его Бегис, глупцом самонадеянным.

- Все слуги хана сейчас с копьями и мечами, - объяснил Бегис. - Идет война.

- Я знаю.

- Зная, не научился держать в руках оружие? Руки юноши лежали на коленях, и были они, как и лицо, бледными, бессильными.

- Отец говорил, что не одним мечом побеждают врага.

- Верно, не одним мечом, когда готовят поход, - согласился Бегис. - Но когда он начался, побеждают только мечом.

Слова о войне не нужны были Елгельды. Они наскучили ему дома, и он сказал:

- Я хочу видеть Туремурат-хана.

- Зачем?

- Должен передать ему последнее желание отца.

- Какое?

- Это не моя тайна, тайна отца, Бегис-ага, и ее может узнать лишь хан. Отведите меня к нему.

- Запрещено. Полог его шатра не отодвигается.

- Хан болен?- встревожился Елгельды.

- Хан здоров. Молитву творит.

- Но послеобеденное время намаза кончилось.

- Молитва хана длится от рассвета до заката и от заката до рассвета.

Не слышал о такой молитве Елгельды. Пять намазов известны каждому мусульманину: на рассвете, в полдень, после полудня, на закате солнца и в начале ночи. А это какой? Усомнился в правдивости сказанного Елгельды. Усомнившись же, посмотрел с недоумением на Бегиса.

- Хватит ли слов у хана для такой молитвы? Недоверие юнца рассердило главного сотника.

- Два лишь слова в молитве, - сказал Бегис. - Смерть Айдосу! Их суфи и повторяет.

- Разве есть такие слова в Коране?- опять усомнился Елгельды.

- Есть ли, нет ли, какое дело до этого великому суфи! Он сам творит молитву.

Бегис понизил голос до шепота. Ему хотелось еще больше напугать джигита, заставить его поверить в святость правителя.

- Суфи разговаривает с самим богом, и какие слова произносит - неизвестно никому. Может, он и не разговаривает, думает всего лишь.

Невероятным все это было и походило на сказку. И как к сказке отнесся к услышанному Елгельды. Прервать молитву нельзя?- спросил юноша.

- Прервать молитву - великий грех, как ты, мусульманин, мог подумать такое!

Как же я увижу хана? Ты его не увидишь! Елгельды в ужасе отшатнулся:

- Никогда?

- Если не победим Айдоса - никогда.

Слезы потекли из глаз Елгельды: зачем же он ехал к Кок-Узяку, зачем спешил? Великая надежда погибла у самого порога ханского шатра.

- А если победите?

Брезгливо глянул на тщедушного юнца главный сотник. Ничтожество ползет к ногам победителя, тянет руку к чужой славе. Пусть добудет прежде эту славу. И Бегис ответил:

- Если ты победишь. - Я?!

Только воин, поразивший врага, увидит хана. Никому другому великий суфи не распахнет полог своего шатра.

Еще обильнее полились слезы из глаз Елгельды.

- Не будь женщиной, сын Есенгельды! - зло усмехнулся Бегис. - Подбери себе меч по силам. Завтра начнется бой за Айдос-калу. Сумей убить хотя бы одного хивинца. Кровь на мече откроет тебе полог ханского шатра.

День выдался ясный. Небо было высокое и голубое. Но лучше бы день был пасмурным, а небо черным... Только под черным небом могло родиться то несчастье, которое обрушилось на Айдоса.

Едва миновал полуденный намаз, едва люди поднялись с молитвенных ковриков, как загремели барабаны.

Враг!

На коней вскочили джигиты и помчались к городским воротам. Враг всегда подбирался к Айдос-кале со стороны северных ворот, за которыми начинались заросли джангиля и камыша.

Айдос тоже вскинулся в седло. Поехал следом за джигитами, но неторопливо поехал. Предчувствие, что ли, заставляло его медлить. Будто шептало оно: не спеши, Айдос! То, что должно случиться, неминуемо. Его не обойдешь. Так пусть оно случится не сейчас, а позже. Пусть продлится жизнь. Как прекрасно, когда сердце стучит в груди! Какое счастье чувствовать его удары!

Айдос не спешил. Но как бы ни сдерживал он коня, шел все же буланный и приближал несчастье.

- Эй, Айдос-бий, поторапливайтесь! - крикнул Мухамеджан-бек. - Проклятые кунградцы гонят на нас всю степь...

«Всю степь? Можно ли погнать на Айдос-калу весь народ степной, - думал Айдос. - Такое под силу богу лишь одному».

Тревога охватила душу его. Крик-то был истошный, так кричат в страхе и отчаянии. Хлестнул коня старший бий, погнал к воротам.

И верно, вся степь шла на Айдос-калу. Так казалось. Пыль, поднятая тысячами ног, плыла огромным облаком к стенам города. Так, наверное, было, когда шла по степи конница Чингисхана.

- Стадо! - крикнул кто-то из нукеров. - Великое стадо.

Но не стадо двигалось к Айдос-кале, а приближались к городу люди. Не было у них в руках ни копий, ни мечей. Даже палок не было.

Не по своей воле они шли, чувствовалось это. Гнал их кто-то. И когда приблизились они к городу, увидели нукеры, и бек и Айдос увидели, что за толпой движутся джигиты. Плетками они, ровно пастухи овец, подгоняли людей.

- Обман! - зарычал бек. - На плечах степняков кунградцы хотят войти в город. Но не войдут... - Он повернулся к стрелкам, стоявшим на стене, и скомандовал: - Ружья на изготовку! Целиться выше пояса.

- Бек, там же дети! - вмешался Доспан. Зоркими глазами пастуха он нашел в толпе идущих детские головки.

- Я же говорю: целиться выше пояса, - зло огрызнулся бек. - Но если кунградцам не жаль своих детей, то почему я должен их жалеть?

Не жалели кунградцы детей. Никого не жалели. Гнали толпу на ружья хивинских нукеров. И она, подчиняясь, приближалась медленно к стенам города.

Бек поднял руку. Он прикинул взглядом, каково расстояние ружейных стволов от первой линии идущих степняков, и решил, что пуля их возьмет.

- Стойте! - крикнул Айдос.

Хотя крикнул не бек, которому подчинялось войско, а всего лишь старший бий, нукеры все же опустили ружья.

- Не нужны пули, я остановлю этих несчастных словом, - задыхаясь от волнения, объяснил Айдос. - Выстрелить вы еще успеете.

Он послал своего коня вперед, и испуганный буланный понесся навстречу толпе.

- Эй, люди! - срывая голос, завопил бий. - Остановитесь. Вас гонят на смерть. Еще несколько шагов - и вы попадете под пули хивинцев.

Перед самой толпой он осадил коня и, поднявшись на стремянах, принялся махать руками. Бий думал, что люди не слышат его, - гудела все же толпа, да и топот ног мог заглушить человеческий голос. Однако не помог ни крик, ни эти поднятые с предостережением руки. Подталкиваемые конниками, степняки продолжали идти.

Конь Айдоса стал пятиться, грозная толпа пугала его. Еще несколько шагов - и люди опрокинут и коня, и всадника. Затопчут, как затаптывают попавшийся под ноги янтак.

- Неужели вам не дорога жизнь, неужели не дороги дети ваши? Опомнитесь, братья!

Слова эти затронули кунградцев. Невольно шаг их стал короче, и движение толпы замедлилось.

Заметил это Бегис, ехавший сзади толпы. Заметил и расสวิрепел:

- Уйди с дороги, Айдос!

Поднял на крик голову старший бий и увидел брата.

- Это дорога смерти, - сказал он ему.

- Без смерти нет и жизни, - ответил Бегис. - Уйди!

Конь бия все отступал. И, отступая, приближался к тому роковому месту, где пули хивинцев могут достать и бия, и детей, идущих в первом ряду.

- Волк! - бросил брату страшное слово Айдос. - Если тебе нужна смерть, убей меня, но не губи народ свой. - Айдос выхватил меч, поднял его, вызывая брата на поединок.

Вид у старшего бия был таким грозным и столько решимости было в глазах, что толпа невольно остановилась, попяtilась даже, сминая цепь конных джигитов, ехавших сзади.

Через толпу было нелегко пробиться Бегису, но он все же пробился, расталкивая грудью коня людей, пиная их ногами.

Меч у него был тоже обнажен. Сталь тотчас же скрестилась со сталью.

- Значит, все-таки у тебя есть сердце, если пожалел несчастных, - сказал Айдос, ставя меч свой поперек лезвия Бегисова меча и защищая себя этим. - Но сердце твое в руках дьявола...

Не назвал бий имя правителя Кунграда. Однако Бе-гис услышал это имя и затрясся весь от негодования.

- Нет, оно в руках бога. Ты хотел бы держать его в своих руках. Тогда бы оно, верно, было в руках дьявола, в руках изменника народа, ничтожного раба Хивы. Будь ты проклят!

Гнев вскипел в Айдосе. Он повернул меч вдоль лезвия Бегисова меча и о защите больше не думал. Слишком долго он защищался, слишком долго мучил себя терпением. Наступать! Разить обидчиков своих! Всю ненависть к ним вложить в удар. Вот отчего повернул свой меч Айдос.

Ты проклял меня! - произнес он в неистовой злобе. - Отверг брата. Мы чужие теперь, и кровь прольется не братьев, а врагов. - Меч взлетел над головой Бегиса. - Защищайся!

Айдос ждал, Айдос хотел, чтобы брат отразил его удар, чтобы смерть пришла в борьбе. А Бегис, как и в прошлом бою, не защищался, не искал спасения. Он бросил брату гневные слова, взбесил его и, когда взлетел меч, злорадно улыбнулся: Айдос убивает не его, Бегиса, убивает себя. Степь отвернется от братоубийцы и проклянет его, как проклял он.

Все померкло, все исчезло на мгновение перед Айдосом. Только дьявольская улыбка стояла перед ним, и он ударил по ней мечом. Страшным мечом, от которого и конь, не то что человек, распадется надвое. Рассек плечо Бегиса бий, рассек грудь до пояса. Повалился наземь кунградский сотник, под ноги своему скакуну, облил и копыта, и землю горячей кровью.

Елгельды, который держал в руках знамя Кунграда и должен был вырваться на своем коне вперед, вступить в бой с Айдосом, застыл, обомлев от ужаса. И нукеры застыли, и степняки, которых гнали на Айдос-калу.

- Алла! - взвизгнул Елгельды.

Знамя выпало из его рук, он повернул коня, и тот, обезумевший, как и всадник, понесся к берегу Кок-Узяка, увлекая за собой остальных. Беспорядочным потоком кинулись кунградцы в камыши.

«Небо упало на землю! Бегис убит!»

С этими страшными словами среди ночи примчался в аул Мыржыка насмерть перепуганный Елгельды.

Могла ли птица, ветер мог ли принести эту весть быстрее? Гнал коня Елгельды не щадя. И конь этот, подобно серой молнии, примчал всадника прямо к юрте Мыржыка, что стояла на вершине холма. Примчал и уперся мордой в дверь:

- Мыржык, эй, Мыржык! Проснись! Небо упало на землю!

Полусонный, поднятый на ноги страшным криком, Мыржык отворил дверь.

Увидел коня и человека. Голос знакомый, голос брата Кумар. Его не спутаешь ни с каким другим.

- Что стряслось, Елгельды?

- Брат убил брата...

Чей брат и какого брата убил, хотел было узнать. Да сообразил, что незачем узнавать. Нет брата у Елгельды, есть братья только у Мыржыка. Значит, Бегис и Айдос встретились.

- Кто?

- Ой! - схватился за голову Елгельды. - Айдос убил.

Верно, небо упало на землю. Пролилась кровь сыновей Султангельды, и сделал это Айдос. Кумар выглянула из юрты.

- Видел сам или слышал?- спросила она зло.

- Видел! - сказал Елгельды.

Он успел возненавидеть Айдоса. И не за поднятый им меч над головой брата, а за то, что боролся против Туремурата-суфи, хана кунградского, его, Елгельды, хана.

- Бегис не защищался, открыл голову старшему брату, и тот отсек ее.

Заплакал, потревоженный громкими голосами, сын Мыржыка. Кумар взяла его на руки и так вышла из юрты. Успокаивая малыша, сказала:

- Нет, нет, Ерназар, твой дед не мог совершить такое. Он не голову Бегиса видел, видел голову Туремурата-суфи. А голова суфи давно ждет меча...

Елгельды замахал руками на сестру. Защищала она Айдоса, а обвиняла правителя Кунграда. Против собственного брата поворачивала острие копья.

- Не было суфи среди воинов, не было хана на берегу Кок-Узьяка. Бегис один вел войско.

- Против Айдоса-кайнаки?- с намеком спросила Кумар.

- Против... - признался Елгельды. Но тут же спохватился и добавил:- Против хивинцев, что заняли Айдос-калу. Они поганят землю нашу копытами своих коней.

О нукерах суфи не сказал, а они тоже поганили землю копытами своих коней, не сказал и о несчастных степняках, которых гнали под пули хивинцев. Молод был Елгельды, однако усвоил, что надо говорить о хане и что о его противниках, на кого набрасывать белую ткань, на кого черную. Родился он все-таки, видно, с душой ханского советника.

- Брат мой, - сказала Кумар, - ты тоже был в рядах кунградцев?

Подводила Кумар брата под меч Айдоса. Кто идет в рядах кунградцев, тот враг старшего бия, тот должен или победить, или пасть. Пряма слишком сестра, а прямота опасна. Бог знает куда она приведет.

- За боевым строем был я, сестрица, - вывел себя из-под меча старшего бия Елгельды. - Знаешь ведь, брат твой не воин, палку и то держу в руке редко.

- В сражении и палка оружие. Заслонил бы ею голову Бегиса-ага...

- Хватит, женщина! - остановил Кумар подавленный голос Мыржыка. - Зачем искать убийцу, когда имя его названо!

- Но может быть названо и другое, - упрямо не сдавалась Кумар.

- Не ты ли назовешь его?

- Я!

- Небо, что ли, тебе сказало или во сне услышала?- рассердился Мыржык.

- Небо... Бегиса убил Туремурат-суфи. Он натравливает брата на брата, он сделал сыновей Султангельды врагами. Не последняя это смерть. Жажда суфи неутолима...

- Что говоришь, безумная! Разве мы живем разумом суфи? Он слова не сказал Айдосу, да и не видел его.

Выпалив все это в гневе, Мыржык, однако, не отверг сказанное Кумар. Да и как отвергнешь, когда в ушах стояли слова Бегиса: «Хочешь быть прощенным суфи, убей Айдоса!»

И все же не Айдос упал под мечом Бегиса, а Бегис под мечом Айдоса. Старший предал смерти младшего.

Почувствовал Елгельды, что спадает гнев Мыржыка, что вселила в его душу сомнение Кумар.

- Ну что ж, - сказал он, понуждая поводом коня отойти от юрты, - если брат не в силах отомстить убийце, возьму на себя это святое дело. Не должно остаться пятно позора на семье Султангельды.

- Бросаешь огонь в сухой камыш?- выкрикнула испуганно Кумар. - Постыдись, Елгельды!

- Не стыдно зажечь благородное пламя, - ответил Елгельды и повернул коня.

- Постой! - остановил его Мыржык.

Кумар догадалась, что задумал муж, и загородила собой вход в юрту:

- Не торопись, повелитель. Гнев плохой советчик, охлади сердце...

- Прочь!

Мыржык отстранил жену, влетел в юрту и через минуту выскочил, надевая на ходу шапку и вкладывая в ножны меч.

- погоди, Мыржык! - Кумар протянула ему малыша. - Простись с сыном. Простись, пока руки твои не обгарены кровью.

Отшатнулся Мыржык.

- Простись! - повторила требовательно Кумар. - В ночь идешь.

Он заставил себя наклониться и грубыми губами своими коснулся нежных губ сына. Они были влажными и горячими, какими всегда бывают у спящих младенцев.

- Прощай, Ерназар!

Всю ночь носились они по степи. Носились, словно жеребята, потерявшие табун. И верно ведь - потерял род свой Мыржык. Где найти его теперь? Куда податься?

Сначала свернул к Айдос-кале. С лёту хотел рассчитаться с братом Мыржык. Пока бушевал гнев в сердце и желание мести было неугасимым, рука не дрогнула бы, отсекая голову Айдоса. И копьё полетело бы в его грудь.

Скакал, однако, рядом Елгельды, и он сказал:

- В Айдос-кале хивинцы, не подпустят к городу и на версту. Старший бий останется жить, а мы вряд ли.

Свернули к Жанадарье. Мамана думал поднять на Айдос-калу Мыржык. Вместе взять город и казнить Айдоса. За братоубийство казнить.

Скакали час, а то и больше. Звезды стали клониться к горизонту. Далеко за полночь было.

И сказал опять Елгельды:

- Сколько нукеров у Маман-бия? Полсотни и то не наберется. Хивинцев же три сотни. Изрешетят пулями Мамановых джигитов. Полягут вместе с конями у стен Айдос-калы. И мы ляжем.

- Куда же?- спросил измученный и скачкой и сомнениями Мыржык.

- К Кок-Узяку, - ответил скакавший рядом Елгельды. С самого начала он вел туда Мыржыка. Но не прямым - окольным путем. А теперь пора было скакать напрямую. И лошади устали, времени в обрез.

- Там кунградцы, - заметил Мыржык, - нукеры суфи.

- Там воины Бегиса, - поправил молодого бия Елгельды. - И они горят желанием отомстить за смерть своего старшего сотника. Желания ваши соединятся...

Ловок был Елгельды. Хитроумен, как отец, капканы научился ставить, не надев еще халат мехрема.

Горящее гневом сердце неразборчиво, торопливо. Ему бы скорее утолить жажду мести.

В третий раз повернул коня Мыржык. Хлестнув его, погнал к берегу Кок-Узяка.

И опять сказал Елгельды:

- Вынослив ваш конь, Мыржык-бий, но не статен. Под старшим сотником должен быть скакун чистой крови.

- Я не старший сотник, - не поняв Елгельды, ответил Мыржык.

- Не были старшим сотником, но когда въедем в камыши, станете им.

- Кто же меня сделает старшим сотником?- продолжал недоумевать Мыржык.

- Конь!

Елгельды остановил своего хорасанского скакуна и спрыгнул на землю.

- Я гнал этого красавца в аул, чтобы передать вам, Мыржык. Это конь брата вашего. На нем погиб Бегис. Теперь он должен нести того, кто отомстит убийце. - Елгельды подвел коня к Мыржыку и передал ему повод. - Поторопитесь, старший сотник. К рассвету нам надо добраться до Кок-Узяка. Когда взойдет солнце, мы въедем в камыши.

Смущенный и растерянный, Мыржык пересел на серого красавца.

- Донесет ли он меня до цели?

- Донесет. Он умеет скакать впереди сотни.

На небе вспыхнула Зухра, звезда уходящей ночи. Восток был еще синим, но синева эта уже блекла. Где-то недалеко родилось утро.,

Верно, надо было спешить. Надо было промчаться мимо Айдоскалы незамеченными. Нукеры бека при свете дня сняли бы с седел всадников. Пули у хивинцев были меткими.

45

Не утихла еще боль от первой раны, а судьба готовилась нанести Айдосу вторую. И глубже первой, и больше первой.

Он не смыкал глаз ни ночью, ни днем. В изнеможении забывался иногда на мгновения какие-то, и тут же являлся Бегис. С той самой злой и печальной улыбкой. Не говорил ничего, не проклинал брата. Молча смотрел. - Алла, пощади! - стонал Айдос.

Видение исчезало. Исчезало, чтобы снова возникнуть, как только измученное тело оцепенеет в забытьи.

Почернел Айдос. Ключьями обвисла его когда-то пышная борода. Губы высохли от огня, что постоянно горел внутри. Глаза светились каким-то мертвым пламенем. Безумным был взгляд.

Близким так и казалось, что бий лишился разума. И они избегали Айдоса. В юрту к нему не заходили, а если он выглядывал из нее, прятались за хлевами или копнами сена.

Отходил Айдос лишь рядом с сыновьями - маленькими Туре и Рзой. Он мог даже вздремнуть, чувствуя их руки на своем лице. Руки эти будто отгоняли страшное видение.

Жена бия Айша нарочно впускала к отцу малышей, чтобы они отвлекли его от тяжелых дум. И прежде она делала так и лечила этим недуг мужа. Мучился Айдос, расставшись с братьями, а сыновья, крошки тогда, затевая возню с отцом, веселили его, отвлекали от мрачных дум.

Сейчас, подростки, они вели себя спокойнее. Чувствовали будто тяжелую ношу, что взвалило горе на отца, и старались уменьшить ее. И верно, было легче с сыновьями Айдосу.

Иногда он звал к себе Доспана. Стремянный тоже казался ему сыном. Он мог поделиться с ним, мог спросить совета. Настал день, когда гордому и самолюбивому Айдосу потребовался совет.

О несчастье, павшем на семью Султангельды, не говорили. Будто не было того боя, не было смерти Бегиса. Будто шла жизнь, как всегда, и лишь старший бий чуточку занемог.

О весне уходящей говорили. Жалели, что война помешала засеять добрую землю на берегу Кок-Узяка, что пасти скот стало трудно - мешают разбойные соседи, угоняют коров.

И все же как-то прорвалось запретное. Сказал Доспан:

- Не мучьте себя, мой бий. Нет на вас вины. Вы избавили степь от зла.

Сжался бий. Словно замахнулись на него плетью тяжелой и сейчас ударят. Страшно ему стало, и он посмотрел на стремянного с мольбой: «Не надо, сынок!»

Но Доспан не понял Айдоса. А может, и понял, да посчитал, что слова его снимут боль с сердца бия. Для того и начал разговор:

- Кто-то должен был это сделать. Бог направил вашу руку.

- Он брат мой, - в задумчивости отвечал Айдос.

- Для неба нет разницы, кто несет зло: близкий или далекий человек. Уничтожить надо зло.

- Есть разница, Доспан. Небо могло направить и другую руку, а избрало мою. В наказание, видно...

Доспан ухватился за слово бия. Ждал его, нужно оно было ему.

- Нет вашей вины, мой бий. Если уж наказывать кого, так Туремурата-суфи. Ведь он подослал Бегиса к Айдос-кале. Наказывать надо не защищающегося, а нападающего. Не мы пришли к Кунграду, а Кунград к нам.

- Ты понял это, Доспан. Спасибо тебе, - вздохнул облегченно Айдос. - Понимают ли степняки? Они видят кровь лишь на моих руках. И я боюсь показывать их людям.

- О мой бий! Подвиг смывает кровь. А вы совершили подвиг.

С надеждой глянул на стремянного бий. Снимал он вроде бы тяжкую вину с Айдоса.

- Скажи об этом людям, Доспан.

- Скажу, мой бий...

Сдержал стремянный слово. Но правильно ли поняли степняки его или нет, не узнал Айдос. Да и как узнаешь, если стены юрты заслоняют от тебя мир...

Доспан не был мудр, однако сообразил, как донести до бия ответные слова степняков. Привел однажды в юрту Кадырбергена и Кабула. Не простых степняков - биев.

Кадырбергена привести легко было, он и сам хотел видеть Айдоса, говорить с ним. Томился бездельем неполноправный бий. Шла война с недругами, а места в этой войне для Кадырбергена не находилось. В нукеры его не брали: какой из него нукер, если не только меча, простого ножа на поясе не носил! Добывать пищу для нукеров не умел, на руку был чист, а тут надо воровать в соседних аулах коров и овец. Вот и получалось - не нужен Кадырберген никому. И в тихие-то дни мало кто нуждался в неполноправном бие, а в беспокойные - и вовсе забыл о нем. Деятельная же натура Кадырбергена мириться с этим не могла.

Едва заикнулся Доспан о желании Айдоса поведать степнякам правду, как неполноправный бий тотчас надел на себя чекпен и поспешил в белую юрту.

С Кабулом пришлось повозиться, прежде чем он решился поехать в Айдос-калу. Ему правда Айдоса ни к чему была. Кто на кого поднял меч - не все ли равно! Но меч поразил Бегиса, военачальника кунградского. Самого суфи поразил вроде бы. Вот что важно. Тут думать надо, в какую сторону податься. И когда податься. Не угодить бы вместо свадьбы на похороны.

Думал, гадал Кабул, а тут явился Доспан и принялся уговаривать бия сесть на коня и ехать в Айдос-калу. Торопить вроде стал: плохо, мол, Айдосу.

Ну, что плохо Айдосу, не велика печаль. Пусть вообще сгорит. Не сгорел бы хан хивинский!

Потому не об Айдосе тревожился Кабул, соглашаясь ехать в Айдос-калу, а о хане хивинском. Может, время поклониться хану? Упустишь время - потеряешь ловчую птицу.

В один день, в один час вошли в белую юрту старшего бия Кабул и Кадырберген.

Удивился Айдос. А удивившись, сбросил часть тяжести, что лежала на сердце. Люди все-таки не отвернулись от старшего бия.

Кадырберген начал с того, что проклял Кунград и всех, кто ему служит.

- Наш меч справедлив и пусть разит недругов, - сказал Кадырберген. - Стала бы недругом рука моя, отрубил бы не задумываясь.

Про руку сказал, а думал про брата Айдосова. Недругом был Бегис.

Охотник Кабул вступать в разговор не торопился. Будто выслеживал дичь. Не спугнуть бы ее прежде времени, не выстрелить бы впустую! Пальнешь, а проку никакого. Да и зачем вообще стрелять, если не знаешь в кого. Надеешься убить фазана, а убьешь воробья.

Но стрелять все же надо было, раз уж началась охота. Выстрелил он, однако, для начала в воздух.

- Много ли меч наш поразил недругов?- спросил Кабул. - Поредели ли ряды кунградцев?

Айдос не знал, сколько кунградцев полегло, не подсчитывал. Не до того ему было в бою. Делал это Доспан. Счет, правда, у него был особенный. Считал он как пастух.

- Четверть стада легло, - сказал он.

- Сколько это, четверть стада-то? Войско у суфи, говорят, восемьсот мечей.

- Двести, - поправил Доспан. - Нам со стены городской все видно. Двести голов стадо.

- Значит, пятьдесят... - задумался Кабул.

Не поверил он Доспану. И что двести мечей у суфи, соврал пастух, и что пятьдесят кунградцев легло, тоже соврал. Но сколько-то полегло? Отбили дважды хивинцы атаки кунградских джигитов. Да у Бегиса слетела голова.

Доспан же не унимался:

Тридцать коней мы выловили. Посадим на них наших аульчан. Если со стороны кто придет безлошадный, ему дадим в руки повод.

Не нравилось Кабулу, что стремянный говорит о делах племени как бий, как старейшина рода, решил осадить его поговоркой степной:

- Дорога похвальбы усеяна камнями греха. Айдос кивнул, соглашаясь с Кабулом:

- Силен Туремурат-суфи. Немало горя еще принесет он степи.

Узнал Кабул кое-что о кунградцах и хивинцах. А чья сторона перетянет веревку удачи, пока неясно. Но хивинцы стоят крепко и помощь могут получить от Мухаммед Рахим-хана. Кунградцам же помощи ждать неоткуда. Пуст Кунград: все, что мог собрать суфи, собрал и бросил к стенам Айдос-калы.

Правильно, выходит, поступил Кабул, отправившись к старшему бию. Дело старшего бия, видно, восторжествует.

Повеселел охотник:

- Как ни силен тигр, а капкан на него все же найдется.

Кадырберген поддакнул:

- Найдется капкан...

Понравилось старшему бию, что степняки осуждают правителя Кунграда, предрекают его гибель. Но приблизить конец суфи, видно, не собираются.

- Хорошо бы сообща найти капкан для тигра, - сказал Айдос. - Всея степью загнать его туда.

Веселость сразу покинула Кабула. Пожалел, что заговорил о капкане для суфи. А когда приходила к охотнику жалость к самому себе, голос его становился скрипучим, как у козла. И он жалобно произнес: Трудно найти такой капкан.

Кадырберген тут же поддакнул:

- Ой трудно...

Однако беспокойная была душа у неполноправного бия, не мог он оставаться в стороне от дел важных. Принесет ли пользу, не принесет, а ухватится за оглоблю застрявшей в песке арбы и тянуть будет.

Трудно, но можно, - добавил Кадырберген. - Искать будем, Айдос-бий.

Сказал бы это Кабул, посветлело бы на сердце Айдоса. Большой аул был под началом бия. Многие аульчане бия занимались охотой и имели ружья. Готовые нукеры. Прибавилось бы сил у Айдос-калы. Да и войско пора создавать из степняков, не всегда же будут хивинцы защищать Айдос-калу. Но сказал не Кабул, а Кадырберген. А у неполноправного бия нет ни аула, ни людей, ни коней, ни ружей. Потому слова его - пустое. Что произнесены, что не произнесены - все равно.

Прежняя боль сжала сердце Айдоса. Видно, ничем ее не прогонишь. Глубока, как колодец в степи.

Прогнать решил биев. На что они ему! Держатся за землю, которая уже бесплодна, берегут хурджуна, который пуст. Наполнить его хотели бы, Кабул о том только и думает, а руки протянуть не желают. Кто бы другой за них это сделал: Айдос или хан хивинский.

«Уйдите! - надо было сказать биям. - Прочь с глаз моих!» Да не принято в степи говорить такое. Иное сказал Айдос:

- Когда найдем капкан и поймаем тигра, приходите, дорогие мои, выдергивать клыки его и делить шкуру...

Да, не утихла боль от первой раны. Извела она вконец Айдоса. Стал он молить бога, просить наказания себе: «Если грешен, пошли возмездие, достойное вины моей! Если же нет вины моей, освободи душу от мучений!»

Бог не отвечал несчастному Айдосу. С Туремуратом-суфи беседовал, наставлял его, учил, как поступать в трудную минуту, а перед Айдосом безмолвствовал. Отверг, должно быть, Айдоса, забыл про старшего бия. Или не забыл. Да, не забыл. Готовил ему новое испытание.

И вот пришло оно. И опять в ясный, тихий день, когда отцвела степь и ветер уносил запахи весны к морю.

Вбежал Мухамеджан-бек в юрту Айдоса и сказал:

- Кунградцы пошли на Айдос-калу!

Который уже раз шли джигиты суфи на Айдос-калу, но всякий раз отгоняли их пули хивинцев. Не тревожил бек старшего бия просьбой участвовать в таких стычках, обходился без него. Да и недуг вроде бы не позволял бию брать в руки меч.

Нынче не посчитался с этим бек.

- Конь ждет вас у юрты!

Айдос лежал на курпаче, уткнувшись лицом в подушку и обхватив руками голову. Боль была нестерпимой. И началась она, когда на городской стене загремели сразу три барабана. Может, это была и не боль, а страх?

Чей конь?- спросил едва слышно Айдос.

- Ваш конь.

- Зачем оседлали его? Я запретил приводить буланого к моей юрте.

Бек пояснил улыбаясь:

- Против серого коня устоит только буланный. Могучие когти разорвали сердце Айдоса. Воскликнул он:

- Серый Бегиса?!

Крик бия развеселил сотника. Он засмеялся.

- У вас слишком много братьев, Айдос. Сегодня на сером Мыржык.

Снова должен был вскрикнуть бий. На этот раз не в удивлении, а в отчаянии. Ангел смерти опять спускался на плечи Айдоса. Крылья черные касались лица бия.

«Нет, - сказал себе Айдос. - Не только смерть уготована сыновьям Султангельды».

Он поднялся с курпачи, поднялся неуверенно, покачиваясь, как хмельной, подошел к сотнику.

- Бек, сядете на буланого!.. Усмехнулся бек в лицо Айдосу:

- Я бы сел, дорогой бий, но кунградцы требуют вас. Мыржку хочется обнять своего брата.

Уже слышал эту страшную шутку Айдос. Говорил уже бек о желании Бегиса видеть брата своего. Умел сотник глумиться над чувствами человеческими. Ему это доставляло радость.

- С каких пор, бек, вы стали считаться с желаниями врага? Или у вас нет силы ответить ему?

Смутился сотник. Этот дикий бык, оказывается, умел не только реветь, но и говорить. Думать умел.

- Не принимайте шутку близко к сердцу, бий. Мы же с вами друзья. Но кунградцев действительно ведет Мыржык, и он на сером коне. Вряд ли брат ваш захочет скрестить оружие со мной, чужим для него человеком...

Издевательская улыбка, только что покинувшая холеное лицо сотника, снова вернулась.

- Знаете, что кричат кунградцы? - спросил бек. Он посмотрел пытливо на Айдоса, размышляя, добивать его или не добивать. Решил, что лучше добить. Раненых быков добивают. - Они кричат: «Смерть Айдосу! Смерть братоубийце!»

Добил бек несчастного Айдоса. Оперся он рукой о каркас юрты, чтоб не упасть, не оказаться у ног сотника, не коснуться лицом его пыльных сапог.

- Братоубийце?.. - простонал Айдос.

Бек промолчал. Он ждал, пока бий совладеет с собой, поборов слабость, или же, наоборот, рухнет на землю. Ему хотелось, чтобы бий поборол себя, иначе кто другой заменит бия в этом бою? Кунградцев-то ведет Мыржык. Против Айдоса ведет. И нужен беку Айдос.

Поборол слабость старший бий. Как уж ему это удалось, один бог знает. Поборол и спросил усталым, но твердым голосом:

- Что делать?

Бек торопливо, словно боялся, как бы не расслабился вновь бий, ответил:

- Сесть на коня.

- Это ли только нужно вам? Бек пожал плечами:

- Вы слуга хана, Айдос-бий.

Слуга хана раб хана, и воля хана для него закон. Вот кто Айдос. Знал он это и раньше, но сейчас лишь понял, какова цена этому. Высокая, видно, цена.

- Что же нужно от слуги великому хану?- спросил Айдос.

Не следовало задавать такого вопроса беку. Не всегда посвящен был в тайные намерения правителя Хивы сотник. А если б и посвящен был, разве открыл бы их? Пусть сам Айдос скажет.

И Айдос сказал:

- Смерть братьев моих нужна хану.

Тень бросал на правителя Хивы этот дикий бык. Позорную тень. Смахнуть ее сейчас же - вот что должен был сделать бек. Помыслы хана чисты, как чисто само небо Хорезма.

- Она нужна вам, бий! Братья воюют против Айдос-калы, а не против Хивы. Не хотят видеть старшего бия ханом каракалпаков.

Легко смахнул тень с правителя Хорезма сотник. Ловко смахнул, попала она теперь на глупого Айдоса. Осталось лишь посмеяться над ним. И посмеялся бы бек, не будь в руках бия меча, снятого со стоны. Готовился к сражению бий.

- Не хотят?- переспросил Айдос.

- Не хотят.

Очень глупым оказался этот дикий бык. Поворачивал рога туда, откуда дразнили его палкой.

- А великий хан хочет?

На этот раз можно бы было и раскрыть тайные замыслы Мухаммед Рахим-хана. Сказать, что хочет видеть Айдоса ханом каракалпаков правитель Хорезма. Ложь ли это, правда ли, не унизит она хана, а возвеличит лишь. Добрым и мудрым предстанет перед своими соотечественниками повелитель. Но все же опасно давать обещания от имени хана. Сошлетя на них Айдос в трудную минуту. И бек ответил:

- Для этого мы здесь, бий...

- Для этого...

Нужно было во что-то верить, нужно было кому-то верить, когда идешь убивать брата.

Айдос вдел меч в ножны, откинул полог, чтобы выйти из юрты и сесть на коня.

У городской стены гремели барабаны, звали на бой.

Айдос ударил буланого каблуками сапог, и тот помчался в степь.

Он убил Мыржыка. На поляне, возле того самого джангиля, где пал и Бегис. Случилось это в самый разгар боя, когда кунградцы еще стояли крепко и отражали удары хивинцев. Кровь Мыржыка напугала их. Дрогнули джигиты суфи и начали отступать, а отступая, сами облились кровью.

Кровь алой тропой тянулась за ними, пока они шли к камышам и дальше за камышами но берегу Кок-Узяка в сторону Кунграда. Уходили кунградцы, чтобы никогда больше не возвращаться к Айдос-кале.

46

Маман ждал Мыржыка в новолуние. Уже был собран караван, погружены мешки с едой и подарками для русских биев и их жен. Без подарка ни в какой аул не войдешь, никакой брод не перейдешь - это знали степняки. Осталось только поднять верблюдов и отправиться в путь.

Караван должен был повести Мыржык. Не потому, что хорошо знал дорогу на Русь. Дальше первых казахских аулов не заезжал он на своем коне, да и никто из каракалпаков не заезжал. Единственным гостем русских был великий Маман, а он давно покинул этот мир, как покинули этот мир и его спутники. Так что не в дороге было дело. Караван доверили Мыржыку жана-дарьинские старики, считая его самым сильным, самым смелым и самым добрым из биев каракалпакских. Маман тоже был добр и смел, но годы у «русского бия» уже не те и силы на исходе.

Решив так и получив согласие молодого бия, отпустили жанадарьинские старики Мыржыка схоронить тестя Есенгельды и проститься с семьей. Возвращение наметили на первые дни новолуния.

Луна, как известно, четырнадцать дней прячется где-то, и потому темно в мире, а на пятнадцатый выглядывает из-за края степи стыдливым козьим рожком. Таким стыдливым, что и не заметишь его сразу. Крикнешь громко - исчезнет, бросишь в него камнем - рассыплется. Вот под таким робким козьим рожком и должен был вернуться на Жанадарью Мыржык. А не вернулся.

Шестнадцатый день прошел, семнадцатый, на восемнадцатый перевалило. Уже не робким, козьим рожком выглядывал месяц, а бодливым бычьим рогом. Забеспокоился Маман: не передумал ли Мыржык, не свернул ли на тропу измены? А когда беспокоился бий,

когда в сердце его вкрадывается сомнение, остальным не грешно покачать головой и сказать осуждающе: «Молодые-то как ветер весенний, с утра скачут на север, вечером на восток».

На девятнадцатый день, а может, и на восемнадцатый еще принес какой-то джигит новость:

Убит Мыржык! Убил его брат, старший бий каракалпаков Айдос.

Удивились и опечалились жанадарьинцы. Добрый был джигит, смелый, сильный. Кто теперь за каракалпаков на кураше выступит? Кто положит на землю главных палванов степи?

Иная была печаль у Мамана: кто поведет караван? Мыржыка жанадарьинцы определили посланником степи, бием каракалпаков назвали, бием Добрых Надежд.

Собрал стариков Маман, спросил их:

- Слезами завершим дело свое или напутственным словом? Загрузим караван или навьючим на верблюдов хурджуны новых надежд?

Старики почесали свои бороды, покрутили на головах кураши - под шапками черными всегда прячутся самые мудрые мысли - и ответили Маману:

- Слезы пролиты, но они не означают конец жизни. Пусть идет караван.

- Кто поведет его? Кому доверим дело отцов? Снова пришлось задуматься старикам. Снова почесать бороды, покрутить шапками. Однако ответить, как первый раз, не сумели. Трудный это был вопрос: кого послать к русским?

Старика не пошлешь - стар, немощен. Молодой -неопытен, неразумен, хоть и крепок и вынослив. Все это ранней весной определяли жанадарьинцы. Тогда-то и сказано было: «Простой степняк, старый ли, молодой ли, в послы не годится, если он не бий, не глава рода. С пастухом или рыбаком царь, поди, и разговаривать не станет. Здесь бий нужен».

Не было бия у жанадарьинцев, кроме старого Мамана. Потому-то и упросили степняки ехать Мыржыка. Теперь, после его гибели, надо искать в каком-то другом роду. Посмотрели на соседа, Орынбая. Не на самого разбойного Орынбая, а на сына его, Давлетназара. Сильный, умный, решительный. Плохо, конечно, что из непутевого рода мангыт. Ну да в роду разные люди бывают: одни - плохие, другие - хорошие. Давлетна- зар - хороший степняк.

- Давлетназара послать надо, - решили старики. Решили, а послом назвать не назвали. Давлетназару желание старейшин все равно что рев чужого стада: хочешь - слушай, хочешь - не слушай. Отец прикажет - другое дело. Отцу перечить нельзя.

Обратились старики к Орынбаю: так, мол, и так, брат Орынбай. Хотим послать сына твоего, Давлетназара, к русскому царю за советом и помощью. То ли не в тот час обратились старики к главе рода мангыт, то ли не с теми словами, но взбеленился разбойный бий, замахал руками:

- Один раз ударились каракалпаки головой о дерево - не поумнели, второй раз хотите удариться, чтоб совсем мозгов лишиться. Не дам сына своего на глупое дело. Уж если хочется разбить голову, так бейте здесь, а не скачите для этого за тридевять земель.

- А где у нас такое дерево?- спросил обиженный Мамаи. - Не в твоём ли, Орынбай, ауле?

Укололся на слове Мамана разбойный бий, отбросил его:

- Не в моем.

- В Бухаре, значит?

- И не в Бухаре. Священная Бухара степняков не обидит. Мусульмане мы.

- Обидела, однако, Туремурата-суфи, не пришла на помощь, когда хивинцы разбили войско кунградского правителя. А Бухаре-то он кланялся, ползал перед ней на брюхе.

Опять уколол Маман разбойного бия. Но на этот раз он не отмахнулся от острого слова.

Туремурат не степняк, - стал объяснять Орынбай. - Камышовый кот. Ему давно пора было отрубить хвост, чтоб не рыскал по аулам.

- Хвост ли только потерял суфи?- усомнился Маман. - Кажется, и голову...

- Э-э, - запротестовал Орынбай. - Голова цела у правителя Кунграда!

Боялся разбойный бий, как бы гибель Туремурата-суфи не открыла дорогу Айдосу к Аралу и Жанадарье. Пусть живет суфи, пусть борется со старшим бием. Сам Орынбай уже не думает выступать против Айдоса. Уцелеть бы на своем берегу.

- Если цела голова суфи, значит, небо сберегло ее, - сказал Маман. - Пусть небо сбережет и наши головы. Поедем все же на север, к русским...

- Езжайте!

- Отдай нам Давлетназара, - попросил Маман. Думал, что вырвет у разбойного бия сына, ведь дело-то затевалось великое.

Не вырвал. Упрямство Орынбая сломить никто не мог, добрый Маман тем более.

- Не дам сына своего. Время такое, что он и здесь мне понадобится.

Снова принялись думать старики, кого послать с караваном. Ни один бий не соглашался ехать. А время торопило. Дорога в Россию хороша летом, а лето уже наступило, и дни побежали к осени. Осенью же дорога -не дорога. Верблюды завязнут в грязи, кони обезножат. Ехать надо сейчас или вовсе не ехать.

Решили старики: ехать!

- Поведет караван кузнец Никифор. Ему так и так возвращаться домой. Сына Якова с собой возьмет, - подал совет Маман. - А от рода нашего пошлет Атабек палвана.

Атабек-палвана и другие могли назвать. Атабек -гордость аула. Не назвали, однако, - не бий, не глава рода. Теперь, когда Маман, забыв о знатности джигита, послом определил его, остальным показалось, что лучше ходатая не найти им. Зацокали языками:

- Атабек-палван сын степи, ему степь и представлять перед царем.

Умнее, оказывается, не было в ауле джигита, красивее не было, сильнее не было. Раньше не видели, теперь увидели. Так уж заведено у людей. Сверху вниз смотришь - не замечаешь, снизу вверх глянешь - удивишься: велик человек!

Скорый на сборы степной народ. Не успели старики наречь Атабек-палвана послом, как жена его уже отвязала коня и бросила через седло шубу. В холод ехал муж ее. А что спасает от мороза? Баранья шуба. Приторочила к седлу и малахай. Без малахая на ветру пропадешь.

Сел на коня Атабек. Сели на коней Никифор и Яков. Подняли верблюдов, груженых едой и подарками. Проводник-казах, которого нанял Маман на отрезок пути от Жанадарьи до Оренбургской крепости, осмотрел караван и, убедившись, что все хорошо навьючено и завязано, крикнул:

- Пошли!

Зашагали верблюды, застучали копытами кони. Посланники степи отправились в Россию.

Аул провожал караван до самого берега моря. У воды Мамай обнял Атабека, Никифора и Якова, сказал им:

- Сыны мои, вверяем вам дело отцов наших. Идите с луной, возвращайтесь с солнцем...

47

Ушли кунградцы. Ушли нукеры хана.

- Хива подарила вам покой. Мухаммед Рахим-хан подарил власть. Правьте степью.

Так сказал бек, прощаясь с Айдосом.

Покой, верно, воцарился в Айдос-кале, разрушенной, разграбленной, обезлюдившей столице каракалпакского ханства. Недостроенная городская стена, поднятая где на три, где на два, а где всего и на один локоть, окружала опустевший аул. Глина размокла под дождем, оседала, и не локтями надо было уже мерить стену, а всего лишь ладошками.

Город мой! - шептал Айдос, объезжая на коне стену. - Айдос-кала...

Он плакал. Не щедро расплатился с ним хан за все, что он отдал ему. Эта размокшая глина не стоила ничего. Наступит осень, зарядят дожди, и однажды утром Айдос не найдет и следа города.

Покой, который подарил хан старшему бию, походил на покой кладбища. И как на кладбище, все было пронизано печалью: куда бы ни шел Айдос, ему чудились могилы.

Дети, малыши Рза и Туре, не радовали больше бия. Он не замечал их. Не слышал их звонких голосов, не чувствовал прикосновения их рук. Все было чужое.

«Два сына, - размышлял он. - Два брата. И их кто-то убьет. Или они убьют друг друга. Смерть идет по следам нашим. Род Султангельды кончается...»

Люди боялись бия. И бий боялся людей. Когда кто-то из аульчан проезжал мимо его юрты, он задерживал полог. Не хотел, чтобы видели аульчане старшего бия, чтобы тревожили словами или поклоном.

Он надеялся, что люди забудут его. Желал этого. А люди не забывали Айдоса. Нет-нет да наведывались в белую юрту, напоминали ему, что он старший бий каракалпаков.

Как-то в конце саратана, самого горячего месяца лета, появились старики из аула Есенгельды. Было их пятеро, все седобородые. Закрыть перед ними дверь нельзя, замешкаться с приветствием тоже нельзя.

Седобородые оказались сватами.

Уныние и печаль, в которых пребывал Айдос, мешали ему видеть степь такой, какой она была в те горячие дни саратана. Жила степь. Худо ли, добро ли, но жила. И были у степняков свои заботы, свои печали, свои радости. Так уж заведено: между двумя злыми ветрами выпадает тихий день. В тишине и песня пропоется, и дитя заплачет, явившись на свет божий, и женщина снимет жегде, чтобы показать себя и солнцу, и джигиту.

Не видел всего этого Айдос. Потому принял седобородых не за сватов, а за советчиков.

Приняв стариков за утешителей, без охоты впустил их в юрту и, предложив им сесть на кошму, сам остался на ногах. Ждал холодных, стесняющих душу слов, готовился выслушать их, как выслушивают молитву перед уходом в другой мир.

Первое слово не походило на молитву, но было холодным:

- Брат Айдос...

Не хан, не бий каракалпаков - брат всего лишь. Холодным оказалось и второе слово:

- Перевернулась степь. Не пойдем, где восходит, где заходит солнце. Да и восходит ли оно? В крови и печали солнце. Однако не померкла степь. А если не померкла, можно ли попить закон степи - не топтать то, что рождается?

«Обвинять пришли», - подумал Айдос. Затоптал бий чью-то жизнь. И он посмотрел тревожно и пытливо на стариков: чью жизнь?

Не ответили старики, другое было у них припасено.

- Ветром ли сломана, отрублена ли мечом, погибла ветвь, - сказал старший из гостей. - А на ней живая почка. Должна ли она погибнуть? Пришли посоветоваться с тобой.

- О чем советовать-то? О судьбе народа нашего, что ли? - произнес Айдос.

- И о судьбе народа. Судьба-то народа нашего в детях.

- В детях, конечно, - согласился Айдос, все еще не понимая, куда клонят старики.

Так вот, приехал Елгельды и сказал, что хочет переселить сноху твою, Кумар, и сына Мыржыка в свой аул.

- Он сын рода кунград, - возразил Айдос. - Нашего рода.

- Конечно, вашего рода. Потому совет наш такой: пересели сноху поближе к себе, позаботься о сыне рода кунград.

Осенило наконец Айдоса, догадался, чего хотят старики.

- Согласится ли Кумар?

- Ума у ней не меньше, чем у нас, поймет. Согласен ли ты подчиниться обычаю степи: взять к себе жену погибшего младшего брата?

Степь имела свои законы. Мудрые ли, глупые ли, добрые ли, жестокие ли, но на них держалась она и их берегла. Не бросала в пасть судьбе сирот, не гнала вдову из юрты рода.

Однако, сберегая вдову, накидывала на нее петлю неволи, губила желанья. Лишала воли и старшего брата. Петлю эту принесли старики Айдосу и накинуть решили. Отстранился он поначалу, отбросить хотел и петлю, и сам аркан. Не мог взять к себе Кумар, жену брата, которого сам убил. Не то что ласкать, глянуть в глаза ей не посмел бы.

Но обычай есть обычай. Что скажут про старшего бия степняки, когда узнают об отказе его взять в жены Кумар и усыновить Ерназара?

- Отцы! - ответил старикам Айдос. - Мне дорога судьба живого ростка. Но могу ли я оторвать его от мертвой ветви? Благословит ли на это бог?

- Спроси у всевышнего! - посоветовали старики. - Если благословит он тебя, не утай от нас его веление, и мы поедem к снохе Кумар с водой бракосочетания.

Сказав это, старики простились со старшим бием и покинули Айдос-калу.

Едва скрылись седобородые за стеной города, как Айдос тоже сел на коня и поскакал в аул Мыржыка. Первый раз после того страшного дня сел на буланого. И когда садился, подумал: «Как бы снова не стряслась беда... Несчастья приносит мне верный конь мой!»

Но какая беда может настичь старшего бия в пути? Тихой стала степь, и аул, куда ехал, не разбойный. Донесет буланый бия до цели, сбережет в седле. И не у подножия холма сбавит шаг, а лишь на самой вершине. Останется только слезть с коня, войти в юрту и сказать: «Здравствуй, сношенька!»

Так и случилось. Доскакал Айдос до аула Мыржыка, влетел на холм, сказал: «Здравствуй, сношенька!» Только не в юрте сказал, а перед нею.

Встретила Кумар старшего бия, как встречают степнячки мужа, - за сто шагов до дома. Взяла коня за повод, поклонилась, поцеловала полу биева халата.

- Сойди с коня, мой повелитель!

Вот она где, беда, была! Вот где несчастье! Мужем признала Кумар старшего бия.

Надо было повернуть коня, погнать его прочь от юрты Кумар. Иначе прогонит Айдоса тень Мыржыка. Встал он перед глазами старшего бия - обезглавленный, залитый кровью. Но не повернул коня старший бий, не погнал прочь от аула. Слез с буланого, перешагнул через порог юрты.

Кумар вошла следом, бросила на курпачи подушку, сказала ласково:

- Отдыхайте! -А когда он сел, добавила: - Если мой повелитель разрешит, я расседлаю коня и задам ему корма.

Надолго думала задержать бия Кумар, коли собиралась расседлать буланого. И повелителем величала неспроста. Ни разу не назвала кайнагой, как приличествует называть снохе старшего брата мужа. Все господином да повелителем, избранником, значит, своим.

Вспомнил Айдос: прежде Кумар тоже целовала полу его халата и в верности ему клялась. Хивинца-то убила, видя в нем врага старшего бия.

«Что же это?- напугался Айдос. - Ждала, выходит, меня. Давно ждала. Еще со своей свадьбы думала обо мне как о женихе своем. В женщине-то, оказывается, дьявол живет!»

- Не расседывай коня, - попросил Айдос сноху. - И корма не задавай ему. Поеду сейчас.

Посмотрела на бия Кумар - и как посмотрела! Сколько обиды было в ее глазах! Слеза вспыхнула на ресницах. Вспыхнула и горела долго, долго...

Сник Айдос под ее взглядом. Почудилось бию, что корит его сноха за все: за неблагодарность, за отвергнутое чувство, за смерть мужа.

- Что ж, на дорогу степняки выпивают пиалу чая, - попыталась все же удержать гостя Кумар. - Принесу сейчас...

Не ожидая его согласия, она выпорхнула из юрты. И тут же вернулась с чайником и пиалами.

- Пригубите только, коли торопитесь, - сказала Кумар. Опустилась на одно колено, налила в пиалу чаю и протянула бию:- Из моих рук, повелитель, выпейте! За жизнь свою не испытала еще радости поить вас...

Старики не сумели накинуть на Айдоса петлю, а вот Кумар накинула.

Он принял пиалу и поднес к губам, чтобы отпить глоток. Но не отпил. Остановился. Показалось ему, что не чай это, а вода бракосочетания.

- Или горяч слишком?- спросила Кумар. Посмотрела опять на бия. Но не как прежде - с обидой и укором, - а с надеждой...

- Кумар! - сказал Айдос, прежде чем отпить чай из пиалы. - Я поднял меч на Мыржыка, лишил тебя мужа, Ерназара - отца...

Трудно было все это выговорить. Еще труднее было посмотреть на Кумар: увидеть гневное лицо ее, увидеть ненависть и презрение. А когда посмотрел, не увидел ни гнева, ни ненависти. Большими, прекрасными, полными сострадания глазами глядела она на Айдоса.

- Вы не убили его. Его убило небо. Не мог жить человек, предавший брата, забывший завет отца. Да простит мне бог, не сумела я удержать его в ту ночь. Старалась, но не смогла.

Она снимала с Айдоса вину в гибели Мыржыка. Вину, которая была невероятно тяжела, и нести ее он уже не мог. Изнывал под ее тяжестью, и лишь смерть могла избавить от страдания. И вот Кумар сняла все.

- Я ли поднял меч, небо ли, Мыржыка нет, - уставшим голосом продолжал начатое Айдос. - Ведом тебе обычай степи: жена умершего младшего брата переходит к старшему?

- Ведом, - торопливо ответила Кумар.

- Но, уйдя к старшему, женщина должна забыть младшего.

На этот раз не поторопилась с ответом Кумар. Она вроде не услышала сказанного. Молча смотрела на Айдоса, словно ждала других слов. Но не было у Айдоса других слов.

- Можешь ли забыть Мыржыка?- спросил он. Будто взял в свои жесткие, холодные руки сердце ее, наполненное надеждой и болью, и посмотрел: не черно ли оно? Уж какое оно, сердце Кумар, - ей судить. Не увидел Айдос, что предано оно ему.

Она поднялась с колена. Сказала, глотая слезы обиды:

- Чай, наверное, остыл, кайнага!

Не повелителем своим назвала, а кайнагой всего лишь - старшим братом мужа.

Смущенный, он протянул ей пиалу. Нерешительно, не веря еще, что нужна она Кумар, что оборвать хочет сноха, нить разговора. Но протянул. Приняла Кумар пиалу, подержала в руках, раздумывая, и выплеснула янтарную влагу на ковер. Не осталось ничего от «воды бракосочетания».

«Не может забыть Мыржыка, - подумал с каким-то светлым облегчением Айдос. - Пусть живет брат мой...»

Тяжело было подняться с ковра бию. Не все сказал снохе, не все услышал от нее. Но не суждено человеку все сказать и все услышать. Остаться должно что-то и для другого мира, путь в который безмолвен.

Однако как ни тяжело было подняться, а пришлось А поднявшись, Айдос сказал:

- Да сбережет тебя бог, Кумар!

48

Сняла Кумар тяжесть с сердца Айдоса. Не всю - велика была тяжесть эта, - но словом своим облегчила душевную муку старшего бия: «Не вы убили Мыржыка. Его убило небо. Не мог жить человек, предавший брата, забывший завет отца».

«Верно ведь, не хотел я смерти братьям. Никому не хотел смерти. Семена жизни и покоя сеял в степи. Затоптали семена, братья мечи подняли на дело мое и меня самого. Пришлось мне взять меч и мечом прокладывать путь к'цели великой».

Так думал успокоенный Айдос. Думал, едучи чистой степью и под чистым небом. Все было ясным старшему бию, и все укрепляло его веру в себя. Но вот увидел он аул свой, жалкий, с редкими дымами, и ясность вдруг затуманилась, покой оставил Айдоса.

Дело-то, ради которого сгубил братьев, живо ли? Где плоды его? Ничего, ничего не добился старший бий. Опалил степь, разорил аул. Вместо юрт - могильные холмы. Ханство каракалпакское в этих холмах. На коне еще Айдос, но все идет к тому, что слетит он с коня и окажется под копытом.

«Доспан, помнишь ли уговор наш: быть рядом, когда на коне и когда под конем? Освободил я тебя от клятвы на короткий миг, скрестил мечи с братьями. Теперь освобождаю навсегда. Мое место под конем. Твое - на коне. Ты молод, ступил только на тропу жизни и скачи по ней сколько сможешь».

Печальная мысль пришла к Айдосу: проститься с Доспаном, как простился с Кумар. И едва пришла, как он тут же решил осуществить свое намерение и свернул коня к юрте стремянного.

Юрту Доспану подарил старший бий в День взаимного уважения. Поставил ее стремянный на краю аула у несуществующих северных

ворот, чтобы из-под полога дверного зорким глазом пастушьим следить за степью, сторожить покой Айдос-калы. С северных, несуществующих ворот и подъехал Айдос к юрте стремянного: не хотел гнать коня через весь аул, будить любопытство степняков. В тягость ему сейчас было любопытство сородичей.

- Сынок! - обратился к Доспану старший бий, когда стремянный взял повод и остановил буланого. - Есть ли за мной долг какой? Все ли я отдал, что обещал тебе?

Незнакомым голосом произнес все это Айдос, и слова произнес незнакомые. Не слышал их прежде Доспан. Умирает, что ли, бий? Только перед тем, как покинуть этот мир, говорят такое.

- Ничего вы не должны мне, дедушка-бий. Это я вечный должник ваш. Хватит ли жизни, чтобы расплатиться?

- Забудь это, Доспан. - Айдос положил руку на плечо стремянного, и была эта рука вялая, обессиленная - рука старца. - Все забудь.

- Можно ли, мой бий, - запротестовал Доспан. - Бог покарает неблагодарного.

- Прощенного не покарает. Живи спокойно, сынок. С этого дня освобождаю тебя от клятвы, данной мне, быть рядом, когда я на коне и когда под конем.

- Вы на коне, мой бий! - отверг решение Айдоса стремянный.

- Еще на коне. Но стремени нога уже не чувствует. А когда нога не чувствует стремени, долго ли продержишься в седле? Лучше слезть с коня...

- Вам нельзя оставлять седла, мой бий. Успокоительное, но пустое говорил Доспан. Что он знает о тех, кто сидит на коне и держит в руках судьбы людей? Ничего не знает. И не узнает.

- Сейчас нельзя... Отчего нельзя? - спросил бий, хотя ему вовсе не нужно было узнавать, почему нельзя. Да и унижительным становился этот разговор со стремянным. И он потянул повод, намереваясь погнать коня к своей юрте.

- Нельзя! - повторил стремянный, удерживая упрямо ремень, - Поход в степь готовит Хива.

Можно было пропустить мимо ушей слова Доспана. Болтливый что не наплетет! Походы теперь мерещатся степнякам. Но не пропустил бий слова стремянного. Не просто он произнес их - шепотом, кося глаза на юрту.

- Кто принес весть?- поинтересовался бий. И чтобы лучше услышать ответ, перегнулся через седло.

- Никто не приносил. Сами добыли, - ответил Доспан.

- Вроде мы не посылали лазутчиков в Хиву, - скривил губы бий. - Выловят, и ему и нам голову снимут.

- Не в Хиве - здесь добыли... - объяснил Доспан. Оказывается, мимо Айдос-калы шел караван в сторону Жанадарьи. Снялись с зимовки степняки, напуганные слухами о близком нападении хивинцев. Будто бы осенью, как только укрепится лед на Амударье, тысячное войско Мухаммед Рахим-хана перейдет на правый берег и начнет покорение каракалпакских земель. Кто не признает правителя Хорезма своим ханом, тот будет казнен, а юрта его сожжена. Бий, не подчинившиеся Хиве, лишатся власти и род их истребят. Осень близка, люди, собрав урожай, бегут за Жана-дарью под защиту казахов.

- Правда ли это?- веря и в то же время боясь верить услышанному, спросил Айдос.

- Бегущий разве солжет?- ответил Доспан. - Говорят, и другие аулы снимаются с зимовок.

Задумался Айдос. Вот ведь как меняется судьба его. Думал завоевать с помощью хана степь, а теперь его самого завоеует хан. Братьев убил, прокладывая дорогу Хиве. Кого теперь убьют на этой дороге? Айдоса, видно. Быть ему под конем.

- Мой бий! - оторвал от тревожных мыслей Айдоса стремянный. - Надо ли ждать хивинцев?

«Что он говорит?- ужаснулся бий. - К смуте призывает или к бегству? Бросим аул Султангельды, подадимся на север, к казахам». Целовал Айдос полу халата хана, теперь станет целовать халаты казахских биев. А там - еще кому... Губы-то у него пообтерлись, затвердели, как кожа на сапоге. Не чувствуют, где шелк, где мешковина. Несчастный Айдос!

К чему же призывает Доспан? Не похоже, что струсил стремянный. Значит, другое у него на уме.

- Если не хивинцев, то кого нам ждать?- посмотрел пытливо на Доспана старший бий. - Кто еще собирается покорить наш народ?

Не решился ответить стремянный. Как бы не разгневать бия глупым советом. Тянул время, переступал с ноги на ногу.

- Хан каракалпакский, - хитро ответил стремянный. Хитро и смело. Ошарашил ответом своим старшего бия.

- Сынок, ты хочешь, чтоб я снова вынул из ножен меч?- сказал Айдос.

- Нет, мой бий. Один ваш меч не сломит ста вражьих мечей. Пусть люди наши поскачут в аулы и призовут биев к повиновению. Пусть скажут им то, что сказал я вам: признавший Хиву будет жить, восставший против Хивы - умрет. Склонят головы перед вами, бий.

Грустная улыбка тронула лицо Айдоса. Давно она не навещала старшего бия. Что-то хитрое и умное уловил он в словах Доспана.

Ты мудр, как твой отец Жаксылык. опередим хивинцев.

Выпустил наконец повод из своих рук стремянный. Мог теперь ехать в свою белую юрту Айдос. А не тронул коня. Вспоминать стал, зачем свернул к Доспану. Ведь не затем, чтобы потолковать с помощником своим о судьбе степи. Другое что-то привело бия на край аула. И он вспомнил.

Сынок! - сказал он. - Освободил я тебя от клятвы, видно, преждевременно.

Закивал головой Доспан, засветились глаза его радостью. .

- Да, мой бий!

- Будешь рядом, когда я на коне и когда под конем?

- Буду.

- Спасибо, сынок!

Поехал Айдос. Проводил его взглядом стремянный. Увидел, что сутулится бий, что плечи его не широки и не круты, как прежде, и что голова не поднята гордо. Не в небо - в землю смотрит бий. И подумал с грустью Доспан: «Под конем, видно, наше место...»

Рано пришла та осень в степь. Рано задули холодные ветры, рано сковал Амударью лед - крепкий, литой, копыто выдержит, колесо выдержит. Ну, а если колесо выдержит, значит, можно прокладывать дорогу на правый берег.

Пошла через Аму, стуча тысячами копыт, конница хана. Сверкая медью и железом доспехов, она напоминала чудовищного дракона, опоясывающего белую гладь реки рыжим хвостом. Хвост этот извивался, то укорачиваясь, то удлиняясь. Голова торопилась к берегу - высокому, обрывистому - и порой отрывалась от туловища, и тогда

сотники, орудуя плетками, подгоняли нукеров, соединяли разрозненные части дракона.

Рыжим был хвост чудовища, а голова черная. Во все темное оделся, отправляясь в поход на каракалпаков, Мухаммед Рахим-хан: шуба цвета вороньего крыла, папаха из черного каракуля. Коня выбрал тоже вороной масти.

Медленно переползал дракон через Аму и еще медленнее поднимался на берег. Скользили копыта на крутом, заснеженном спуске, ругались нукеры, хлестали бедных коней. Лишь конь хана влетел на высоту легко, как птица. Добрый был конь. За ханом вынеслись рысью знаменосцы. Зеленые полотнища бились на ветру, едва не срываясь с древков. Сильный был ветер, морозный. Бросал в лицо белую колючую пыль.

Уставшие, запыхавшиеся, обожженные ледяным ветром, выбрались наконец нукеры на правый берег и здесь остановились. Ровная голая степь, белая до рези в глазах, раскинулась перед ними. Ни юрты, ни шалаша. Несколько всадников на посеребренных инеем конях медленно приблизились к хивинскому дракону. Оружия у всадников не было. Был в их руках хлеб. Они держали его, подняв над головами лошадей, угощая вроде бы воинов хана.

Шагах в ста от передней цепи нукеров всадники остановились: побоялись, видно, копыта, что могло полететь в них по приказу хана. Остановились и поклоном приветствовали правителя Хорезма.

- Айдос-каракалпак?! - узнал в переднем всаднике старшего бия хан.
- Приблизься.

Спрыгнул с седла всадник и, приложив руки к сердцу, зашагал в сторону знаменосцев. Там под зелеными полотнищами чернела шуба правителя.

Тысяча лет великому хану! - крикнул Айдос. - Земля каракалпаков у ног ваших, властитель мира!

Перед знаменосцами, шагах в пяти от правителя, он замер в низком поклоне, показывая этим и свое уважение, и свою преданность хану.

На каменном лице правителя не появилась даже тень удовлетворения. Он строго, с неприязнью посмотрел на старшего бия. Неприязнь была и в словах, брошенных бию:

- Земля ваша, оказывается, холодная...

Не разгибая спины, подняв лишь голову, Айдос ответил:

- Под солнцем доброты вашей она потеплеет, великий хан. Сегодня взошло это солнце над каракалпаками.

Возвысил хана Айдос и, возвышая, попытался пробудить ту самую доброту, которой всегда недоставало правителю Хорезма. Однако ни восторг, ни лесть бия не смягчили сердца хана.

- Нужна ли доброта наша каракалпакам?- усомнился в правдивости слов старшего бия правитель. - Огнем и мечом встретили они весной моих посланцев. Немало полегло сынов Хорезма в вашей земле, Айдос.

- Безрассудство одной овцы делает ли безрассудным всю отару?- заметил, оправдывая сородичей, Айдос.

- Одна ли была безрассудная овца?- снова подверг сомнению сказанное старшим бием хан. Братьев Айдоса имел он в виду, не Туремурата-суфи, не Орынбая.

Болью отозвалось сердце Айдоса на укор хана. Несправедливым был укор. Искупил ведь все старший бий кровью братьев. Она и сейчас еще на руках его.

Головами заплатились безрассудные, - грустно произнес бий. - Умиротворена степь. К ногам вашим бросаю судьбу народа своего, великий хан.

Отчаяние лишь способно породить подобное унижение. В отчаянии и был Айдос. Руки его потянулись к полам ханской шубы, губы искали сапог хана, чтобы облобызать его.

Избавил правитель Айдоса от унижительного шага, хотя падение степного бия было ему приятно. Приятное же надо оставлять на конец, сейчас же было только начало. Он поднял руку, останавливая Айдоса.

- И жанадарьинцы умиротворены?- спросил хан. Не мог сказать «да» Айдос. Долго увещевал он

Орынбая и Мамана, слов одних израсходовал тысячу. Сломил вроде упрямство биев, но надолго ли - не знал. В души их не сумел заглянуть. Не смог увидеть, что в этих душах.

- Дали слово встретить воинов Хорезма хлебом, - не очень твердо ответил Айдос.

- Слово... - поморщился хан. - Узнаем, что стоит слово каракалпака. - Он тронул позолоченную рукоять сабли своей, давая этим понять, что намерен продолжать поход. - И ты, Айдос, узнаешь. Садись на коня, веди нас по умиротворенной земле каракалпаков!

Аул за аулом становились на колени перед войском хана. За сто, за тысячу шагов от селения выходили степняки, чтобы встретить

правителя Хивы, теперь и их правителя, и объявить о своем желании быть его рабами.

Не обманул Айдос: умиротворенной оказалась степь. Бросал ее к ногам хана бий каракалпаков. Властвуй, Мухаммед Рахим! Распоряжайся судьбой степняков!

Айдос ехал рядом с правителем. Разрешил ему хан быть в свите, касаться иногда ногой стремени своего, слышать речь умнейшего из умных, справедливейшего из справедливых, добрейшего из добрых.

Речи, правда, звучали редко. Не утруждал себя хан общением с подопечными. Да и кто из великих снисходил до того, чтобы бросать слова без надобности! Болтливость унижает, молчание возвеличивает, потому редко слетали слова с уст хана. А те, что слетали, не удивляли, не радовали, не огорчали бия. Скупыми были эти слова, зато взгляды - красноречивыми.

Часами не сводил глаз с бия Мухаммед Рахим-хан. Нет, он не следил за Айдосом. Он старался угадать, чем живет сердце бия, что думает каракалпак, двигаясь с чужим войском по родной земле.

- Жалко отдавать свою землю Хиве?- спросил Мухаммед Рахим старшего бия, когда конница прошла уже несколько аулов и приближалась к Жанадарье.

Вид у Айдоса был унылым, а глаза печальные. Еще более постарел бий за эти несколько дней похода, еще сутулее стала его спина, и, хотя сидел он твердо в седле, казалось, что путь, избранный ханом, ему не по силам. И он рад бы сойти с коня.

Не сразу ответил Айдос. Искал слова, которые и чувства его раскрыли бы, и хана не обидели бы. Нельзя было обижать хана. Милости ждал от него бий.

- Нет у нас своей земли. Не подарил ее нам бог, только место показал, где можно поставить юрты.

- А чья же тогда это земля?- удивился хан.

- Всевышнего.

Не казахов, не эмира бухарского назвал Айдос, а бога самого. А у бога нельзя ничего отнять, нельзя и завоевать его. Поразился уму и хитрости старшего бия правитель Хивы. И не только поразился, насторожила его мысль Айдоса: нет величия, оказывается, в поступке хана, завоевывающего никому не принадлежащую землю. Нет подвига в покорении безлюдного и нищего народа.

Настороженность и прозвучала в голосе хана, когда он задал новый вопрос:

- За что же вы боретесь, если нет у вас ни своей земли, ни своего дома?

- За единство свое, великий хан. За то, чтобы жить одной большой семьей.

- И под одним ханом... - добавил Мухаммед Рахим.

- Конечно, под одним ханом, как же иначе!

Так понял правителя Хорезма старший бий. Имя будущего хана - Мухаммед Рахима - он не назвал, но это в его руках окажется судьба каракалпаков и самого бия каракалпаков.

Дорога степная, которая до этого казалась Айдосу черной, посветлела чуточку. Когда бросят в тебя, как дождевку в знойный день, надежду, легче становится идти, движется свободнее.

Земля жанадарьинцев лежала за грядой высоких холмов, с вершин которых можно было увидеть и реку, уходящую на север, к Сырдарье, и берег моря, и казахскую степь. Увидеть можно было аул Орынбая, к которому шло войско Хорезма.

Вороной конь занес хана на гребень Борши-тау. Хотел Мухаммед Рахим почувствовать тебя властителем мира и, когда остановил скакуна и глянул вдаль, верно, испытал то, что испытывали и Чингисхан, и Тимур, покоря чужие земли. Степь вся была под его ногами. И пусть аул жанадарьинцев еще не признал хана своим хозяином, мысленно Мухаммед Рахим уже присоединил его к владениям Хивы. Всего лишь какой-нибудь час нужен, чтобы закричали жанадарьинцы «алла!» и пали ниц перед правителем Хорезма.

Щедрым оказался хан. Часа не понадобилось на завоевание аула Орынбая. Со стороны реки уже скакала стайка всадников с поднятым на копые белым флагом.

- Сдаются без боя! - воскликнул Айдос. Не мог он скрыть своей радости: выполнили обещание жанадарьинцы, не подвели старшего бия. Встают на колени перед ханом Хорезма.

- Кто это?- спросил Мухаммед Рахим.

- Орынбай. Хан усмехнулся:

Тот Орынбай, который просил у Бухары помощи?

- Он.

Не допросился, значит? А то пришлось бы моим нукерам укоротить хвост эмирской лисе, чтобы не охотилась за зайцами в чужих угодьях.

Хвастливой была речь хана. Легко грозить Бухаре, когда стоишь на вершине Борши-тау, в тысяче верст от столицы эмира, и когда известно тебе, что лиса и не замышляла покидать свою нору.

Верховые между тем стали подниматься на Борши-тау и стегали коней, понуждая их вскарабкиваться по крутому заснеженному склону. Плохо удавалось это лошадям. Бедные, они выбивались из сил, стараясь угодить всадникам.

- Айдос, - сказал хан, - встретьте посланцев «бухарского бия». Засекут они невинных коней.

То ли не хотел говорить с Орышбаем правитель и тем унижить себя перед сторонником эмира, то ли действительно жалел лошадей... А может, и не то и не другое. Нужно было помучить Орынбая, сделать его путь к ногам хана долгим и тернистым.

Айдос спустился с вершины на тропу, что огибала холм, и оказался перед разбойным бием и его спутниками.

Икнул Орынбай от удивления и неожиданности. Ему нужен был хан Хорезма, а не бий степной, не проклятый Айдос.

Ты, Айдос?- спросил Орынбай и выпучил на старшего бия глаза. - Почему ты?

- Не то спрашиваешь, - ответил спокойно Айдос. - Спроси, разрешит ли тебе хан приблизиться и покаяться в грехах своих...

В каких грехах?- рявкнул разбойный бий.

- В тех, из которых соткана вся твоя жизнь. Не занесена еще снегом тайны тропа, не остыли еще кони, носившие тебя к эмиру Бухары с черными словами измены.

- Мы свободные степняки, - снова попытался возразить Орынбай, но сын его, Мулла Давлетназар, тронул коня своего и заслонил отца от Айдоса. Сказал:

- Дедушка-бий, эмир и хан произнесли по одному слову, обращаясь к каракалпакам. Слова эти разные: одно -«умри», другое -«живи». Мы выбрали последнее, сказанное правителем Хивы.

- Не торопись, сынок! - схватил руку Давлетназара разбойный бий. - Не давай хану конец аркана, которым мы привязаны к Жанадарье. Не поноси Бухару, уши эмира везде.

- Молчи, отец. Уши хана тоже везде.

Мулла Давлетназар хлестнул коня и поспешил следом за Айдосом на вершину Борши-тау.

Хан встретил молодого бия приветливой улыбкой. Понял: ловок джигит, решителен, а с ловким и решительным проще иметь дело, чем с неповоротливым и осторожным. И еще понял, что Орынбай отдает под его власть род мангыт и сообщить об этом торопится молодой бий.

- Кто умеет видеть, тот быстрее достигает цели, - сказал хан, когда Мулла Давлетназар приблизился к нему. - Кто умеет слышать, быстрее познает истину.

- Я весь внимание, великий хан! - склонил голову сын Орынбая. - Повелевайте!

- Ты мудр, хоть и юн. Оставляю за биями рода мангыт все их права и-все привилегии до конца дней. Теперь вы - дети мои. А какому отцу не хочется быть ближе к своим сыновьям? Сократите путь от аула вашего до Хивы. Переселяйтесь за Айдос-калу, ближе к Амударье.

- Быть ближе к вам, великий хан, наше желание. Начнем перекочевку.

С каждым новым словом, произносимым молодым бием, светлело лицо хана. Нравился правителю Давлетназар, и, желая поощрить юношу, он вынул из коврового хурджуна неизвестно для кого предназначенный нож с золотой рукоятью и протянул Мулле Давлетназару:

- Пусть этот нож, как и вы, служит делу возвеличения Хивы.

Не слез - скатился с седла Давлетназар, обнял ноги ханского коня, трижды коснулся лбом заснеженной земли, взял нож из рук Мухаммед Рахима и поцеловал голубое лезвие. Раз и другой поцеловал, громко чмокая и приговаривая:

- Клянемся в верности... Клянемся в верности... Все клялись в верности хану, все называли себя его рабами. Но никто не падал под копыта его коня. Первым упал Давлетназар. Не руки, не голову отдавал хану - сердце свое молодое отдавал. Как не оценить такое? Как не приблизить юного бия к себе?

- Вы молоды, но мудры. Поможете нам дойти до последнего аула каракалпаков и там закончить поход.

Давлетназара попросил - не старшего бия своего на каракалпакской земле. Задохнулся Айдос от обиды. Ведь он провел хана по умиротворенной земле до самой Жанадарья, бросил к его ногам народ свой, а на последнем шаге отказался Мухаммед Рахим от услуг бия, отдал место советника и друга этому безусому юнцу, врагу Айдоса и самой Хивы. Нет справедливости в подлунном мире.

- Последний аул каракалпакский Маман-бия, - сказал Давлетназар, входя торопливо в роль друга и советника хана. - Дойти до него легко, взять его - трудно. Двести нукеров собрал бий, сто прислали казахи. Войско целое.

- А русские?- с издевкой спросил хан. - Прислали русские своему «русскому бию» нукеров?

Видно, донесли хану лазутчики, что Маман отправил послов в Россию. Поиздеваться решил он над наивностью жанадарьинского бия.

- Не прислали, великий хан, - в тон правителю ответил Давлетназар.

- Может, еще пришлют?

- Если пришлют, то только косточки послов. Небось волки уже обглодали их.

Все больше и больше нравился хану смелый, острый на слово молодой бий. Будь у него в хурджуне еще один нож с золотой рукоятью, он и его подарил бы Давлетназару.

- Веди, веди нас, юный бий, к последнему аулу каракалпаков. Хочу видеть кости послов.

Хан тронул своего вороного и пустил его вниз, к подножию Боршитау. Там ждали правителя уже озябшие на зимнем ветру нукеры. Пора было двигаться к последнему каракалпакскому аулу.

50

Дорога войны не всегда орошена кровью. Прошли нукеры хана от Амударьи до Жанадарьи, а мечей из ножен не вынули. Земля каракалпакская отдавала себя Хиве безропотно. Под копытами тысячи коней не заропщешь, горе и боль не выкажешь.

Не вынули бы из ножен мечей нукеры и на краю каракалпакской земли, не окажись там аул «русского бия».

- Покорись, Маман! Склони голову перед ханом Хорезма! - сказал посланный для переговоров с «русским бием» Айдос. Вместе с соседом Мамана, разбойным Орынбаем, он приехал в аул за час до появления конницы Мухаммед Рахима. - Кровь-то степняков не вода, не даст она взойти семенам жизни. Не проливай ее!

- Кровь врагов наших вода, - ответил Маман. - И чем больше будет ее пролито, тем свободнее станет наша жизнь...

- Но и кровь твоих аульчан прольется, - вмешался Орынбай. - Сила-то какая идет! Растопчут хивинцы и аул твой, и тебя самого. Бери белый флаг и иди навстречу Мухаммед Рахим-хану!

Верно, сила шла великая. Земля гудит и под сотней копыт, а тут тысячи топтали ее. Слышен был гул, далекий пока, но с каждой минутой он приближался, становился все явственнее.

Ни слова Орынбая, ни топот копыт не напугали Мамана. Может, и напугали, но не выказал он этого. Ответил спокойно и Айдосу, и Орынбаю:

- Когда говорит Айдос, я слышу голос его сердца. Оно отдано Хиве и отдано давно. Не лжет Айдос. Когда говоришь ты, Орынбай, сердце твое молчит. Не любишь ты Хиву, на Бухару молишься. Меня же зовешь в стан ненавистного тебе Мухаммед Рахим-хана.

- Что говоришь?! - взвился Орынбай. - Сам лезешь в могилу и нас за собой тянешь. Вырвать надо твой черный язык!

- Не торопись! - остановил соседа Маман. - Будет еще время вырвать язык мой и снести мою голову. И если суждено мне умереть, то пусть жизни меня лишит прямой меч Айдоса, а не кривой нож Орынбая...

Кипело все внутри разбойного бия. Не хотел он ждать, когда наступит время расправы над Маманом, в эту минуту надо было отрезать язык «русскому бию» И Орынбай выхватил из ножен меч:

- Поторопим желанную тобой смерть!

Плечом своим могучим заслонил Мамана старший бий.

- Не вершить суд над Маманом послал нас хан, а показать ему тропу к воротам священной Хивы.

- В ад ему дорога, а не в священную Хиву! - прорычал разбойный бий.

- Дорогу в ад или в рай укажет аллах, а не грешный Орынбай. Поостынь, братец!

Айдос выехал вперед и обратился к Маману со словами, переданными ему ханом:

- Знает правитель Хорезма о намерении твоем защищать аул. Известно ему и число защитников. Капля эта малая против моря. Захлестнет это море аул твой, землю твою и землю друзей твоих. Ты мудр, Маман! Подумай! Приняв власть Хивы, замкнешь цепь, соединяющую все роды каракалпакские. Единой семьей станем жить в степи. Это ли не желание дедов и отцов наших!

- Деда и отцы наши, верно, мечтали о единой семье каракалпаков, - ответил «русский бий». - Но о семье вольных каракалпаков, а не о семье рабов. Говоришь, если я подчинюсь власти Хивы, то замкну цепь нашего единения? Нет, Айдос, это не цепь единения, это цепь неволи. Закует в нее каракалпаков хан хивинский, а расковать забудет. С опущенной головой станут жить и дети, и внуки наши. Не помогай, Айдос, загонять народ наш в ворота священной Хивы. Обратного выйти им не удастся...

- Режь ему язык! - завопил Орынбай. - Руби поганую голову!

Айдос отмахнулся от разбойного бия:

- Свой язык придержи. Не больно крепко он привязан. Оторвется не ровен час.

Маман поднял руку, останавливая спорящих биев:

- Братья, вы зовете меня в семью каракалпаков, а мира-то в вашей семье нет. Готовы друг другу глотки перегрызть. Не хочет такой семьи род оймауыт. Не хочет братства волков.

- Гонишь нас, Маман! - сказал огорченный Айдос. - Не внемлешь словам предостережения. Беда У твоего порога. Слышишь, стучат копыта?

- Слышу.

- Ветер смерти летит к Жанадарье. Склони голову, Маман! Буря минует павшего ниц.

- Нет! - ответил Маман.

Бии повернули коней и поскакали навстречу ханскому войску. Оно уже развернулось двумя крыльями, подобно черному дракону, и ползло к аулу.

Долгим был бой.

Трижды призывал к молитве правоверных мулла. Трижды полагалось оставить седла, опуститься на молитвенный коврик и произнести неизменное: «Аллах акбар! - Велик аллах!», а воины не слезали с коней, не опускались на молитвенные коврики. Они рубили и кололи, и каждый считал, что творит угодное -богу. Ведь хан объявил жанадарьинцев кяфирами - неверными. Кровь же неверного смывает все грехи и открывает пролившему ее ворота рая.

Кровь лилась обильная. Вся низина перед аулом окрасилась в цвет весеннего мака, и мак этот цветет торопливо на белом морозном снегу.

Жанадарьинцы и пришедшие им на подмогу казахи из аула Ата-бия бились отчаянно. Как ни старались хивинцы, не могли прорваться к высокому земляному валу, окружавшему «русский аул».

- Если впустим хивинцев, - кричал Маман, - впустим смерть свою!

Да, за земляным валом не оставили бы нукеры ничего живого. Не пощадили бы ни женщин, ни детей, ни стариков. Исчез бы род оймауыт.

Он и исчезал. Редели ряды жанадарьинцев. Рядом с земляным валом рос вал из человеческих тел. Быстро рос.

Защитники аула были разделены на две части. Одну возглавлял Аяпберген-сары, то есть Аяпберген-рыжий, вторую - Айтуган-батыр, сын Ата-бия. Оба славились на всю округу силой своей и своей ловкостью. Айтуган-батыр мог поднять годовалого бычка. Аяпберген-сары валил с ног коня. Знали об этом хивинцы и в одиночку не подходили к богатырям. Мечи с ними не скрещивали, копыя и то бросали издали. Аяпберген отвечал тем же и никогда не промахивался. Настигало его копьё и бегущего, и скачущего хивинца.

Айтуган-палван орудовал мечом, отсекал вражьё головы, как метелки камыша.

«Удержимся, - думал Маман. - До заката солнца немного осталось. Оно уже на краю степи. Погаснет закатный луч - уйдут хивинцы».

Однако как ни мало было времени до заката солнца, хватило все же его хану, чтобы задушить «русский аул». Бросил он еще одну сотню нукеров к земляному валу - лихую, отчаянную сотню. Засверкали на солнце мечи, огласилась степь криком: «Бей!»

На каждого батыра налетело по десятку нукеров. Взяли они в кольцо Аяпбергена, вырвали из его рук копьё, чтобы не мешало орудовать мечами. Пришлось и батыру вынуть меч. Тяжел и остер он был, но все же один против десяти. Ловко наносил удары Аяпберген, но и ему их наносили. Толстая шуба спасала богатыря, однако мех не железо, пробьют и его. И пробили. Почувствовал Аяпберген спиной своей холод стали.

Зарычал Аяпберген. С еще большей яростью кинулся он на врагов, на мечи их злые. И тут уже не холод - тепло собственной крови почувствовал. Смерть увидел.

И когда увидел ее, близко совсем, прозвучал чей-то голос:

- Нужна ли тебе смерть, богатырь? Нужна ли смерть твоим джигитам? Брось меч!

Не понял Аяпберген, чей голос обращался к нему, но подчинился велению. Разжал пальцы, меч скользнул по гриве коня и упал на снег.

- Скачи за мной!

Кольцо нукеров распалось, будто его перерубили, и выпустило Аяпбергена.

Теперь он увидел того, кто приказал: «Брось меч!» Это был Орынбай.

- Хан ждет тебя, - сказал разбойный бий. - Он дарует жизнь смелому батыру и его джигитам. Поспеси к ханскому шатру!

Ускакал Аяпберген со своими джигитами, открыл правую часть земляного вала хивинским нукерам. Стали они обходить аул с запада.

- Ночь, где ты?- шептал Маман. - Скрой нас от врага!

Ночь была где-то рядом, но еще не накрыла темным пологом степь. Нукеры хана успели обойти аул, сбить джигитов Айтуган-батыра и ворваться в зимовку.

На колени бросились перед врагом степняки. Но это не избавило их от смерти. Озверелые нукеры убивали все, что возвышалось над землей. Аульчанам надо было лечь, надо было уткнуться лицом в снег, казаться мертвыми, только тогда их не трогали.

Маман не опустил на колени, не пал ниц. Кто-то сунул ему в руку белый платок, и он стоял с ним, как с флагом. Лицо его было мокрым от слез. Они стыли, превращаясь в серебристые, ледяные зерна.

Мухаммед Рахим-хан уходил за Амударью, в Хорезм.

На высоком берегу он остановился, чтобы проститься с провожавшими его каракалпакскими биями. Их было много, и все смотрели на хана с подобоострастием и благоговением. Им, отдавшим себя, свой народ под власть Хивы, нужна была награда. И они ждали ее, облаченную в высокие и красивые слова.

Хан стоял под знаменами, победными теперь, и яркий шелк трепетал на легком ветру. Голова его была гордо поднята, и весь он олицетворял собой торжественность и неприступность.

- Дети мои! - произнес Мухаммед Рахим молитвенно. - Небу угодно было, чтобы каракалпаки объединились под властью Хивы и обрели наконец мир и покой. Вы вошли в нашу семью добровольно и потому заслужили право на почет и уважение своего народа, на защиту Хорезма. Вы остаетесь теми, кем были, все, кроме Мамана, проклятого богом. Земля, на которой вы стоите, теперь ваша земля. Пользуйтесь

ею, ставьте на ней свои юрты, разводите скот, растите хлеб. Живите богато под солнцем Хорезма.

Молча выслушали бии правителя. Слова были сказаны красивые, но не порадовали они степняков. Не щедрой оказалась рука хана, мало дал, много потребовал новый правитель. Бросить обжитые места - значит разорить хозяйство, осесть рядом с Хивой - значит лишиться воли.

Выразить свое недовольство, однако, никто не решился. Хвалить же хана, благодарить за подаренную землю было как-то неловко. Не нужна была эта земля каракалпакам.

Айдос стоял впереди остальных биев. Считал себя главным, а место главного бия рядом с ханом. В походе забыли про Айдоса, приблизили к правителю других, недостойных. Теперь, когда поход закончился и покорена степь, пора вспомнить старшего бия, воздать ему должное. Не орынбаи, не давлетназары, не аяпбергены принудили каракалпаков к повиновению, не они бросили степь к ногам хана, а старший бий Айдос. И пусть это знают все.

Снял малахай Айдос, в знак уважения приложил его к груди и обратился к хану:

- Солнце вселенной, справедливость мира, мудрость мудрости! Отец и благодетель наш! Вы соединили каракалпакские роды в одну семью, назвали вечно гонимый, обездоленный народ детищем своим. Как любящий отец, вы пожелали видеть каракалпаков рядом с собой, захотели приблизить юрты наши к стенам священной Хивы. Пусть осуществится это ваше желание! К дням навруза степняки поставят свои юрты на земле Хорезма.

Клятву дал Айдос. Не от своего имени - от имени всего народа. Так может поступить только глава племени, старший бий, хан каракалпаков.

Дерзким было это напоминание о себе. Не понравилось оно биям. Не понравилось и хану. Но принять его пришлось. Слова-то были нужными правителю. Без них не мог властитель мира расстаться с подданными, не мог уйти спокойным.

Хан посмотрел на Айдоса. И увидел старого и седого человека, измученного душевной болью, сожженного огнем тщеславия. Огонь этот еще теплится в степняке. Он мог быть еще полезен хану.

- Айдос-бий, - сказал правитель, милостиво склонив в его сторону голову, - вы поняли желание мое. А тот, кто понял, способен и

выполнить его. Будьте здесь строгим глазом и твердой рукой Хивы. Надеюсь в дни навруза увидеть на этой земле юрты каракалпаков и мирные дымы над ними.

Великое и трудное дело доверил Айдосу хан. Не знал старший бий, печалиться ему или радоваться. Сумеет ли он переселить степняков на новую землю? Будут ли мирными дымы юрт, поставленных насильно?

«О хан, сколько еще испытаний ты припас для меня? - с болью подумал бий. - Сколько еще ступеней выложил к вершине моих надежд? Дойду ли?»

Он сомневался: дойдет ли? Мысль боязливая остановила его, сердце же решительное требовало действия. И Айдос, низко поклонившись правителю, сказал:

- Будет исполнено, великий хан!

Время прощания бия с ханами истекло. Заревели карнаи, затрещали барабаны. Войско стало спускаться на лед Амударьи. Снова рыжий дракон, опоясав хвостом реку, пополз на противоположный берег. Голову его украшали знаменосцы и вороной конь Мухаммед Рахим-хана.

51

До весеннего равноденствия оставалось не так уж много времени, хотя только началась зима и впереди были долгие буранные месяцы. Мало времени оставалось, потому что расходовал его Айдос щедро. На каждый аул, который он посещал, уходила неделя. Говорить с аульчанами вроде бы не о чем, а говорить надо, и много. Одним словом «Собирайтесь!» не обойдешься, нужны сто слов. И хитрых слов. Пообещать надо землю плодородную, ветра теплого, воду кристальную, траву высокую. Рай надо пообещать. А где он, рай? Есть ли рай в степи или в пустыне?

Пока шумели метели, ревели бураны и весеннее равноденствие было где-то далеко-далеко, аульчане спокойно слушали старшего бия. Пусть говорит, пусть тешит себя словом красивым. Даже обещание давали, как потеплеет - сняться с зимовки, уйти за Айдос-калу в сторону Амударьи.

«Не уйдут, - опасался бий. - Не выполняют обещания. Я им лгу, и они мне лгут. О перекочевке за Айдос-калу и не думают».

Думать, однако, надо было. Бежало время. Видя, как темнеет снег в степи, тревожиться начал старший бий. Искал глазами едущий к Амударье караван, груженный жердями для юрты, кошмами, нехитрой степной утварью. Но не было каравана. А снег темнел и темнел. В солнечные дни у подножия холмов появлялись ручьи, склоны бурели, сбрасывая с себя зимний наряд.

- Пора, пора! - шептал Айдос. - Что же вы медлите, братья?

Стремянный, сопровождавший старшего бия в его зимних поездках по аулам, успокаивал хозяина:

- Не оттаяла еще земля под юртами, не выдернешь из нее жерди.

- Захочешь - выдернешь, - отмахивался Айдос, - Видно, желания нет.

- Нет желания, мой бий, и не будет. Перекочевка не по собственной воле - несчастье. Кто ищет его?

Некстати бросил Доспан это слово-«несчастье». Ни к чему оно было Айдосу. Упрямством аульчан объяснял все старший бий и не знал уже, как сломить его. Теперь придется спрашивать сердце: что делать? По слезам человеческим ступать не больно хорошо, а слез будет море.

Давно поселилось в душе Айдоса ожесточение. Когда - и сам не заметил. Но поселилось и диктовало старшему бию: не жалей, не щади. Жалость - удел слабого.

- Не переселив степняков на землю Хорезма, объединим ли их?- рассудил Айдос. - Великое в боли рождается...

...Боль и начал сеять во имя великого Айдос. Снег еще лежал в степи - теплый, мартовский, и по этому снегу погнал старший бий степняков на новое место. Погнал, не жалея кулаков своих, не давая передыха плети тяжелой.

Появившись в дальнем ауле на рассвете, он тут же приказывал готовить арбу.

- Не хотят люди ехать, - протестовал аульный бий.

- Охота придет в дороге, - отвечал Айдос. Распахивал дверь ближней юрты, стаскивал с постели хозяйку, молодую ли, старую ли, и бросал на арбу.

- Гони к Амударье!

Визг и крик стоял в аулах. Женщины просили защиты у мужчин, и, если те пытались заступиться, Айдос отвечивал заступнику затрещину, да такую, что тот валился с ног. Упрямых сек плетью у юрты бия Сек до крови.

Там, где аульчане наотрез отказывались переселяться, старший бий поджигал хлева, угонял из аула скот.

- И юрты спалю, и самих поджарю, как баранов, - грозился он.

Война, и только! Никогда не видели степняки Айдоса таким злым. Будто дьявол вселился в старшего бия.

Весь месяц, пока шло переселение, Айдос не спал, не ел, кажется. Исхудал до того, что шуба валилась с его плеч. Лицо обросло, не поймешь - человек это или зверь. По- звериному и смотрел на людей бий.

Последний аул Айдос переселил за неделю до на-вруза - мусульманского Нового года. Не переселил - перегнал степняков, как скот, с одного пастбища на другое. Бия аула, связанного, вез на арбе, а троих упрямецв волок на аркане.

В равноденствие - двадцать первого марта - степняки жгли костры на новой земле. Большие костры, чтобы высокий огонь был виден на другом берегу Аму-дарьи. И не только на другом берегу, но и в самой Хиве.

Весь день и всю ночь стоял на холме прибрежном Айдос, ожидая хана. Хотел ведь правитель увидеть на своей земле аулы каракалпакские. Вот они - аулы! Взгляни, великий хан! Айдос-каракалпак сдержал слово. Мирные дымы поднялись над нашими юртами.

Не приехал хан. Не увидел дымы каракалпакских аулов.

Утром Айдос сказал Доспану:

- Сын мой, перейдем на тот берег. Возьмем то, что обещано нам богом.

- Бог наградит вас, мой бий.

- Нет, сын мой, награду неба в этом мире вручает великий хан.

Они сели на коней и переправились на левый берег Аму. Поскакали в Хиву.

Долга жизнь человека, много в ней дорог и троп. Легких и трудных. Первых и последних. На последнюю тропу свою вышел Айдос, старший бий каракалпаков.

Он считал ее длинной, последнюю тропу свою. Должна была пролечь она по земле Хорезма, свернуть на землю туркмен и казахов, на русскую землю. И виться потом долго-долго по родной каракалпакской степи. Среди холмов и озер, среди рощ джангиля и зарослей камыша, вдоль берега моря синего...

А оказалась она вдруг короткой. Уткнулась в ворота ханского дворца и оборвалась.

Стражники остановили старшего бия у порога окриком:

- Не велено пускать!
- Кто не велел?- спросил Айдос.
- Кутлымурат-инах.

Друг Айдоса, самый добрый и самый справедливый человек в ханстве, отвернулся от бия каракалпаков.

Если существует на свете вода неблагодарности, то выпил полную чашу ее в тот день и Айдос. Выпил и решил, что хоть и горькая, но все же это единственная чаша. Напрасно, однако, так решил. Приготовили во дворце для Айдоса этой воды сотни чаш.

Что нужно вам, Айдос?- спросил на другое утро Кутлымурат-инах, открывая перед измученным бием ворота дворца.

Если бы инах спросил, жив ли еще Айдос, бьется ли еще его сердце, мог бы ответить старший бий. А вот на вопрос, что нужно, знал ответ лишь хан.

- Проводите меня к правителю! - попросил Айдос.
- Награды хотите?- понял инах.
- Справедливости хочу, - произнес с болью душевной Айдос.
- Стыдитесь, бий! Разве Хива несправедлива к вам?- изобразил недоумение инах.

- Это я узнаю от самого хана. Ведите к нему, великий инах.

Повел инах бия к хану. И хоть рядом были покои Мухаммед Рахима, шли они к ним долго. И еще дольше ждали, когда появится в датхане - дворцовой приемной - сам правитель.

- Будьте скромны, бий! - предупредил Айдоса инах. - Не требуйте невозможного.

- Мои желания скромны, - заверил инаха бий. Хан, как только вошел, сразу спросил старшего бия:

- Каким ветром занесло вас в Хиву, Айдос?
- Счастливым ветром, - ответил бий. - Каракалпаки переселились на землю Хорезма.

- Это известно мне, - кивнул хан. И кивнул равнодушно, будто не о великом событии сообщили ему, а о пустяке, не заслуживающем внимания. - Что еще?

Удивился Айдос: что еще нужно хану? Небо опустить на землю или Аму повернуть вспять?

- Мирные дымы поднимаются над аулами, - сказал бий.

- Что еще?

Больше ничего не было у Айдоса. Все, что имел, отдал хану, даже то, что не отдают: народ свой, судьбу его, его надежду.

Измученный долгой тернистой дорогой к власти, истерзанный сомнениями, стоял он перед ханом и моляще смотрел на него. Жалок был в эту минуту Айдос и сострадания заслуживал. Сострадание, видно, и заставило инаха вступить за несчастного степняка.

- Великий хан! - сказал он. - Айдос-бий просит награду. Своей преданностью Хиве он заслужил ее.

- Награду?! - Хан задумался. - Разве любовь наша к его народу не является наградой? Уничтожение давнего врага бия Туремурата-суфи - не проявление ли заботы нашей о покое Айдоса? Какая награда может быть выше?

- Да, - закивал инах. - Не существует награды выше! Но у гостя нашего скромные желания. - Инах кинул взгляд на ветхую одежду старшего бия.

- А-а?! - догадался хан. - Наденьте на плечи гостя богатый халат...

- Нет! - запротестовал обиженный Айдос. - Нет! - Он повалился к ногам хана и, хватая руками его сапоги, стал целовать их. - Ханство! - шептал он. - Ханство каракалпакское подари, великий правитель!

Инах попытался усовестить бия:

- Не требуйте невозможного, Айдос!

Глух был старший бий. Ничьи увещания, ничьи предостережения не принимал он. Слов хана ждал. Требовал их - добрых слов.

Но не оказалось у хана добрых слов для Айдоса. Брезгливо отстраняясь от степняка, он сказал:

- Хорезму незачем иметь два ханства, как нет надобности народу нашему иметь двух ханов.

Не поверил услышанному Айдос.

- Нет надобности?- переспросил он.

- Нет надобности, - повторил хан. Стон отчаяния вырвался из уст бия:

- Несправедливо, великий хан! Гневом засверкали глаза правителя.

- Ты смеешь порицать спасителя своего народа? Прочь, неблагодарный! - И хан отшвырнул ногой все еще тянувшиеся к нему руки бия. - Прочь!

Слезы хлынули из глаз бия. Уткнув лицо в ковер, он пополз вслед за уходящим ханом. Своды дворца оглушил истошный крик:

- Смерти прошу, великий хан! Смерти!

По весенней степи, печально поскрипывая колесами, двигалась арба.

Покрытый белым шелком, как саваном, лежал на ней Айдос. Недвижимый, умиротворенный.

Жизнь еще не покинула его, но смерть была уже рядом и поглядывала вожделенно на белый шелк покрывала.

Впереди арбы ехал Доспан, за арбой шел, уныло опустив голову, верный конь бия.

Не день катилась по весенней степи арба. Возница сворачивал то в один, то в другой аул, чтобы степняки простились со своим старшим бием и чтобы старший бий протился с ними. Проехала арба и через аул Орынбая, и через аул Кабула, и через аул Ещан-бия... Люди рода мангыт ненавидели Айдоса, люди рода кунград любили его. Люди рода кенегес не знали, любить ли им старшего бия или ненавидеть...

Не видел степняков Айдос, потому не ведал, что на их лицах - печаль или радость, голоса же слышал, и слово каждое отдавалось в сердце то отчаянием, то надеждой.

Орынбай сказал:

- Не любил ровной степи Айдос, только высокие холмы. А с высокого холма падая, расшибешься насмерть. Высоким был последний холм старшего бия.

Кабул сказал:

- Насмерть ли расшибся Айдос-бий? Сердце-то его каменное, мечом не расколешь, копьем не проткнешь, слезой человеческой не сожжешь. Вечное сердце у Айдоса.

Ещан-бий ничего не сказал. Только поклонился Айдосу как хану и как хану поцеловал подол его халата, свисавший с арбы.

Маману надо было тоже что-то сказать, да не было на пути аула «русского бия». Не захотел переселиться Маман на землю Хивы, лишен был ханом власти бия и остался на Жанадарье простым степняком. Но если бы проехала арба Айдоса через аул «русского бия», то вышел бы он навстречу старшему бию и сказал бы: «К великой цели шел Айдос, но тропу избрал неверную. Увела она его от аулов друзей, привела к аулам врагов. Враги-то и накинули на Айдоса саван смерти...»

Слышал все это Айдос или не слышал, неведомо. Белый шелк скрыл от людей тайну бия. Сердце его билось под саваном, и билось долго. Не могло оно остановиться, пока везли бия по степи. А степь бесконечна, как бесконечна сама жизнь...

52

Та весна миновала. Пролетели теплые ветры, отшумели дождж, отцвели травы. Быстро отцвели. Что рано приходит в степь, то рано и покидает ее. Не заметили степняки цветения трав, да и было ли оно? Зной, все иссушающий, испепелил землю, былинки зеленой не оставил.

Не иссушил зной лишь слезы степняков. Слишком обильными были они, безутешными. Горе - оно, кроме слез, не родит ничего.

Как перекочевали степняки на новые земли, так и породнились с бедами. То черный песок засыпал поля, то мор косил стадо. Летом жгло нестерпимое солнце, зимой леденил нестерпимый холод.

Кляли степняки ту весну, кляли Айдоса. Смерти ему желали.

Смерти желал себе и сам Айдос. Звал ее. А та рядом была, а в юрту его не входила. Серая сова, что, по народным приметам, приносит дому степняка несчастье, прилетела из тугаев и села на жердь загона, того загона, где когда-то стоял бык счастья и богатства, а теперь был привязан конь бия. Могла бы сесть и на крышу юрты, а не поторопилась это сделать. Не истекло, значит, время, отпущенное старшему бию. Не окончился путь его в этом неприятном мире.

Говорят же: нет страшней наказания, чем продление жизни обреченному на смерть. Наказала судьба Айдоса. Лежа под саваном, считал он свои последние минуты. Считал, а конца им не было. Молился восходам и закатам, прощался с ними, думал, что не вернуться они, а возвращались восходы и закаты. Да что восходы и закаты! Весны уходили и возвращались, зимы уходили и возвращались.

Айдос не умирал.

Однажды Доспан, который все еще служил бию, вошел к нему в юрту и сказал:

- Пришло время перемен, мой бий. В Хиве новый правитель - Аллакули-хан.

Удивиться надо было бы Айдосу: перемены в Хиве ведут к переменам и в степи, каракалпакские аулы принадлежат теперь Хорезму. А не удивился бий. Сказал устало:

- Лежащему в могиле все равно, кто бросит на него последний ком земли - Мухаммед Рахим-хан или Аллакули-хан. И у того, и у другого рука тяжелая.

- Мертвому, верно, все равно, - ответил Доспан, - А мы живые, мой бий.

- Ты живой, сынок. Я - мертв. Брненное тело мое еще среди людей, а душа давно в другом мире.

- Нет, дедушка-бий, душа ваша с нами.

- С вами... Задержалась, значит, потому и клянут меня степняки. Вина моя перед ними великая...

- Не ваша вина - Мухаммед Рахим-хана... - Доспан приблизился к своему хозяину и произнес для него лишь предназначенное:-Вспомнит новый хан о вас, вспомнит о несчастных каракалпаках...

Отшатнулся от помощника своего Айдос:

- Лучше бы не вспоминал. Когда мясник вспоминает об овце, он принимается точить свой нож...

Не о себе подумал, сказав это, Айдос. О степняках подумал: на них проверяли ханы остроту своего ножа, их приносили первыми в жертву правители.

- Разве у каждого хана нож?- спросил Доспан. У каждого, сын мой, - ответил бий.

Не поверил Доспан. «А как же дедушка-бий?- зародилось в нем сомнение. - Он тоже собирался быть ханом. Халат ханский надевал. Нож-то где был? Хана ведь без ножа не бывает. И тут пришла на память казнь степняка в одном из дальних аулов. Отрезал старший бий собственным ножом уши аульчанина, пытавшегося бежать к Туремурату-суфи. «Да, ханы редко держат нож за голенищем, - понял стремянный. - В ходу нож ханский. Слава небу, что не стал ханом дедушка-бий!»

Поблагодарил мысленно Доспан бога за то, что не сделал тот дедушку-бия ханом. Но вслух этого не произнес. Знал желание своего хозяина стать ханом. Великое желание. А о переменах в Хорезме все же сказал: Черное ли, белое ли, а подарит степнякам Аллакули-хан.

- Подарит, - согласился Айдос.

Не сомневался старший бий, что наступит время перемен, но ждать их не хотел. Пусть без него все произойдет. Надо только напутствовать тех, кто встретит эти перемены.

В тот же день Айдос послал своего помощника в Хиву, чтобы тот привез в Айдос-калу сыновей Рзу и Туре, которые учились богословию в медресе.

- Пусть поторопятся дети мои, - сказал Айдос. - Я должен проститься с ними.

Торопились ли домой Рза и Туре - неизвестно, но Доспан торопился, и через несколько дней сыновья старшего бия предстали перед отцом. Ты звал нас, отец?

- Да, всевышний благословил меня на этот поступок. Если вы прервали учение, в новолуние вернетесь назад. Если завершили, останетесь в Айдос-кале.

- Мы не прервали и не завершили учение, - ответил старший из сыновей, Рза.~ Священная Хива была прежде защищена высокими стенами порядка от ветров недовольства и сомнения. Теперь стены эти разрушились, и ветры недовольства гуляют в городе. Проникли эти ветры в медресе. Карающая рука правителя простерлась к дому святости. Ты вовремя позвал нас, отец!

- Слава всевышнему, вы останетесь в родном ауле! - Айдос усадил сыновей на курпачи и обратился к ним с напутственной речью:- Рза, сын мой, у тебя семья, и ты знаешь, что долг старшего защищать ее. У тебя, Туре, нет еще семьи, но есть близкие, и они тоже нуждаются в защите.

- Отец, вы говорите о защите... - удивился старший Рза. - Разве идет война и враг близок?

Войны нет, Рза, - ответил бий. - Но если стены порядка в Хиве разрушены и ветры сомнения и недовольства хозяйничают в городе, долго ли им перенестись в нашу степь? Время перемен наступило, а каким цветом будет окрашено это время, кто знает... Не черным ли?

Чтобы защищать, надо знать, кто враг твой, - сказал младший Туре. Ему не нравились слова отца о войне. Слишком много было пролито крови в степи, отдохнуть бы надо степнякам от страданий.

- Враг наш один, сынок, - заметил Айдос. - Но лиц у него много. Не дай обмануть себя: не по ушам, а по зубам определяй врага. К нашему горлу всегда тянутся зубы.

Трудна наука войны, еще трудней наука распознавания врага. Недоступна она юному сердцу, доброму, чистому.

Знал это Айдос, потому заговорил о добре и любви, а не о зле и ненависти.

- В очагах степняков горит огонь наших предков. Не дайте недругам погасить его. Это святой огонь.

Склонив головы, выслушали сыновья напутствие отца. Впереди не было у них дороги, никуда не посылал их родитель, но ведь и жизнь тоже дорога, и пройти ее придется одним. Стар, немощен отец, ни в попутчики, ни в поводыри не годится.

Грустно стало Рзе и Туре. Всегда сильным был отец, и сила его, казалось, не иссякнет. А вот иссякла.

- Огонь предков полой халата не заслонишь от злого ветра, - сказал Рза. - Ветер и халат унесет, и очаг опрокинет.

- И словом его, даже божьим, не остановишь, - добавил Туре.

- Да, словом не остановишь бурю, - согласился Айдос. - Нужен меч.

Он посмотрел на сыновей: по руке ли им оружие? Могут ли стать воинами? Рослыми были оба сына - в отца. Силой бог тоже не обидел. И умом, должно быть, наградил щедро.

Но что два воина против сотни? Против сотни нужна сотня. И Айдос мысленно представил себе сыновей своих соседей - ближних и дальних. Показалось ему, что и они рослые и сильные. И что бог не обидел их умом и смелостью.

- Нужен меч, - повторил Айдос. - Нужны руки, которые вынут его из ножен и занесут над головой врага.

Глянули на свои руки Рза и Туре. Большими и крепкими были они, но не держали никогда меча. Испытать бы!

Об испытании подумал и Айдос и сказал сыновьям:

- Пусть соберутся юные степняки в Айдос-кале, пусть померятся силой, ловкостью и сообразительностью. Пусть покажут, способны ли защититься от врага очаг своих предков.

Рза тут же назвал день испытаний:

- Осенний праздник пастухов.

- Нет, - возразил Айдос. - До праздника пастухов далеко. Время же, отпущенное мне, коротко, а я хотел бы видеть состязание и убедиться, что есть руки, способные поднять меч над головой врага. Сзывай юношей к началу третьего новолуния!

То ли чувствовал близкий конец пути своего Айдос, то ли знал, сколько отпущено небом дней ему. И назвал начало третьего новолуния, почти угадал время прощания с миром.

Не один Айдос торопил этот роковой день, сама судьба торопила его.

Прискакал из соседнего аула Доспан, принес весть страшную:

- Черные дни настали, мой бий! Аллакули-хан назначил каракалпакам налог в двадцать тысяч золотых. Если и жен продадим, не расплатимся.

- Или мало ему показалось двух тысяч, что собрали степняки этой весной?- удивился Айдос. - Палками выбивали из аульчан каждый золотой.

- Палки и привезли с собой хивинские сборщики налогов. А у главного сборщика еще плеть со свинцовой бляхой и соль. Упрямым подрежет пятки и засыплет солью... Не только деньги - душу отдадут сборщику.

- Ойбой! - схватился за голову Айдос. - Не переполнилась бы чаша терпения...

- Не переполнится, - успокоил бия Доспан. - Бездонная эта чаша...

Напрасно посчитал бездонной чашу терпения народного Доспан. Быстро она переполнилась. Всего лишь три новолуния потребовалось для этого. Где сборщики?- спросил Айдос.

- Разбрелись по степи, - ответил Доспан. - Главный - в ауле Орынбая. Советуется, с какого рода начинать сбор золотых.

- С рода мангыт и начинать надо! - сразу определил Айдос. - Орынбай во время войны с Туремуратом-суфи хорошо пограбил аулы. Он всю степь может выкупить.

- А Орынбай на род кунграда натравливает главного сборщика, - открыл Доспан тайну сговора хивинца с бием мангытов. - Говорит, Мухаммед Рахим взамен ханства каракалпакского дал вам, дедушка-бий, десять тысяч тилля и вы закопали золото под стенами Айдос-калы.

Покой и умиротворение, которые давно царили в сердце Айдоса, при этих словах стремянного покинули его. Вспыллил неожиданно бий.

- Лживый шакал! - бросил он черное слово в адрес Орынбая. - Десять тысяч плетей получили мы, а не десять тысяч тилля. И не золото закопали мы под стенами Айдос-калы, а надежды свои, веру свою в справедливость правителей. Пусть откопают и возьмут себе как налог с каракалпаков. - Произнеся все это, Айдос тут же погасил свой гнев и умиротворенно, как прежде, добавил: - Много еще скажут об Айдосе, сыне Султан-гельды. Даст бог, не услышу я этого, как не услышу слез и стонов степи, истязаемой хивинскими нукерами...

На сей раз не угадал старший бий предначертаний всевышнего. Услышал стоны и слезы степи. Перед самым прощанием с этим миром

услышал. Однако отдать себя слепой судьбе все же не захотел. Кто знает, как она распорядится, назло Айдосу задержит ангела смерти. И старший бий поторопил сыновей и стремянного:

- Состязание юношей приблизим. Сзывайте джигитов ко второму новолунию!

Доспан, услышавший о состязании юношей, покачал печально головой:

- Дедушка-бий, а ведь и мой сын мог показать свою силу и ловкость. К новолунию ему исполнилось бы семнадцать.

Потемнело лицо Айдоса. О беспредельности зла человеческого напомнил ему стремянный. Двухлетнему сыну Доспана кто-то перерезал горло, когда тот играл у тугаев. Люди считали, что сделал это Омар, мстя Пер-шигуль за измену. Но только считали. Не увидели на его руках крови младенца. А если не увидели, значит, и не смогли наказать. Айдос видел. Смолчал, однако. Не хотел, чтобы кровная месть унесла десятки жизней, стала несчастьем всего рода. Теперь пожалел, что смолчал. Злодеяние, совершенное Омаром, легло пятном на аульчан. В каждом мог Доспан подозревать убийцу, всех ненавидел и всех проклинал. Першигуль, убитая горем, обезумела. Нужно ли было, сберегая честь рода, обречать на вечные мучения добрых, ни в чем не повинных людей?

«Мудро ли поступил я, распорядившись чужой судьбой? Имел ли право на это?» - спросил себя Айдос. - Не имел права. За десять лет не изменишь то, что предки не смогли изменить за тысячу лет...»

- Покажет и твой сын силу и ловкость, - сказал старший бий, виновато глянув на Доспана. - Любой сын степи - твой сын.

Не слишком просто ответил Айдос стремянному. Но понял Доспан, что разделяет хозяин его горе и пытается утешить, и кивком поблагодарил за это бия. Принять же чужое дитя за свое не мог, не получалась у Доспана замена. Хороши были юноши вокруг, да ни один не походил на его сына.

Торопиться, однако, надо, - сказал Айдос. - Ко второму новолунию, все юноши должны прибыть в Айдос-калу на состязание.

Наступило второе новолуние.

Как известно, две недели луна показывает миру свое лицо, две недели прячет его. И вот, пока она прятала лицо и ночи в степи были темными, со всех аулов потянулись в Айдос-калу юноши. Кто на коне, кто на осле, кто на верблюде. Хотелось молодым показать силу свою, ловкость свою, сообразительностью отличиться. Потому спешили, чтобы золотистый серп луны, только что народившийся, увидеть уже в Айдос-кале.

Торопились в аул старшего бия и пожилые степняки. Мериться силой и ловкостью с юными не собирались, но посмотреть на сильных и ловких было интересно каждому. Да и не всегда эти юные были чужими: кто вез на состязания брата, кто сына, кто внука. Маман, теперь уже не бий и не старейшина рода, сопровождал юного Нурлыбека, сына Атабек-палвана, погибшего вместе с кузнецом Никифором в русских лесах, сражаясь вместе с партизанами против французов. Нурлыбек был Маману вроде внука или даже правнука: к новолунию бывшему бию стукнуло восемьдесят четыре. Судьба могла подарить ему правнуков, но не подарила даже сына, и Маман доживал свой век, заботясь о сыновьях и внуках соседей. Особенно внимателен был к сироте Нурлыбеку, все отдавал юноше, хотя отдавать-то было уже нечего - разорил хан жанадарьинский аул, поджег юрты, угнал скот. Пепел лишь оставил Маману. А из пепла возрождается лишь сказочная птица. Человек же умирает на пепле. Теплилась едва жизнь Мамана. Сед был, как аист, сух, как осенний тростник, слаб, как заезженный конь. Из аула не выбирался давно. Впервые за несколько лет сел в седло, чтобы юного Нурлыбека проводить до Айдос-калы, самого же Мамана сопровождал Яков, сын Никифора, тридцатилетний богатырь, только что вернувшийся из России в родные места и принесший с опозданием великим печальную весть о гибели посланцев степи.

Маману хотелось и Нурлыбека показать, и самому кое-что увидеть, - степь-то небось изменилась за столько лет! Аулы стоят близко друг к другу как деревья в роще. Прежде едешь и день, и два - и дымка не увидишь. Теперь не успеешь от первого аула отъехать, как перед глазами второй. Собрал хан каракалпаков, сцепил аул с аулом, юрту с юртой - гнездо большое. В стороне лишь один аул Айдос-кала - край земли хорезмской, за ним бесконечная вольная степь.

Айдос, говорят, тоже изменился. Так изменился, что и не узнать. Вот и захотелось Маману посмотреть, каким же стал старший бий. С

этим желанием и подался в дорогу за день до новолуния. Пока соберется молодежь, Маман успеет поговорить с Айдосом, сумеет разгадать, что в душе старшего бия.

Изменился сильно старший бий. Когда подъехал к белой юрте Маман, его встретил немощный старик, седой весь, сутулый, с глазами, полными неизбывной печали.

- Айдос, ты?- протянул к нему руки Маман.

- Я, отец.

Отцом назвал Мамана старший бий, хотя по виду они были ровесниками.

- Собрал силы, приехал к тебе, Айдос, чтобы увидеть молодую степь, - объяснил свое появление в ауле старшего бия Маман. - На кого похожи юные степняки: на нас или на тех, кто будет после нас?

- Худо, если на нас, - ответил Айдос. - Мы-то не смогли ничего сделать для своего народа. Пусть походят на тех, кто будет после нас, и сделают то, что не смогли сделать их отцы.

- Наверное, ты прав, Айдос... - согласился Маман. Но для успокоения хозяина согласился. Ему-то совсем другого хотелось. И это другое высказал, когда сошел с коня и оказался в просторной юрте бия. - Наши внуки и правнуки будут другими, это истина. Но иным ли будет дело, которому они станут служить?

Понял Айдос, о чем думает гость, говоря о деле. Великий предок все еще не умер для Мамана, все еще бредит он русским ханством. Бедный Маман!

- Дело нашего народа - вольная степь. Своя земля, свой аул, свой бий.

- И свой хан, - досказал за хозяина Маман. Смутился Айдос. Конечно, свой хан. Об этом он мечтал всю жизнь. Этого добивался. И с этим уходит из мира.

- Да, свой хан.

Маман с горечью подумал: вот пришли они с Айдосом к последнему колодцу в пустыне. Утолят жажду перед концом своим. Дальше - смертная тропа. Всегда считал Маман, что смертная тропа - одна для всех. А оказалось, не одна. У Айдоса своя, у него, Мамана, - своя. Старший бий уйдет тропую хана, Маман - тропую безвестных степняков. И никогда, никогда они не встретятся, даже в том мире.

- Вот я привел двух юношей, - сказал Маман, показывая на Нурлыбека и Якова. - Один примет участие в состязании, объявленном

тобой, Айдос. Ему семнадцать лет, и он сын Атабек-палвана, знатного степняка, отдавшего жизнь тому делу, которое завещали нам предки. Второй сын - кузнеца Никифора, тоже отдавшего жизнь делу наших предков.

- Русский?- понял Айдос.

Каракалпак, - ответил Маман. - Я усыновил его. Он родился на нашей земле и знает наш язык, как свой родной. Он женится на каракалпачке и навсегда останется среди нас. Но не пугайся, Айдос. Яков не примет участие в состязании, хотя силен и смел, как богатырь. Ему тридцать лет. Ты же установил предел - семнадцать лет. Будь по-твоему, Айдос. Народ тогда силен, когда он молод. Молодость степи мы и увидим завтра и узнаем, какое дело ей по плечу.

Айдос выслушал Мамана и поразился смелости старика. Убежденности его поразился: не согнула его беда, не погасила огня души Мамана. Верил, должно быть, старик в то, что говорил. «А в чем его вера?- подумал старший бий. - Кому он молится? Бог-то у нас один. Почему же Маману он дает силы, а мне нет? Почему в его сердце горит огонь надежды, а в моем - погас? Значит, Маман живет, а я умираю?»

- Увидим молодость степи, - повторил Айдос слова гостя и добавил свои:- И простимся с ней.

Он для того и сзывал юношей, чтобы проститься. Однако это была лишь мысль, печальная, но мысль. Когда же высказал ее сейчас Маману, то почувствовал себя, верно, уходящим. И не только грустно стало ему - боль охватила душу. Ком тугой подкатился к горлу.

- Зачем же прощаться? - спросил Маман.

- Время подошло...

В ту ночь засветился на небе тонкий, как нить золотая, новый месяц. Засветился в сумерках еще и уплыл вместе с ранними звездами на край степи. Пришло второе новолуние.

Утром начались состязания юношей.

Много молодых людей съехались в Айдос-калу. И всем им предстояло помериться силой и ловкостью. На зеленой траве, в окружении знатоков, встретились борцы. В семнадцать лет сила невелика. Еще не раздались в плечах юноши, еще не налились их руки мускулами. Да и рост не тот, что у настоящих палванов. Потому петушками задиристыми ходили по кругу юноши, наскакивали друг на друга, хватали за пояса, но повалить на землю противника не могли.

Нурлыбек, которого привез Маман, выделялся среди джигитов и ростом, и силой. Повалил одного, другого противника. До четвертого добрался и тут встретил Ер-назара, сына Мыржыка. Ростом юноши были одинаковы, а вот силой отличались. Ерназар учился борьбе у казахского палвана Есета и знал все приемы. Умел подсекать ногу, давить ребром, закручивать пояс так, что противник опрокидывался наземь. Все это Ерназар применил против Нурлыбека и победил его.

Знатоки стали кричать:

- Ерназар-палван! Ерназар-палван!

- Ерназар-богатырь! Ерназар-богатырь! Признали знатоки юного Ерназара победителем.

И хотя последнее слово принадлежало старшему бию, он не посмел изменить этот приговор. Ерназар объявлялся юным палваном, первым силачом степи.

Айдос подошел к юноше и поцеловал его широкий, крутой, как у всех наследников Султангельды, лоб.

- Не ослабеть твоим рукам, не устать твоему сердцу, Ерназар! - Он обвел взглядом круг, отыскивая учителя Ерназара. Коренастый, налитой мускулами казах сидел в первом ряду. - Встаньте, Есет-палван! - повелел Айдос. - Один раз скажем - слава ученику, три раза скажем - слава учителю!

Казах поднялся и, улыбаясь, поклонился старшему бию.

Айдос снял с себя бархатный, отделанный золотой каймой халат и накинул его на плечи Есет-палвана.

- Этот чапан подарил мне Мухаммед Рахим-хан, правитель Хорезма. Теперь он принадлежит вам. Будьте ханом богатырей, растите сильных и смелых степняков. Сейте доброту и справедливость!

Поразили всех слова Айдоса. Поразил поступок его. Не победителя наградил старший бий ханским халатом, а наставника победителей. Не ученика, а учителя. Поразились степняки, но согласились с решением Айдоса. Словно не старый бий, немощный, доживающий последние дни, так решил, а молодой, своевольный и упрямый, удивлявший степь и словами, и поступками. Мудростью своей загадочной удивлявший. И степнякам понравилось это возвращение к молодости.

Тысяча лет хану богатырей! - закричали они радостно. - Тысяча лет!

Когда восторженный гул стих, Айдос обратился к Ерназару:

- И тебе тысяча лет, юный богатырь. Ты победил соперников своих силой. Но богатырь степи должен побеждать соперников и разумом. Велика ли мудрость твоя, Ерназар?

- Испытайте, дедушка-бий! - ответил, смело глядя в глаза старшему бию, Ерназар.

- Хорошо, сынок.

Для проверки джигита у каждого старика сотня загадок в припасе. Вынь из хурджуна памяти любую и требуй ответа. Была такая сотня загадок и у Айдоса. Но не годились эти загадки для Ерназара. Просты слишком. Да и ответ на них известен. Надо, чтобы подумал юноша, сам ответ нашел, показал, на что способен.

- Первый вопрос! - объявил старший бий. - Кто перед кем в долгу в этом мире, кто дает в долг и кто долг оплачивает?

Смутить думал юношу Айдос. Не для молодого эта загадка - для старца. А не смутил. Улыбнулся самодовольно Ерназар и сказал:

- Этот вопрос задал вам, дедушка-бий, великий Маман, когда вы были юны, как я.

- И что ж я ответил великому Маману?

- Вы ответили, дедушка-бий, что в этом мире в долгу перед родителями все дети. Став сами родителями, они дают в долг своим детям. Заботясь же о стариках, оплачивают собственный долг.

Так ответил я, - кивнул Айдос. - А что бы ты сказал великому Маману?

- Я повторил бы ваши слова и добавил свои: «В этом мире все люди в долгу друг у друга. И когда они начнут платить свои долги, мир станет добрым и справедливым».

Из глаз Айдоса полились слезы умиления. .

- Вы слышите, братья? Юный Ерназар открыл истину мира. Великий Маман гордился бы таким правнуком.

Польщенный похвалой, зарделся Ерназар. Уверенно чувствовал он себя на этом состязании. Понимал, что нет ему ровни, и не только среди сверстников, но и среди пожилых, умудренных жизненным опытом степняков. Уверенность сродни смелости, а смелость рождает крылья. Крылья для полета расправил юный Ерназар, вот-вот взлетит над степью.

Новый вопрос старшего бия встретил Ерназар, как встречает легкокрылый ястреб неповоротливого перепела.

- Какое главное оружие правителя?- спросил Айдос.

Мог бы не задумываясь ответить Ерназар. Знал он, какое оружие главное у ханов. Но просто схватить перепела достойно ли ястреба. Прежде надо подняться в небо, неторопливо взмахивая крыльями, а оттуда уже, нацелясь, броситься вниз.

Пока взлетал Ерназар, юноши, сидевшие перед Айдосом, стали выкрикивать ответы:

- Главное оружие хана - пушка, стреляющая на тысячу шагов.

- Пороховое ружье.

- Мечи и копыя нукеров.

Топор, которым отсекаются головы непокорным. Взлетел ввысь Ерназар, и в наступившей тишине прозвучал его спокойный голос:

- Главное оружие правителя - обман!

Не знали степняки, правильно ли ответил Ерназар, но что умно ответил, понял каждый. А когда поняли, то восхитились сообразительностью юноши. Не видела еще степь такого джигита. Силой и умом всех превзошел.

- Прав Ерназар, - утвердил Айдос сказанное юношей. Сам-то он одним словом не обозначал главное оружие правителей. Много слов было у старшего бия, и страшные были слова эти: и несправедливость, и вероломство, и ложь... Одним объединил их Ерназар. Сильным и точным, как стрела. - Да, самое главное оружие правителей - обман! И это оружие каждый из нас на себе испытал. Ханство было обещано нам, а подарили зиндан. Не в темнице ли томятся сейчас дети степи?

- В темнице! - загудели степняки.

Ответ-то Ерназара, оказывается, не простым был. Тронул он сердца степняков. А в сердце у них гнев против несправедливости ханской.

Установил налог в две тысячи тилля, а требует двадцать! - крикнул кто-то.

Стоило только начать собирать грехи хана, как тотчас нанизалась целая цепочка. Люди Маман-бия вспомнили про войну, про бесчинства нукеров хивинского правителя. Пепел аула жанадарьинского вспомнили, черный пепел, мертвый пепел.

Разрушил запруду Айдос, хлынул поток гнева и недовольства людского, а когда увидел, что велик этот поток, грозен, заробел, восстановить попытался запруду.

Поднял руку: успокойтесь, дескать, степняки, состязание еще не закончилось. Еще будут заданы вопросы джигитам, и ответы их порадуют вас. Стихи еще будут читать юные поэты. Вон рвется в круг

вдохновенный Жиемурад, муллабача, принявший имя Кунходжи. Слово его зажжет ваши сердца святым огнем любви к родине нашей, к народу нашему многострадальному.

Не вняли просьбе бия степняки. Не восстановилась разрушенная Айдосом запруда. Поток бушевал.

«Что же это я поторопил конец свой? Не успел сказать главное, проститься не успел с юной степью...»

- Родные мои! - крикнул старший бий, - Ответьте на мой последний вопрос. Какая жизнь и какая смерть служит примером народу?

Прежде громким был голос бия. Рев бури заглушить мог. Теперь ослаб, не услышишь его. Потому лишь ближние поняли Айдоса. Понял Кунходжа и, вскочив, стал говорить о жизни человеческой:

- Как весна должна быть жизнь. И как весна родить должна другую жизнь, творить новое, великое, прекрасное. - Он пел - не говорил, этот юный поэт. - Приносить людям счастье, радость, как весна, должна жизнь...

Затаив дыхание, слушал Кунходжу старший бий. Каждое слово применял к себе. Спрашивал: может ли жизнь человека быть похожей на весну? Весна чиста. Человек же, как зимнее небо, то в черных тучах, то в голубизне. То добр, то зол. То нежен, то жесток. Жизнь другому, верно, подарил он. Оставляет после себя двух сыновей Айдос. Принес ли счастье и радость людям? Хотел принести, бог тому свидетель. О народе своем думал всегда. Не сумел, однако, осуществить желаемое, не создал ханство каракалпакское.

- А смерть? Смерть какая служит примером? - спросил Айдос у поэта. Смерть старшего бия еще впереди. Волен избрать он конец свой.

- Подобная осени, - ответил Кунходжа. - Посаженное человеком дает плоды осенью, и если он сам соберет урожай дел своих, то расстанется с миром поздней осенью. Не успеет собрать, покинет мир ранней осенью. Печальное это расставание, но мудрое. Людям останется все. И дело, и плоды, и память об ушедшем. Кто ушел рано, тот останется среди людей.

«О смерти Кунходжа сказал правильно, - решил Айдос. - Дело ушедшего рано продолжат люди. Торопиться поэтому надо. Я собрал юных, чтобы проститься с ними, сказать напутственное слово тем, кто остается после меня».

Он посмотрел на степняков. Все еще возбужденные, они переговаривались друг с другом, не обращая внимания ни на старшего бия, ни на поэта Кунходжу. Пора!

- Братья!

Его не услышали. Или голос бия стал совсем тихим, или не ко времени прозвучал он. Наверное, не ко времени. Стук копыт, тревожный, напористый, привлек внимание степняков. Со стороны Аму мчался всадник. Мчался прямо к аулу старшего бия, торопился вроде бы на состязание молодых степняков.

Издали трудно было разобрать, кто скачет. Но что свой, каракалпак, догадались сразу. Чернела на голове всадника меховая шапка.

Тревога охватила степняков. Если нахлестывает неистово коня всадник, значит, беда гонит его к людям. Помощи ищет у них. С радостной вестью так не спешат, в радости не загоняют коня.

Недоброе предчувствие сжало сердце Айдоса. Судьба опять шлет ему испытание, продлевает небо тропу его жизни. А нет у него сил идти по ней, нет желания бороться.

Раздалось кольцо, пропустило верхового в середину, где стоял старший бий.

Верно, несчастье привело степняка в аул Айдоса. Он был бледен, губы его дрожали, в глазах стоял ужас. Степняк вез мертвеца. Окровавленное тело, как переметная сума, свисало по обе стороны седла.

- Ата-бий, мы убили главного сборщика налогов Музафара! - сказал всадник.

Айдос всмотрелся в обезображенное лицо мертвого. Не узнал: Музафар это или нет? Не поверил степняку и спросил:

- Вы убили его, спасая котлы свои или защищая честь семьи?

- Честь семьи, - ответил всадник, - Он глумился над очагами предков наших.

- Джигиты! - позвал молодых Айдос. - Прибейте тело Музафара к южным воротам. Пусть все знают, как наказывает народ своих притеснителей.

Десятки рук стянули труп с лошади и понесли к воротам Аи доски.

- Брат мой! - вмешался Маман. - Вывешивая тело слуги хана на воротах, ты объявляешь войну самому хану.

Взыграла спесь в бие. Почувствовал он себя прежним Айдосом. Ответил задиристо:

- Если ты понял это, Маман, значит, поймет и правитель Хорезма. - Крикнул вслед джигитам:-Прибейте тело повыше, чтобы и в Хиве было видно!

Всадник, привезший труп Музафара, спросил робко: Кому теперь платить налог-то?

- Никому, - ответил Айдос. - Твой аул и все аулы степи освобождаются от уплаты ханского налога.

Маман опять вмешался:

- Не дадите хану двадцать тысяч тилля, он возьмет двадцать тысяч жизней. Понимаешь ли ты это, Айдос?

Охладить должны были Айдоса слова Мамана. А не охладили. С решимостью прежней он сказал:

- Сколько бы ни взял хан наших жизней, не склоним перед ним головы!

Юные степняки, принимавшие участие в состязании, растерянно глядели на Айдоса. Перемена в старшем бии и пугала, и радовала их.

- Дедушка-бий! - подошел к Айдосу юный Эрн- зар. - Это - война?

Произнесено было уже страшное слово Маманом. В запальчивости, правда, произнесено. Можно ли повторить его, осознав все, что произошло и что должно произойти. Подумал Айдос, спросил себя и ответил Ер-назару:

- Война, сынок!

Надо было еще спросить степняков. Возбужденные, с горящими гневом глазами, стояли они перед старшим бием.

Убив Музафара, убьем ли остальных притеснителей?- сказал Айдос, обращаясь к толпе.

- Убьем! - как эхо повторила толпа.

Маман, своенравный, несговорчивый Маман, протянул к Айдосу руки:

- Брат мой! Ты всегда водил войско хана против народа своего, поведешь ли теперь народ свой против войска хана?

Кольнул больно старшего бия Маман. Прошрое-то не простым было. Не предавал свой народ Айдос. Объединить хотел под властью хана. Но не время объяснять все это, не время каяться. Потому, уняв боль сердца, сказал Маману и всем степнякам Айдос:

- Если пойдут за мной!

- Пойдут, - заверил Маман.

Не помнили люди прошлого. А если и помнили, то только хорошее, мало ли, много ли его было. Не хотел зла степи Айдос, добра хотел - это знали люди. И закричали дружно:

- Веди нас на хана, Айдос-бий! Повел Айдос степняков.

Тогда-то, в одно из новолуний, ненависть к правителю Хорезма поставила его впереди ополченцев. Принял он на себя тогда роль вожака, и принял с радостью, потому что желание действия было великим. Схватиться скорее с нукерами хана - вот чего хотел старший бий, испепелить врагов, отсечь голову самому правителю. Растоптать осиное гнездо!

Теперь, когда степняки шли к берегу Амударьи, шли безоружные - палки да ножи, разве это оружие! - Айдос понял, что идут они не побеждать, а умирать.

По слухам, ханское войско уже приближалось к реке. Сотни лодок и плотов были подогнаны к берегу, чтобы принять конников и переправить на другую сторону. Здесь соединившись, нукеры цепью двинутся на безоружных степняков и перебьют их мечами, как молодой камыш. И следа не останется от войска Айдоса. Потом конница растечется по аулам, кровью обольет землю, и будет этой крови столько, что лошадям придется идти по ней вброд, как по реке.

Боялся этой крови Айдос. Велел аульчанам сняться с зимовок и идти к берегу моря, перебраться на Желтый остров - Сары-атау - и там переждать трудное время. Первыми должны были отправиться к морю семьи восставших степняков.

Только после того как началась откочевка степняков, старший бий повел войско на юг. Он намеревался остановить хивинцев на правом берегу Аму, когда те сойдут с лодок и плотов и начнут двигаться вверх по крутому склону.

«Сцепимся с хивинцами, - думал Айдос. - Не дадим им выйти на каракалпакский берег. Умрем в борьбе, и пусть могилой нам будут волны Аму».

О смерти думал Айдос. Все время о смерти. И, ведя свое войско к реке, он торопил смерть. Скорее бы!

Но у самой реки мысль о смерти покинула старшего бия.

Передовой отряд поймал лазутчика и привел к Айдосу. Лазутчиком оказался помощник Кабула, забитый парень, с трудом слова складывающий. На все вопросы отвечал уклончиво: «Ничего не знаю».

Хозяин послал меня встречать гостей». Разговорился помощник, когда его оттянули несколько раз плетью. Оказалось, что гости хозяина не простые. Четыре сотни нукеров. Они должны переправиться через Аму у джангилевой рощи. Здесь их встретит помощник Кабула и проведет в аул бия. Сигналом к переправе будет костер, который помощник разожжет на правом берегу.

Никто не поверил помощнику. Яков, который командовал пешими степняками, сказал, что глаз у помощника недобрый, что не поймали его, а сам он поймался и, боясь плетей, придумал всю эту историю с ночной переправой.

Айдос поверил. Нужен ему был костер на правом берегу, заросли джангиля и узкая крутая тропа. В зарослях он мог укрыться со своими степняками и ловить по одному нукеров, отнимать у них оружие и коней. Здесь он мог победить хивинцев.

- Будешь вместе с нами ждать нукеров, - предупредил Айдос лазутчика. - Если не придут, умрешь страшной смертью.

Хотел Айдос отправить сыновей к морю: гибель всей семьи слишком большая жертва небу. Достаточно всевышнему смерти братьев старшего бия - Бегиса и Мыржыка. Пусть продлится род Султангельды в юных Рзе и Туре. Но, понадеявшись на победу у переправы, оставил сыновей при себе. Этим укрепил надежду на лучшее и у остальных аульчан.

Едва смерклось, степняки подошли к зарослям джангиля и укрылись в них. Человек двадцать Айдос спустил к воде. Там начиналась тропа, сдавленная с двух сторон густым камышом. Из камыша можно было забрасывать на всадников арканы и стаскивать с коней, если бы, почувствовав опасность, они решили вернуться к лодкам.

Ночь летом темная. Месяц рано покидает небо, остаются лишь звезды, а их свет ничтожен, как свет тлеющих углей в очаге. В двух шагах на земле ничего не видно.

Затаились степняки, ждут, когда запыхает костер и от другого берега Аму отойдут лодки с хивинцами.

Ночью каждая минута кажется часом. В темноте-то все движется медленно, давно пора бы вспыхнуть огню, а он не вспыхивает. Занемели ноги, глаза закрываются в дреме.

Наконец занимается пламя, малиновые отсветы ложатся на кроны джангиля.

Время, значит!

Проверил Айдос посты, напомнил степнякам, что надо делать, когда появятся хивинцы. Подошел к лазутчику, спросил:

- Не боишься смерти? - Боюсь, бий...

Похолодело сердце Айдоса. Понял, что предан и спасти степняков уже нельзя.

- Когда догорит костер, умрешь!

Костер догорел к рассвету. Хивинцы не появились на правом берегу.

Степняки бросили лазутчика на угли костра и затоптали ногами. Он кричал, умирая, и крик его был страшен.

- Здесь подождем хана или двинемся ему навстречу?- спросил степняков Айдос.

Хивинцы под покровом ночи наверняка уже переправились через Аму и шли вдоль берега к зарослям джангиля.

- Лучше двинуться навстречу, - решили степняки. - В открытой степи биться легче.

Не успели они, однако, выйти в степь. Бой начался у берега. Хивинцы охватили войско Айдоса полукольцом и стали прижимать к реке.

Кровь лилась обильно. Степняки не сдавались, не просили пощады, и хивинцы рубили их. Цепь за цепью падали под копыта разъяренных коней.

Айдос видел, как дрался с нукерами Яков, защищая сыновей бия Рзу и Туре, как все трое, обезглавленные, легли на землю, чтобы не встать больше. Слетела с плеч голова отважного Нурлыбека. Падали и падали степняки.

- Уходите к морю! - крикнул Айдос. - Не жалейте коней!

Слева была роща; она, как песок, поглотила степняков. Приняла она и Айдоса с Доспаном. Среди ветвей джангиля стали выбирать себе тропы беглецы. Кто сворачивал на север, кто на запад. Айдос повел Доспана на восток, в сторону Айдос-калы.

Отпустила их роща, и поскакали бий и стремянный по вольной степи.

Легкий был конь под Айдосом, нес седока как ветер. Не отставал от буланого и гнедой Доспана. От смерти уходили. Но уйдешь ли от нее? Догоняли бия и стремянного хивинские нукеры. Стая целая летела за беглецами.

Стал сдавать буланый. Измок, пеной изошел. Вот-вот уткнется мордой в землю. Остановил коня Айдос. Слез с седла. Сказал стремянному:

- Доспан, сынок! Степь велика, а тропа моя кончилась.

- Зачем так, дедушка-бий?- напугался стремянный. - Мы дойдем до аула и сменим коней.

- Коней, может, и сменим, да некуда ехать нам. Слезай сынок.

Оставил седло Доспан, подошел к бию:

- Нельзя нам терять время. Хивинцы близко.

- Если близко, то и спастись незачем. - Айдос вынул из ножен меч и протянул стремянному. - Помнишь уговор наш: быть вместе, когда на коне и когда под конем? Под конем я, сын мой. Мудро ли поступал, будучи в седле, люди рассудят, теперь я себе сам судья. Возьми меч, и пусть рука твоя не дрогнет!

- Дедушка-бий, - заплакал Доспан. - Не могу я... Не могу.

- Значит, хочешь, чтоб сделали это враги... Они уже близко. Не медли, сынок!

Айдос опустил на колени и откинул с плеч чапан, оголяя шею.

- Нет! - застонал Доспан.

- Велю!

Поднял меч Доспан, замахнулся и что было силы ударил по обнаженной шее бия.

Голова отсеклась и упала на траву.

Когда подъехали на взмыленных конях хивинцы, Доспан сидел на земле, держа в руках голову Айдоса.

- Э-э! - закричал сотник. - Этот степняк опередил нас. Тысяча тилля, обещанные ханом за голову каракалпакского бия, попадут ему.

- Такова судьба, - ответили нукеры. - Охотник гонится за зайцем, а лиса перехватывает его.

- Несправедливо это, - возмутился сотник. - Мы загнали коней, настигая проклятого бия, нам положена и награда. Эй! - окликнул Доспана сотник. - Ты кто?

Доспан посмотрел пустыми глазами на хивинца и ответил:

- Несчастный...

- Слышите, с тысячью тилля он несчастный! А мы, без единого золотого за пазухой, счастливые... Вставай, несчастный, неси свою голову!

Нукеры погнали впереди себя Доспана. Без охоты погнали: лишал их награды этот степняк.

Гнать степняка надо было далеко, к шатру минг-баши, что стоял у берега. Обо всем можно было поговорить в пути. Но они почему-то говорили только о несчастном.

- А кто видел, что он отрубил голову бию?- сказал сотник.

- Никто, - ответили нукеры.

Так, может, другой кто отрубил? Я или ты?

- Может...

Сотник перегнулся через седло и вырвал из рук стремянного голову Айдоса.

- Я отрубил!

Нукеры догадались, что надо оставить сотника рядом со степняком, и поскакали вперед.

Сотник посмотрел на Доспана, и показалось ему, что степняк протягивает руки, требуя обратно голову бия. Тысячу тилля захотел?- усмехнулся хивинец.

Он снял ружье, вскинул к плечу, почти не целясь, выстрелил.

Пошатнулся Доспан, сделал шаг и упал на землю. Молча упал.

Наверное, так и было, ни звука не издал стремянный. А сотнику почему-то почудилось, что, падая, он повторил свое странное слово:

- Несчастный...